

17647

В. П. ДАНЕВСКІЙ.

Ординарный проф. Императорскаго Харьковскаго университета, Членъ-Сотрудникъ
гентскаго института международнаго права.

~~19269~~

ПОСОБІЕ
КЪ ИЗУЧЕНІЮ ИСТОРИИ И СИСТЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА.

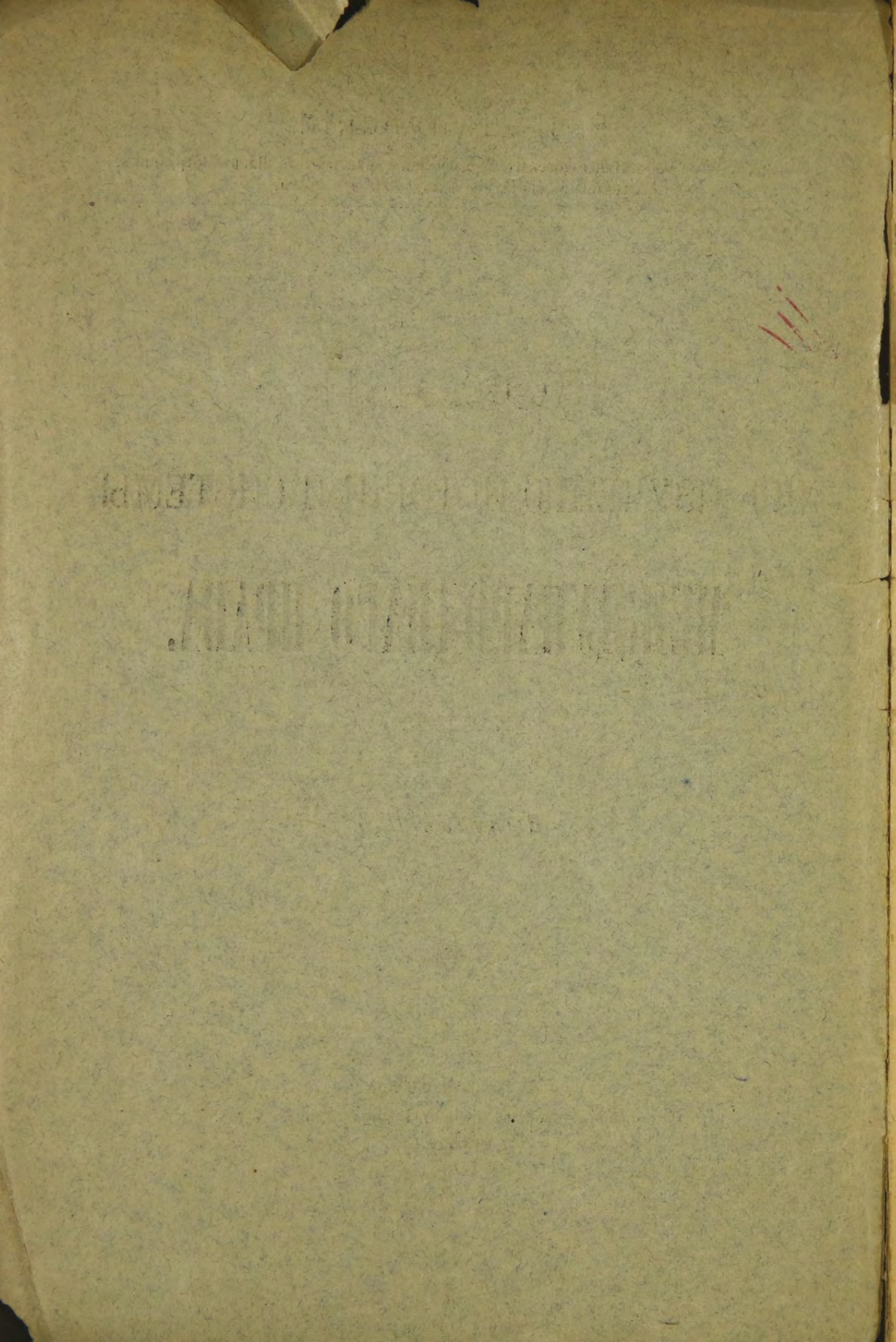
Выпускъ II-й.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Адольфа Дарре, Рыбная улица, № 28.

1892.

17647

В. Л. ДАНЕВСКІЙ.

Ординарный проф. Императорскаго Харьковскаго университета, Членъ-Сотрудникъ
гентскаго института международнаго права.

~~109/19~~
~~109/19~~

ПОСОБІЕ

КЪ ИЗУЧЕНІЮ ИСТОРИИ И СИСТЕМЫ

МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА.

Выпускъ II-й.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Адольфа Дарре, Рыбная улица, № 28-й.

1892.

39

Библиотека ИИФ СССР

К

В. П. ДАНЕВСКИИ

Издательство Харьковского университета. Харьков. 1891 г.

ПОСОБИЕ

КЪ ИЗУЧЕНІЮ ИСТОРИИ И СИСТЕМЫ

На основаніи 41 ст. п. 4 и ст. 138 Уст. Россійскихъ Университетовъ, изд. 1884 г.,
настоящее сочиненіе разрѣшается къ печатанію и выпуску въ свѣтъ. 1891 г.
Октября 3-го дня.

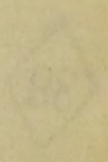
За Ректора Университета А. Лебедевъ.

71175

Выпускъ II-й.

ХАРЬКОВЪ

Типографія А. Савва. Харьковъ. 1891 г.

Оглавление II-го выпуска.

Книга I-я. Часть II. Особенная.

Отдѣль I-й.

Международная охрана правъ челоуѣка и подданнаго.

Стран.

Глава I. Международная защита личной и религіозной свободы челоуѣка.	1—10
§ I. I. Борьба культурныхъ государствъ противъ захвата въ рабство ихъ подданныхъ (стр. 2). II. Негроторговля (стр. 2).	
§ II. I. Защита религіозной свободы и вѣротерпимости (стр. 7). II. Конкордаты (стр. 8). III. Огражденіе религіозной свободы иновѣрцевъ въ дикихъ и полудикихъ странахъ (стр. 9).	
Глава II. Международная охрана правъ челоуѣка на эмиграцію и перемѣну подданства (натурализація)	10—15
Глава III. Международная охрана гражданскихъ правъ подданныхъ (гражданское международное право)	15—31
§ I. Гражданское международное право. I. Общія начала (стр. 16). II. Опредѣленіе гражданского международного права и теоріи его (стр. 17). III. Основныя начала частнаго международного права: равноправность, правоспособность и дѣеспособность иностранцевъ. Семейное, вещное и обязательственное права (стр. 20). IV. Право иска иностранцевъ (стр. 25). V. Судебныя порученія (стр. 26). VI. Исполненіе рѣшеній иностранныхъ судовъ (стр. 26).	
§ II. Международная защита умственной (духовной) собственности (литературной, художественной и музыкальной) (стр. 28).	

Отдѣль II-й.

Международная охрана правъ и интересовъ государствъ въ сферѣ международного общенія.

Глава IV. Международная охрана юридическаго порядка отъ преступныхъ дѣяній (уголовное международное право)	31—47
I. Общія положенія (стр. 32). II. Историческій очеркъ возникновенія уголовного международного права (стр. 33). III. Теоріи уголовного международного права (стр. 34). IV. Когда государство можетъ примѣнять свои карательные законы. Выдача преступниковъ. Политическія преступленія (стр. 36). V. Исполненіе уголовныхъ приговоровъ иностранныхъ судовъ (стр. 46).	
Глава V. Международная охрана артерій всемірнаго оборота. (Природные и искусственные пути международныхъ сообщеній)	47—57
A. Природныя артеріи международного оборота. I. Океаны (стр. 48). II. Проливы и каналы (стр. 50). III. Рѣки (стр. 52).	

- В. Искусственные пути международных сообщений. I. Почта (стр. 55). II. Телеграфы (стр. 56). III. Железные дороги (стр. 57).

Глава VI. Международная охрана экономических и санитарных интересов государств	58—67
§ I. Торговые трактаты (стр. 58).	
§ II. Таможенные союзы (стр. 62).	
§ III. Международная охрана промышленной собственности (стр. 63).	
§ IV. Международная единица для монеты, мѣры и вѣса и способы ее охраны (стр. 63).	
§ V. Международная охрана рабочего труда (стр. 65).	
§ VI. Международная санитарная охрана (стр. 66).	

Книга II-я. Часть I-я.

Международное процессуальное право.

Глава I. О способах, предупреждающих возникновение международного процесса	69—74
I. Классификация (стр. 69). II. а) дипломатические сношения и переговоры (стр. 71); б) способы предупреждения, въ которыхъ участвуютъ третьи (добрыя услуги, посредничество) (стр. 72).	
Глава II. О юридических (болѣ совершенныхъ) способахъ разрѣшенія международныхъ столкновений.	
Международный третейскій судъ	74—80
I. Исторія, трактаты, примѣры третейскаго суда и движеніе въ его пользу (стр. 75). II. Основныя положенія международного третейскаго суда (стр. 78).	
Глава III. Суммарное (сокращенное) фактическое производство	80—86
I. Реторсія (стр. 81). II. Репрессалии (стр. 82). III. Эмбарго (стр. 83). IV. Мирная блокада (стр. 84). V. Поединокъ (стр. 86).	
Глава IV. Сложное (обыкновенное) фактическое производство. Война	87—135
§ I. Историческій очеркъ развитія права войны, ее опредѣленіе, границы, цѣли и критическая оцѣнка аргументовъ защитниковъ войны (стр. 88).	
§ II. Основныя начала права войны (стр. 96).	
A. Опредѣленіе и общія положенія (стр. 96).	
B. Право войны по отношенію къ непріятельскимъ лицамъ. I. Право участія частныхъ лицъ и населенія въ войнѣ (стр. 98). II. Спеціальныя некомбатанты (стр. 101). III. Шпіоны (стр. 101). IV. Военно-плѣнные (стр. 102). V. Участъ раненыхъ и больныхъ воиновъ (стр. 105). VI. О законныхъ средствахъ веденія войны (стр. 108). VII. Репрессалии (стр. 112). VIII. О переговорахъ между воюющими и о договорахъ, заключаемыхъ между ними (картельныя конвенціи, перемиріе и капитуляціи) (стр. 114).	
C. Права оккупанта. I. Общія положенія (стр. 116). II. Права оккупанта относительно мирныхъ жителей (стр. 118). III. Государственная дѣятельность оккупанта (стр. 119). IV. Права оккупанта относительно имущества (стр. 121). О реквизиціяхъ и контрибуціяхъ въ особенности (стр. 123). V. Постылиминій и узурпація (стр. 125).	
D. О правѣ частной собственности въ морской войнѣ. I. Общія положенія и движеніе въ пользу отмѣны права конфискаціи	

частной неприятельской собственности въ морскихъ войнахъ (стр. 126). II. Доводы противъ призовъ на морѣ (стр. 127).
 Е. Окончаніе войны и мирные трактаты. I. Способы окончанія войны и мирные договоры (стр. 129). II. Право завоеванія и плебисцитъ (стр. 130).

Книга II-я. Часть II-я.

Нейтралитетъ.

- Глава I.** Опредѣленіе, основныя понятія, права и обязанности нейтральныхъ государствъ 138—143
 § I. Опредѣленіе и основныя понятія нейтралитета (стр. 138).
 § II. Права и обязанности нейтральныхъ державъ (стр. 140).
- Глава II.** Права и обязанности нейтральной торговли 143—162
 § I. Историческій очеркъ нейтралитета по отношенію къ морской торговлѣ. I. Характеръ исторіи и обзоръ четырехъ ея періодовъ (стр. 143). II. Юридическія основанія для неприкосновенности нейтральной собственности на неприятельскихъ корабляхъ (стр. 148).
 § II. Ограниченія нейтральной торговли.
 А. Военная контрабанда. I. Историческій очеркъ, трактаты и внутреннія законодательства (стр. 149). II. Военная контрабанда въ теоріи (стр. 151). III. Юридическое обоснованіе ея и послѣдствія подвоза контрабанды воюющимъ (стр. 153).
 В. Блокада. I. Опредѣленіе, исторія, трактаты и внутреннія о ней законодательства (стр. 154). II. Юридическія основанія законности блокады (стр. 156). III. Условія ея обязательности (стр. 158). IV. Послѣдствія законной блокады (стр. 160). V. Наказаніе за нарушеніе блокады (стр. 162).
- Глава III.** О способахъ контроля воюющихъ на морѣ надъ нейтральными. 163—166
 I. Право осмотра (стр. 163). II. Право обыска. Конвой (стр. 165).
- Глава IV.** Судебная защита правъ нейтральной торговли 166—171
 I. Производство предварительное (стр. 166). II. Репризь (стр. 167). III. Характеръ призоваго суда и его исторія (стр. 167). IV. Организация призовыхъ судовъ и основныя начала судопроизводства въ нихъ (стр. 168). V. Реформы призоваго судопроизводства и судопроизводства (стр. 170).
- Глава V.** О незаконныхъ средствахъ нанесенія вреда нейтральной торговлѣ (Каперы) 171—178
 I. Опредѣленіе каперства, его исторія, паденіе и отмѣна (стр. 171). II. Защита каперства въ литературѣ и критика доводовъ, приводимыхъ защитниками его (стр. 174). III. Добровольный флотъ (германскаго и русскаго типа) (стр. 177).

Книга I-я.

Часть II-я. Особенная.

ОТДѢЛЪ I-й.

Международная охрана правъ человѣка и подданнаго.

ГЛАВА I.

Международная защита личной и религіозной свободы человѣка.

Литература. Изъ русскихъ сочиненій: 1) О неготорговлѣ см. *Стояновъ*—„Очерки“ и *Ф. Мартенсъ*—Томъ I, общая часть; нѣкоторыя замѣчанія у *В. Даневскаго*—Берлинская Африканская конференція, Русская Мысль, 1890 г.; *его же*—„О борьбѣ съ рабовладѣніемъ и неготорговлею“, 1892 г. 2) О религіозной свободѣ и трактатахъ, ее охраняющихъ—*Ф. Мартенсъ*—тамъ-же, томъ II, глава II; *его же*—О консулахъ; *Юзефовичъ*—Договоры Россіи съ Востокомъ, 1869 г.

Изъ иностранныхъ—относительно 2 вопроса небольшія указанія во многихъ общихъ сочиненіяхъ; обстоятельно и подробно у Филлимора—*Commentaries*, томъ II, часть XVIII; специально о конкордатахъ—у *Bornagius*—*Ueber die rechtliche Natur der Concordate*, 1870 г., *Bluntschli*—*Staatswörterbuch*, томъ V; *его же*—*De la responsabilité et de l'irresponsabilité du pape*, 1876 г.; нѣкоторыя замѣчанія у *Laghi* и *Vinesien* въ ихъ сочиненіяхъ о междунаро. трактатахъ.

Относительно перваго вопроса—во всѣхъ общихъ учебникахъ и системахъ, особенно у Филлимора и у *Pradier Fodéré*, томъ V, 1891 г.; изъ специальныхъ монографій—*Martitz*—*Das internationale System zur Unterdrückung des afrikanischen Sklavenhandels in seinem heutigen Bestande*; (въ *Archiv für öffentliches Recht*, томъ I) и *Garcis*—*Das heutige Völkerrecht und der Menschenhandel*, 1879 г.; также статья *Nys*—въ *Revue de droit intern.* (за 1890 г.)—„*L'esclavage noire*“.

I. Одна изъ задачъ цивилизованнаго государства—охранять основныя права человѣка; въ числѣ послѣднихъ стоитъ на первомъ планѣ право на физическую и на духовную (нравственную) свободу. Эти права проявляются: первое—въ личной свободѣ человѣка, какъ таковаго (помимо подданства), а второе—въ свободѣ совѣсти и слѣдовательно въ свободѣ религіозныхъ вѣрованій. Въ настоящее время оба права вполне охранены внутренними законодательствами цивилизованныхъ народовъ. Иначе обстояло дѣло въ прежнія времена; даже въ настоящее время оба права далеко еще не признаются народами дикими и полудикими, какъ по отношенію къ иностранцамъ, такъ и относительно своихъ собственныхъ подданныхъ. Такъ какъ международный союзъ долженъ оказывать содѣйствіе государствамъ въ защитѣ ими основныхъ правъ человѣка, поскольку отдѣльныя государства не способны создать эту охрану своими единичными средствами и успѣ-

ліями, то международное право выработало въ отношеніяхъ между народами рядъ мѣръ для охраны этихъ правъ человѣка посредствомъ противодѣйствія учрежденіямъ и порядкамъ, нарушающимъ эти права.

§ I. I. Такъ, начало личной свободы нарушалось институтомъ рабства (рабовладѣнія) вообще и негроторговли въ частности. Появившись въ древнѣйшія времена, какъ выраженіе начала неравенства между людьми и права владычества сильныхъ надъ слабыми, находя опору во всемъ строе дравней и средневѣковой цивилизаціи и питаясь войною, превращавшею побѣжденныхъ въ рабовъ, рабство постепенно смягчалось въ Европѣ и окончательно исчезло въ чистыхъ его формахъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, но задержалось до Французской революціи въ смягченной формѣ крѣпостнаго права. Съ тѣхъ поръ личная свобода сдѣлалась основнымъ правомъ человѣка, охраняемымъ всѣми законодательствами цивилизованныхъ государствъ. Но такъ какъ послѣднимъ приходилось сталкиваться съ мусульманскими и иными народами, признающими рабство, обращающими европейцевъ въ рабовъ, то культурныя государства, давно отмѣнившія рабство своихъ подданныхъ, вынуждены были бороться противъ захвата и обращенія въ рабство ихъ подданныхъ мусульманами Азіи и Африки. Цѣлый рядъ трактатовъ, еще со временъ Франциска I заключенныхъ европейскими державами съ Турціею, съ деями Алжира, съ деями Туниса и друг. африканскими владѣтелями, пытается положить предѣлъ корсарству африканскихъ пиратовъ и продажѣ въ рабство европейцевъ варварійскими пиратами. Практическій умъ американцевъ полагалъ даже возможнымъ оградить своихъ подданныхъ и моряковъ платежемъ ежегодной дани алжирскому Дею, но лишь въ 1816 г. Англій удалось военными мѣрами вырвать у дея согласіе на отмѣну невольничества въ его владѣніяхъ и на освобожденіе всѣхъ бѣлыхъ рабовъ. Договоръ нарушался деємъ и только въ 1830 г. (присоединеніе Алжира къ Франціи) зло пресѣчено окончательно. Русское правительство упорно боролось съ торговцами бѣлыми невольниками и невольницами на Кавказѣ, въ Малой и Средней Азіи; но постыдная торговля могла исчезнуть только съ покореніемъ Кавказа и среднеазиатскихъ ханствъ. Въ договорахъ Россіи съ Хивою, Бухарою (1873 г.) и съ Ахалтекинцами эти варварскія племена обязались отмѣнить работорговлю, „противную законамъ человѣколюбія“ и освободить русскихъ и персидскихъ невольниковъ, имѣвшихся у нихъ.

II. Не менѣе упорна была борьба цивилизованныхъ народовъ съ негроторговлею. Къ сожалѣнію, нельзя даже сказать, чтобы она дала вполне усѣбные результаты. Негроторговля возникла благодаря европейцамъ и являлась долгое время позорнымъ пятномъ на исторіи европейской культуры. Двѣ причины содѣйствовали ея возникновенію и процвѣтанію: 1) такъ называемое „естественное право“ высшихъ расъ надъ низшими, обитавшими въ европейскихъ колоніяхъ Американскаго континента, право, возникшее при колониальной системѣ; 2) экономическія причины: колонизація, быстро распространяясь, требовала эксплуатаціи роскошныхъ земель Америки. Но такъ какъ туземцы коло-

ній были довольно малочисленны, быстро погибали или бѣжали отъ эксплуатаціи европейцевъ въ дальнія страны Американскаго континента, то въ рабочихъ рукахъ ощущался громаднѣй недостатокъ. И вотъ *Португальцамъ въ первой половинѣ XV вѣка пришла мысль воспользоваться даровымъ трудомъ негровъ-рабовъ*. А такъ какъ послѣднихъ нужно было получать въ значительномъ количествѣ, то само собою организовалась и неготорговля. Она давала большіе барыши, монополизаціею ея можно было держать въ зависимости колонистовъ и конкурентовъ въ колониальной системѣ; поэтому держава, получившая преобладающее значеніе въ Сѣверной Америкѣ, именно Англія—*взяла въ свои руки эту торговлю*. Цѣлымъ рядомъ договоровъ съ другими державами (первый—Утрехтская конвенція 1713 г., такъ назыв. pacto del assiento del negros, затѣмъ трактатъ Ахенскій 1748 и друг.)—Англія получила монополію на доставку извѣстнаго числа негровъ въ колоніи. Эта система продолжалась, встрѣчая лишь единичные протесты нѣкоторыхъ писателей и философовъ, до конца XVIII вѣка. *Вліяніе философіи XVIII вѣка и новыхъ воззрѣній на государство, признаніе начала личной свободы человека (основныхъ правъ индивидуума и гражданина) и идеи равенства между людьми, къ которымъ присоединилось еще въ Англіи вліяніе квакеровъ,—нанесли неготорговлю громаднѣй ударъ*. Къ этимъ факторамъ надлежитъ присоединить вліяніе новаго экономическаго воззрѣнія на рабскій трудъ, требовавшее замѣны его трудомъ свободнымъ, какъ болѣе продуктивнымъ, а также потерю Англіею (съ освобожденіемъ Соединенныхъ Штатовъ) той ея колоніи въ Америкѣ, эксплуатація которой всецѣло зиждилась на рабскомъ трудѣ, а слѣдовательно и на неготорговлѣ. И вотъ *Великобританія первая выступаетъ (въ лицѣ члена парламента Вильберфорса, государственныхъ людей Уильяма Питта и другихъ) энергичнымъ борцомъ противъ торга негровъ*. Уже въ 1808 г. парламентъ объявилъ торгъ неграми незаконнымъ на всемъ пространствѣ англійскихъ владѣній, а въ 1824 г. провозгласилъ неготорговлю пиратствомъ.

Энергія Великобританіи по уничтоженію неготорговли распространилась и на сферу международныхъ отношеній. Воспользовавшись вліяніемъ, которое она пріобрѣла въ Европѣ во время войнъ съ Франціей, Англія настаивала на Вѣнскомъ конгрессѣ на принятіи общеевропейскихъ мѣръ къ прекращенію неготорговли. Но *Вѣнскій конгрессъ ограничился принципиальнымъ осужденіемъ неготорговли какъ зла, которое „опустошало Африку, безчестило Европу и печалило человечество“; но ни Вѣнскій, ни послѣдующіе конгрессы—Ахенскій (1818) и Веронскій (1822—1823), на которыхъ Великобританія употребляла всѣ усилія для понужденія европейскихъ державъ къ отмѣнѣ рабства въ колоніяхъ и къ принятію энергичныхъ мѣръ къ пресѣченію неготорговли, не дали непосредственныхъ практическихъ результатовъ: ограничились благими пожеланіями и порицаніями неготорговлѣ, въ уничтоженіи которой Австрія, Пруссія и Россія, т. е. вліятельнѣйшія державы, не были непосредственно заинтересованы, такъ какъ не владѣли колоніями*. Чѣмъ же объяснить практическую неудачу Англіи?

Противодѣйствіемъ Франціи и особенно Испаніи и Португаліи сказавшимся съ большою силою на конгрессѣ Веронскомъ. Оно объясняется жизненными экономическими интересами ихъ колоній: отмѣна рабства чернокожихъ или даже одно быстрое прекращеніе привоза негровъ въ ихъ колоніи лишило бы послѣднія рабочихъ рукъ, т. е. привело бы къ сильному земледѣльческому кризису, тогда какъ Англія, отмѣнившая рабство и эту торговлю неграми еще въ 1808 году, потеряла значительную часть своихъ колоній въ Америкѣ, а тѣ, которыя сохранились еще у нея, успѣли уже перейти къ системѣ свободнаго труда и пережить кризисъ. Нѣкоторые писатели, напримѣръ Талейранъ и, особенно, Шатобрианъ, приписываютъ Англіи и другую тайную и при томъ опасную цѣль. Она всегда настаивала на представленіи ея крейсерамъ права останавливать въ открытыхъ моряхъ и у береговъ Африки всякіе корабли, подозрѣваемые въ неготорговлѣ, и подвергать ихъ осмотру и обыску, т. е. требовала себѣ права, которымъ обладаютъ только воюющіе. Въ этомъ требованіи Франція, Соединенные Штаты и другія государства усматривали, какъ нарушеніе начала свободы морей, такъ и поползновеніе Великобританіи къ господству на моряхъ и къ поработенію другихъ народовъ. Исторія Англійской морской и колониальной политики доказываетъ, что эти опасенія не лишены были основаній. Тѣмъ не менѣе, начало солидарности интересовъ между народами въ преслѣдованіи неготорговли, требовало отказа отъ щепетильности государствъ, поклонявшихся идеѣ абсолютнаго верховенства, и уступокъ въ пользу интересовъ всего международнаго союза. Въ концѣ концовъ, *въ виду принципиальнаго согласія между всеми цивилизованными государствами по вопросу о необходимости общими силами пресѣчь неготорговлю, одержала верхъ изъ двухъ системъ (одна, франко-американская, противилась осмотру судовъ; другая—англійская—узаконяла его) та, которая выработала мѣры наиболее дѣйствительныя.* Множество договоровъ (свыше 40) заключено Англіей на основахъ ея системы. Изъ нихъ *наиболее замѣчательны трактаты ея отъ 1841 г. съ Австріей, Пруссіей и Россіей (Франція подписала его, но отказала въ ратификаціи), возобновленный (съ замѣною Пруссіи всею Германіей) въ 1879 г. Эти трактаты допускаютъ остановку, осмотръ и обыскъ всехъ подозрительныхъ кораблей, но лишь у Африканскихъ береговъ (нѣкоторая уступка системѣ франко-американской), отправленіе задержанныхъ съ неграми кораблей въ портъ государства, флагъ котораго выкинутъ на арестованномъ кораблѣ, для суда и наказанія неготорговца по ея національнымъ законамъ.* Это послѣднее постановленіе наноситъ ударъ англійской системѣ, которая, основываясь на англійскомъ законѣ 1824 г., приравнивая неготорговлю къ пиратству (морскому разбою), выводила изъ этого и всѣ логическія послѣдствія, именно—право суда и наказанія неготорговцевъ, какъ пиратовъ, по законамъ страны, захватившей корабль съ неграми: пираты—„враги всего международнаго союза“ и нарушители международнаго права, поэтому съ ними можетъ бороться всякій членъ международнаго союза, т. е. неготорговцы, какъ и пираты, не

имѣютъ національности, а караются по законамъ международнаго права захватителями, чьи бы подданные ни были сами захваченные. *Соединенные Штаты (и Франція) всегда оспаривали эту систему Англии, приравнивающую неготорговлю къ пиратству (Кальво) и требовали себѣ права суда и наказанія надъ своими подданными, захваченными на неготорговль, хотя бы и чужеземными крейсерами.* Наконецъ, упомянутые трактаты не только приравниваютъ по наказанію эту торговлю съ морскимъ разбоемъ (ст. 1411 и 1630 русскаго улож. о наказ., изд. 1885 г.), но и подвергаютъ конфискаціи самый корабль и его грузъ съ выдачею изъ стоимости ихъ особаго вознагражденія захватителю.

Не смотря, однако, на отмѣну во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ невольничества, питавшаго рабовладѣніе, и на реальное противодѣйствіе неготорговль вышеупомянутыхъ договоровъ, послѣдняя продолжаетъ существовать въ Турціи, въ Африкѣ и въ нѣкоторыхъ частяхъ Азіи. На берлинской африканской конференціи уполномоченные четырнадцать державъ много разсуждали о болѣе дѣйствительныхъ способахъ борьбы съ нею; было указано на необходимость сосредоточить усилія на уничтоженіе самаго источника зла — рабовладѣнія, процвѣтающаго въ Африкѣ Западной, Восточной и Центральной. Постановлено, что въ бассейнахъ Конго и Нигера государства обязуются не только прекратить невольничество, но и преслѣдовать всякую транзитную торговлю рабами; съ 1885 г. усилія Германскаго, Англійскаго и другихъ правительствъ, колонизирующихъ Африку, направлены къ тому, чтобы трактатами и военными мѣрами пресечь эту торговлю и побудить туземныхъ владѣтелей (напр. короля Догонійскаго и султана Занзибарскаго) къ отказу отъ рабовладѣнія. Тѣмъ не менѣе, всѣ усилія знаменитаго англичанина Гордона (убитаго въ Хартумѣ при возстаніи Махдистовъ), Эмина Паши и Стэнли къ прекращенію рабовладѣнія и неготорговли, входившія прямо въ планъ ихъ дѣятельности въ Африкѣ, остались безъ видимыхъ серьезныхъ результатовъ. Причины тому лежатъ: во 1-хъ, въ воинственныхъ и вліятельныхъ арабахъ и другихъ мусульманскихъ народахъ Африки, охраняющихъ рабство какъ политическое и экономическое учрежденіе. Они враждуютъ съ европейцами и противодѣйствуютъ усиліямъ послѣднихъ къ уничтоженію неготорговли; во 2-хъ — въ малой распространенности реального владычества европейцевъ въ центрѣ Африки, не охраняемаго достаточными силами. Громадность пространства, непреодолимая препятствія къ завладѣнію ими (климатическія и иныя) и прочному подчиненію, требующія громадныхъ затратъ деньгами и людьми — парализуютъ усилія европейцевъ, почему трактаты ихъ съ туземными владѣтелями лишены достаточной гарантіи; въ 3-хъ наконецъ, явное соперничество и враждебность между европейцами, бросившимися въ колоніальныя приобрѣтенія и захваты; отсюда — разединеніе и ослабленіе ихъ энергіи на мѣсто объединенія ихъ усилій къ достиженію общей культурной цѣли. *Здѣсь же кроется причина недобросовѣстныхъ сдѣлокъ ихъ съ мѣстными племенами и иногда равнодушнаго отношенія ихъ къ рабству и неготорговль. Все это можетъ измѣниться лишь въ болѣе отдаленномъ будущемъ, когда европейцы*

„умиротворятся“ въ Африкѣ, прочно захватятъ тамъ власть и будутъ въ состояніи фактически держать въ повиновеніи центры рабовладѣнія и негроторговли. Пока до этого еще очень далеко. Сказанное объясняетъ, почему всѣ пожеланія и мѣропріятія Африканской конференціи не увѣнчались успѣхами; вскорѣ выяснилась потребность въ новомъ международномъ собраніи (брюссельская конференція 1889—1890 г.) съ цѣлью обсужденія дальнѣйшихъ общихъ мѣръ къ борьбѣ съ этими учрежденіями. Общій актъ брюссельской конференціи, принятый въ Іюнѣ 1890 г. державами, участвовавшими на конференціи берлинской, состоитъ изъ 100 статей. *Постановленія ея стали на практической путь реальныхъ мѣропріятіи способныхъ прекратить рабовладѣніе и негроторговлю.* Дѣятельность государствъ, направленная къ уничтоженію невольничества, вспомоществуется и частною дѣятельностью въ этомъ направленіи, охраняемою запрещеніемъ ввоза оружія безусловно во всѣ области Африки, въ которыхъ производится охота на невольниковъ, а также (на 12 лѣтъ) на всемъ протяженіи Африканскаго материка (между 20° сѣверной и 22° южной широты). Мѣры же, принимаемыя самими государствами, суть слѣдующія: 1) установленіе законныхъ порядковъ (и властей) въ тѣхъ колоніальныхъ областяхъ Африки, въ которыхъ производится охота на рабовъ, 2) учрежденіе укрѣпленныхъ станцій, 3) сооруженіе шоссейныхъ дорогъ и рельсовыхъ путей, 4) учрежденіе пароходства на рѣкахъ и озерахъ, 5) устройство телеграфныхъ линій; т. е. совокупность мѣръ, помогающихъ фактическому завладѣнію и правильному управленію колоніальными владѣніями Африки. Путь, очевидно, вѣрный, но медленный. *Для надзора же за берегами Африки установлено право осмотра кораблей, даже малаго размѣра (въ послѣднемъ случаѣ лишь на полосу отъ Белуджистана до Квиллмора).* *Организуется особое международное учрежденіе — международное бюро по надзору и пресѣченію торговли невольниками и по дѣламъ, касающимся освобожденныхъ рабовъ.* *Турція, Персія и Занзибаръ — обязуются уничтожить невольничество въ своихъ предѣлахъ.* Къ этому акту приложена особая декларация державъ, имѣющихъ владѣнія или права протектората въ бассейнѣ рѣки Конго. Въ измѣненіе соответствующихъ постановленій берлинской африканской конференціи, декларация разрешаетъ державамъ облагать товары, ввозимые въ бассейнъ Конго, ввозными пошлинами до 10% ихъ стоимости, за исключеніемъ спиртныхъ напитковъ, которыхъ ввозъ воспрещенъ совершенно въ областяхъ, гдѣ производится охота на невольниковъ и на 12 лѣтъ въ предѣлахъ указанныхъ нами выше. Къ сожалѣнію, Португалія и Франція отказались пока ратифицировать акты брюссельской конференціи, вслѣдствіе чего и другія державы отсрочили ратификацію.

Насколько сами европейцы руководятся иногда эгоистическими соображеніями, идущими въ разрѣзъ съ принципомъ личной свободы и мѣрами, принимаемыми для его охраненія, явствуетъ, напримѣръ, изъ того, что Англія и Франція противятся примѣненію Китайскаго закона 1866 г., направленаго къ охранѣ „кули“ (рабочіе, нанимаемые въ Китаѣ и отправляемые въ Америку и на острова Тихаго

Океана, на эксплуатацію, ничѣмъ не отличающуюся отъ рабства), именно къ предупрежденію и пресѣченію обмановъ при заключеніи съ ними контрактовъ (Ф. Мартенсъ).

§ II-й. I. *Защита религіозной свободы и въротерпимости.*

I. Въ средніе вѣка идея единства христіанскаго міра не допускала и мысли ни о равенствѣ между народами различныхъ исповѣданій, ни о свободѣ религіозной совѣсти, ни въротерпимости къ мусульманамъ, язычникамъ и еретикамъ христіанскихъ сектъ. Всѣ они исключались принципиально изъ общенія между народами, на нихъ не распространялись зачатки международного права. *Вестфальскій миръ впервые распространилъ охрану религіозной свободы и въротерпимость на протестантовъ и кальвинистовъ, но и то съ ораничительными условіями „cujus regio—ejus religio“* (см. „Введеніе“, глава I, періодъ II-й). Постепенно, когда государство стало секуляризироваться, а интересы религіозные перестали имѣть рѣшающее значеніе въ сферѣ международныхъ отношеній, когда начало терпимости окончательно побѣдило нетерпимость и религіозные предразсудки среднихъ вѣковъ, международныя отношенія, отражая на себѣ эту терпимость, принимаютъ положеніе—одинаковаго распространенія международного права на всѣ народы безъ различія вѣроисповѣданія, терпимость къ иновѣрцамъ и охрану единовѣрцевъ отъ притѣсненія въ другихъ государствахъ. Напримѣръ, трактаты 1721 и 1809 гг. обезпечиваютъ за населеніемъ Остзейскаго края и Великаго Княжества Финляндскаго религіозныя ихъ права; въ договорѣ Россіи съ Польшею (1686 г.) послѣдняя обязалась блюсти православныхъ „по давнимъ правамъ во всякихъ свободахъ“ (Ф. Мартенсъ). Съ мусульманскими и другими нецивилизованными державами и племенами европейскія государства входятъ въ подобныя же договорныя соглашенія. Но только *Парижскій конгрессъ* (1856 г.) *формально допустилъ Турцію* (мусульманскую сторону) *въ составъ „европейскаго концерта“*, обязавъ ее *въротерпимостью по отношенію къ ея христіанскимъ подданнымъ. А Берлинскій конгрессъ 1878 г. впервые провозгласилъ отъ имени международного союза обязанность цивилизованныхъ государствъ признать не только полную религіозную терпимость и свободу совѣсти, но и гражданскую и политическую равноправность подданныхъ разныхъ религій, христіанскихъ и не христіанскихъ.* То есть, берлинскій конгрессъ сдѣлалъ для общей въротерпимости и защиты свободы совѣсти то, что Вестфальскій конгрессъ сдѣлалъ только для трехъ христіанскихъ церквей (католической, протестантской и кальвинистской). Эти статьи берлинскаго трактата, касающіяся Румыніи (ст. 5), Сербіи и Черногоріи, побудили даже Румынію, противившуюся навязаннымъ ей конгрессомъ постановленіямъ, издать законъ, уравнивающій права гонимыхъ въ ней евреевъ (и вообще всѣхъ иностранцевъ, безъ различія вѣроисповѣданій) съ правами кореннаго румынскаго населенія. Выполненіе этихъ законодательныхъ реформъ въ Румыніи, Сербіи и Черногоріи было *conditio sine qua non* признанія Европой независимости этихъ государствъ.

Такимъ образомъ, въ настоящее время установились въ сношеніяхъ между народами высшей культуры начала полного равенства между государствами различныхъ исповѣданій, безъ всякаго различія христіанъ и нехристіанъ, полной свободы совѣсти и религіозной терпимости внутри цивилизованныхъ государствъ, охраняемая и внутренними законодательствами. Въ виду сказаннаго, нѣтъ въ настоящее время никакой надобности въ международной защитѣ этихъ основныхъ правъ человѣка.

II. *Представляются совершеннымъ анокронизмомъ такъ называемые конкордаты, заключаемые римскимъ первосвященникомъ, въ качествѣ верховнаго главы католической церкви, съ разными государствами для охраненія правъ католиковъ и католической церкви въ данномъ государствѣ.* Конкордаты имѣли свой *raison d'être* въ тѣ времена, когда церковь и ея интересы не только сливались съ государствомъ, но и пытались получить въ немъ господствующее значеніе, когда церковь католическая была стороною нападающею, а государство — обороняющею. Они были совершенными трактатами въ то время, когда папа, какъ первосвященникъ, совпадалъ съ папою, какъ государемъ; они были трактатами съ религіознымъ содержаніемъ, охранявшими права католической церкви и ея первосвященника. Конкордаты сохраняли свой смыслъ и въ то время, когда государства, сбрасывая съ себя иго католицизма, стремившагося къ свѣтскому господству и ко вмѣшательству во внутреннія дѣла государствъ, должны были на почвѣ договора урегулировать свои отношенія къ римскому первосвященнику и государю. Вотъ почему, возникнувъ еще въ XII вѣкѣ, они получили это послѣднее значеніе въ XIX вѣкѣ. Извѣстнѣйшіе конкордаты — 1801 года съ Франціей, 1817 года съ Баваріей, 1855 года съ Австріей; съ Россією единственный конкордатъ заключенъ въ 1847 г.; онъ отмѣненъ въ 1866 году.

Въ настоящее время папы перестали быть свѣтскими государями, у нихъ нѣтъ верховной государственной власти, слѣдовательно, и права заключать трактаты; *raison d'être* конкордатовъ исчезъ съ тѣхъ поръ, какъ всѣ государства признали въ принципѣ и охраняютъ полную свободу совѣсти, религіозную терпимость и начало равенства между религіями (особенно христіанскими) при посредствѣ своихъ органическихъ законовъ, когда нѣтъ и не можетъ быть и рѣчи о религіозныхъ гоненіяхъ или неравноправности церквей и подданныхъ различныхъ религій.

Сказаннымъ объясняется, почему нѣкоторые писатели (напр. Блунчли) признаютъ за конкордатами лишь значеніе закона, издаваемого правительствомъ на пользу его подданныхъ, а не трактата. Но другіе (напр. Геффтеръ) рассматриваютъ ихъ какъ международное соглашеніе. Первое мнѣніе неправильно потому, что законъ выражаетъ волю верховной власти въ государствѣ, а конкордатъ — результатъ во всякомъ случаѣ соглашенія мѣстнаго правительства и иноземной власти; второе неточно потому, что папа не есть въ настоящее время субъектъ международного права (у него нѣтъ государства). Всего ближе къ истинѣ

взглядъ Ламп, признающій конкордатъ своеобразнымъ трактатомъ, обязательнымъ для обѣихъ сторонъ. Дѣйствительно: онъ — исключеніе изъ правила, допускающаго заключеніе трактатовъ лишь субъектами международнаго права; это исключеніе объясняется историческимъ прошлымъ папства и ролью католической церкви въ исторіи; это прошлое выражается въ конкордатѣ, какъ въ особаго рода трактатѣ между государствомъ и хранителями интересовъ римской церкви (папами). Но роль ихъ уже сыграна. Вышеуказанныя нами причины, въ связи со все болѣе распространяющимся взглядомъ на религію, какъ на дѣло внутренней совѣсти каждаго человѣка, до котораго не должно касаться государство, приводя постепенно къ полному отдѣленію церкви и религіи отъ государства, ведутъ къ неизбѣжному прекращенію конкордатовъ; они вскорѣ окажутся излишними, такъ какъ національныя церкви отдѣлятся отъ контроля и властвованія римскаго первосвященника, который обратится современемъ въ обыкновеннаго епископа Рима.

III. Различіе культуръ народовъ христіанскихъ и мусульманско-языческихъ, нетерпимость послѣднихъ къ христіанству и враждебность къ чужеземцамъ издавна вызвали необходимость международнаго соглашенія о защитѣ религіозной свободы и терпимости у этихъ народовъ, при томъ не только къ христіанамъ-иностранцамъ, но и къ собственнымъ своимъ подданнымъ иновѣрцамъ (христіанамъ). На огражденіи этихъ правъ на религіозную свободу и вѣротерпимость построены всѣ трактаты цивилизованныхъ народовъ съ этими варварами и полуварварами. *Всѣ договоры, перечисленные при изложеніи ученія о капитуляціяхъ и консульской юрисдикціи на Востокъ, охраняютъ религіозную свободу европейскихъ подданныхъ, начиная еще съ трактата 1535 года Франціи и Турціи и договора 1604 года (тѣхъ же державъ). Послѣдній постановляетъ, что богомольцы Франціи и народовъ, состоящихъ подъ покровительствомъ этой державы въ Іерусалимѣ, а равно духовенство при Гробѣ Господнемъ получаютъ особую охрану отъ турецкихъ властей. Въ такомъ же смыслѣ заключены и договоры съ Персіей и Китаемъ. При этомъ трактаты (особенно русскіе, заключенные съ Турціею, начиная съ 1774 г.) съ конца XVIII вѣка и всѣ договоры XIX вѣка идутъ уже дальше: не ограничиваясь воспроизведеніемъ древнѣйшихъ трактатовъ, охраняющихъ религіозную свободу подданныхъ европейскихъ державъ, они берутъ подъ свое покровительство эту свободу и по отношенію къ самимъ подданнымъ этихъ восточныхъ государствъ и выговариваютъ даже право пропаганды христіанства среди мѣстнаго населенія. Таковъ, на примѣръ, трактатъ Россіи и Китая (Тьянь-Дзинскій, 1858 г.), воспроизводящій буквально договоры Китая съ Англіей и Франціей; всѣ же трактаты Россіи съ Турціей съ 1774 г. ставили эту религіозную терпимость и свободу подъ исключительную охрану Россіи, замѣненную съ 1856 г. коллективною охраною Европы (трактаты Парижскій и Берлинскій). Но такъ какъ на ряду съ религіозною защитою и интересами пропаганды христіанства, большинство европейскихъ державъ преслѣдовало и другія цѣли (торговья и политическія), то нерѣдко религіозный интересъ являлся у нихъ (особенно у Франціи*

и Англіи) орудіемъ для притѣсненій и вмѣшательства во внутреннія дѣла независимыхъ восточныхъ государствъ. Послѣднія же раздражались этимъ: население ихъ еще болѣе поддерживалось во враждебномъ настроеніи противъ христіанъ и европейцевъ, приводившемъ иногда къ избіеніямъ тѣхъ и другихъ (напр. въ 1871 году въ Китаѣ въ городѣ Тянь-Дзинѣ; въ 1891 году).

ГЛАВА II.

Международная охрана правъ человѣка на эмиграцію и перемѣну подданства (натурализація).

Литература. Изъ русскихъ сочиненій: см. у Стоянова — „Очерки“, у Ф. Мартенса — томъ II, у Эйхельмана — Замѣтки изъ лекцій, § 2-й. Изъ иностранныхъ: во всѣхъ учебникахъ и системахъ; особенно же у Филлмора — томъ I, у Lawrence (комментаторъ Уптона) — томъ III, Calvo — томъ II, Fioré — Diritto internazionale, томъ I.

Изъ специальныхъ сочиненій: P. Fiore — Droit international privé, книга I, Foelix — Traité de droit international privé, томъ I, статьи Clunet и другихъ въ Journal du droit international privé, за 1874, 1876 и 1877 годы (судебныя рѣшенія и дипломатическіе споры); особенно же Cogordan — La nationalité au point de vue des rapports internationaux, 1879 года; Martitz — Das Recht der Staatsangehörigkeit im internationalen Verkehr, 1875 г. и Folleville — Traité théorique et pratique de la naturalisation, 1880 г. Westlake — de la naturalisation ou du changement de nationalité въ „Revue de droit international“ 1869 г.), и другія.

I. Начало личной свободы индивидуума необходимо предполагаетъ право на передвиженіе вообще и право на выселеніе (эмиграцію), т. е. на покинутіе родины или отечества. Но такъ какъ въ цивилизованномъ государствѣ каждый человѣкъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданинъ (подданный), то право эмиграціи необходимо связано съ правомъ выхода изъ подданства; но среди культурныхъ государствъ немыслимо, чтобы кто-либо оказался внѣ подданства, внѣ связи съ какой-либо государственной властью, поэтому выходъ изъ подданства неизбежно связанъ съ принятіемъ подданства другому государству (натурализація). Эти основныя начала охраняются государственными законодательствами современныхъ цивилизованныхъ народовъ и международнымъ общеніемъ. Послѣднее защищаетъ эти основныя права человѣка при посредствѣ не столько международныхъ договоровъ, сколько при помощи внутреннихъ законодательствъ, создавшихся относительно эмиграціи и натурализаціи подъ явнымъ давленіемъ требованій международного оборота и международного общенія. Въ этихъ законодательствахъ и лежитъ главный внѣшній источникъ международного права для изученія правилъ эмиграціи и натурализаціи. Теченія же экономической и государственной политики отдѣльныхъ державъ въ свою очередь отразились на этихъ внутреннихъ законодательствахъ, регулирующихъ эмиграцію и натурализацію. Такъ феодальная Европа въ принципѣ не допускала эмиграціи, индивидуумъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ (glebae

adscriptus), эмигрантъ былъ бѣглець, нарушившій свои подданническія отношенія къ феодалу и нанесшій ущербъ его казнѣ (Лорантъ); поэтому все имущество его подлежало конфискаціи. Но такъ какъ неустройства среднихъ вѣковъ толкали на эмиграцію, то остановить послѣднюю не было возможности даже угрозою наказаній; въ виду этого, феодалы (съ XII вѣка) начинаютъ ограничиваться взиманіемъ пошлинъ за право выселенія (gabella emigrationis). Усиленіе королевской власти въ Европѣ не было благопріятно эмиграціи подданныхъ: въ ней видѣли неуваженіе къ государю и государству, даже измѣну; съ другой стороны—казна лишалась дохода. Эпоха династической политики и политическаго равновѣсія, идя рука объ руку съ своеобразными воззрѣніями на факторы, образующіе богатство народа и государства, усматривала въ эмиграціи уменьшеніе населенія, въ количествѣ котораго видѣли всю экономическую, фискальную и политическую силу государства. Учрежденіе постоянныхъ армій и флотовъ, наконецъ, еще болѣе содѣйствовало враждебному отношенію къ эмиграціи. Эти воззрѣнія характерно выразились въ извѣстномъ законѣ Людовика XIV (1669 г., см. Лорантъ и Ф. Мартенсъ), грозившемъ эмигрантамъ не только конфискаціею имущества, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и смертною казнью. Лишь съ нѣкоторыми смягченіями относительно послѣдствій эмиграціи, эти запретительныя постановленія перешли и въ новыя законодательства (XIX вѣка); на примѣръ, *по французскому закону 1811 г. эмигрантъ лишается гражданскихъ правъ, подвергается изнанію при возвращеніи, а при рецидивѣ и тюремному заключенію. А обычное право и статуты Англій установили даже безапелляціонный принципъ — „разъ подданный — всегда подданный“.* Нація, имѣвшая сношенія со всѣмъ міромъ, расширяла самое понятіе подданства до чудовищныхъ размѣровъ: родившіеся даже отъ иностранцевъ на англійской территоріи (или кораблѣ) признавались англійскими подданными. До закона 1868 г. (по мнѣнію Кента и Лауренса) эти правила признавались и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Но въ то же время *всѣ почти государства, дорожа „душами“, т. е. увеличеніемъ населенія, употребляли всякія мѣры (и поощряли въ законодательствахъ) для привлеченія эмигрантовъ, изъ за чего между правительствами происходили пререканія и ссоры (на примѣръ, указы Екатерины о приглашеніи иностранныхъ колонистовъ на льготныхъ для нихъ условіяхъ къ переселенію въ Россію).*

Съ конца XIX вѣка взглядъ на эмиграцію радикально измѣняется подъ вліяніемъ идеи личной свободы и проникновенія въ государственное право новыхъ началъ политико-экономической науки, частью подъ давленіемъ новыхъ теченій въ колониальной политикѣ, наконецъ, и подъ дѣйствиемъ соображеній политической мудрости (въ интересахъ безопасности государства). Законы объ эмиграціи идутъ всюду рука объ руку съ законами о натурализаціи на основаніи кореннаго положенія: сперва нужно выйти изъ прежняго подданства (съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій), потомъ можно эмигрировать, но съ обязанностию приписаться вновь къ опредѣленному подданству (т. е. по-

лучить натурализацію), такъ какъ современный порядокъ отношеній между государствами не терпитъ лицъ, стоящихъ внѣ подданства.

II. Англійскій законъ о натурализаціи 1870 г. провозглашаетъ свободнымъ выходъ изъ англійскаго подданства посредствомъ заявленія предъ компетентною властью (судебною въ Англии, предъ посломъ или консуломъ Англии за границею). Для приобрѣтенія же англійскаго подданства этотъ законъ вводитъ такой (нормальный) способъ: 5-ти-лѣтнее пребываніе въ предѣлахъ Англии или состояніе на англійской службѣ за границею дають право просить о натурализаціи у статсъ-секретаря по внутреннимъ дѣламъ, который можетъ и отказать въ натурализаціи; послѣдняя не дѣйствительна безъ присяги.

По французскому праву для эмиграціи тоже требуется прекращеніе французскаго подданства полною натурализаціею за границей, которая можетъ быть признана незаконною, если совершена лицомъ недѣеспособнымъ или для уклоненія отъ воинской повинности во Франціи (*in fraudem legis*), вступленіемъ на иностранную государственную службу (но не въ военную), фактомъ покинутія Франціи съ *animus* невозвращенія (*sans esprit de retour*); наконецъ, бракомъ французки съ иностранцемъ (постановленіе — общее всѣмъ законодательствамъ). Для принятія же французскаго подданства (натурализаціи) требуется жительство на французской территоріи, при томъ не менѣе 3-хъ лѣтъ послѣ полученія отъ министра юстиціи разрѣшительнаго свидѣтельства на поселеніе (*l'admission à domicile*), послѣ чего иностранецъ обязанъ подать просьбу тому же министру. Натурализація дается послѣ сложной и продолжительной процедуры декретомъ президента республики: набраніе справокъ объ ищущемъ натурализаціи, предложеніе о томъ президенту республики и обязательное заключеніе государственнаго совѣта (*conseil d'état*). Натурализація до 21 года безусловно не допускается.

Менѣе стѣснительны условія Германскаго законодательства (1870 г.). Для покинутія подданства необходимы: или разрѣшеніе правительства (невыдаваемое въ случаѣ возможности по возрасту уклоненія отъ воинской повинности или состоянія въ военной службѣ — дѣйствительной или въ ополченіи — ландверѣ); или же непрерывное давностное (10 л.) пребываніе за границею безъ заявленія германскому консулу о желаніи сохранить подданство; наконецъ, можно потерять подданство актомъ правительственнаго распоряженія — при неявкѣ по вызову въ срокъ къ отбыванію воинской повинности или неоставленіи службы иностранному правительству вопреки предписанію правительства. Что же касается до натурализаціи, то прежде всего сдѣлаться германскимъ подданнымъ можно лишь подъ условіемъ принятія подданства одного изъ государствъ Германской имперіи. Требуются: дѣеспособность по законамъ отечества, изъ подданства котораго выходитъ желающій натурализоваться, добропорядочная жизнь, поселеніе (срокъ не указанъ) въ данномъ германскомъ государствѣ и — новое требованіе, имѣющее въ виду оградить Германію отъ наплыва бѣдняковъ — самостоятельныя средства къ существованію. Въ натурализаціи всегда можетъ быть от-

казано (безъ мотивовъ). Особенность германскаго законодательства въ томъ, что оно принципиально узаконяетъ опасный и крайне ненормальный порядокъ вещей, извѣстный подъ именемъ двойнаго подданства: иностранецъ, состоящій на германской службѣ (административной, учебной или церковно-общинной)—есть германскій подданный, но въ тоже время, пока онъ не натурализовался вышеуказанными способами, онъ сохраняетъ и первоначальное свое подданство иноземному государству. Не касаясь другихъ законодательствъ, можно упомянуть еще о Швейцарскомъ, на которомъ съ особенною силою отразились требованія международнаго общенія и вліяніе роли Швейцаріи въ международномъ союзѣ, какъ страны, въ которой издавна селятся политическіе эмигранты и преступники. Съ закона 1876 года натурализація стоитъ подъ строгимъ контролемъ союзнаго правительства, которое требуетъ отъ ищущаго натурализаціи доказательствъ, что онъ выполнилъ всѣ условія выхода изъ подданства, налагавшіяся на него закономъ его отечества (двойственное подданство безусловно возбраняется). Союзная власть всегда можетъ отказать въ натурализаціи, если находитъ, что послѣдняя можетъ причинить вредъ союзу. Натурализируемый обязанъ удовлетворить условіямъ натурализаціи, различнымъ въ разныхъ кантонахъ. Наконецъ, *одно лишь русское законодательство, весьма либеральное по вопросу о натурализаціи, стоитъ еще на старой и вполнѣ противной междунар. общенію точкѣ зрѣнія—* „разъ русский подданный—всегда русскій подданный“. Уголовное уложеніе (ст. 325) караетъ вѣчнымъ изгнаніемъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ и ссылкой въ случаѣ самовольнаго возвращенія въ Россію всякаго русскаго подданнаго, вступившаго въ иностранную службу или въ подданство иностранной державы (безъ разрѣшенія правительства). Т. е. *выходъ изъ подданства даже иностранною натурализаціею воспрещенъ безусловно угрозою уголовнаго наказанія. Проф. Ф. Мартенсъ видитъ въ ст. 3 уст. о воинской повинности (она допускаетъ увольненіе изъ подданства лицъ свыше 25 лѣтъ послѣ отбытія ими повинности) принципиальное разрѣшеніе выхода изъ подданства. Явное недоразумѣніе! Самъ проф. Ф. Мартенсъ, слѣдуя Градовскому, вѣрно указываетъ на то, что „порядокъ увольненія никакимъ закономъ не предусмотрѣнъ“: а если такъ, то его и нѣтъ. Существуетъ у насъ особый, чрезвычайный способъ—монаршее разрѣшеніе, даваемое въ отдѣльномъ случаѣ по самымъ разнообразнымъ мотивамъ; но оно—lex separata, не подлежащій, какъ и всякій сепаратный законъ, никакому обобщенію и никакой регламентаціи. Впрочемъ, за послѣднее время разрабатывается проектъ закона объ оставленіи русскаго подданства, который, если получитъ законодательную санкцію, положитъ предѣлъ нашему невозможному порядку вещей. И въ то же время еще въ 1864 г. вышелъ очень либеральный законъ о натурализаціи, т. е. принятіи русскаго подданства иностранцами. Для натурализаціи необходимо поселеніе не менѣе 5 лѣтъ съ разрѣшенія губернатора; послѣ этого срока министру внутреннихъ дѣлъ подается просьба (съ приложеніемъ свидѣтельства отъ губернатора о поселеніи и отъ полиціи объ образѣ жизни). Въ*

просьба может быть отказано (без мотивов), присяга безусловно необходима. Но никакого срока не требуется, равно как и других условий для иностранцев, состоящих на русской государственной службе, для русских женщин, вступивших в брак с иностранцами и овдовевших, или получивших развод (онъ во всякое время по простому заявлению возвращаются въ русское подданство). Никакого акта, удостоверяющаго законный выходъ изъ прежняго подданства, тоже не требуется (почему возможно и двойное подданство). Иногда (при взаимности по трактату) требуется лишь удостоверение объ отбытіи воинской повинности. Общій (5 лѣтъ) срокъ можетъ быть (по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ) сокращенъ для всѣхъ „полезныхъ“ Россіи или „оказавшихъ ей услуги“, а равно для дѣтей иностранцевъ, получившихъ образованіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ (1 годъ послѣ совершеннолѣтія, и одно только условіе — принесеніе присяги).

III. Различіе условій покинутія подданства и натурализаціи во внутреннихъ законодательствахъ, далеко не всегда примиримое съ допущеніемъ нѣкоторыми изъ нихъ двойнаго подданства, вызывали различныя недоразумѣнія между государствами. Случалось, напримѣръ, что выселившіеся изъ одной страны (напримѣръ нѣмцы изъ Россіи въ 1877—1878 г.) безъ полученія удостовереній о покинутіи подданства, не были принимаемы почему либо въ иностранное подданство или же сами, не добываясь натурализаціи, возвращались обратно (какъ это и было съ вышеупомянутыми нѣмецкими колонистами Россіи). Къ какому подданству причислить такихъ эмигрантовъ, экспатрировавшихся, но не натурализовавшихся? Какъ быть въ томъ случаѣ, если по закону одного государства эмигранты получили натурализацію, а по законамъ бывшаго ихъ отечества они продолжаютъ пребывать въ прежнемъ подданствѣ, что, напр., въ случаѣ войны между государствами, грозитъ имъ уголовнымъ наказаніемъ за измѣну по законамъ ихъ прежняго отечества, при захватѣ ихъ въ плѣнъ въ качествѣ военно-служащихъ ихъ новаго отечества! *Первый вопросъ такъ и не получилъ никакого международнаго разрѣшенія.* Въ вышесказанномъ случаѣ русское правительство категорически отказалось принять нѣмецкихъ колонистовъ обратно, какъ не русскихъ подданныхъ, и такимъ образомъ, не принявъ никакого иностраннаго подданства, колонисты оказались „внѣ гражданства“ (кое какъ дѣло уладилось компромиссомъ). *Пока выработано лишь то положеніе, что свобода эмиграціи не можетъ создать никакой обязанности для другаго государства къ принятію иммигрирующихъ, и тѣмъ меньше къ ихъ натурализаціи, такъ какъ противное не было бы согласно съ государственною безопасностью и съ экономическими интересами нѣкоторыхъ государствъ.* Напримѣръ, Соед. Штаты Сѣв. Америки, уступая настояніямъ рабочихъ, заработная плата которыхъ понизилась вслѣдствіе массовой конкуренціи китайцевъ, издали въ 1881 году законъ, запрещающій иммиграцію китайцевъ-рабочихъ на 10 лѣтъ. *Но внѣ этихъ исключительныхъ случаевъ (охраненія безопасности и экономическаго благосостоянія подданныхъ)*

эмиграція стоить подъ защитою междунар. договоровъ (напр. трактатъ Германіи и Швейцаріи 1876 г.), опредѣляющихъ и условія эмиграціи, т. е. права поселенія эмигрантовъ на чужой территоріи (напримѣръ, трактатъ Россіи и Италіи 1863 г., Франціи и Россіи 1874 г.).

Что же касается до втораго вопроса, то *международныя столкновения* привели къ заключенію трактатовъ между Соедин. Штатами и Англіей (конвенція 1870 года), Германіей (трактатъ 1868 года) и Австро-Венгріей (1869 года) и другими государствами. На основаніи перваго изъ нихъ подданные Англии, натурализованные въ Соедин. Штатахъ и подданные послѣднихъ, получившіе натурализацію въ Великобританіи, имѣютъ право (2-хъ-голичный срокъ) сдѣлать заявленіе о возвращеніи своемъ въ прежнее подданство или же о продолженіи вновь принятаго ими подданства въ Америкѣ или Англии. Отсутствие заявленія равносильно желанію сохранить подданство, полученное натурализаціею. Послѣдніе же два трактата признаютъ послѣдствія натурализаціи подъ условіемъ 5-ти-лѣтняго безвыѣзднаго пребыванія въ новомъ отечествѣ; одинъ фактъ возвращенія на родину и пребываніе въ ней въ теченіе 2 лѣтъ почитается возвращеніемъ въ прежнее подданство и отказомъ отъ новаго, полученнаго натурализаціею (см. подробности у Кальво).

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ: 1) что *международная охрана правъ* чловѣка на эмиграцію и натурализацію основывается и по настоящее время почти исключительно на внутреннихъ законодательствахъ, клонящихся къ единству общихъ началъ, но весьма еще разнообразныхъ даже въ существенныхъ подробностяхъ; 2) что *международныя соглашенія* по этимъ вопросамъ рѣдки и исключительны, касаясь болѣе вопроса объ эмиграціи; въ 3) что *интересы* международного общенія требуютъ междунар. трактата съ международно-законодательнымъ характеромъ, который долженъ покончить разъ на всегда съ (а) двойнымъ подданствомъ, (b) съ натурализаціею безъ предшествовавшаго законнаго выхода изъ прежняго подданства и (с) съ такъ назыв. состояніемъ „вне подданства“. Пока весьма необходимо, чтобы государства чаще заключали между собою отдѣльные трактаты для упорядоченія отношеній, вытекающихъ изъ вышеуказанныхъ условій.

ГЛАВА III.

Международная охрана гражданскихъ правъ подданныхъ (частное гражданское международное право).

Литература. — Она въ высшей степени богата количествомъ и содержаніемъ работъ (имѣются статьи и монографіи даже по отдѣльнымъ небольшимъ вопросамъ). Современная литература съ точностью указана у графа Камаровскаго — „Обзоръ современной литературы“ (Приложеніе, V, 6). Мы приведемъ лишь извѣстѣйшія и лучшія сочиненія, обвинающія собою всю систему частнаго международного права (не касаясь спеціальныхъ статей и монографій по отдѣльнымъ институтамъ и частнымъ вопросамъ).

Изъ русскихъ сочиненій: нѣкоторыя (краткія) указанія (основныя положенія) въ учебникахъ гражданскаго права; у *Стоянова* — „Очерки“ (впервые изложены на русскомъ языкѣ съ точки зрѣнія международнаго права главныя основанія частнаго международнаго права); *особенно же* у *Ф. Мартенса*—Соврем. межд. право (томъ II, глава IV)—лучшее и самое полное изложеніе на русскомъ языкѣ. При изложеніи настоящей главы мы пользовались главнымъ образомъ трудомъ проф. Мартенса. *Энгельманъ*—Объ исполненіи иностранныхъ судебныхъ рѣшеній въ Россіи, 1884 г. *Объ умственной* (духовной) *собственности* (*литературная собственность*)—у того же Мартенса, томъ II, раздѣлъ I (тоже самое полное изложеніе на русскомъ языкѣ); его же статья (Вѣстникъ Европы, Мартъ 1881 г.)—„Россія и литературное общество западно-европейскихъ народовъ“.

Изъ иностранныхъ—во всѣхъ общихъ учебникахъ и системахъ (кромѣ Блунчли; у Геффтера—нѣсколько словъ); *особенно подробно и обстоятельно:* у Филлимора (Commentaries, томъ IV); Calvo—Le droit international, томъ II (книга XII—XIII); у Lawrence (комментаторъ Уитона)—томъ III, и т. д.

Изъ специальныхъ трудовъ: по исторіи частнаго международнаго права: Laurent—Droit civil international (1880—81 г.)—8 томовъ (самое подробное; но только для специалистовъ); *изложеніе школъ* (теорій) *международ. частнаго права*—у R. von Mohl—Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, томъ I, глава VI.

Догматическія изложенія: *Bar*—Das internationale Privat und Strafrecht, 4 изданіе 1882 г.; *Asser*—Elements de droit international privé, переводъ Rivier, 1880; *Westlake*—A Treatise on Private international Law, 2 изд. 1880 г. (*переводъ на немецкій* покойнаго Гольцендорфа въ 1884 г.—Lehrbuch des internationalen Privatrechts); *Pasquale-Fiore*—(переводъ съ комментаріями Pradier-Fodéré, 1875 года съ итальянскаго)—Droit international privé; критика итальянской школы частнаго междун. права—у *Strisower*—Die italienische Schule des internationalen Privatrechts, 1881 г. (маленькая, но дѣльная брошюра); *Brocher*—Cours de droit international privé, 1882—85.

Для элементарнаго ознакомленія съ предметомъ рекомендуемъ въ особенности: *Despagnet*—Précis de droit international privé, 1886 г.; и *особенно*—*Bourdon-Viane et Magron*—Manuel de droit international privé (1883 г.), сжато и ясно изложено; но оба сочиненія стоятъ на точкѣ зрѣнія статутовъ; литературныя указанія—бѣдны, преобладаютъ законодательства и судебная практика, особенно французская; *Folleville*—Introduction à un cours de droit international privé—1881 г.—дѣльный очеркъ; наконецъ—*Weiss*—Traité élémentaire de droit international privé, 1884 г.

О литературной собственности—въ общихъ сочиненіяхъ, особенно у *Phillimore*—томъ IV, *Calvo*—Le droit international, томъ II, книга XVI; и т. д.

Изъ специальныхъ сочиненій (кромѣ статей разныхъ авторовъ въ Revue de droit international за 1884—85 годы): *Pouillet*—Traité théorique et pratique de la propriété littéraire et artistique, 1879 г. (лучшее и самое полное); *Renault*—De la propriété littéraire et artistique, au point de vue international, 1878 г.; *Darras*—Du droit des auteurs et des artistes dans les rapports internationaux, 1887 г.; *Orelli*—Der internationale Schutz des Urheber-Rechts, 1887 г.

§ I. I. Государство охраняетъ права, совокупность которыхъ составляетъ гражданское право. Но охрана этого права государствами въ предѣлахъ территоріи совершенно недостаточна. Подданные разныхъ государствъ взаимно соприкасаются на различныхъ территоріяхъ, входящихъ въ составъ международнаго союза. Иностранецъ, напр. французъ, можетъ вступить въ Россіи въ бракъ съ русскою или иностранкою; онъ можетъ получить наслѣдство въ Россіи или, скончавшись здѣсь, оставить русскому по духовному завѣщанію наслѣдство во Франціи; онъ же, наконецъ, можетъ вступить въ Россіи въ договорныя отношенія съ русскими подданными или съ иностранцами, обязаться, положимъ, договоромъ подряда-поставки, заключеннымъ въ Россіи, но исполненіе котораго должно состояться во Франціи или въ другой странѣ. За-

коны какой страны должны найти примѣненіе при рѣшеніи вопросовъ о законности брака француза въ Россіи, о правахъ наслѣдованія его въ Россіи или во Франціи, о законности формы и содержанія договора его о подрядѣ - поставкѣ? Должно ли, въ случаѣ судебного спора, руководствоваться законодательствомъ Россіи или Франціи, такъ какъ здѣсь, повидимому, сталкиваются законодательства и авторитетныя судебныя власти разныхъ государствъ? Это кажущееся столкновение законовъ породило даже цѣлую систему воззрѣній на отношенія, возникающія изъ этихъ споровъ, получившую названіе ученія о столкновеніи (коллизіи) гражданскихъ законовъ разныхъ державъ.

Вышеуказанные вопросы могли возникнуть и получить то или иное разрѣшеніе лишь съ возникновеніемъ частыхъ и правильныхъ сношеній между подданными разныхъ государствъ, развившихся подъ вліяніемъ распространенія международныхъ оборотовъ, принятыхъ подъ защиту государствъ. Сознаніе необходимости упорядочить эти отношенія и правильно разрѣшить эти споры укрѣпилось подъ вліяніемъ *начала междунагоднаго правоваго общенія*, когда послѣднее успѣло уже пустить корни; тогда убѣдились въ необходимости, отрѣшившись отъ теоріи абсолютнаго суверенитета государствъ, приводившаго къ коллизіи законовъ, рѣшать эти споры на основаніи руководящихъ принциповъ междун. права, т. е. въ интересахъ всего междунар. союза, а не узко національныхъ принциповъ отдѣльныхъ гражданскихъ кодексовъ.

II. Подъ международнымъ частнымъ правомъ надлежитъ разумѣть *систему юридическихъ нормъ, состоящихъ подъ охраною междунагоднаго права, примѣняемыхъ къ гражданско-правовымъ отношеніямъ между подданными, возникающимъ въ сферѣ международныхъ оборотовъ*. Оно появилось въ концѣ среднихъ вѣковъ, подъ вліяніемъ распространенія междунагоднаго оборота, когда сложилась первая теорія гражданского междунар. права, проникшая въ законодательства и ограничившая строгое дѣйствіе территориальнаго принципа. Это—извѣстная *теорія статутовъ*, развившаяся постепенно въ стройную систему, основанія которой лежатъ въ общемъ ученіи римскаго права о трехъ элементахъ всякаго правоваго отношенія, которые суть—субъектъ (лицо), объектъ (предметъ) правоотношенія и актъ (юридическое дѣйствіе), опредѣляющій существованіе отношенія между субъектомъ и объектомъ. Поэтому, находили справедливымъ примѣнять къ правамъ субъекта (лица) законъ мѣста постояннаго его пребыванія (*lex domicilii*); онъ примѣнялся и къ движимымъ объектамъ (вещамъ), какъ тяготеющимъ по преимуществу къ личности (*mobilia personam sequuntur*); къ объектамъ (недвижимости) оказывалось проще и справедливѣе прилагать законъ мѣста ихъ нахождения (*lex rei sitae*); къ актамъ же—законы мѣста ихъ совершенія (*locus regit actus*) во всемъ, что касается ихъ формы (формальныхъ, внѣшнихъ условій ихъ совершенія), относительно же содержанія актовъ (и обязательствъ)—*„lex domicilii“* контрагентовъ или *„lex rei sitae“*, если дѣло шло о недвижимомъ объектѣ. Система, опредѣляющая личныя права, получила названіе *statuta* (законы) *personalia*; для права вещнаго—*statuta realia*, а для актовъ и обязательствъ—*statuta*

mixta (смѣшанные статуты). Эта статутная система давала возможность примѣнять и иностранные законы. Она вошла въ Code civil, гдѣ держится твердо и до сихъ поръ, въ „Allgemeines Preussisches Landrecht“; ей поклонялись всѣ писатели XVII и XVIII вѣковъ; и теперь еще нѣкоторые изъ нихъ строятъ на ней свое ученіе о частн. междунар. правѣ. Нѣкоторыя ея положенія (напр. locus regit actum) и по настоящее время общепризнаны въ литературѣ и въ судебной практикѣ. Но въ общемъ она грѣшитъ: (а) неопредѣленностью, такъ какъ нельзя установить строгаго различія между статутами; наприм., личный статутъ часто рѣшаетъ вопросъ о наслѣдованіи въ недвижимомъ имуществѣ и о дѣеспособности на заключеніе договоровъ; (б) стѣсняетъ явно выраженную и законную волю лицъ, вступающихъ въ юридическія отношенія (особенно въ обязательственномъ правѣ; см. Кальво, П. Фиоре); (с) вѣрно замѣчаютъ (напр. Паскаль-Фиоре), что личные статуты, всюду слѣдующіе за индивидуумомъ, могутъ прийти въ столкновение съ началами юсудар. порядка, установленными закономъ въ мѣстѣ жительства (domicilium) лица; а законы даннаго мѣста должны примѣняться къ вещамъ, находящимся въ немъ, такъ какъ вещное право затрогиваетъ экономическую организацію государства. Но въ такомъ случаѣ остается открытымъ вопросъ о примѣненіи мѣстныхъ законовъ къ отношеніямъ между вещью и ея собственникомъ. Въ виду приведенныхъ недостатковъ теоріи статутовъ современная юриспруденція выдвинула цѣлый рядъ теорій (см. R. von Mohl, Ф. Мартенсъ и Ваг) для обоснованія частнаго междунаго права. Старѣйшая изъ нихъ, идущая рука объ руку съ идеей абсолютнаго суверенитета, но вполне противная началу общенія, есть теорія территориальнаго дѣйствія гражданскихъ законовъ: на данной территоріи все и всѣ подлежатъ дѣйствію мѣстныхъ законовъ, но граница территоріи—есть и граница распространенія этихъ законовъ. Слѣдовательно, мѣстный законъ не можетъ распространяться внѣ территоріи, а чужой не можетъ находить примѣненія на данной территоріи. Англо-американская юридическая литература (Стори, Филлморъ) и судебная практика стоятъ и по сей день на этой анти-международной точкѣ зрѣнія. Эта теорія противна началамъ междунаго общенія и интересу собственныхъ подданныхъ, не находящихъ въ ней защиты въ чужой странѣ; защитники ея (и судебная практика) допускали различныя отступленія и исключенія изъ нея, мотивированныя политическими и нравственными соображеніями, всегда случайнаго характера или уничтожавшія силу правила.

Совершенною противоположностью этой теоріи является теорія національнаго дѣйствія гражданскихъ законовъ, логически развиваемая итальянскими писателями изъ принципа національности (Манчини, Паскаль-Фиоре; за ними и Лоранъ; противники—почти всѣ нѣмецкіе писатели, проф. Ф. Мартенсъ и друг.). Она исходитъ изъ положенія, что центръ тяжести въ гражд. правоотношеніяхъ лежитъ въ лицѣ, въ подданствѣ (національности) его, почему національные законы индивидуума наиболее пригодны для защиты его правъ. Эти законы, разъ они выяснены и доказаны, должны быть примѣняемы и чуже-

земными судами. Національный принципъ по существу своему вполне благопріятенъ распространенію и защитѣ гражданскихъ правъ на всемъ пространствѣ международнаго союза; т. е. принципиально онъ вполне удовлетворяетъ интересамъ международнаго общенія. Но въ немъ есть другая опасность: *онъ наноситъ въ послѣдовательномъ его примѣненіи тяжельй ударъ законнымъ правамъ мѣстной (территоріальной) власти и мѣстному закону.* Мѣстное законодательство, охраняя данный строй и порядокъ социальныхъ и политическихъ отношеній, не можетъ допустить примѣненія на своей территоріи національныхъ (иноземныхъ) законовъ, если они прямо противорѣчатъ интересамъ политическаго строя, нравственному и экономическому складу мѣстныхъ порядковъ; само междунар. право обязано охранять индивидуальную особенность и внутреннюю самостоятельность государствъ. Поэтому, *необходимо установить исключенія, вызываемыя мѣстными особенностями, изъ принципа примѣненія національнаго закона.* Такія исключенія признаются итальянскимъ гражданскимъ уложеніемъ и писателями въ весьма широкихъ размѣрахъ, такъ, что самое правило сильно расшатывается.

Не останавливаясь на другихъ теоріяхъ, являющихся въ сущности поправками теоріи территоріальнаго дѣйствія законовъ, попытками согласовать послѣднюю съ уваженіемъ къ иностраннымъ законодательствамъ, оправдываемымъ требованіями междунар. общенія (см. о нихъ у Бара, Р. ф. Моля, Ф. Мартенса и Ассера), *заслуживаетъ еще полнаго вниманія современная германская теорія* (Савиньи положилъ ей основаніе, Баръ—развилъ ее и примѣнилъ всецѣло къ ученію о частномъ международномъ правѣ). *По взгляду Бара споръ о примѣненіи мѣстнаго или иностраннаго закона рѣшается самою природою даннаго спорнаго юридическаго отношенія. Эта „природа“ можетъ быть выяснена лишь изслѣдованіемъ всей совокупности индивидуальныхъ особенностей даннаго случая.* Судебное изслѣдованіе можетъ выяснить дѣйствительную волю спорящихъ, которая указываетъ на ихъ желаніе руководиться ихъ національными законами, законами мѣста жительства (*lex domicilii*) и проч., или же мѣстными (территоріальными). Слѣдовательно, *уяснивъ дѣйствительную и законную волю сторонъ, можно рѣшить—примѣнять ли иноземный (и какой именно) или территоріальный законъ.* Если же иностранный законъ не можетъ быть примѣненъ въ виду явнаго запрещенія законовъ мѣста судебного разбирательства спора (напр. недопущенія въ данномъ мѣстѣ известной сдѣлки по противности ея основнымъ законамъ нравственности и проч.), то онъ вытѣсняется закономъ мѣста судебного разбирательства.

Эта теорія вполне соответствуетъ требованіямъ международнаго общенія и достаточно охраняетъ суверенныя права государствъ на защиту ихъ социальнаго и государственнаго строя: (а) она принципиально согласуется съ интересами международнаго общенія, такъ какъ допускаетъ примѣненіе иностраннаго закона; (б) уважаетъ дѣйствительную волю спорящихъ, т. е. охраняетъ начало индивидуальной свободы въ области всемірнаго гражданскаго оборота; (в) исключаетъ примѣненіе этой воли въ случаѣ явнаго несогласія ея съ законами террито-

ріальними (мѣста судебного спора); (d) такимъ образомъ, она ограждаетъ самобытность и законодательную свободу государствъ, охраняющихъ мѣстный порядокъ особыми постановленіями; наконецъ (e)—она предоставляетъ суду широкій просторъ при выборѣ и примѣненіи закона къ спорному случаю, такъ какъ (за исключеніями пунктовъ с и d) не связываетъ его формальными ограниченіями и запрещеніями. Кажущаяся слабая сторона ея въ томъ, что она навязываетъ суду знакомство съ иностранными законами; но этотъ недостатокъ ослабляется возложеніемъ на сторону, вызывающую къ иностранному закону, обязанности офіціального констатированія его содержанія и смысла; а послѣднее вовсе не такъ трудно, если принять въ соображеніе, что судъ въ состязательномъ процессѣ не беретъ на себя ни отысканія доказательствъ, ни пополненія ихъ, а предоставляетъ всю тяжесть (onus probandi) доказанія истцу или отвѣтчику, представляющему противодоказательства. Но такъ какъ законодательства и теперь еще придерживаются различныхъ точекъ зрѣнія, а судебныя рѣшенія разныхъ государствъ противорѣчивы и часто колеблются; такъ какъ международное частное право охраняется и по настоящее время лишь внутренними законодательствами и судебными рѣшеніями отдѣльныхъ державъ, а не международными трактатами,—то ощущается особенная надобность въ международно-законодательномъ опредѣленіи основныхъ началъ междуна. частнаго права.

Международное соглашеніе въ этой области вполне возможно, болѣе и легче достижимо, чѣмъ во всякой другой сферѣ: 1) вопросы международнаго частнаго права не затрогиваютъ въ общемъ и цѣломъ политическихъ интересовъ, правъ государствъ на самосохраненіе и другихъ щекотливыхъ сторонъ международныхъ отношеній; 2) междуна. законодательное соглашеніе (напр. въ формѣ трактата) возможно здѣсь и потому, что основныя начала гражданскихъ законодательствъ цивилизованныхъ народовъ, при всемъ разнообразіи въ подробностяхъ, существенно одинаковы и могутъ быть приведены къ единству; 3) частное междуна. право прямо признается нѣкоторыми государствами (напр. Соедин. Штатами) частью ихъ внутренняго законодательства и косвенно (рѣшеніями судовъ) даже тѣми государствами, которыя (напр. Россія) крайне бѣдны законодательными постановленіями и судебною практикою въ этой сферѣ; въ 4) наконецъ, интересы и права подданныхъ болѣе всего и чаще всего страдаютъ отъ неурядицъ и неопредѣленности въ примѣненіи частнаго международнаго права. Поэтому, можно лишь пожалѣть, что извѣстныя резолюціи гентскаго института (въ 1880 г.), составленныя на основаніи проектовъ такихъ ученыхъ какъ Ассеръ и Манчини и предложенныя институтомъ вниманію правительствъ при заключеніи международныхъ договоровъ, а равно и предложеніе Итальянскаго правительства о заключеніи общей (междунар.) конвенціи по этому предмету, не получили пока международно-законодательнаго осуществленія.

III. *Основныя начала частнаго международнаго права.* Космополитическіе принципы международнаго права требуютъ полной граждан-

ской равноправности между туземцами и иностранцами. Одно французское законодательство является исключеніемъ изъ правила. Ст. 11 Code civil даетъ франц. юристамъ (Демоломбу, Фѣликсу и другимъ) основаніе признавать за иностранцами во Франціи лишь такъ назыв. „естественныя права“, а не „гражданскія“. Шаткость и безпочвенность этого воззрѣнія очевидна. Правоспособность иностранцевъ опредѣляется законодательствами и писателями различно: одни (англійская судебная практика, Филлиморъ, Стори, Кентъ и другіе; отчасти нѣмецкая практика и писатели), слѣдуя теоріи личныхъ статутовъ, опредѣляютъ ее законами постоянного мѣстожителства (lex domicilii). Но такъ какъ при современномъ международномъ оборотѣ далеко не всегда возможно опредѣлить постоянное мѣстожителство лица, которое можетъ имѣть *ried à terre* во многихъ государствахъ, оставаясь подданнымъ одного, то правильнѣе слѣдуетъ итальянскимъ юристамъ и законодательству, опредѣляющимъ правоспособность національными законами иностранца. Единственное ограниченіе, допускаемое здѣсь, оправдывается прямыми требованіями мѣстнаго (территоріальнаго) законодательства. Последнее можетъ быть по отношенію къ правоспособности ограничительнымъ или распространительнымъ; поэтому иностранцы, ограниченные въ правоспособности въ своемъ отечествѣ (напр. евреи въ Россіи), будутъ пользоваться полною правоспособностью въ государствѣ, гдѣ нѣтъ подобныхъ ограниченій (напр. въ Англии), а лица, обладающія *особою* правоспособностью въ отечествѣ, не будутъ пользоваться ею на иностранной территоріи, если законы послѣдней не допускаютъ этой особой правоспособности (напр. іезуитскій орденъ, обладающій правомъ наследованія въ Бразиліи, не будетъ имѣть этого права во Франціи). Что же касается до дѣеспособности, то общее правило здѣсь—примѣненіе національнаго закона иностранца (напр. относительно возраста совершеннолѣтія или несовершеннолѣтія). Три исключенія допускаются изъ этого правила: 1) англійская судебная практика (и юристы Англии), думая оградить англійскихъ подданныхъ отъ невыгодныхъ сдѣлокъ съ иностранцами по незнанію первыми иностранныхъ законовъ, выставляютъ *lex loci contracti* (законъ мѣста совершенія акта); 2) германскіе юристы (Баръ и другіе) и законодательство, а также русскій вексельный уставъ не допускаютъ дѣйствія національнаго закона по отношенію къ такъ называемой *особой* или *спеціальной* недѣеспособности иностранца по его отечественному законодательству. Напримѣръ, вексель, выданный иностранцемъ, вообще дѣеспособнымъ, но не имѣющимъ права, по спеціальнымъ требованіямъ его отечественнаго законодательства, выдавать векселя, получаетъ силу вексельнаго обязательства въ Россіи и Германіи; 3) дѣеспособность лицъ юридическихъ опредѣляется спеціальными трактатами (конвенціями) между государствами (напр. конвенція Россіи и Италіи отъ 1866 года; Россіи и Бельгіи 1863 года и т. д.).

Наибольше распространено примѣненіе національныхъ законовъ къ семейному праву (lex domicilii держится еще въ германской судебной практикѣ), именно—національнаго закона мужа и отца, какъ главы се-

мейства. Специально для брака должны быть примѣняемы: а) по отношенію къ внѣшнимъ (формальнымъ) его условіямъ—начало мѣста совершенія брака (*locus regit actum*). Исключеніе, если бракъ послѣдовалъ въ обходъ закона (*in fraudem legis*). Поэтому во Франціи долженъ быть признанъ законнымъ только гражданскій бракъ, совершенный на ея территоріи, хотя бы русскими подданными православнаго вѣроисповѣданія, такъ какъ французское законодательство признаетъ гражданскій договоръ (въ формѣ *mariage civil*) единственною законною формой брака, а церковному обряду не придаетъ никакого юридическаго значенія. Но какъ примирить это положеніе съ требованіями другихъ законодательствъ (напр. русскаго), въ которыхъ законнымъ признается лишь церковный бракъ? Ясно, что здѣсь одинъ выходъ: согласовать формальныя требованія обоихъ законодательствъ — мѣстнаго и отечественнаго. (b) Правило—націон. законы мужа опредѣляютъ семейныя права—допускаетъ еще исключеніе для личныхъ условій (возрастъ и проч.), требуемыхъ законодательствами для вступленія въ бракъ. Эти (личные) условія всегда опредѣляются національными законами обѣихъ брачащихся сторонъ; напримѣръ, если мужъ по своему возрасту можетъ вступить въ бракъ, а жена (по законамъ ея отечества)—нѣтъ, то право жениха не покрываетъ отсутствія этого права у невѣсты. Еще исключеніе (c)—прямо запретительныя мѣстные (территоріальные) законы исключаютъ примѣненіе иностранныхъ (національных) законовъ брачащихся. Такъ какъ законнымъ бракомъ создаются извѣстныя отношенія между мужемъ и женой, родителями и дѣтьми, то: 1) личные отношенія между мужемъ и женою всегда опредѣляются національными законами мужа; 2) имущественныя—опредѣляются разными законодательствами и судебными рѣшеніями (и въ литературѣ) различно: русское законодательство примѣняетъ къ движимымъ имуществамъ супруговъ національныя законы мужа, а къ недвижимымъ — законъ мѣста нахождения имущества (*lex rei sitae*); также англо-американская судебная практика. Въ Италіи же (отчасти въ Пруссіи)—примѣняется ко всемъ имуществамъ единый принципъ—національный законъ мужа. Отношенія между родителями и дѣтьми опредѣляются: 1) вопросъ о законности рожденія — національными законами лица, къ которому предъявляется искъ о содержаніи, воспитаніи, наследствѣ и т. д.; исключеніе изъ этого правила существуетъ для незаконнорожденныхъ по нѣкоторымъ законодательствамъ, которыя не допускаютъ „иска объ отысканіи отца“ (французское право „*la recherche de la paternité est interdite*“) и такъ называемой легитимации (узаконенія). Въ такомъ случаѣ мѣстные запретительныя законы отмѣняютъ дѣйствіе націон. законовъ; иностранцы наравнѣ съ туземцами свободны отъ исковъ незаконнорожденныхъ. 2) Весьма споренъ вопросъ о законѣ, который долженъ опредѣлять юридическое положеніе незаконнорожденнаго (національность его, званіе, имя и проч.), если возбранено отысканіе отца или фактически невозможно найти послѣдняго. Резолюціей гентскаго института (1880 г.) рекомендуется въ такомъ случаѣ примѣнять національный законъ матери; а если и этого нельзя опредѣ-

лить, то неизвѣстный ребенокъ долженъ признаваться гражданномъ государства, на территории котораго онъ рожденъ или найденъ.

Относительно опеки—наиболье распространенное и здоровое правило заключается въ допущеніи дѣйствія національнаго закона опекаемаго. Исключеніе—англо-американская, французская и русская практика и законодательства: національный законъ опекаемаго распространяется на движимое имущество, на недвижимое же—законы мѣста нахождения имущества (*lex rei sitae*).

Господствующее правило для развода—отечественный судъ мужа; разумное исключеніе: применяется законъ государства, въ которомъ совершено преступленіе, служащее законнымъ поводомъ къ разводу. Другой принципъ (англо-американскій)—компетентность для развода лишь судовъ страны, въ которой былъ заключенъ бракъ, есть логическій выводъ изъ начала *locus regit actum* (законъ мѣста совершения дѣйствія, въ данномъ случаѣ брака, управляетъ имъ), но не практиченъ въ виду того, что вопросъ о разводѣ можетъ возникнуть вдали отъ мѣста заключенія брака.

Наслѣдственное право. Наслѣдованіе можетъ быть по закону и по завѣщанію. Герм. законодательство и судебная практика применяютъ и къ наслѣдству (безъ различія движимаго и недвижимаго имущества) излюбленное ими правило—*lex domicilii* наслѣдователя; въ англо-американскомъ, французскомъ и русскомъ законодательствахъ и судебной практикѣ—*lex rei sitae* для наслѣдства въ недвижимомъ имуществѣ и *lex domicilii* (законъ мѣста жительства наслѣдователя)—для движимыхъ имуществъ. Третья система (новѣйшая)—въ итальянскомъ уложеніи (защищается и проф. Ф. Мартенсомъ): рассматривая наслѣдство, согласно римскому праву, какъ единое цѣлое, а потому подлежащее дѣйствію единаго закона, она видитъ этотъ послѣдній въ національномъ законѣ наслѣдодателя, какъ въ отношеніи наслѣдованія по закону, такъ и для наслѣдованія по завѣщанію. Въ этомъ смыслѣ высказывается и гентскій институтъ (1880 года). Но относительно наслѣдованія по завѣщанію форма завѣщаній всегда опредѣляется началомъ „*locus regit actum*“. Таковы ст. 1077—1079 X тома и 20—25 ст. Торг. устава и законъ 1868 г. въ Россіи, но за границую можно составлять завѣщанія и по русскимъ законамъ, съ явкою ихъ въ посольствѣ или консульствѣ. Содержанія завѣщаній слѣдуютъ одной изъ вышеуказанныхъ системъ, распространяемыхъ и на наслѣдованіе по закону. Замѣчательно, что всѣ конвенціи (напр. Россіи и Франціи—1874 г., Россіи и Англіи—1880 г.) держатся относительно наслѣдства иностранцевъ и способовъ ихъ охраненія системы, раздѣляющей наслѣдство на недвижимое (примѣняется *lex rei sitae*) и движимое (примѣняется отечественный законъ наслѣдодателя).

Вещное право. Безусловно господствующее въ законодательствѣ и въ судебной практикѣ правило (даже въ Итальянскомъ гражданскомъ уложеніи), взятое еще изъ теоріи статутовъ, состоитъ въ томъ, что къ недвижимости примѣняются законы мѣста ея нахождения (*lex rei sitae*), а къ движимостямъ, которыя какъ бы слѣдуютъ за личностью,—

національний законъ обладателя или законъ мѣста его жительства (lex domicilii; послѣдній, но преимуществу, въ Германской практикѣ). Теорія Савиньи (принимаемая Ассеромъ, Броше и друг.), рассматривающая вещное право какъ единое, тяготящее къ мѣсту нахождения вещи, а потому *примѣняющая къ нему законъ мѣста нахождения вещи* (lex rei sitae), со всѣми послѣдствіями и исключениями, выводимыми изъ этого положенія въ гражданскомъ правѣ,—наиболѣе вѣрна и проста. Но она не находитъ еще примѣненія въ законодательствахъ и судебной практикѣ.

Обязательственное право. Относящіеся сюда вопросы имѣютъ огромную практическую важность, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень запутаны и разрѣшаются крайне противорѣчиво въ законодательствахъ и въ литературѣ.

Необходимо различать (Баръ, Ассеръ, Ф. Мартенсъ и друг.) *формальную сторону обязательствъ отъ ихъ содержанія*; къ обѣимъ примѣняются различные законы. а) *Относительно формы обязательствъ* современное воззрѣніе начинаетъ склоняться къ положенію, оправдываемому интересомъ частныхъ лицъ, что *воля сторонъ, выраженная въ обязательствахъ или разумно предполагаемая въ немъ, опредѣляетъ—законъ какого государства должны быть примѣняемы для рѣшенія вопроса о формальной законности обязательства.* Поэтому правило—*„locus regit actum,* еще со временъ теоріи статутовъ является *de facto* *наиболѣе примѣняемымъ:* всего естественнѣе предположить, что договаривающіяся стороны имѣли въ виду законы того мѣста, въ которомъ они заключили обязательство. Но какъ только доказано *противное—„locus regit actum“ не примѣняется,* а уступаетъ мѣсто націон. законамъ контрагентовъ, если послѣдніе принадлежатъ къ одной національности, или различнымъ національнымъ законамъ контрагентовъ, если они подданные разныхъ государствъ; въ такомъ случаѣ необходимо соблюдать формальныя требованія этихъ различныхъ законодательствъ. Но правило „locus regit actum“—господствующее въ законодательствахъ (во французскомъ, итальянскомъ и русскомъ законодат.—ст. 707 уст. гражд. суд.), въ консульскихъ же конвенціяхъ послѣднью времени это правило уступаетъ мѣсто національному закону, примѣняемому къ формальной сторонѣ обязательствъ, заключаемыхъ на чужой территоріи (напр. конвенція Россіи и Испаніи 1876 г.).

б) *Что же касается до существа обязательствъ, то здѣсь царитъ полное разногласіе въ теоріи и судебной практикѣ, которое невозможно еще привести ни къ какому опредѣленному руководящему началу.* Различныя воззрѣнія судебной практики и теоріи приводятся у Ассера, Бара и Ф. Мартенса. Такъ, одни предлагаютъ *обсуждать содержаніе обязательства по законамъ мѣста вчинанія иска (leges fori);* но это ставитъ обязательство въ зависимость отъ простой случайности и идетъ *верѣдко въ разрѣзъ съ волею сторонъ.* Другіе (французскіе писатели Фѣликсъ, Массе, итальянецъ Паскаль-Фиоре, американецъ Кентъ и другіе)—*по законамъ мѣста совершения сделки (lex loci contracti).* На этомъ положеніи стоятъ рѣшенія англо-франц.-американскихъ судовъ. Это мнѣніе объединяетъ единымъ закономъ (locus regit actum) и форму

и существо обязательствъ. Но оно игнорируетъ волю сторонъ, имѣющую столь рѣшающее значеніе въ обязательственномъ правѣ, упускаетъ изъ виду, что часто невозможно опредѣлить, гдѣ именно заключено обязательство; напр., вексель написанъ въ вагонѣ желѣзной дороги, пробѣгающемъ по разнымъ государствамъ. *Теорія Савиньи* выставляетъ „законъ мѣста исполненія обязательства“ (*forum contractus*); но она смѣшиваетъ способъ исполненія съ существомъ обязательства и рѣшаетъ споръ о примѣненіи того или другаго закона весьма непрактично: если два русскихъ заключили въ Петербургѣ договоръ подряда-поставки мѣховъ въ Англію, то гдѣ основаніе предполагать, что они имѣли въ виду законы Англіи, которыхъ они могутъ и не знать, и не естественнѣе ли предположить, что они желали руководствоваться русскими законами. А если русскій съ англичаниномъ подрядились въ Лондонѣ на поставку пшеницы изъ Петербурга во Францію и Испанію, то законы которой изъ странъ (Франціи или Испаніи) должны разрѣшить споръ о существѣ этого договора и возможно ли, безъ ущерба для гражданскаго оборота, примѣнять къ исполненію одного и того же обязательства законы (можетъ быть различныя) Франціи и Испаніи?

Поэтому, *наибольше правильно мнѣніе Лорана* (и Ф. Мартенса), *требующее примѣненія того закона, который имѣла въ виду воля сторонъ; это мнѣніе наиболее справедливо и соответствуетъ интересамъ контрагентовъ. Если же воля сторонъ не выяснена* (примѣненіемъ правилъ юридической герминевтики), *то прилагаются прежде всего національныя законы или законы мѣста жительства контрагентовъ; если же примѣненіе этихъ законовъ исключено въ договорѣ или стороны принадлежатъ къ разнымъ подданствамъ (или мѣстожительствамъ) — справедливѣе примѣнять „lex loci contractus“, и т. д.* Начало—„воля сторонъ рѣшаетъ споръ о примѣненіи того или другаго закона“—допущено въ Итальянскомъ уложеніи. Но *вся законодательства и теоріи не допускаютъ исполненія обязательствъ, явно противныхъ мѣстному порядку и началамъ нравственности.*

Въ частности, *обязательства, возникающія изъ преступныхъ дѣяній (obligationes ex delicto), справедливѣе всего разрѣшаютъ по законамъ мѣста совершенія преступленія (lex loci delicti commissi), такъ какъ обязательство играетъ здѣсь роль подчиненную преступному дѣянію, тяготящему къ мѣсту его совершенія* (Баръ, Ассеръ, Ф. Мартенсъ). *Вопросъ о давности—разрѣшается законами мѣста судебного разбирательства—„lex fori“* (Филлиморъ и Лоранъ); по болѣе правильному мнѣнію Ф. Мартенса—*волею сторонъ, а при ея отсутствіи—закономъ мѣста совершенія договора (lex loci contractus), что принято и ст. 708 уст. гражд. суд. въ Россіи.*

IV. Право иска иностранцевъ. Какъ необходимое для охраны правъ иностранцевъ, пользующихся повсюду гражданскою равноправностью наравнѣ съ туземцами, а, слѣдовательно, и защитой судовъ, это право иска не признается *вполнѣ только во Франціи.* Искъ иностранца къ иностранцу подлежитъ въ ней принципу „actor forum rei sequitur“ и изъ него допускаются французскими судами и юристами лишь исклю-

ченія (напр. подлежатъ вѣдѣнію французскихъ судовъ иски иностранцевъ къ иностранцамъ насчетъ недвижимой собственности, находящейся во Франціи, иски изъ договоровъ, заключенныхъ ими во Франціи, и т. д.). *Вопросы о компетенціи суда къ разсмотрѣнію иска всегда рѣшаются судомъ, которому предъявленъ искъ, на основаніи мѣстныхъ законовъ, при чемъ судъ обязанъ по общему правилу принять къ разсмотрѣнію искъ, если спорное право, по содержанию своему, подлежитъ дѣйствию законовъ государства, въ которомъ дѣйствуетъ судъ. Вся процессуальная правила применяются всегда мѣстныя, т. е. мѣсто судебного разбирательства опредѣляетъ и формы осуществленія, т. е. защиты права. Существующія еще изрѣдка особыя процессуальныя требованія для иностранцевъ, вчинающихъ иски (напр. правило о предварительномъ обезпеченіи иска — *Cautio judicatum solvi*) или обремененіе иностранцевъ тяжестью доказанія (*onus probandi*) все болѣе выходятъ изъ употребленія.*

V. Судебныя порученія. Въ нихъ выражается обязанность членовъ международнаго общенія оказывать другъ другу судебную помощь всякій разъ, когда государство, къ которому взываютъ о помощи, само не компетентно рѣшать споръ, возникшій въ другомъ государствѣ, но въ то же время процессуальное содѣйствіе его необходимо государству компетентному для разрѣшенія спора въ интересахъ справедливаго рѣшенія возникшаго дѣла (напр. необходимо допросить свидѣтелей за границей, удостовѣрить законность акта и т. д.). *Эта судебная помощь всегда опредѣлялась особыми международными соглашениями: таковы — конвенція Швейцаріи и Франціи (1869 г.), Россіи и Германіи (1879 г.). Согласно первой оба государства разрѣшаютъ своимъ судамъ обращаться другъ къ другу непосредственно съ такъ называемыми „допросными листами“ (*commissions rogatoires*) для спроса свидѣтелей; опредѣленъ также порядокъ засвидѣтельствованія документовъ и юридическихъ дѣйствій, совершенныхъ на иностранной территоріи. Согласно второй, суды Варшавскаго округа и пограничныя германскіе имѣютъ тѣ же права на исполненіе судебныхъ порученій и не только по гражданскимъ, но и по уголовнымъ дѣламъ. Что же касается до русско-итальянской конвенціи 1874 года, то она ограничивается разрѣшеніемъ судамъ пересылать и передавать судебныя повѣстки (Ф. Мартенсъ).*

VI. Исполненіе рѣшеній иностранныхъ судовъ. Основныя начала международнаго гражданскаго права, опирающіяся на началахъ международнаго общенія, были бы поколеблены, если бы рѣшенія иностранныхъ судовъ по гражданскимъ дѣламъ, вошедшія въ законную силу, не находили признанія въ другихъ государствахъ, если бы законопріобрѣтенное и судомъ утвержденное за кѣмъ либо право могло подлежать спору или переверженію въ другомъ государствѣ. *Поэтому, за исключеніемъ Франціи, гдѣ требуется пересмотръ дѣла судами мѣста исполненія рѣшеній, вся законодательства признаютъ силу рѣшеній иностранныхъ судовъ. Что же касается до исполненія рѣшеній, хотя и признанныхъ въ законной силѣ, то оно или совсемъ не дается*

(Франція) или же дается (допускается) подъ разными условіями, такъ какъ начала междунагоднаго праваго общенія непосредственно сталкиваются здѣсь съ принципами государственнаго территориальнаго верховенства, а эти послѣдніе нерѣдко еще преобладаютъ надъ первыми; наименѣ либеральна та система (Греція), которая допускаетъ исполненіе только противъ иностранцевъ-же, а не противъ туземцевъ, посредствующая между этой и третьей есть система Бельгійская, допускающая исполненіе въ видѣ изъятія: 1) при взаимности со стороны государства, рѣшенія судовъ котораго приводятся въ исполненіе, и 2) подъ условіемъ компетентности суда. Послѣднее требованіе несправедливо потому, что ставитъ суды государства и ихъ рѣшенія подъ контроль судовъ и властей другаго государства. Это условіе (компетентность) требуется и третьей (англо-американской) системою; къ нему присоединяется еще требованіе „безпристрастія“, что еще хуже предыдущаго, такъ какъ компетентность разрѣшается формально, а вопросъ о „безпристрастіи“ лишь проникновеніемъ въ суть рѣшенія, т. е. пересмотромъ всего рѣшенія по существу. Но хорошая сторона этой системы въ томъ, что она не требуетъ взаимности; ея признается прочная связь государства съ другими державами и обязанность руководиться требованіями послѣдняго. Къ этой системѣ примыкаютъ съ различіями въ условіяхъ—Италія и Германія.

Правильно говоритъ проф. Ф. Мартенсъ, что ст. 1273, 1279 и 1281 русскаго уст. гражд. суд. не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что русское законод. присоединилось къ третьей системѣ. Именно, различается особый порядокъ исполненія рѣшеній иностранныхъ судовъ, зависящій отъ трактатовъ (ст. 1273) и нормальный (если нѣтъ спеціальныхъ договоровъ), согласно которому все иностранныя рѣшенія принципиально приводятся въ исполненіе, безъ всякой взаимности или иныхъ условій, за исключеніемъ лишь „противныхъ общественному порядку и не допускаемыхъ законами Имперіи“ (ст. 1279), а равно тѣхъ иностранныхъ рѣшеній, которыя касаются недвижимыхъ имуществъ въ Россіи. Слѣдовательно, русскіе суды обязаны разсмотрѣть рѣшеніе, но лишь въ указанныхъ выше предѣлахъ, а затѣмъ давать исполнительный листъ (противное мнѣніе высказано проф. Эйхельманомъ). Такимъ образомъ, наше законодательство—наиболѣ либерально, вполне соотвѣтствуетъ началу междунагоднаго общенія. Этой точки зрѣнія держался и Кассац. Департ. Сената (рѣшеніе 1873 г. по дѣлу Теодориди); но позднѣе Сенатъ измѣнилъ свой взглядъ (рѣшеніе по дѣлу Шипова 1882 г.); установивъ воззрѣніе, несогласное ни съ духомъ, ни съ текстомъ упомянутыхъ статей, что „въ Россіи могутъ имѣть силу лишь рѣшенія учреждений, постановляющихъ оныя по уполномочію Верховной Власти“; поэтому, безъ пересмотра по существу „признаются“ и исполняются только рѣшенія иностранныхъ судовъ, постановленныя въ государствахъ, съ которыми имѣются спеціальныя о томъ договоры. Т. е. Сенатъ (см. Ф. Мартенсъ) не только смѣшиваетъ „признаніе“ съ „исполненіемъ“, отказывая даже въ первомъ, но и сводитъ вопросъ объ исполненіи рѣшеній иностранныхъ и гражданскихъ судовъ къ началамъ

абсолютнаго государственнаго верховенства, столь противнымъ идеѣ международнаго общенія!

§ II. *Международная защита умственной (духовной) собственности (литературной, художественной и музыкальной).*

I. Каждый народъ вноситъ свою лепту, свою индивидуальную фязіогномію въ общую сокровищницу наукъ и искусствъ. Но такъ какъ послѣднія—достояніе всего человѣчества, то научная или художественная мысль является общечеловѣческимъ достояніемъ и, какъ таковое, не можетъ быть ничьею частною собственностью, хотя бы самого автора мысли, высказанной въ научномъ или художественномъ произведеніи. Иное дѣло форма духовнаго труда и владѣнія этою формою на правахъ собственности для извлеченія изъ нея матеріальныхъ выгодъ въ пользу того, кто потрудился надъ вложеніемъ мысли въ опредѣленныя формы. Поэтому, *авторъ можетъ требовать признанія за нимъ права собственности на форму его произведенія* (см. Фойницкій—особенная часть русскаго уголовного права); въ этомъ признаніи и защитѣ его права высказывается уваженіе къ труду автора. *Самая же мысль автора свободна отъ права собственности, можетъ быть весьма принимаема и свободно распространяема.* Въ этомъ неподчиненіи ея праву частной собственности высказывается уваженіе къ космополитическимъ интересамъ и правамъ человѣческой культуры. Такимъ образомъ, *два начала—право собственности автора на форму и право всего человѣчества на мысли, должны быть сочетаемы и охраняемы—какъ внутренними законодательствами просвѣщенныхъ государствъ, такъ и международнымъ союзомъ.*

Почти все современные писатели признаютъ въ принципъ такъ называемую литературную (лучше сказать—духовную) собственность. Но изъ вышесказаннаго очевидно, что нельзя отождествлять право духовной собственности съ гражданскимъ вещнымъ правомъ, какъ это дѣлали въ XVIII вѣкѣ.

Такимъ образомъ, *подъ правомъ умственной (духовной) собственности должно понимать—право автора на исключительное воспроизведеніе продукта (формъ) своего духовнаго творчества способами, наиболее соответствующими каждому виду этого творчества.* Поэтому, право собственности автора одинаково нарушается, какъ перепечатаніемъ его сочиненія, такъ и публичнымъ разыгрываніемъ на сценѣ или въ концертѣ его драматическаго или музыкальнаго произведенія.

II. Защита духовной собственности появляется впервые съ распространеніемъ образованія и, слѣдовательно, съ развитіемъ пользованія духовными трудами, и прежде всего литературными произведеніями. Эта защита дается вначалѣ внутренними государственными законодательствами, сперва (въ XVI вѣкѣ въ Германіи и Франціи) въ видѣ привилегій авторамъ подъ охраною уголовного закона, въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій уже въ видѣ общаго закона, но охраняющаго болѣе права издателя, а потомъ уже право автора. Таковы, напр., законодательства Англій, Франціи (законы 1791 и 1793 годовъ), охраняющія права

туземныхъ издателей. Только со второй четверти XIX вѣка законодательства пополняютъ понятіе о литературной собственности введеніемъ въ него собственности музыкальной и драматической, концентрируютъ защиту закона около правъ автора, а не издателя; внутренняя государственная охрана авторскихъ правъ переносится, при развитіи международныхъ сношеній и сознанія необходимости общей охраны ихъ, въ сферу международныхъ соглашеній въ видѣ особыхъ договоровъ (литературныхъ конвенцій), которые были до послѣдняго времени разрознены и нѣсколько противорѣчивы. Благодаря усиліямъ и трудамъ литературныхъ международныхъ конгрессовъ частнаго характера, изъ которыхъ конгрессы, собиравшіеся въ Брюсселѣ (1858 г.), въ Антверпенѣ (1861 года) и въ Парижѣ (въ 1878 году), выработали нѣсколько выдающихся предложеній и проектовъ, бернская конференція 1885 года (изъ уполномоченныхъ отъ правительствъ) выработала актъ международнаго литературнаго союза, имѣющаго цѣлью международную охрану права авторовъ и художниковъ (получилъ силу закона въ 1886 году; такъ называемая литературная унія). Такимъ образомъ, вопросы о духовной собственности получили международно-законодательную защиту и перешли въ 4-ю эпоху своего существованія. Успѣхъ громадный, если принять въ соображеніе, что первая литературная конвенція, если не считать ряда актовъ германскаго сейма съ 1815 по 1845 г., охранявшихъ авторскія права подданныхъ всѣхъ германскихъ государствъ на началахъ полного равенства, была заключена между Франціей и Нидерландами только въ 1840 году. Съ тѣхъ поръ число конвенцій росло въ быстро возрастающей пропорціи; Франція особенно энергично принялась за ихъ заключеніе, такъ какъ ея авторы и издатели много терпѣли отъ перепечатокъ въ другихъ государствахъ, особенно въ Бельгіи (Ф. Мартенсъ). Наибольше извѣстны конвенціи Франціи съ Бельгіею (1852 году — Бельгія обязалась дать судебную охрану французскимъ авторамъ на началахъ полного равенства съ подданными), съ Англіею (въ 1852 г.), съ Россіею (въ 1861 г.), нынѣ прекращенная по желанію русскаго правительства, равно какъ и конвенція Россіи отъ 1862 года съ Бельгіей. Литературныя конвенціи имѣются и у Германіи съ Италіей и Швейцаріей. Соедин. Штаты Сѣв. Америки и Россія, постыдившая сбросить съ себя ио конвенцій съ Бельгіей и Франціей и упорно отвергавшая до самаго послѣдняго времени всѣ попытки къ ихъ возобновленію и къ новому заключенію конвенцій, представляютъ изъ себя двѣ державы, не только не приступившія къ литературной уніи 1886 г., но и не сознающія, къ сожалѣнію, своихъ обязанностей предъ другими государствами, т. е. интересовъ международнаго общенія (попытки Пруссіи въ 1865 г., Италіи въ 1870 г. и Франціи въ 1890 г. заключить литературныя конвенціи съ Россіей потерпѣли неудачу). Проф. Ф. Мартенсъ объясняетъ это упорство противодѣйствіемъ нашего театральнаго вѣдомства и распространеніемъ предразсудка о томъ, что ограниченіе права перевода иностранныхъ сочиненій убьетъ умственную жизнь Россіи, не обладающей достаточно богатою оригинальною литературою и наукою. Но по-

слѣднее было вѣрно прежде, а не теперь; опытъ Соед. Штатовъ Сѣв. Америки доказываетъ, что безграничная возможность контрафакціи (перепечатки) иностранныхъ произведеній убиваетъ самостоятельную литературу.

III. Отдѣльныя законодательства, литературныя конвенціи и постановленія акта 1886 г. возбраняютъ контрафакцію, т. е. *недозволенное авторомъ или лицомъ, къ которому перешло его право, размноженіе механическими способами литературнаго или артистическаго произведенія* (но не такъ наз. плагиатъ), *а также переводъ его, безъ разрѣшенія автора или его замѣстителя.* Такъ какъ право духовной собственности уже права собственности на вещи, то *защита его ограничивается всегда извѣстнымъ срокомъ.* Незаконное воспроизведеніе механическими путями музыкальныхъ и драматическихъ произведеній приравняется къ контрафакціи. Кроме того, *преслѣдуется публичное ихъ исполненіе безъ согласія автора,* получающаго за это исполненіе плату за каждый спектакль или разомъ опредѣленную сумму. Законодательство Франціи (1852 и 1866 годовъ) — безусловно воспрещаетъ перепечатку во Франціи иностранныхъ сочиненій (безъ согласія автора), подѣ страхомъ угол. наказанія, въ теченіи жизни автора и 50 лѣтъ послѣ смерти его для наслѣдниковъ и издателя. Это самое либеральное законодательство. Англійское — охраняетъ право иностр. авторовъ лишь подѣ условіемъ взаимности (законы 1838 и 1844 годовъ); въ Германіи (Импер. законъ 1870 г.) — 30 лѣтъ послѣ смерти авторовъ для наслѣдниковъ. Законъ полонъ и отлично редактированъ; въ Соед. Штатахъ (законы 1790 и 1870 годовъ) — только для лицъ, издавшихъ сочиненія въ предѣлахъ этого государства, на 28 лѣтъ послѣ обязательной для каждаго автора регистраціи его сочиненія и на 14 лѣтъ для наслѣдниковъ, послѣ новой регистраціи, т. е. внесенія заглавія своего произведенія въ особые списки. Наконецъ, въ Россіи (законы 1827, 1828 и 1882 г.) — для автора пожизненно, 50 лѣтъ для наслѣдниковъ писателей и 25 лѣтъ послѣ смерти автора для наслѣдниковъ художниковъ; авторы драматическихъ произведеній и оперъ получаютъ особое вознагражденіе отъ дирекціи Императорскихъ театровъ за представленіе ихъ пьесъ (Ф. Мартенсъ).

Литературныя же конвенціи, охраняя всякія произведенія, частью регламентируютъ и видоизмѣняютъ, частью же и созидаютъ инныя начала для охраны духовной собственности авторовъ. Такъ, большинство современныхъ конвенцій примѣняютъ при охранѣ авторскихъ правъ законъ страны, въ которой издано въ первый разъ произведеніе (по исключенію примѣняется національн. законъ автора, напр. въ обѣихъ русскихъ конвенціяхъ, еще рѣже — законъ мѣста разбирательства, т. е. *leges fori*), со всеми юридическими послѣдствіями, проистекающими изъ него, съ тѣмъ ограниченіемъ, что иностранецъ не можетъ получать больше правъ, нежели туземный подданный (особенно относительно срока; напр. франко-русская допускала два срока — 20 лѣтъ для наслѣдниковъ и родственниковъ нисходящей линіи, 10 лѣтъ — для боковыхъ родственниковъ (Ф. Мартенсъ, Calvo). Незаконные переводы приравнены къ контрафак-

ции; права переводчика приравнены къ авторскому праву (исключеніе— конвенціи Россіи), съ нѣкоторыми ограниченіями (въ срокѣ для появленія перевода) для авторовъ, желающихъ воспользоваться правомъ перевода. Наконецъ, нѣкоторыя конвенціи требуютъ еще формальныхъ условій для пользованія охраною (напр. регистраціи или внесенія въ списки сочиненій, и т. д. Ф. Мартенсъ, Salvo).

Проф. Ф. Мартенсъ такъ резюмируетъ общія начала дѣйствующаго и охраняемаго законами и международными соглашеніями права духовной собственности: 1) признано право автора на его духовную собственность; 2) право переводчика въ принципѣ приравнено къ авторскому праву; 3) различаются, но одинаково охраняются, какъ право представленія или исполненія драматическихъ и музыкальных произведеній, такъ и право ихъ распространенія путемъ печати; 4) авторское право охраняется закономъ и судами, не смотря на подданство автора и иногда помимо литературныхъ конвенцій.

ОТДѢЛЪ II-й.

Международная охрана правъ и интересовъ государствъ въ сферѣ международного общенія.

ГЛАВА IV.

Международная охрана юридическаго порядка отъ преступныхъ дѣяній.

(Уголовное международное право).

Литература. Качественно и количественно богата не менѣ литературы гражданскаго международного права. Мы укажемъ лишь главнѣйшія пособія (новѣйшія), отсылая за болѣе подробными указаніями къ сочиненію графа Камаровскаго—„Обзоръ современной литературы“, приложение 6.

Изъ русскихъ—въ общихъ сочиненіяхъ—*Стоянова* (очерки) и особенно у *Ф. Мартенса* (самое полное изложеніе на русскомъ языкѣ)—томъ II-й, глава пятая; немного у *Эйхельмана*—„замѣтки“, § 20; *Коркуновъ*—Опытъ конструкціи междунар. уголовн. права, въ журн. Гр. и Угол. Права, 1889 г. Январь.

Изъ специальныхъ монографій и статей—*А. Штиллицъ*—О выдачѣ преступниковъ, 1882 г.; *Шостакъ*—О выдачѣ преступниковъ по договорамъ Россіи съ иностранными державами, 1882 г.: самое полное и разработанное по началамъ теоріи, законодательствъ и трактатовъ—*Никольскій*—О выдачѣ преступниковъ по началамъ международного права, 1884 г.; статьи—*В. Даневскій*—Выдача преступниковъ и пренія о ней въ Оксфордской сессіи гентскаго института международного права—„Юридическій Вѣстникъ“ 1880 г. (подробное изложеніе и критика постановленій института); о томъ-же предметѣ статья графа Камаровскаго—„Русская мысль“ 1884 г.; *Фейлинъ*—О выдачѣ преступниковъ—и въ Журналѣ гражданскаго и уголовного права, 1884 г.; *Степановъ*—О выдачѣ преступниковъ—„Юридическій Вѣстникъ“ 1884 г.; проф. *И. Ивановскій*—Взаимное содѣйствіе государствъ въ производствѣ слѣдствій по дѣламъ уголовнымъ, 1889 г.

Изъ иностранныхъ. Во всѣхъ системахъ и учебникахъ; особенно подробно у *Philimore*—томъ IV-й, у *Calvo*—томъ II-й (книга XIII); *Pradier-Fodéré*—*Traité*, томъ III-й; у *Holtzendorff'a*—*Handbuch* (томъ III, сжатая, но обстоятельная статья *Lammasch'a*) и т. д.; кромѣ того—рѣшенія гентскаго института международнаго права и доклады институту въ *Annuaire de l'Institut* (съ 1877 по 1885 годы особенно).

Изъ специальныхъ монографій и статей (кромѣ статей въ „*Revue de droit international*“ и въ „*Journal de droit internat. privé*“—особенно за 1876—1887 годы)—См. еще: *Rohland*—*Kritik der internationalen Strafrechts Theorien*, 1877 г.—спеціальное и полное изслѣдованіе теорій международнаго уголовного права; упомянутое уже въ предшествовавшей главѣ сочиненіе *Bar*—*Das internat. Privat und Strafrecht*; въ особенности же—*Pasquale-Fiore*—*Traité de droit pénal international et de l'extradition* (съ итальянскаго) par *Antoine*, 1880 г. (самое полное и лучшее); *спеціальное о выдачѣ преступниковъ*—*Billot*—*Traité de l'extradition* 1874 г.; *Holtzendorff*—*Die Auslieferung der Verbrecher und das Asylrecht*, 1881 г.; *Lammasch*—*Das Recht der Auslieferung wegen politischer Verbrechen*, 1884 г.; *ею же*—*Auslieferung und Asylrecht*, 1887 г. (лучшее изъ сочиненій новѣйшаго времени по выдачѣ); *W. Daněvsky*—*Opinion impartiale d'un russe sur l'extradition des nihilistes* (статья въ „*Revue de la philosophie positive*“, за 1881 годъ).

Для элементарнаго ознакомленія съ системою международнаго уголовного права—см. *Meyer*—*Grundzüge des internationalen Strafrechts*, 1877 г. (нѣсколько устарѣло); *имѣется и специальный сборникъ трактатовъ о выдачѣ преступниковъ*—*Kirchner*—*Recueil de tous les traités sur l'extradition*, 1883 г. Кромѣ того указанія на основныя начала уголов. международн. права и на выдачу можно найти во всѣхъ лучшихъ иностранныхъ сочиненіяхъ по уголовному праву и во многихъ русскихъ. *Особенно обстоятельно и систематично*—у *Талицѣва*—*Лекціи по уголовному праву*, томъ I-й.

I. Въ числѣ средствъ для охраненія юридическаго порядка имѣетъ большое значеніе для государства уголовное законодательство, дѣйствующее на территоріи. Съ развитіемъ международныхъ отношеній и благодаря быстротѣ и удобству путей сообщенія, лица, нарушившія уголовный законъ, часто уходятъ за границу и могутъ такимъ путемъ избѣгнуть суда и наказанія. Но международныя отношенія построены на солидарности интересовъ между государствами; эта солидарность сказывается въ существенно одинаковыхъ юридическихъ началахъ, на которыхъ построены уголовные кодексы и теорія уголовного права у цивилизованныхъ народовъ. *Эта общность главныхъ началъ* (оставляя въ сторонѣ различіе въ подробностяхъ) *уголовныхъ законодательствъ есть продуктъ единой культуры, выражающейся въ общности юридическаго міровоззрѣнія среди цивилизованныхъ народовъ, на которомъ покоится юридическій ихъ порядокъ, потрясаемый преступными дѣяніями.* Слѣдовательно, *международный союзъ цивилизованныхъ народовъ долженъ охранять основанія юридическаго порядка отъ преступнаго класса людей; международное право должно оказывать государствамъ, на обязанности которыхъ лежитъ преслѣдованіе преступныхъ дѣяній, помощь и содѣйствіе, поскольку послѣднія не могутъ быть достигнута единичными усиліями государствъ, для наказанія преступнаго лица: дѣяніе послѣдняго, нарушая прямо и непосредственно законы одного государства, косвенно затрогиваетъ права всего международнаго союза нападеніемъ на охраняемые послѣднимъ общія основы юридическаго порядка. Наилучшій способъ охраны юридическаго порядка отъ преступныхъ дѣяній—международное законодательство; но пока эта охрана зиждется еще на внутр. законодат. и отдѣльныхъ соглашеніяхъ*

между государствами. И даже писатели (Эйхельманъ), отрицающіе возможность построить „общее юридически обязательное основаніе для выдачи преступниковъ“, признаютъ моральную обязанность государствъ къ выдачѣ преступниковъ или къ наказанію ихъ у себя, существующую „независимо отъ практической необходимости и цѣлесообразности такого отношенія къ дѣлу“.

Такимъ образомъ, *международное уголовное право* (противъ этого термина возстаетъ Бульмеринкъ; но въ его аргументахъ очевидное недоразумѣніе) *есть система юридическихъ нормъ, опредѣляющая условія и способы оказанія государствами взаимной судебной помощи въ области международного общенія при осуществленіи ими права наказанія* (опредѣленіе Ф. Мартенса). Очевидно, слѣдовательно, что *высшія основанія международного уголовного права лежатъ въ международномъ общеніи*, какъ въ высшемъ для него критеріи. Уголовное же право вообще и отдѣльныя уголовныя законодательства являются важнымъ подспорьемъ для изученія понятій преступленія и наказанія, понятій о территориальности и экстерриториальности дѣйствія уголовныхъ законовъ, т. е. *уголовное право—первое основаніе для изученія международного уголовного права, а начало международного общенія—высшее и конечное его основаніе, нередко измѣняющее начала и выводы перваго въ интересахъ международного права.*

II. Международное уголовное право зародилось въ новое время и довольно поздно: а) послѣ того какъ установилось публично-правовое понятіе о преступленіи и наказаніи, вытѣснившее частно-правовой ихъ характеръ; б) когда пустила корни идея общенія между народами, именно—сознаніе о солидарности ихъ въ охранѣ не одного политическаго, но и юридическаго порядка, нарушаемаго преступленіями. Но это сознаніе, приводившее къ юридической обязанности оказанія судебной помощи другому государству, долго вращалось въ очень ограниченной сферѣ выдачи сперва политическихъ враговъ (что встрѣчалось изрѣдка еще въ древности и въ средніе вѣка), потомъ собственно (и исключительно) политическихъ преступниковъ и бунтовщиковъ (еще въ XIV вѣкѣ; напр. договоръ Франціи и Англіи отъ 1303 года).—Въ XVI—XVII вѣкахъ выдача вращается около политическихъ преступленій и перебѣжчиковъ, что объясняется громаднымъ авторитетомъ королевской власти въ Европѣ и династическою политикою державъ, взаимно заинтересованныхъ въ охраненіи престоловъ отъ возстаній и заговоровъ; къ политическимъ преступникамъ причисляются и еретики (см. договоръ 1661 года Даніи съ Англіей о выдачѣ послѣдней политическихъ преступниковъ, участвовавшихъ въ судѣ надъ Карломъ I). *Преступники противъ общаго права не выдаются* (исключенія случайны и рѣдки): правительства скорѣе были довольны тѣмъ, что территория очищалась отъ вредныхъ и опасныхъ элементовъ; а государство, дававшее имъ убѣжище (право убѣжища—даже основной принципъ среднихъ вѣковъ и начала новаго времени), мало заботилось о прошломъ преступника, глядѣло на него какъ на податную (рабочую) силу. Лишь съ XVIII столѣтія начинаютъ сознавать общую обязанность членовъ международного обще-

нія охранять юридическій порядокъ отъ преступленій противъ общаго права; т. е. содержаніе идеи охраны общими силами юридическаго порядка становится полнѣе. Выдаютъ еще и политическихъ преступниковъ, но параллельно начинаютъ выдавать и общихъ (напр. договоръ Франціи и Швейцаріи отъ 1777 г.—выдаются политическіе преступники и другіе виновные въ общихъ преступленіяхъ). Съ конца XVIII и въ началѣ XIX вѣка необходимость содержанія громадныхъ армій и охраненія ихъ отъ побѣговъ солдатъ привели къ заключенію многихъ конвенцій о выдачѣ дезертировъ (напр. картельныя конвенціи Пруссіи съ Россіей—1804 и 1816 г., Россіи и Австріи—1808 и 1815 г., ея-же съ Швеціей—1810 г. о выдачѣ матросовъ-дезертировъ). Наконецъ, съ 40 годовъ (а въ Россіи съ 1866 года—съ изданія Судебныхъ уставовъ) окончательно слагается такое правило: преступники противъ общаго права выдаются (даже безъ договоровъ), а политическіе преступники и дезертиры—нѣтъ. Это современное настроеніе государствъ сказывается какъ въ законодательствахъ (въ Бельгіи въ 1833 г. и 1874 г., въ Англии—въ 1870 и 1873 годахъ), такъ и въ конвенціяхъ. Россія заключила ихъ 10 (съ 1866 г.—съ Даніей—по 1885 г.—съ Англійей).

III. *Опредѣленіе уголовнаго междунаго права* (см. выше) является въ сущности выводомъ изъ такъ называемой универсальной теоріи междунаго уголовного права или космополитической. Ее намѣтилъ еще Гуго-Гроцій, развита она Р. фонъ Модемъ, Бульмерингомъ и друг. (изъ русскихъ, повидимому, принимаетъ ее графъ Камаровскій). Она наиболѣе соотвѣтствуетъ началамъ междунаго праваго общенія: *каждое преступленіе, идѣ и къмъ бы оно ни совершилось—есть посягательство на общій юридическій порядокъ, объемлющій все государства; поэтому никакое преступленіе не должно быть оставляемо безнаказаннымъ и каждое государство, держащее фактически преступника во власти, должно наказать его.* Противники этой теоріи (напр. проф. Мартенсъ) возражаютъ, что не всѣ уголовныя законы цивилизованныхъ народовъ тождественны, не всѣ государства входятъ въ междунаго союзъ цивилизованныхъ народовъ и что не для всякой державы существуетъ обязанность суда надъ преступникомъ, замѣняемая во многихъ случаяхъ лишь обязанностью выдачи. Но дѣло въ томъ, что: 1) *универсальная теорія вполне допускаетъ распространеніе междунаго упол. права на нецивилизованные народы: рѣшительно нельзя понять, почему цивилизованное государство не могло бы выдать, на примѣръ, персидскаго подданнаго его правительству (или Китаю), если онъ совершилъ преступленіе въ Персіи или Китаѣ и бѣжалъ, положимъ, въ Россію; вполне возможны и договорныя соглашенія о выдачѣ и прочихъ актахъ взаимной судебной помощи между цивилизованными и нецивилизованными народами, если послѣдніе на то согласны;* 2) *универсальная теорія, вполне совпадая съ началами междунаго общенія, требуетъ взаимнаго оказанія судебной помощи и помимо специальныхъ конвенцій, при условіяхъ, указанныхъ въ разныхъ внутреннихъ законодательствахъ;* 3) *изъ универсальной теоріи вытекаютъ: а) право непосредственнаго наказанія преступника государствомъ, наиболее и ближайшимъ обра-*

зомъ заинтересованнымъ на примѣненіе въ данномъ случаѣ къ преступнику своего уголовного закона. Весь вопросъ, слѣдовательно, въ томъ— какое изъ государствъ является управомоченнымъ (прямо заинтересованнымъ); б) обязанность государствъ оказать въ остальныхъ случаяхъ, не согласующихся съ предыдущимъ положеніемъ а), содѣйствіе другому, непосредственно заинтересованному и управомоченному на примѣненіе своего уголовного закона къ преступнику, при отправленіи имъ правосудія надъ послѣднимъ, посредствомъ оказанія ему судебной помощи въ видѣ выдачи лица первому государству, какъ непосредственно заинтересованному; с) въ исключительныхъ случаяхъ, когда сталкиваются право государства непосредственно заинтересованнаго въ наказаніи съ обязанностью международнаго союза охранять личную свободу лица, требуемаго къ выдачѣ, универсальная теорія вполне допускаетъ судъ мѣста поимки (*forum deprehensionis*; въ какихъ случаяхъ—увидимъ ниже; изъ русскихъ юристовъ универсальная теорія принимается проф. Сергѣевскимъ и Коркуновымъ; на ней-же построены и проектъ новаго русскаго уголов. уложенія, какъ онъ выработанъ редакціонною комиссіею). Въ виду сказаннаго, отпадаетъ возможность признать какую либо изъ другихъ теорій международнаго уголовного права, предлагаемыхъ криминалистами и писателями по междунар. праву (см. о нихъ у Роланда, Фиоре и Ф. Мартенса). Такъ, англо-американскіе писатели (Филлиморъ, Гооль и др.) и прежніе криминалисты (Фейербахъ и Миттермайеръ) кладутъ въ основаніе его территориальный принципъ (какъ и въ гражданскомъ международномъ правѣ). Но онъ: а) совершенно противенъ началу общенія между народами, такъ какъ принципиально не допускаетъ (исключенія—случайны и шатки, имѣютъ подъ собою лишь основанія нравственныя или политическія) экстерриториальнаго дѣйствія уголовныхъ законовъ; б) угрожаетъ опасностью государству и нарушаетъ его основныя права и права его подданныхъ на защиту: русскій подданный, на примѣръ, покусившійся во Франціи на жизнь русскаго государя или русскаго подданнаго, возвратясь въ Россію, пользуется на основаніи этой теоріи полною безнаказанностью. Поэтому, издавна въ литературу созданы теоріи, исправляющія недостатки предыдущей. Территориальный принципъ пополнялся въ личной теоріи дѣйствія уголовныхъ законовъ (*Personalitätsprinzip*; принимаютъ ее Бернеръ, Гефферъ). Уголовный законъ распространяется на территорію и на личность гражданина, какъ бы срастаясь неразрывно съ нею, всюду слѣдуя за ней; нарушение уголовного закона за границею есть дѣйствіе, противное обязанностямъ гражданина, поэтому оно должно быть караемо по возвращеніи его въ отечество. Но очевидно, что эта теорія: а) не даетъ основанія для наказанія иностранцевъ, совершившихъ преступленія за границею (на примѣръ француза во Франціи или Англіи), направленные противъ благовъ государства или его подданныхъ (напр. противъ русскаго государственнаго строя или русскаго подданнаго) и укрывшихся на нашей (русской) территоріи; б) она оправдываетъ въ сущности не право наказанія, а скорѣе—лишеніе подданства страны, гражданинъ которой нарушилъ за границею свои гражданскія обязанности.

сти, что отнюдь не может быть оправдано. Наконецъ, въ самое недавнее время (Фіоре, Биндингъ и друг.) выдвинута т. наз. реальная теорія, которая ищетъ основанія наказуемости въ объектъ посягательности: если извѣстныя блага (интересы), охраняемыя государствомъ, защищаются отъ нарушенія его уголовнымъ закономъ, то гдѣ бы ни совершилось посягательство на нихъ (дома или за границею) и кѣмъ бы оно ни было учинено (подданнымъ или иностранцемъ), оно подлежитъ дѣйствию угол. законовъ этого государства. Эта теорія пытается примирить территоріальный и личный принципы дѣйствія угол. закона; она даетъ возможность примѣнить, напр., русскіе угол. законы къ иностранцу, вступившему за границею въ заговоръ противъ Россіи и схваченному въ ней, а также къ иностранцу, убившему, положимъ, гдѣ либо за границею русскаго подданнаго, захваченному въ Россіи или выданному ей. Слабая сторона этой теоріи въ томъ, что не всегда возможно опредѣлить объемъ интересовъ, охраняемыхъ даннымъ законодательствомъ; она приводитъ также къ наказанію за одно и то же дѣяніе по законамъ мѣста его совершенія и по законамъ страны, интересы которой нарушены (Таганцевъ).

IV. Изъ установленныхъ выше началъ, составляющихъ содержаніе универсальной теоріи, выходитъ, что иногда государство само имѣетъ право наказанія, иногда же лишь обязанность оказать судебную помощь другому при примѣненіи имъ права наказанія, какъ болѣе заинтересованному.

А. Государства имѣютъ право примѣнять свои карательные законы къ преступнымъ дѣяніямъ въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Если они совершены на ихъ территоріи (хотя бы и иностранцемъ). Исключеніе — для лицъ, пользующихся вѣнземельностью (также для военныхъ кораблей и вспомогательныхъ иностранныхъ войскъ; см. статья 172 улож. о наказ. изд. 1885 г.). Это изъятіе не распространяется на купеческіе корабли. Англо-американская практика допускаетъ уголовную неподсудность послѣднихъ на основаніи конвенцій и только для незначительныхъ дисциплинарныхъ проступковъ; французская, распространившаяся на континентъ (и Россіи; см. рѣшеніе угол. Кас. Деп. Сената отъ 1872 г. по дѣлу греческаго матроса Свазлоса), допускаетъ иностранную юрисдикцію лишь по отношенію къ дѣяніямъ между членами экипажа и не затрогивающимъ мѣстныхъ подданныхъ, или, вообще, безопасность и спокойствіе порта, въ которомъ стоитъ иностранный купеческій корабль (Филлиморъ, Ортоланъ).

Лошескія послѣдствія изъ принципа территоріальнаго дѣйствія закона — право и обязанность (въ интересахъ международнаго общенія) наказанія всякаго лица (даже иностранца), совершившаго на данной территоріи преступленіе, направленное противъ иноземнаго государства или его подданныхъ (исключеніе — Англія). Нѣкоторыя законодательства (напр. Бельгійское и Германское; законы 1875 г.) заходятъ слишкомъ далеко, карая одно приготовленіе и даже „умыселъ“ къ совершенію наиболѣе тяжкихъ преступленій (выразившіеся въ предложеніи, хотя бы и не принятомъ, совершить важное уголовное преступленіе): созна-

ніе требованій международнаго общенія весьма необходимо, но не слѣдуетъ же для него нарушать основныя начала уголовного права. *Исключеніе изъ правила—политическія преступленія*: здѣсь все рѣшается на основаніи спеціальныхъ договоровъ (напр. Мюнхенгредская конвенція 1833 г.—Австріи и Россіи и декларация этихъ державъ 1860 г.).

2) *Дѣянія (преступныя), совершенныя подданными государства за границею*. Въ принципѣ признается всѣми континентальными державами право наказанія подданныхъ: французское (съ 1866 г.)—за всѣ crimes (преступленія), за délits (проступки)—только въ томъ случаѣ, если они запрещены и въ мѣстѣ ихъ совершенія, за полицейскія-же правонарушенія (contraventions)—только при взаимности; Германское уложеніе—всегда за верховную измѣну, за преступленія дипломатическихъ агентовъ за границею и ко всѣмъ виновнымъ въ нарушеніяхъ монетнаго устава; по остальнымъ преступленіямъ (Vebrechen) и проступкамъ (Vergehen)—только при запрещеніи ихъ законами мѣста ихъ совершенія; по договорамъ и за полицейскія правонарушенія; по проекту новаго русскаго уголовного уложенія (ст. 7)—въ послѣднемъ случаѣ тоже не иначе, какъ по договору, а также за всѣ преступленія и проступки (взглядъ—наиболѣе соотвѣтствующій требованіямъ начала общенія, т. е. обязанности охранять юридическій порядокъ отъ нарушеній, гдѣ бы они ни совершились). *Тожe и въ дѣйствующемъ уложеніи о наказаніяхъ* (ст. 173 и 174): судъ обязанъ только смягчить „по соразмѣрности“ наказаніе, если оно менѣе тяжко въ мѣстѣ совершенія преступленія. Изъ установленнаго правила составляютъ исключеніе, только англо-американская теорія и практика; но за то оба государства, исходя изъ положенія, что преступное дѣяніе тяготѣетъ по преимуществу къ мѣсту его совершенія, послѣдовательно развивая территоріальный принципъ, не отказываютъ въ выдачѣ своихъ подданныхъ, совершившихъ преступныя дѣянія за границею.

3) *Въ исключительныхъ случаяхъ государство управомочено примѣнить свои уголовные законы и къ преступнымъ дѣйствіямъ иностранцевъ, совершеннымъ за границею*; именно—когда дѣяніе иностранца (за границею) есть нападеніе на права государства и на государственныя порядки или на права подданныхъ даннаго государства, держащаго преступника въ своей власти.

Этотъ взглядъ, наиболѣе соотвѣтствующій универсальной теоріи (и реальному принципу), сталъ приниматься законодательствами лишь недавно (въ Россіи—ст. 172 уложенія—едва-ли не ранѣе другихъ государствъ); но примѣненіе ея очень ограничено: по французскому праву—право наказанія только факультативно и возможно лишь за посягательства иностранцевъ на безопасность Франціи, за поддѣлку государственной печати, денежныхъ знаковъ Франціи; почти тоже—по германскому законодательству: верховная измѣна противъ главы государства и государственнаго устройства Германіи (или отдѣльнымъ ея государствъ), дипломатическая измѣна и нарушеніе монетной регаліи. *Дальше всѣхъ идетъ проектъ русскаго уголовного уложенія (ст. 7), стоя-*

цій твердо на универсальной теоріи: онъ наказываетъ всякаго иностранца за всякое преступленіе за границею съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы оно каралось русскими законами.

В. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, когда государство прямо не заинтересовано въ примѣненіи права наказанія, т. е. когда не находится въ какомъ либо юридическомъ отношеніи къ преступнику или преступленію, оно имѣетъ только обязанность, лежащую на немъ въ качествѣ члена международного общенія, оказать другому государству (непосредственно заинтересованному въ наказаніи) помощь для защиты юридическаго порядка нарушеннаго преступнымъ дѣяніемъ даннаго лица; т. е. выдача есть—актъ судебной помощи, оказываемой другъ другу государствами въ видахъ осуществленія охраны юридическаго порядка отъ преступныхъ на него посягательствъ (Ф. Мартенсъ).

Выдача производится всеми государствами (кроме Англій и Соедин. Штатовъ Сѣв. Америки) и безъ специальныхъ трактатовъ между государствомъ-убѣжищемъ и державою, требующею выдачи. Такъ и должно быть съ точки зрѣнія международного общенія. Но хотя такая обязанность выдачи все болѣе распространяется, тѣмъ не менѣе въ настоящее время каждое государство, не обязанное къ выдачѣ трактатами, въ правѣ еще отказать въ ней, особенно въ случаѣ отсутствія довѣрія къ юстиціи требующаго государства или взаимности. Впрочемъ, случаи невыдачи съ каждымъ годомъ становятся все рѣже и исключительнѣе.

1. Для выдачи необходимо прежде всего формальное требованіе о ней, предъявляемое всегда дипломатическимъ путемъ (въ видѣ исключенія—для скорости—допускаются сношенія непосредственно между судами обоихъ государствъ или правительствомъ требующаго государства и колоніальными властями мѣста убѣжища; напр. конвенція Россіи и Нидерландовъ 1880 г., Англій и Россіи 1885 г.). Предъявленное требованіе влечетъ за собою арестъ требуемаго лица по распоряженію власти судебной (англо-американская система) или административной въ мѣстѣ убѣжища. Послѣ этого слѣдуетъ процессъ разсмотрѣнія требованія о выдачѣ. Англо-американская система предоставляетъ рѣшеніе вопроса о выдачѣ или невыдачѣ исключительно судамъ (съ правомъ обжалованія для обѣихъ сторонъ во вторую инстанцію; въ Англій—въ судъ Королевиной скамьи); рѣшеніе суда безусловно связываетъ правительство, если рѣшеніе отрицательное, но если оно состоялось въ положительномъ смыслѣ—отъ правительства зависитъ все же отказать въ выдачѣ. Противоположна ей система французская (на практикѣ и русская: выдача по соглашенію между министрами юстиціи и иностранныхъ дѣлъ). Все рѣшается администраціею (министромъ юстиціи, которому требованіе передается министромъ иностранныхъ дѣлъ: наводятся справки, подозрѣваемый допрашивается чрезъ прокурорскій надзоръ; въ дѣлахъ особенно серьезныхъ—рѣшаетъ совѣтъ министровъ). Третья система (за нее и проф. Ф. Мартенсъ)—бельгійская—есть смѣшанная: она допускаетъ участіе суда, въ качествѣ совѣщательнаго органа, но рѣшеніе его ничуть не обязательно для правительства. Наилучшая система, безспорно, англо-американская: 1) выдача есть актъ судебной помощи, поэтому

наиболѣе компетентнымъ органомъ для рѣшенія вопроса являются именно суды; 2) судебное рѣшеніе покоится на юридическихъ основаніяхъ, а не на соображеніяхъ политики, которыми часто руководятся административные органы; поэтому оно — безпристрастно; 3) отказъ въ выдачѣ со стороны суда менѣе задѣваетъ самолюбіе и достоинство правительства требующаго и въ 4) — этотъ способъ наиболѣе гарантируетъ подозрѣваемого и успокаиваетъ общественное мнѣніе обоихъ государствъ.

Въ выдачу всегда отказывается, если требованіе о ней не подкреплено достаточными формальными доказательствами въ пользу основательности домогательства перечисляемыми въ конвенціяхъ или во внутреннихъ законодательствахъ. Обыкновенно требуются доказательства самоличности преступника, компетентности требующаго государства, состава преступленія и санкции уголовного закона. Если просить о выдачѣ лица еще подлежащаго суду, то нельзя требовать доказательствъ полной виновности (послѣдняя можетъ быть опредѣлена лишь на судебномъ слѣдствіи); достаточно лишь утвердить вѣроятность виновности.

Всѣ конвенціи и внутр. законодат. (противное — только въ англо-америк. практикѣ, строго держащейся территоріальнаго принципа) отказываютъ въ выдачу собственныхъ подданныхъ (русскія конвенціи — даже иностранцевъ, натурализованныхъ или поселившихся въ Россіи). Въ послѣднее время эта практика встрѣчаетъ энергичный отпоръ со стороны многихъ писателей (Гольцендорфъ, Паскаль-Фиоре, Ф. Мартенсъ и друг.); гентскій институтъ тоже высказался за выдачу собственныхъ подданныхъ между государствами, „уголовные законы которыхъ покоятся на аналогичныхъ основаніяхъ и которыя имѣютъ довѣріе къ ихъ судебнымъ порядкамъ“, такъ какъ выдача, передавая дѣло на судъ мѣста совершенія преступленія, „обезпечиваетъ правильное отправленіе правосудія“. Впрочемъ это послѣднее воззрѣніе встрѣчаетъ противодействие со стороны нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей (напр. Скиатарелла). За выдачу, безспорно, говорятъ требованія современнаго уголовного процесса (интересы правосудія и подсудимаго). За невыдачу можно привести лишь одинъ серьезный аргументъ: государство обязано особымъ покровительствомъ своему подданному; невыдача его иностранному государству — лишній шансъ въ уголовномъ процессѣ въ пользу обвиняемаго, который, не ускользая отъ суда и наказанія въ своемъ отечествѣ (этимъ удовлетворяются законныя требованія международнаго общенія), получаетъ этотъ лишній шансъ (выгоду) въ силу спеціальнаго покровительства, оказываемаго ему его отечествомъ какъ подданному.

Если, далѣе, относительно одного и того же лица конкурируютъ нѣсколько требованій о выдачѣ, т. е. представлены нѣсколько правъ (разными государствами) на его выдачу, то компетентная власть должна выяснить — которое изъ требованій должно получить преимущество? И теорія и практика по этому вопросу очень расходятся, сходясь лишь по одному пункту: признается преимущественное право суда и наказанія за тѣмъ государствомъ, въ предѣлахъ котораго тоже совершено

преступленіе лицомъ, требуемымъ къ выдачѣ другою державою. Необходимо допустить и другое исключеніе—если въ государство требующемъ совершено болѣе важное преступленіе (противъ—Ф. Мартенсъ). Странно было бы у насъ, въ Россіи, сперва наказывать тюрьмою челоувѣка за кражу, если онъ совершилъ во Франціи „assassinat“ и подлежить за это смертной казни! Если же требуетъ выдачи государство, въ которомъ совершено преступленіе, и держава, подданнымъ которой состоитъ преступникъ, то, такъ какъ онъ не является подданнымъ третьей (мѣста убѣжища), надлежитъ отдать предпочтеніе государству—мѣсту совершенія преступленія. Но нѣкоторыя конвенціи (напр. русско-испанская 1877 г.) обязываютъ спросить предварительно государство—отечество преступника о его желаніи взять на себя наказаніе преступника. Равнымъ образомъ должно выдавать тому государству, въ предѣлахъ котораго совершено болѣе тяжкое преступленіе (Ф. Мартенсъ); въ случаѣ равныхъ преступленій—государству отечеству. Такое же рѣшеніе и въ томъ случаѣ, если нѣсколько (2—3) государствъ, и въ томъ числѣ отечественное, требуютъ выдачи одного лица за различныя дѣянія, въ каждомъ изъ нихъ совершенныя. Всѣ эти вопросы разрѣшаются въ указанномъ смыслѣ и гентскимъ институтомъ междунагоднаго права.

Наконецъ, компетентная власть государства, у котораго требуется выдача, должна рѣшить—принадлежитъ ли дѣяніе лица къ числу такихъ, которыя допускаютъ выдачу по внутреннимъ законодательствамъ (если нѣтъ договора) или по конвенціи? До сихъ поръ дѣйствуетъ въ законахъ и конвенціяхъ система перечня преступленій, подлежащихъ выдачѣ, и внутреннія законодательства рѣшаютъ—считать ли перечисленіе въ конвенціи исчерпывающимъ случаи выдачи или же лишь примѣрнымъ? Замѣчательно, что число преступныхъ дѣяній, допускающихъ выдачу, постоянно возрастаетъ (напр. въ конвенціи Россіи съ Даніей 1866 г.—9 преступленій; съ Италіей—1874 г.—уже 13, а съ Голландіей—1880 г.—уже 25) и измѣняется качественно. Можно сказать съ увѣренностью, что вскорѣ наступитъ время, когда конвенціи и законодательства перейдутъ къ обратной системѣ—перечня лишь дѣяній, не подлежащихъ выдачѣ (на это указалъ Спасовичъ на тюремномъ конгрессѣ въ Петербургѣ, 1890 г.). Пока значительно препятствуетъ разрѣшенію споровъ о качествѣ и квалификаціи даннаго дѣянія различіе между опредѣленіями преступленій въ конвенціяхъ и внутреннихъ законодательствахъ, почему проф. Рено требовалъ на тюремномъ конгрессѣ 1890 г. введенія единообразной терминологіи въ опредѣленіяхъ разныхъ преступленій въ законодательствахъ. Во всякомъ случаѣ не выдаются военные дезертиры, лица, виновныя въ спеціально воинскихъ преступленіяхъ и проступкахъ; но выдаются (по странной непоследовательности) „по соображеніямъ полицейско-экономическимъ“ (въ этомъ смыслѣ высказался и гентскій институтъ) дезертиры-матросы и при томъ не только съ купеческихъ, но и съ военныхъ кораблей. Какъ будто бы матросъ военнаго флота не входитъ въ составъ вооруженныхъ силъ страны такъ же, какъ и солдатъ сухопутной арміи, неподлежащій, однако, выдачѣ въ случаѣ побѣга!

2. *Политическія преступленія.* Съ 30-хъ, но особенно съ конца 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія общепризнано въ трактатахъ, законодательствахъ и литературѣ, что политическіе преступники не подлежатъ выдачѣ. Этотъ принципъ, смѣнившій собою противоположное начало выдачи политическихъ преступниковъ (см. выше), зародившись въ эпоху французской революціи, явился протестомъ противъ реакціи, водворившейся въ Европѣ съ вѣнскаго конгресса. Понятно, что государства, издавна пользовавшіяся политической свободой и благами народнаго представительства (напр. Англія и Соед. Штаты Сѣв. Америки), взяли подъ свою особую защиту политическихъ бѣглецовъ континента, на которомъ свирѣпствовала реакція. Право убѣжища вошло въ органическіе законы Англіи, Соед. Штатовъ, Швейцаріи и стало тамъ аксіомой, особенно послѣ 1848 г., періода общихъ революціонныхъ движеній въ Европѣ. Когда политическая борьба почти всюду разрѣшилась въ пользу конститут. учреждений, всѣ законодательства (и конвенціи) стали охранять начало невыдачи политическихъ преступниковъ. Со второй половины настоящаго вѣка (и особенно съ 70-хъ годовъ въ Россіи) характеръ политическихъ преступленій начинаетъ измѣняться и извращаться. Общія преступленія нерѣдко сознательно сопровождаютъ, предшествуютъ или слѣдуютъ за политическими, или идутъ съ ними параллельно, бокъ о бокъ; іезуитское начало — „цѣль оправдываетъ средства“ — становится руководящимъ. Это вынудило нѣкоторые законодательства (и конвенціи), а потомъ и литературу подвергнуть радикальному анализу и пересмотру все ученіе о невыдачѣ политическихъ преступниковъ и сдѣлать въ немъ нѣкоторыя исправленія. Предѣлы и основанія этихъ исключеній изъ начала невыдачи еще очень спорны и не получили общаго признанія. Во всякомъ случаѣ, прежде всего слѣдуетъ выдѣлить понятіе о чисто политическомъ преступленіи, которое должно покрываться началомъ невыдачи (безъ всякихъ ограниченій).

а) *Чисто политическія преступленія.*

Справедливо замѣчали (Тейхманъ и друг.), что трудно точно опредѣлить понятіе политическаго преступленія; поэтому, желательно международное о томъ соглашеніе. Но такъ какъ по столь щекотливому вопросу пока еще трудно ожидать общаго соглашенія, то, необходимо, по крайней мѣрѣ, заключеніе возможно большаго числа конвенцій между отдѣльными государствами или, еще лучше, группами государствъ единомышленныхъ. Подъ политическими преступленіями (чистаго типа) слѣдуетъ понимать такія, въ которыхъ преступникъ, имѣя умыселъ испровергнуть или измѣнить существующій государственный или соціальный строй, избираетъ чисто политическій путь къ достиженію намѣченной цѣли и употребляетъ для того всякія средства, хотя и не дозволенныя законодательствами страны, но не составляющія такъ называемыхъ преступленій противъ общаго права. Такимъ образомъ, употребленіе послѣднихъ, хотя бы подъ несомнѣнно политическими мотивами и съ политическими цѣлями, лишаетъ дѣяніе его чисто по-

литического характера. При отсутствіи трактатовъ гарантіей для требуемаго къ выдачѣ должна быть оцѣнка его дѣянія (лучше всего судомъ) въ мѣстѣ убійства.

Оправдать невыдачу чисто политическихъ преступниковъ не трудно. Рѣшающій аргументъ чисто юридическій: преступникъ противъ общаго права (напр. убійца, поджигатель)—колеблетъ основанія, общія всякому юридическому порядку, общепризнанныя, вошедшія въ плоть и кровь культурныхъ народовъ (даже полудивилизованныхъ). Убійца—одинаково убійца въ Швеціи, Россіи и даже въ Персіи! Политическій же преступникъ—колеблетъ строй, опасенъ лишь для мѣстнаго (спеціального) юридическаго порядка (для формы государства или соціального строенія), индивидуальныя особенности котораго не входятъ, какъ необходимые элементы, въ общій юридическій порядокъ. Международный союзъ, признавая разныя формы государственнаго устройства, тѣмъ самымъ отрѣшается отъ понятія о какомъ либо излюбленномъ строеніи и вовсе не обязанъ оказывать судебной помощи государству противъ преступника, колеблющаго спеціальныя основы даннаго строя. Соображенія историческія: никакой политической и соціальной строй не вѣченъ; все измѣняется и прогрессируетъ; въ 1860 г. охраняется одна форма (напр. устой государства на крѣпостномъ правѣ), а въ 1861 г.—издается въ Россіи актъ освобожденія крестьянъ; слѣдовательно, опасный и преступный посягатель, желавшій путемъ заговора добиться освобожденія крестьянъ, перестаетъ быть таковымъ въ томъ же государствѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ; между тѣмъ убійца остается убійцею всегда и всюду, хотя бы и освобождался отъ наказанія за давностью. Далѣе, замѣчено, что такіе политическіе преступники носили въ себѣ извѣстныя идеалы, достигнутые въ большей или меньшей степени въ другихъ государствахъ; поэтому было бы несправедливо отдавать ихъ на судъ и наказаніе со стороны того государства, которое само осуществило или пытается осуществить данныя идеалы, и идѣ такой подданный является добрымъ и честнымъ гражданиномъ, выдавать государству, которое сегодня можетъ казнить его, а чрезъ нѣсколько лѣтъ само измѣнить свой строй въ смыслѣ приближенія къ идеалу казненнаго (графъ Андраши въ 1849 г. былъ приговоренъ къ смертной казни, а въ 60-хъ годахъ и позднѣе игралъ важную государственную роль въ Австро-Венгріи). Выдача такихъ преступниковъ скорѣе вредна, и во всякомъ случаѣ мало полезна: въ государствѣ выдающемъ она шокируетъ общественное мнѣніе, иногда прямо возбуждаетъ его противъ правительства; для государства требующаго она приноситъ мало пользы потому, что опасность политическаго преступника въ прежнія времена концентрировалась около его личности, почему уничтоженіе его—вело къ уничтоженію движенія, имъ возбужденнаго. Въ настоящее же время политической преступникъ—всегда почти носитъ въ себѣ идеи, распространенныя въ извѣстныхъ сферахъ; съ его казнью или ссылкой не исчезаютъ ни идеи, двигавшія его побужденіями, ни сторонники ихъ (партія). Это хорошо выяснено еще Гизо. Аргументъ криминалистовъ (напр. Росси и Фаустена Эли) о томъ, что у политическаго преступника нѣтъ злой воли, которая есть

главный элементъ общаго преступленія, а имѣется скорѣе „отважность, безпокойство духа и фанатизмъ“ на мѣсто развращенности, испорченности и порока преступниковъ противъ общаго права, есть аргументъ довольно слабый: „злая воля“ (умыселъ) въ общекриминалистическомъ смыслѣ вполнѣ присутствуетъ и у политическихъ преступниковъ, а честный (или менѣе дурной) мотивъ дѣянія—можетъ вести къ смятенію, даже къ оправданію вины на судѣ, но никоимъ образомъ не къ оправданію невыдачи. Серьезнѣе тотъ мотивъ, что держава, судящая выданнаго, какъ особенно заинтересованная въ охраненіи своего традиціоннаго государственнаго и социальнаго строя, чаще всего будетъ пристрастна къ выданному: въ политическихъ преступленіяхъ государства менѣе склонны не только къ милосердію и пощадѣ, но даже къ соблюденію обычныхъ процессуальныхъ гарантій въ пользу обвиняемаго, который можетъ такимъ образомъ явиться жертвою мести и понести отвѣтственность безъ вины (просто какъ опасный человѣкъ) или выше вины. Даже въ Англіи (при судѣ надъ феніями), не говоря уже о Франціи—исторія вполнѣ подтверждаетъ сказанное. Но значеніе этого аргумента ослабляется: 1) возможно отказать въ выдачу, если въ данномъ случаѣ не будетъ обезпеченъ безпристрастный надъ выданнымъ судъ, 2) можно бы требовать, выдавая, обезпеченій такого хорошаго суда и въ 3-хъ) отказать при выдачѣ въ примѣненіи къ выданному особаго порядка суда (исключительнаго; напр. военно-полеваго).

Въ общемъ и цѣломъ аргументы за невыдачу непоколебимы.

Изъ понятія чистаго политическаго преступленія должно быть исключено царубійство (и покушеніе на жизнь монарха). Первый законъ въ этомъ смыслѣ изданъ въ Бельгіи (въ 1856 г.); вызванъ онъ покушеніемъ нѣкоего Жакэна (французскаго эмигранта въ Бельгіи) на жизнь Наполеона III. Законъ гласитъ, что „посягательство на личность главы иностраннаго государства или членовъ его семейства, выразившееся въ убійствѣ, умерщвленіи или отравленіи, не считается политическимъ преступленіемъ“. До этого закона такія преступленія разсматривались какъ наиболее политическія, что совершенно понятно, такъ какъ этотъ взглядъ—наслѣдіе эпохи, отождествлявшей государство съ государемъ; но когда стали отдѣлять первое отъ втораго, что выражается во всѣхъ современныхъ конституціяхъ, то было бы нелогично не охранять личности государя, какъ человѣка. Большой абсурдъ полагать, что жизнь человѣка перестаетъ быть неприкосновенной, что она лишается защиты потому только, что въ ней сосредоточено высокое званіе монарха. Еще нелогичнѣе допустить, что жизнь послѣдняго нищаго и пропойцы, охраняемая международнымъ правомъ при посредствѣ выдачи виновнаго, заслуживаетъ большей защиты, нежели личность монарха, носителя верховной власти. Бельгійскій законъ принятъ (въ принципѣ) и нѣкоторыми другими государствами (Испанією, Германією и Даніей) и начала его все болѣе распространяются въ картельныхъ конвенціяхъ (въ конвенціяхъ Россіи съ Бельгіей, Баваріей, Австріей, Испаніей, Нидерландами). Впрочемъ, многія государства (напр. Италія, Англія, Соед. Штаты) не признаютъ еще обязанности выдачи и не проводятъ

ее въ своихъ конвенціяхъ. Но за послѣдніе годы анархическія дѣянія, театромъ которыхъ явились эти государства, все болѣе склоняютъ общественное мнѣніе и правительства къ ограниченію права убѣжища и даже къ выдачѣ преступниковъ не чистаго политическаго типа. Въ этомъ направленіи стали высказываться англійскіе юристы и государственные люди; а русское правительство недавно еще употребляло старанія для заключенія конвенцій въ указанномъ смыслѣ. *Во всякомъ случаѣ желательна, чтобы и личности президентовъ республикъ были уравнены въ этомъ отношеніи съ государями и чтобы при выдачѣ за покушенія на жизнь тѣхъ и другихъ виновные отвѣчали по общимъ законамъ объ убійствѣ, а не по спеціальнымъ объ убійствѣ главы верховной власти.* Такая поправка повліяла бы на скорѣйшее заключеніе конвенцій о выдачѣ такихъ преступниковъ.

Если при заговорѣ, приведшемъ къ возстанію или междуусобной войнѣ, произошли кровопролитія, разрушенія имущества и прочія дѣянія, противныя общему праву, то при рѣшеніи вопроса о выдачѣ за такія послѣдствія, проистекающія изъ несомнѣнно политическаго преступленія, надлежитъ руководствоваться двумя соображеніями: 1) рѣшить — имѣется ли непосредственная связь между политическимъ преступленіемъ и послѣдствіемъ, изъ него вытекающимъ (напр. возстаніе, приведшее къ убійству солдатъ, взрыву арсенала и гибели въ немъ рабочихъ и служащихъ). Если эта связь имѣется и одно изъ другаго необходимо вытекаетъ, то не можетъ быть и рѣчи о выдачѣ (парижскихъ коммунаровъ не выдавали по принципу), такъ какъ подобныя дѣянія (возстанія) не мыслимы безъ сопротивленія противной стороны, а, слѣдовательно, и безъ случайныхъ жертвъ. Здѣсь примѣняются, во 2-хъ, законы войны. Поэтому все, дозволенное на войнѣ, оправдывается и при возстаніи и междуусобицѣ, а все, преслѣдуемое правилами войны между культурными народами, какъ незаконное (и преступное), не оправдывается и подлежитъ выдачѣ (это второе положеніе принимается гентскимъ институтомъ). Нарушеніе обоихъ или одного изъ этихъ условій должно оправдать выдачу, но съ обязательствомъ судить и наказывать лишь за общее преступленіе. Если же этого обязательства не дано или имѣется серьезное основаніе опасаться пристрастія мѣстной юстиціи, то было бы справедливей оградить интересы юридическаго порядка, требующаго наказанія за общія преступленія, и интересы личности, имѣющей право на безпристрастный судъ, посредствомъ суда и наказанія этого лица въ мѣстѣ убѣжища по законамъ послѣдняго (здѣсь вполнѣ приложимы требованія универсальной теоріи). Въ этомъ случаѣ судъ мѣста убѣжища (*forum deprehensionis*) затрудненъ для произнесенія правильнаго приговора ни чуть не больше суда отечества надъ подданнымъ, совершившимъ преступленіе за границею и бѣжавшимъ въ свое отечество, которое (см. выше) не выдаетъ его, а само наказываетъ. Въ вышеуказанномъ случаѣ исключеніе изъ начала — „преступленіе болѣе всего тяготѣетъ къ мѣсту его совершенія“, — хотя и противорѣчащее требованіямъ современнаго уголовнаго процесса, вполнѣ оправдывается необходимостью сочетать и оградить два одинаково важные интереса. Основная

мысль этого мнѣнія, высказаннаго проф. Даневскимъ гентскому институту еще въ 1880 г., принята позднѣе (ст. 7) и составителями проекта новаго русскаго уложенія.

б) *Нечистыя политическія преступленія*. Ихъ можно подраздѣлить на 2 вида: 1) *преступленія противъ общаго права* (напр. убійство, поджогъ), *совершенныя подъ вліяніемъ политическихъ мотивовъ и цѣлей, но не во время возстанія или междуусобной войны* (напр. взрывъ Гартманомъ Императорскаго поѣзда подъ Москвою). *Допустить здѣсь безнаказанность невозможно, такъ какъ она была бы громадною опасностью для государства и всего международнаго союза и узаконеніемъ противнаго интересамъ культуры начала*— „цѣль оправдываетъ средства“. Поэтому, пока еще не выработалось на этотъ счетъ никакого международнаго соглашенія, *желательно, чтобы трактаты (или внутреннія законодательства), если они опасаются выдавать такихъ лицъ, установили и здѣсь компетентность суда мѣста убъжища (forum deprehensionis)*. Въ настоящее же время законодательства, трактаты и практика очень колеблются, рѣшая вопросъ о выдачѣ скорѣе въ отрицательномъ смыслѣ, что, очевидно, противно интересамъ юридическаго порядка. 2) *Преступныя дѣянія, въ которыхъ общее преступленіе соединено неразрывно съ политическимъ на столько, что ихъ почти невозможно отдѣлать другъ отъ друга* (соединенныя или сложныя преступленія— crimes et délits connexes ou complexes). Сюда относятся лишь дѣянія, совершенныя не во время возстанія или междуусобной войны; напр. кто-либо, устроивъ заговоръ, арестуетъ мѣстныя власти, держитъ ихъ долго подъ арестомъ, т. е. совершаетъ политическое преступленіе (заговоръ), для осуществленія котораго необходимо совершить преступленіе противъ общаго права (противозаконное лишеніе свободы). Если это послѣднее неразрывно связано съ первымъ (которое есть главное), логически и фактически вытекаетъ изъ него, то политическая сторона дѣянія въ сложномъ преступленіи покрываетъ собою неполитическую (добавочное преступленіе, противъ общаго права), которая служитъ скорѣе средствомъ для достиженія главной цѣли. *Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о выдачѣ и наказаніи вообще*. Въ противномъ случаѣ—рѣшеніе то же, что и для предыдущаго случая (вида); напр. кто-либо, арестовавъ министра или иную власть, ограбляетъ у него деньги или убиваетъ его жену, дѣтей и проч. Вообще, рѣшеніе зависить отъ разсмотрѣнія каждаго даннаго случая.

3) Когда требованіе о выдачѣ разсмотрѣно компетентною властью, въ немъ или отказывается (отказъ всегда долженъ быть мотивированъ), или же требованіе удовлетворяется. *Удовлетвореніе требованія о выдачѣ влечетъ за собою актъ выдачи, какъ юридическое и фактическое слѣдствіе перваго* (если не истекла давность по законамъ выдающей страны). Обязанность содѣйствія государствъ въ оказаніи судебной помощи, какъ взаимная, требуетъ принятія на себя выдающимъ государствомъ расходовъ по выдачѣ, но лишь на его территоріи. *Юридическое послѣдствіе для государства, требовавшаго выдачи, вытекающее изъ акта выдачи, то, что оно имѣетъ право суда и наказанія надъ выданнымъ*

лишь въ предѣлахъ преступленія, за которое воспослѣдовала выдача, такъ какъ противное легко привело бы къ произволу противъ выданнаго лица и къ обходу постановленій и правилъ о невыдачѣ. *Исключенія* (но далеко не въ большинствѣ конвенцій) допускаются при согласіи самаго выданнаго судиться по обвиненію въ другомъ преступленіи, въ случаѣ согласія выдаващаго государства на судъ и наказаніе выданнаго за преступленія, совершенныя имъ до выдачи, и если выданный не покинетъ въ назначенный ему срокъ (или самовольно возвратится) въ страну, его судившую. Понятно, что выданный не лишается никакихъ процессуальныхъ правъ и гарантій, предоставленныхъ обвиняемому вообще по законамъ мѣста судбища (исключительные суды не могутъ быть примѣняемы къ нему).

V. *Исполненіе уголовныхъ приговоровъ иностранныхъ судовъ.* Интересы уголовного правосудія и начала международного общенія одинаково требуютъ признанія вошедшаго въ силу уголовного приговора иностраннаго суда, такъ какъ въ противномъ случаѣ лицо, осужденное и наказанное за границу, могло бы вновь подвергнуться суду и наказанію за то же дѣяніе, оправданный въ одномъ государствѣ могъ бы вновь привлекаться къ суду въ другомъ, а обвиненный могъ бы пользоваться за границею всѣми правами неопороченнаго гражданина. Весь вопросъ лишь въ предѣлахъ распространенія за границу юридическихъ послѣдствій иностраннаго уголовного приговора. Здѣсь отличаютъ: а) *приговоръ иностраннаго компетентнаго суда надъ иностраннымъ подданнымъ по дѣлу, являющемуся нарушеніемъ только мѣстнаго порядка.* Въ такомъ случаѣ приговоръ имѣетъ полную силу (французскій законъ 1876 г.); иностранная власть въ правѣ лишь принять противъ такого лица мѣры полицейской предосторожности (надзоръ, высылка); в) *если же приговоръ иностраннаго суда касается дѣянія, направленнаго противъ государственнаго порядка отечества, то дѣло вновь разсматривается по существу* (если лицо было наказано за то же дѣяніе за границею, то наказаніе лишь уменьшается или видоизмѣняется; напр. русская практика). Возникающіе вопросы о давности разрѣшаются по законамъ мѣста совершенія преступленія; е) *если же приговоръ поставленъ иностраннымъ судомъ по дѣянію, затрогивающему интересы и права частныхъ лицъ, то приговоръ не можетъ быть пересмотрѣнъ вновь, но судъ мѣста нахождения такого лица можетъ опредѣлить (по суммарномъ разсмотрѣніи дѣла) тѣ юридическія послѣдствія обвинительнаго приговора иностраннаго суда, которыя касаются гражданскихъ и политическихъ правъ осужденнаго (нельзя, очевидно, признать право участія въ выборахъ лица, осужденнаго за кражу или разбой за границею). Акты амнистіи и помилованія, изданные компетентною властью за границую, имѣютъ экстерриториальное дѣйствіе.* Наша сенатская практика дала лишь грубыя противорѣчія по этому вопросу (см. Ф. Мартенсъ): въ 1868 г. (по дѣлу Никитченко, приговореннаго во Франціи къ каторгѣ) Сенатъ призналъ, что фактъ осужденія за границую къ уголовному наказанію влечетъ за собою для русскаго подданнаго признаніе и въ Россіи юридическихъ послѣдствій осужденія къ каторгѣ, т. е.

лишеніе всѣхъ правъ состоянія; но въ 1871 г. по тому же дѣлу Сенатъ призналъ, что о такихъ послѣдствіяхъ иностраннаго уголовного приговора въ Россіи не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ (по ст. 11 угол. суд.) „никто не можетъ быть наказанъ за преступленіе или проступокъ, подлежащіе судебному вѣдомству, иначе, какъ по приговору подлежащаго суда, вошедшему въ законную силу“, а такой судъ можетъ быть лишь русскимъ судомъ.

Понятно, что *объ исполненіи иностраннаго уголовного приговора не можетъ быть и рѣчи*: оно противорѣчило бы основнымъ требованіямъ уголовной политики и нарушило бы верховныя права независимаго государства.

VI. *Взаимная помощь* (судебная) можетъ быть оказываема государствами и помимо выдачи; она *выражается* (по аналогіи съ гражданскимъ международнымъ правомъ) *въ такъ называемыхъ судебныхъ порученіяхъ* (опросныя грамоты — *commissions rogatoires*); *послѣднія передаются обыкновенно и возвращаются дипломатическимъ путемъ* (изрѣдка — сношеніями судовъ, напр. декларация Россіи и Германіи 1879 года); *въ сообщеніи разныхъ документовъ, въ присылкѣ свидѣтелей* (подъ разными условіями, содержащимися въ конвенціяхъ) *или въ совершеніи очныхъ между ними ставокъ.*

Г Л А В А V.

Международная охрана артерій всемірнаго оборота.

(Природные и искусственные пути международныхъ сообщеній).

Литература. Изъ русскихъ сочиненій: Морское международное право — Ф. Мартенсъ — томъ II, глава III; Эйхельманъ — „Замѣтки“ § 5, 7 и 8; Ортоланъ — Морское международное право (съ французскаго) съ дополненіями и измѣненіями А. Лохвицкаго, 1865 г.; В. Уляшичій — Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ, 1883 г. (по неизданнымъ источникамъ; солидный трудъ); о судоходствѣ по рѣкамъ — см. Наумовъ — Судоходство по Шельдѣ, 1856 г. (интересная работа); самое новѣйшее — Перельсъ — Современное морское международное право, 2 тома — переводъ съ нѣмецкаго Лиліенфельда, 1884 г. — см. томъ I; здѣсь же (въ приложеніи) — главнѣйшіе законы о русскомъ купеческомъ судоходствѣ (составлено по книгѣ Носа — „Сборникъ русскихъ законовъ о купеческомъ водоходствѣ“); здѣсь же (приложеніе VII) можно найти „уставъ для російскихъ консуловъ въ Европѣ и Америкѣ“ (приложеніе къ ст. 2025, 2 части XI т. свода законовъ).

Изъ иностранныхъ — По морскому международному праву. Кромѣ общихъ сочиненій Блунчи, Паскаля-Фиоре, Прадье-Фодере, Бульмеринка, Уитона (особенно же у Кальво — томъ I, и у Филлимора — томъ I) и т. д. — имѣется много специальныхъ монографій; изъ нихъ лучшія и извѣстнѣйшія — Ortolan — Règles internationales et diplomatie de la mer, 4 издание 1864 г.; Cauchy — Le droit maritime international, 1862 г.; Perels — Das internationale Seerecht (см. переводъ Лиліенфельда); Testa — Le droit public international maritime (съ португальскаго) — 1886 г.

Спеціально о судоходствѣ по проливамъ и каналамъ международнаго характера — въ Annuaire de l'institut (томъ III) — заключенія института, писъма Треверсъ-Твисса и Ф. Мартенса о Суэцкомъ каналѣ; и „Revue de droit international“ — за 1882 и 1885 г. (статьи Треверсъ-Твисса); о Панамскомъ каналѣ — Zöller — Der Panama-Kanal, 1882 г.; также ст. Renault въ „Revue“ (1883 г.).

О судоходствѣ по рѣкамъ—*Caratheodory*—Le droit international concernant les grands cours d'eaux (1861 г.); *его же*—Du régime conventionnel des fleuves internationaux, 1879 г. (лучшее и полѣйшее); *его же*—много статей въ „Revue de droit international“ (съ 1880 по 1886 г., особенно о Конго и Нигерѣ, 1886 г.); о Дунаѣ специально—*Geffcken*—La Question du Danube 1883 г.; о Конго—*В. Даневскій*—Берлинская Африканская конвенція и *Ф. Мартенсъ*—о томъ же.

О почтахъ, телеграфахъ и желѣзныхъ дорогахъ: *Эйхельманъ*—„Замѣтки“ § 14—17; *Renault*—Etudes sur les rapports internationaux. La poste et le télégraphe, 1877 г.; *Fischer*—Die Telegraphie und das Völkerrecht, 1876 г.; *Kirchenheim*—Les congrés internationaux de la poste et du télégraphe (Revue de droit international за 1880, 1881 и 1886 г. подъ заглавіемъ „Les derniers congrés internationaux de la poste et du télégraphe“) и статья *Gessner'a*—Die beiden Weltvereine für den Post und Telegraphenverkehr, въ „Archiv für öffentliches Recht“, 1887 г.); *Bulmerincq*—Règlement international des transports par chemin de fer (Revue de droit international, 1882 г.); *Asser*—A propos de la conférence de Berne (тамъ же).

Международное право должно въ интересахъ общенія охранять пути для сообщеній между народами, которые служатъ артеріями всемірнаго оборота. Защита ихъ сводится къ принятію положительныхъ мѣръ къ огражденію этихъ путей отъ нападений и нарушеній со стороны отдѣльныхъ державъ, а также мѣръ отрицательнаго свойства, выражающихся въ недопущеніи такихъ дѣйствій и мѣропріятій со стороны государствъ относительно артерій всемірнаго оборота, которыя, согласуясь съ ихъ суверенитетомъ и личными выгодами, противорѣчатъ началамъ общенія и выгодамъ всѣхъ народовъ. По отношенію къ такимъ положительнымъ и отрицательнымъ мѣрамъ въ послѣднее время сдѣлано очень многое; *успѣхи международного положительнаго права въ этой области громадны.*

А. Природныя артеріи международного оборота.

1. *Моря и океаны.* Международное пользованіе ими опредѣляется морскимъ международнымъ правомъ, т. е. *системою юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ пользованіе государствами и ихъ подданными морями и океанами, какъ природными путями международныхъ сообщеній.* Оно охраняется по преимуществу внутренними законодательствами, пытающимися обезпечить отечественное мореплаваніе, а также „трактатами о мореплаваніи и судоходствѣ“, въ которыхъ надлежитъ видѣть попытки къ примѣренію и согласованію національныхъ выгодъ контрагентовъ съ требованіями начала общенія, признающаго, что моря и океаны—свободны для сообщеній и эксплуатаціи всѣхъ народовъ.

Въ эпоху меркантильной и колониальной системъ державы конкуррировали между собою на почвѣ исключительной эксплуатаціи морей и океановъ въ свою пользу, почему *законы Англій* (извѣстный навигаціонный актъ Кромвеля 1651 г.) и *Франціи* (морской орданансъ 1681 г. законъ 1793 г.) создавали изъ мореходства и судоходства привилегіи для подданныхъ, съ исключеніемъ пользованія ими для иностранцевъ. Послѣ паденія меркантильной и колониальной системъ, съ начала XIX вѣка проникаются началами свободы мореходства и всѣ законодательства, которыя постепенно склоняются къ послѣдней, отмѣняютъ прежніе законы (въ Англій около 1850 года) и вступаютъ въ международ-

ныя о ней соглашенія. Въ настоящее время международный обычай законодательства и трактаты выработали нижеслѣдующія правила, въ которыхъ права и интересы отдельныхъ государствъ и ихъ подданныхъ сочетаются съ началами — „море, судоходство и мореплаваніе въ немъ свободны“.

(а) Рыболовство свободно въ моряхъ и океанахъ, но не въ территориальныхъ водахъ, гдѣ оно — привиллегія мѣстныхъ жителей (охраняется интересъ ихъ пропитанія); въ трактатахъ указываются условія рыболовства. Таковы, напр., извѣстный трактатъ 1882 года Бельгій, Голландіи, Англіи, Даніи, Германіи и Франціи объ условіяхъ рыболовства въ Сѣверномъ морѣ; трактаты Италіи, изъ которыхъ въ однихъ (съ Франціею, Бельгіею, Австро-Венгріею и Португаліею) договаривающіяся стороны сохраняютъ за собою право предоставлять спеціальныя привилегіи національному флагу для торговли произведеніями національнаго рыболовства, въ другихъ же трактатахъ ея (напр. съ Англіею, Россіею, Испаніею) умалчивается объ этой привилегіи туземцевъ (Кальво).

(б) Такъ какъ море и океанъ свободны, почему ни одна держава не можетъ отправлять на нихъ исключительной юрисдикціи, а права всѣхъ на морѣ равны, то во время мира плавающіе въ открытыхъ моряхъ корабли продолжаютъ подчиняться законамъ той страны, къ которой они принадлежатъ; эта принадлежность выражается въ національномъ флагѣ. Условія для поднятія послѣдняго, слѣдовательно, для пользованія экстерриториальностью (знаменитая фикція — „корабль — оторванная, плавающая часть государ. территорія“) опредѣляются исключительно внутренними законодательствами державъ. Возбраняется пользованіе чужимъ флагомъ безъ разрѣшенія государства, которое нерѣдко дается, напр. французскій флагъ долго покровительствовалъ европейскимъ торговымъ сношеніямъ съ Турціею, еще съ капитуляціи 1535 года. Но такъ какъ флагъ можно симулировать (обманно выставить чужой флагъ), то для предупрежденія этого явленія, вносящаго въ международныя отношенія анархію и покровительствующаго пиратству, внутреннія законодательства выставляютъ извѣстныя условія (корабельныя бумаги) для констатированія національности корабля, его экипажа, характера корабля, груза и проч. (русскія правила о корабельныхъ бумагахъ взяты изъ французскихъ законовъ).

Принципъ свободы открытыхъ морей и океановъ требуетъ (с), чтобы ни одно государство не обладало правомъ остановки, осмотра и обыска иностранныхъ кораблей. Исключеніе вытекаетъ изъ обязанности преслѣдовать общими силами на международныхъ путяхъ сообщенія пиратство (морской разбой) и негроторговлю. Такъ какъ порты, гавани, береговья и территориальныя моря не суть открытыя (см. общую часть), а подлежатъ территориальному верховенству и юрисдикціи тѣхъ государствъ, которымъ они принадлежатъ, то отсюда — иностранные купеческіе корабли, пребывающіе въ этихъ портахъ, гаваняхъ и проч., подлежатъ законамъ и контролю властей территориальныхъ (ограниченія этого правила разсмотрѣны въ главѣ 4-ой „особенной части“). Но военныя корабли на основаніи давняго обычая, коренящагося, какъ

въ уваженіи къ представляемой ими независимости ихъ государствъ, такъ и въ томъ, что военное начальство и дисциплина ихъ экипажа даютъ достаточныя гарантіи благоповеденія военного корабля и уваженія его къ мѣстнымъ законамъ, *не подчиняются мѣстнымъ властямъ въ тѣхъ же предѣлахъ, въ которыхъ признается право убѣжища и независимости (неподсудности) для посольскихъ жилищъ* (къ нимъ же приравниваются почтовые пароходы, наприм. англо-бельгійскій договоръ 1876 г., и суда, правительству служащія, хотя и не военныя).

(d) *Особое международное соглашеніе* (1863 г.) *ограничиваетъ въ интересахъ безопасности судовъ* (для огражденія ихъ отъ столкновеній на моряхъ) *начало свободы морей, регламентируя правила, которыя они должны соблюдать при встрѣчахъ* (напр. пароходъ обязанъ уступить путь кораблю, плывущему подъ парусами). Дополненіемъ къ этому соглашенію служатъ правила для предупрежденія столкновеній судовъ въ морѣ (морской сигнальный кодексъ) 1877 г., предложенныя англійскимъ правительствомъ и принятыя всѣми морскими державами.

Наконецъ (e), государства, охраняя общепользныя морскія сооруженія, заключили между собою въ 1883 году „международную конвенцію объ охранѣ морскихъ подводныхъ телеграфныхъ кабелей“, имѣющую цѣлью совмѣстную защиту телеграфныхъ сообщеній между государствами (ратификаціи конвенціи обмѣнены въ 1886 г.). Она принята всѣми европейскими и 9 американскими государствами, *налагаетъ извѣстныя обязанности при устройствѣ кабеля, защищаетъ весь кабель въ пространствѣ открытаго моря*. Конвенція опредѣляетъ условія гражданской и уголовной отвѣтственности виновныхъ въ порчѣ кабеля, а также завѣдывающихъ имъ, за причиненные ими убытки и, наконецъ, правила, устанавливающія отношеніе судовъ и рыболововъ въ морѣ къ мѣстамъ проложенія или починки кабелей.

2. *Проливы и каналы*. При огражденіи свободнаго международнаго оборота по проливамъ и каналамъ международнаго характера не слѣдуетъ упускать изъ виду законныя права прибрежныхъ государствъ на охраненіе своей безопасности. Такъ, свободное плаваніе по Босфору и Дарданелламъ еще съ конца XVIII вѣка ограждалось (напр. требованіями русскаго правительства о свободѣ прохода русскихъ купеческихъ кораблей) противъ притязаній Турціи на закрытіе ихъ для торговаго судоходства. Поэтому, во всѣхъ договорахъ Порты съ иноземными державами (и Россією) признается свобода плаванія купеческихъ кораблей; интересъ же безопасности Турціи вызвалъ соглашенія ея (сперва съ Россією, а потомъ съ „европейскимъ концертомъ“) о закрытіи Босфора и Дарданеллъ для военныхъ кораблей всѣхъ націй. *Впервые объ этомъ постановлено въ трактатѣ Англійи и Турціи* (1809 г.), *затѣмъ въ Ункіаръ-Искелесской конвенціи Россіи и Турціи* (1833 г.) въ видѣ охраны правъ Россіи на безопасность ея въ Черномъ морѣ. *Въ 1841 г.* (лондонская конвенція) *закрытіе проливовъ для военнаго флота дѣлается обязательнымъ для всѣхъ великихъ державъ и берется подъ ихъ коллективную охрану* (проходъ дается для меньшихъ военныхъ кораблей по особому султанскому фирману). *Постановленія 1841 г.*

воспроизводятся Парижским конгрессомъ, Лондонскимъ протоколомъ 1871 г. и конгрессомъ въ Берлинъ. Безспорно, что послѣднія постановленія (Ф. Мартенсъ) имѣли въ виду дать Турціи международную охрану на случай войны ея съ Россіей; но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что въ нихъ должно видѣть хорошій способъ международной гарантіи свободнаго плаванія въ интересахъ всемірной торговли сочетаемой съ законными правами независимой державы на охраненіе своей безопасности. Та-же мысль (объ огражденіи всемірно-торговыхъ интересовъ и свободы плаванія) проглядываетъ и относительно Суэцкаго канала. Еще въ 1879 г. гентскій институтъ принялъ три резолюціи, провозглашающія „въ интересахъ всѣхъ народовъ“ необходимость охраны свободы сообщеній по каналу и предупреждающія нанесеніе вреда каналу и его сооруженіямъ. Въ резолюціяхъ признается обязанность государства, причинившаго вредъ, вознаградить за ущербъ и произвести *restitutio in integrum*. Эти резолюціи, принятыя въ принципъ и разработанныя конференціею державъ въ 1882 г. (въ Константинополѣ), получили международную санкцію въ актъ 1888 г., который, по предложенію Англии (еще въ 1883 г.), выработалъ слѣдующія постановленія, принятыя великими державами, Турціей, Голландіею и Испаніею: полная свобода судоходства по каналу во время мира и войны, нейтрализація его на время войны, если даже воюющею будетъ Турція; но Египетъ можетъ принимать всѣ военныя мѣры, необходимыя для обороны канала и сохраняетъ всѣ свои территоріальныя права, съ исключеніями, установленными въ соглашеніи; возбраняется строить укрѣпленія въ каналѣ и въ близости отъ него. На случай войны опредѣляется срокъ пребыванія въ каналѣ военнымъ судамъ воюющихъ и возбраняется высадка и выгрузка въ немъ войскъ и военной аммуниціи; всѣ эти правила поставлены подъ ближайшую охрану необходимыхъ мѣръ, принимаемыхъ Египетскимъ правительствомъ; каждая держава, нанесяшая своими судами вредъ каналу, обязана исправить поврежденія на свой счетъ (Кальво, Эйхельманъ). Такимъ образомъ, международный актъ 1888 г. сочетаетъ права непосредственно заинтересованнаго въ оборонѣ государства съ началомъ полной свободы судоходства для всѣхъ націй. Онъ вводитъ и дальнѣйшую гарантію соблюденія этихъ началъ въ видѣ нейтрализаціи канала, какъ важной артеріи всемірнаго оборота, состоящей подъ коллективною охраною международнаго союза.

То же, вѣроятно, произойдетъ въ ближайшемъ будущемъ и относительно Панамскаго канала, имѣющаго соединить Атлантику съ Тихимъ океаномъ и получить громадное всемірное значеніе для торговли и мореплаванія. Но пока о немъ не имѣется еще международнаго соглашенія и коллективной его гарантіи; впрочемъ, Соед. Штаты и Англія (наиболѣе заинтересованные) заключили въ 1850 г. конвенцію (Бульверъ-Клэйтонскую), въ которой обѣ державы отказываются отъ всякихъ „особенныхъ правъ“ на Панамскій каналъ и отъ попытокъ создать себѣ на немъ „привиллеированное положеніе“, объявляютъ каналъ путемъ морскихъ сообщеній „для блага всего человечества“ и на „правахъ полного равенства для всѣхъ“, а потому „нейтральнымъ“ на случай войны между

ними; оба государства обязуются „сообща защищать его безопасность и нейтралитет“ (Кальво). Начало неприкосновенности артерій всемірнаго оборота, служащее къ пользѣ междунар. торговли, высказано и въ договорѣ 1881 г. между Чили и Аргентинскою республикою. Трактатъ провозглашаетъ „Магеланскій проливъ на всегда нейтрализованнымъ“ и свободнымъ для судоходства кораблей всѣхъ націй. Въ огражденіе свободы и нейтралитета пролива возбраняется постройка на его берегахъ укрѣпленій и иныхъ военныхъ сооружений (Кальво).

Борьба международнаго союза противъ препятствій, существовавшихъ въ нѣкоторыхъ проливахъ (связующихъ открытыя моря), къ свободному судоходству проявилась въ международныхъ мѣрахъ противъ права, издавна присвоеннаго Данією, на взиманіе съ иностранныхъ судовъ Зундской пошлины. Пролиты Зундъ и Бельты, хотя и связывали два открытыя моря (Балтійское и Нѣмецкое), разсматривались Данією, какъ ея территоріальныя моря (пролиты); поэтому, она облагала всѣ иностранныя коммерческія суда, проходившія черезъ Зундъ, пошлинами въ свою пользу. Пошлины весьма разнообразились по роду и виду товара и мѣнялись по усмотрѣнію Даніи (Уитонъ), которая извлекала изъ нихъ громадныя выгоды въ виду обширности торговыхъ оборотовъ Западныхъ державъ. Пока въ международномъ правѣ преобладала идея абсолютнаго суверенитета государствъ, пока не восторжествовалъ взглядъ на пролиты, соединяющіе открытыя моря, какъ на свободныя для всемірнаго оборота, платежное то, наложенное Данією, признавалось даже трактатами, которые помогали лишь упорядоченію пошлинъ и установленія опредѣленнаго ихъ размѣра. И только въ 1848—49 годахъ Соедин. Штаты Сѣв. Америки воспротивились этой вѣковой практикѣ и заявили Даніи, что фискальныя ея интересы противорѣчатъ началу свободы судоходства и торговли въ открытыхъ моряхъ. Энергичное сопротивленіе Даніи разбилося объ упорство Соедин. Штатовъ, поддержанныхъ общественнымъ мнѣніемъ (и рядомъ полемическихъ писаній) Европы. Конференція въ Копенгагенъ (въ 1857 г.) постановила, что Данія должна отказаться на всегда отъ права взимать пошлины; но такъ какъ она должна содержать въ Зундѣ и Бельтахъ маяки, станціи и, вообще, принимать мѣры къ поддержанію свободнаго и безпрепятственнаго судоходства по этимъ пролитамъ, то конференція постановила объ уплатѣ ей нѣсколькихъ милліоновъ ригсталеровъ, распредѣленныхъ между всѣми державами, соразмѣрно количеству ихъ судовъ (по расчету за 10 лѣтъ).

3. *Рѣки.* Намъ извѣстны уже (см. „Введеніе“, глава II, періодъ IV) постановленія Вѣнскаго конгресса относительно рѣкъ международнаго характера. Съ тѣхъ поръ защита послѣднихъ, какъ артерій всемірнаго оборота, приспособленіе ихъ къ нуждамъ этого оборота все болѣе распространяются, принимаются подъ коллективную охрану международнаго союза и, примѣняясь къ отдѣльнымъ рѣкамъ, вызываютъ организацію особыхъ (международныхъ) учреждений. И здѣсь международное право сдѣлало громадныя успѣхи.

Нѣкоторые государства пытаются вступить въ борьбу, во имя своихъ фискальныхъ цѣлей, съ началомъ свободнаго и безпошлиннаго судоходства по международнымъ рѣкамъ, протекающимъ по ихъ владѣніямъ. Такъ, Голландія претендовала на исключительное обладаніе однимъ изъ рукавовъ Рейна (Вааломъ), протекающимъ въ ея предѣлахъ, опираясь на буквальный смыслъ Вѣнскихъ актовъ. Въ нихъ употреблено неудачное выраженіе „Рейнъ свободенъ для судоходства jusqu'à la mer“, на мѣсто болѣе точнаго „jusque dans la mer“; поэтому, Голландія обязана допускать суда остальныхъ прирейнскихъ государствъ только „до моря“, а не „въ море“, такъ какъ Рейнъ впадаетъ въ море только на территоріи Голландіи. Вотъ почему она считала себя въ правѣ взимать въ свою пользу пошлины съ судовъ, плававшихъ „въ море“ по Рейну. И не смотря на протестъ державъ, *Майнцкій трактатъ 1831 г.* не отмѣнилъ пошлинъ, а лишь упорядочилъ ихъ взиманіе, выработавъ нѣсколько правилъ для судоходства по Рейну, Ваалу и другимъ его судоходнымъ рукавамъ. Въ 1839 году возбуждался между Бельгіей и Голландіей споръ изъ за судоходства по Шельдѣ, явившійся въ сущности продолженіемъ спора о немъ, имѣвшаго мѣсто еще въ XVII столѣтіи (между Голландіей и Австріей, которой тогда принадлежала Бельгія, стремившаяся къ свободному пропуску ея судовъ внизъ по Шельдѣ до моря, т. е. въ предѣлахъ Голландіи). Споръ рѣшенъ въ пользу началъ Вѣнскаго трактата, но съ уступками въ пользу права взиманія Голландією пошлинъ съ судовъ. Последнее право отмѣнено (за выкупъ) международною конвенціею 1863 г. Начала вѣнскаго конгресса восторжествовали и по отношенію къ судоходству по Эльбѣ (окончательно по конвенціи 1861 г. за выкупъ пошлинъ, взимаемыхъ Ганноверскимъ королемъ), по Дунаю (въ 1840 г. трактатъ Австріи и Россіи), по Вислѣ и Нѣману (конвенціи Россіи и Пруссіи—1818 и 1825 годовъ) и, наконецъ, трактатъ 1866 г.—Россіи, Австріи и Румыніи (и регламентъ 1873 г.) относительно Прута (учреждена для упорядоченія судоходства по немъ особая „смѣшанная коммиссія“ изъ представителей трехъ державъ); даже въ Америкѣ начала Вѣнскаго трактата примѣнены послѣ упорныхъ препирательствъ Соедин. Штатовъ съ Испаніею и Англіею къ Миссисипи и рѣкѣ Св. Лаврентія; и въ Южной Америкѣ къ Паранѣ и Уруиваю.

Наконецъ, постановленія Вѣнскихъ трактатовъ распространены Парижскимъ конгрессомъ и на Дунай. Они получили дальнѣйшее развитіе въ смыслъ усиленія вліянія международного союза надъ правами территоріальнаго верховенства прибрежныхъ государствъ; въ этомъ должно усматривать вполне естественное развитіе началъ международнаго общенія, которыя должны стоять выше территоріальнаго верховенства отдѣльныхъ государствъ, поскольку дѣло идетъ объ оградѣніи общихъ интересовъ между народами (эту мысль поддерживаютъ писатели Каратеодори и Энгельгардтъ). Но проф. Ф. Мартенсъ (его взглядъ раздѣлялъ и русскій делегатъ на берлинской Африканской конференціи) усматриваетъ въ положеніи Дунайской коммиссіи и въ примѣненіи постановленій Вѣнскихъ актовъ къ Дунаю извращеніе духа и намѣреній послѣднихъ, такъ какъ цѣль учрежденія Дунайской ком-

миссії 1856 г. (и послѣдующихъ постановленій 1871 и 1878 гг.) вызвана политическими соображеніями европейскихъ державъ, направленными противъ Россіи. Она нарушаетъ территоріальныя права независимыхъ государствъ, имѣющихъ права на Дунаѣ (Румыніи, Сербіи и особенно Россіи) и беретъ „подъ международную опеку“ судоходство по Дунаю. Но такая „опека“—*весьма желательна, подѣ условіемъ хорошаго соглашенія, на началахъ полнаго равенства, интересовъ и правъ всѣхъ прибрежныхъ государствъ.* Трактатъ 1856 г. организовалъ Европейскую Дунайскую комиссію на 2 года для обезпеченія судоходства по Дунаю, именно—*для руководства и надзора за техническими работами на руслѣ Дуная (на нижнемъ его теченіи до Браилова) и по улубленію его Суминскаго Гирла; комиссія состояла изъ делегатовъ отъ державъ, подписавшихъ трактатъ 1856 г.* Черезъ 2 года (срокъ для окончанія указанныхъ работъ) эта комиссія должна была закрыться и замѣниться постоянною комиссіею, но лишь изъ делегатовъ прибрежныхъ государствъ, получившихъ функціи управленія судоходствомъ по Дунаю. Россіи, лишенной по трактату 1856 г. устьевъ Дуная, учрежденіе „Дунайской Европейской комиссіи“ было выгоднѣе (она принимала въ ней участіе), нежели „прибрежной“, въ которой она не могла бы принимать никакого участія. Но такъ какъ работы „Дунайской Европейской комиссіи“ не были окончены, то полномочія ея были съ общаго согласія продолжены, а въ 1865 г. конвенція въ Галацѣ подробно выработала условія этого судоходства (учреждены инспектура для надзора за судоходствомъ, пошлины съ судовъ, правила плаванія по Дунаю и т. д.). Въ 1871 г. полномочія „Европейской комиссіи“ продолжены до 1883 г.; трактатъ 1878 г. (Берлинскій) распространилъ ея дѣятельность до Галаца съ признаніемъ полной независимости территоріальныхъ властей, но съ участіемъ въ ней (для выработки правилъ судоходства и рѣчной полиціи) делегатовъ отъ прибрежныхъ государствъ. Слѣдовательно,—интересы послѣднихъ приняты во вниманіе; желательно лишь установить разъ на всегда международнымъ соглашеніемъ право „постояннаго“ участія въ ней делегатовъ Болгаріи, Сербіи и Румыніи и тогда, въ сущности, „Дунайская Европейская комиссія“ сольется съ „прибрежною“ комиссіею. Эта послѣдняя („смѣшанная комиссія“) должна была управлять судоходствомъ на среднемъ Дунаѣ (отъ Браилова до „желѣзныхъ воротъ“); въ 1883 г. державами утверждено даже особое „положеніе“ для этого управленія чрезъ посредство „смѣшанной комиссіи“, составленной только изъ представителей прибрежныхъ къ Нижнему Дунаю государствъ и съ однимъ делегатомъ отъ Европейской комиссіи. Но такъ какъ въ этомъ актѣ было установлено преобладаніе Австро-Венгріи, то Румыніа отказалась подчиниться ему и „положеніе“ 1883 г. не получило примѣненія и по настоящее время (Кальво, Эйхельманъ). Лондонская конференція 1883 г. опять продолжила полномочія „Дунайской Европейской комиссіи“ (до 1904 года); она состоитъ въ настоящее время изъ делегатовъ шести великихъ державъ, Турціи (за Болгарію) и Румыніи (съ 1878 г.). Не отрицая того, что при учрежденіи „Дунайской Европейской комиссіи“ и продолженіи ея

полномочій европейскія державы имѣли въ виду устранить возможность преобладанія вліянія Россіи на Дунаѣ, нельзя не признать, что Дунайская международная коммиссія, въ которой участвуетъ и наше отечество, подъ условіемъ постояннаго участія въ ней Болгаріи, Сербіи и Румыніи, есть полезное учрежденіе, могущее съ успѣхомъ замѣнить „прибрежную коммиссію“, въ которой не представляется никакой надобности.

В. Искусственные пути международныхъ сообщеній.

1. *Почта.* Правительства, побуждаемые быстрымъ возрастаніемъ международныхъ сношеній, поставили себѣ задачею обезпечить *прямое* международное сообщеніе чрезъ посредство почтовыхъ учреждений. *Соглашенія между отдѣльными государствами* (еще съ первой половины нашего вѣка; напр. трактаты Россіи съ Австріей—1843 и 1849 гг., съ Швеціей—1846 и 1868 гг.), *будучи ограничены по пространству ихъ примѣненія, не удовлетворяли развитымъ потребностямъ международного оборота.* Дальнѣйшимъ шагомъ къ удовлетворенію этой потребности явился почтовый союзъ 1850 г. (Австрія, Пруссія и большинство государствъ Германіи); въ 1863 г., на Парижской конференціи державы обмѣнялись мыслями на счетъ основаній для общенароднаго соглашенія по этому предмету. *Но только въ 1874 г. (по инициативѣ Германіи) состоялось въ Бернѣ подписаніе знаменитаго акта „Всеобщаго почтового союза“, преобразовавшагося въ 1878 г. (почтовый конгрессъ въ Парижѣ) во „Всемирный почтовый союзъ“ (Union universelle postale; дополнительная конвенція 1885 г.), которымъ связаны все государства Европы, Америки и многія азіатскія (всего до 60 странъ съ территоріею въ 70 мил. километровъ, съ 750 мил. жителей; Ф. Мартенсъ, Кальво, Эйхельманъ).* *Органъ союза—Bureau international de l'Union général des postes—постоянное учрежденіе (въ Бернѣ), состоящее подъ надзоромъ швейцарскаго почтоваго управленія и завѣдующее текущими дѣлами союза.* Функции его—сбирать свѣдѣнія о международномъ почтовомъ дѣлѣ (съ совѣщательнымъ голосомъ по спорнымъ вопросамъ международныхъ почтовыхъ сношеній), облегчать расчеты между государствами—членами союза; *бюро содержится на общій счетъ всѣхъ участниковъ.* Основные начала соглашенія касаются больше техники международного почтоваго управленія и почтовыхъ сношеній; они почти не затрогиваютъ вопросовъ о пререканіяхъ между частными лицами и почтовыми вѣдомствами и отвѣтственности почтовыхъ управленій за исправность службы. Но соглашеніе выработало: полнѣйшую свободу транзита писемъ и посылокъ и значительно понизило и объединило тарифную плату за провозъ тѣхъ и другихъ. Единицею вѣса для писемъ приняты—15 граммовъ, съ единицею тарифа въ 25 сантимовъ, единицею же вѣса бандероли—50 граммовъ (тарифъ—5 сантимовъ); за „рекомендованіе“ письма или бандероли—25 сантимовъ; служебная же (дѣловая) переписка между почтовыми управленіями союза—*бесплатна.* Соглашеніе допустило и транзитъ пакетовъ съ объявленною цѣнностью, установило обязательныя формы международной почтовой корреспонденціи (простыя, заказныя, открытыя, цѣнныя письма). Оно образовало единую международную почтовую территорію и организовало простой и легко

контролируемый способъ расчета между отдѣльными членами союза, по территориямъ которыхъ пересылаются почтовые письма, пакеты и посылки. Подробности международной почтовой службы опредѣляются „исполнительнымъ наказомъ“, составляемымъ (по взаимному соглашенію) союзными управленіями. Общія дѣла союза и реформы въ конвенціи рѣшаются „конгрессами союза“ (изъ делегатовъ отъ всѣхъ почтовыхъ управленій, участвующихъ въ союзѣ), собирающимися чрезъ каждыя пять лѣтъ. Нѣкоторыя дѣла разрѣшаются *большинствомъ голосовъ*. Допускаются еще и такъ наз. „административныя конференціи“.

2. *Телеграфы*. Еще въ 1849 году Пруссія и Австрія вступили въ соглашеніе на счетъ соединенія ихъ телеграфныхъ линій и введенія единообразныхъ правилъ передачи депешъ, а въ 1850 г. заключенъ уже телеграфный союзъ между Австріей, Пруссіей и многими германскими государствами (Россія приступила къ нему въ 1854 г.); въ концѣ 50-хъ годовъ и въ 60-хъ другія государства вступаютъ въ соглашенія съ Франціей и Бельгіей; около 1865 г. большинство державъ Европы оказываются уже связанными телеграфными договорами. Полное объединеніе—осуществилось въ Парижѣ въ 1865 г.; измѣненіе и улучшенія впоследствии въ международной телеграфной конвенціи 1875 г. (тарифъ для депешъ упрощенъ правилами 1885 г.). Собирающіяся чрезъ каждые 3—4 года „телеграфныя конференціи“ развиваютъ и дополняютъ начала, выработанныя конференціею 1865 г. Эти начала суть слѣдующія (Кирхенгеймъ, Ф. Мартенсъ, Фишеръ): *всѣ государства, принявшія конвенцію, и частныя телеграфныя общества, законно существующія въ отдѣльныхъ государствахъ, составляютъ единый „телеграфный союзъ“ (Union télégraphique), проникнутый одними началами при пользованіи телеграфной регаліей въ области международныхъ сообщеній; установлены единство формъ и порядка передачи правительственныхъ, служебныхъ и частныхъ телеграммъ, понижена такса на международныя телеграммы и упрощенъ расчетъ между государствами за передачу депешъ по ихъ проволокамъ; организуется особое (постоянное) бюро (въ Бернѣ)— „Bureau international des Administrations télégraphiques“ для управленія телеграфнымъ союзомъ и высшаго надъ нимъ контроля. Допущены и такъ наз. „административныя конференціи“.* Россія заключила еще особыя конвенціи о транзитныхъ и „оконечныхъ“ тарифахъ съ Швеціей-Норвегіей, Германіей, Австро-Венгіей и Румыніей. Въ настоящее время сознается уже необходимость исправленій и дополненій существующихъ постановленій. *Желательна, на примѣръ, международная охрана (единообразными уголовными законами) телеграфовъ противъ преступныхъ покушеній на нихъ (проектъ парижской конференціи 1882 г.); необходимо отмѣнить или поставить въ законныя, точно опредѣленные границы цензуру частныхъ телеграммъ, которая нынѣ всецѣло зависитъ отъ дискреціоннаго права телеграфныхъ управленій каждаго изъ государствъ союза, по территоріи которыхъ проходитъ телеграмма: опредѣлить и выяснить тѣ юридическія отношенія, которыя возникаютъ между отправителями, получателями телеграммъ и телеграфными управленіями отдѣльныхъ государствъ, которыя признаются „неотвѣтственными за скорую и пра-*

вильную передачу телеграммъ международнаго характера“. Но совершенно правъ проф. Ф. Мартенсъ, требующій отъ будущихъ международныхъ соглашеній уваженія къ „неотъемлемымъ територіальнымъ правамъ“ каждаго государства, входящаго въ составъ телеграфнаго союза; эти права не должны быть ограничиваемы „свыше несомнѣнныхъ интересовъ международной жизни“.

3. *Желѣзныя дороги.* Громадная важность этихъ артерій международнаго оборота также вызываетъ необходимость международной регламентаціи транспорта по нимъ пассажировъ и грузовъ. Съ 60-хъ годовъ существуютъ уже отдѣльныя соглашенія между государствами объ условіяхъ соединенія ихъ желѣзнодорожныхъ линій, въ которыхъ подробно обозначены условія прямаго сообщенія, правила таможеннаго и карантиннаго осмотра и надзора, взаимное право контрагентовъ на устройство общихъ станцій, вокзаловъ и проч. (напр. договоры Франціи и Пруссіи 1867 г., Россіи и Австріи—1875 г.), а также постройки нужныхъ (соединительныхъ) линій совмѣстными средствами нѣсколькихъ державъ (напр. конвенція 1869 г., Германіи, Италіи и Швейцаріи о проведеніи желѣзной дороги чрезъ С. Готардъ). Къ сожалѣнію, идея общаго желѣзнодорожнаго союза, который былъ бы дополненіемъ къ существующимъ союзамъ почтовымъ и телеграфнымъ, до сихъ поръ еще не вполне осуществилась. Но такъ какъ международный провозъ товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ, выражающійся въ стоимости перевозимаго груза на цѣлыя сотни милліоновъ, важенъ для всѣхъ народовъ, то опредѣленіе и охраненіе правъ груза и его отправителей на иностранныхъ желѣзныхъ путяхъ (отвѣтственность транспортирующихъ дорогъ за неисправность въ доставкѣ, порчу товара и убытки) есть дѣло громаднаго общественнаго интереса, обратившее на себя особенное вниманіе правительствъ. И вотъ, еще въ 1878 году выработанъ, по инициативѣ швейцарскаго правительства, конференціею въ Бернѣ проектъ международнаго соглашенія, приведшій (съ измѣненіями и дополненіями) къ подписанію въ 1886 г. „международной конвенціи о перевозкѣ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ“ всѣми державами кромѣ Даніи, Швеціи-Норвегіи, Турціи и Дунайскихъ государствъ (ратификація конвенціи воспослѣдовала въ 1891 г.). Конвенція весьма подробна, организуетъ общій желѣзно-дорожный союзъ государствъ. Она справедливо опредѣляетъ права грузоотправителя, условія, которымъ долженъ удовлетворять грузъ. Члены союза отвѣтственны (круговою порукою) за цѣлость товара, имѣющаго пройти чрезъ территоріи контрагентовъ, съ предоставленіемъ потерпѣвшимъ отъ потери или порчи товара права иска объ убыткахъ съ дороги, принявшей товаръ для отправленія или же непосредственно съ той дороги, которая причинила убытокъ. Вошедшія въ законную силу судебныя рѣшенія, постановленныя на основаніи этой конвенціи, исполняются государствами, къ ней приступившими, безъ пересмотра дѣла по существу. Учреждаются также междун. бюро и очередныя (черезъ каждые 3 года) конференціи делегатовъ отъ державъ, приступившихъ къ конвенціи (Эйхельманъ).

ГЛАВА VI.

Международная охрана экономических и санитарных интересов государствъ.

Литература. Изъ русскихъ — *Ф. Мартенсъ*, томъ II, глава III; *Грацианскій*—Собрание нынѣ дѣйствующихъ торговыхъ трактатовъ Россіи, 1877 года; *Эйхельманъ*—„Замѣтки“, § 12—13.

Изъ иностранныхъ—О торговлѣ, коммерческихъ трактатахъ и колониальной системѣ—въ общихъ сочиненіяхъ (особенно у Кальво, Филлимора, Паскаля-Фиоре и т. д.); о Германскомъ таможенномъ союзѣ—у *Calvo* (подробно), томъ I, у *Лауренса* (комментаторъ Уитона), томъ I.

Изъ специальныхъ монографій: *Roscher*—Colonien, Colonialpolitik und Auswanderung, 1856 года; въ особенности же—*Leroy-Beaulieu*—De la colonisation chez les peuples modernes, 1882 года; *List*—Die Volkswirtschaftlichen Systeme und die Handelspolitik der europäischen Staaten, 1877 года; *Kaltenborn*—Handelsverträge (*Bluntschli und Brater*—Staatswörterbuch, томъ IV); *Holtzendorf*—Handbuch, томъ III.

О международной системѣ монеты, мѣры и вѣсовъ: *Emil de Laveley*—La question monétaire en 1881 (1881 г.); *Parieu*—La question de l'uniformité monétaire en 1878 (1878 г.); *Schaeffle*—Die internationale Doppelwährung, 1881 года; *van der Rest*—L'union monétaire latine („Revue de droit international“, 1881 г.); *Fauchille*—L'union monétaire latine (въ *Annales de l'école des sciences politiques*, 1886 г., томъ IV).

О промышленномъ союзѣ—статьи *Lyon-Caen* (въ „Revue de droit internat.“, 1882 и 83 годовъ) и *Droz* (тамъ же, 1886 г.); *Pasquale-Fiore*—De la protection des marques de fabrique et de commerce d'après le droit internat. positif (*Revue de droit internat. privé*, 1882 года).

О международныхъ санитарныхъ мѣрахъ—*Calvo*—Le droit internat., томъ III; статья *Clunet* въ „Journal de droit internat. privé“, 1881 года.

A. Охрана экономическихъ интересовъ государствъ (торговые трактаты).

§ I. Можно принять за аксіому, что торговые (экономическіе) интересы даннаго народа выражаются въ его законодательствѣ и что принципы послѣдняго отражались всегда въ международныхъ торговыхъ сношеніяхъ государствъ; въ свою очередь, потребности международнаго торговаго оборота вліяли на соотвѣтствующія измѣненія во внутреннихъ законодательствахъ.

Еще въ средніе вѣка торговыя сношенія получаютъ значительное развитіе, и договоры задаются главною цѣлью—обезпечить безопасность торговли и права купцовъ отъ анархій и судебной беззащитности. Поэтому, средневѣковые коммерческіе трактаты ограждаютъ начало индивидуальной имущественной отвѣтственности должника—купца (а не имущественной отвѣтственности его соотечественниковъ) и ограничиваютъ примѣненіе „droit d'aubaine“ и „droit de naufrage“; наконецъ (характерная ихъ черта)—все они стремятся къ приобрѣтенію монополій на чужой территоріи. Такъ, иностранныя правительства, заключая коммерческіе договоры съ Россією, выговаривали себѣ разныя привилегіи (грамоты московскихъ царей 1554 и 1591 г., ограждающія безопасность и торговыя монополіи англичанъ), а русское правительство и въ недавнее время выговаривало себѣ эти привилегіи въ договорахъ съ

Хивую, Бухарю (1873 г.; отвѣтственность бухарскаго и хивинскаго правительствъ за безопасность русскихъ каравановъ и даже обѣщаніе, взятое съ нихъ, „слѣдить за честнымъ исполненіемъ и веденіемъ торговыхъ сдѣлокъ и дѣлъ“); „безопасность“ русскихъ купцовъ выговаривается и во всѣхъ договорахъ Россіи съ Китаемъ (Ф. Мартенсъ).

Въ новое время, благодаря открытію Америки и морскаго пути въ Индію, создалась колониальная система, которая, соединившись съ экономической теоріей меркантилизма, привела къ важнымъ послѣдствіямъ въ международныхъ торговыхъ отношеніяхъ, отразившимся и на коммерческихъ трактатахъ. Меркантильная теорія выходила изъ положенія, что все богатство народа—въ деньгахъ, именно въ драгоценныхъ металлахъ, которые должны быть добываемы (если ихъ нѣтъ въ странѣ) внѣшнею торговлею. Для этого надлежитъ воспретить вывозъ драгоценныхъ металловъ и сырья, за которое можно получить большія деньги при его переработкѣ на мѣстѣ (продукты фабрикъ и заводовъ), но содѣйствовать вывозу за границу мануфактурныхъ издѣлій страны, оградивъ послѣднія отъ конкуренціи иноземныхъ издѣлій, за которыя приходится отдавать деньги. Въ тоже время надлежало содѣйствовать привозу въ страну сырья (болѣе дешеваго товара) для его переработки на мѣстѣ и перепродажи затѣмъ за большее количество драгоценнаго металла за границу. Въ результатъ этого оборота должна получиться выгода, т. е. накопленіе драгоценнаго металла въ странѣ большее, нежели его вывозъ (выгодный торговый балансъ). Въ этихъ видахъ, необходимо было насиліемъ (войною) или обманомъ (дипломатическимъ путемъ) добиваться такихъ трактатовъ, въ которыхъ государство получило бы привиллею (монополію) ввоза къ другому контрагенту своей обрабатывающей промышленности, но съ исключеніемъ привоза къ нему этихъ же издѣлій другимъ контрагентомъ. Отсюда—безконечныя войны Англіи съ Голландіей и Франціей. Колониальная система дополнила и развила положенія меркантильной теоріи. Колоніи были полною (частно-правовую) собственностью метрополій, онѣ эксплуатировались ими монопольно, для полученія изъ нихъ сырья только для метрополіи и на ея корабляхъ; одна лишь метрополія могла ввозить въ колоніи произведенія своихъ фабрикъ и заводовъ. Всѣ трактаты категорически возбраняли иностраннымъ подданнымъ всякія сношенія съ колоніями контрагентовъ (Кальтенборнъ насчитываетъ такихъ коммерческихъ трактатовъ въ одномъ XVIII вѣкѣ до 86; напр., извѣстный трактатъ Англіи и Португаліи 1703 г.).

Меркантильная теорія рушилась подъ напоромъ новой экономической теоріи извѣстнаго англійскаго экономиста Адама Смита, указавшаго на то, что богатство народовъ не въ деньгахъ, а въ свободномъ трудѣ. Съ этого момента, стали отрицать начало государственнаго вмѣшательства въ свободную борьбу (конкуренцію) труда и способностей подданныхъ въ области промышленности и торговли. Трактаты (сперва англійскіе, а потомъ и французскіе) стали проводить принципъ свободной торговли, образовавъ такъ называемую „систему западно-европейскихъ коммерческихъ договоровъ“, проводившуюся Англіей, Франціей,

Бельгіей, Італіей и Германіей. Но Соединенные Штаты Сѣв. Америки и Россія и понынѣ защищаютъ другую систему—покровительства подданнымъ, т. е. провозглашаютъ начало государственнаго вмѣшательства въ международный промышленный и торговый оборотъ (система протекціонизма). Но объ системы (фритредерства и протекціонизма)—крайности, почему правительства въ настоящее время очень боятся заключать на долгіе сроки трактаты на прежнихъ началахъ (напр. Італія относительно Франціи), такъ какъ бывають обстоятельства, при которыхъ свобода торговли привела бы къ уничтоженію и вытѣсненію на рынкахъ народа слабѣйшаго въ промышленномъ отношеніи.

За послѣдніе годы проявляется движеніе противъ системы фритредерскихъ трактатовъ. Французскія палаты вотировали (въ 1891 г.) тарифы, закрывающіе путь къ заключенію такихъ договоровъ; Австро-Венгрии и Германіи едва удалось (въ томъ же году) заключить новый торговый трактатъ, основанный на взаимныхъ уступкахъ, въ которомъ явно сказывается стремленіе построить внѣшнюю торговлю этихъ державъ на принципѣ протекціонизма, направленнаго противъ всѣхъ другихъ государствъ, не участвующихъ въ этомъ соглашеніи. Срокъ почти всѣхъ коммерческихъ трактатовъ, заключенныхъ Россією, уже истекъ, но русское правительство не выказываетъ ни малѣйшаго желанія вступить въ какіе-либо переговоры (напр. съ Германіей) о ихъ возобновленіи. А въ Соед. Шт. Сѣв. Америки вступилъ (съ 1891 г.) въ силу законъ „Макъ-Кинлея“, имѣющій строго протекціонный, почти даже запретительный характеръ. Несомнѣнно, что экономическій кризисъ, отъ котораго страдаетъ Европа въ послѣдніе годы, способствовалъ въ значительной мѣрѣ появленію и укрѣпленію этого крайняго движенія, мало благоприятнаго системѣ договоровъ, основанныхъ на началахъ свободной торговли.

Торговые договоры, заключенные въ 1891 г. между Германіей, Австро-Венгріей и Італіей, имѣющіе въ виду на столько же экономическіе интересы, на сколько (если даже не болѣе) и цѣль скрѣпить политическій союзъ („лига мира“), соединяющій эти державы (къ нимъ присоединились Бельгія и Швейцарія), создали нѣкоторыя привилегіи (пониженные тарифы) по ввозу разныхъ продуктовъ (особенно для нѣкоторыхъ произведеній Австро-Венгрии и Швейцаріи, ввозимыхъ въ Германію) въ страны, связанные этимъ договоромъ. Но торговые трактаты 1891 г. являются проникнутыми началомъ протекціонизма (высокія пошлины) по отношенію ко всѣмъ державамъ, не примкнувшимъ къ трактатамъ 1891 г. Направленная противъ Россіи и Франціи, система коммерческихъ договоровъ 1891 г. вынудила Францію завязать переговоры съ Швеціей-Норвегіей, Испаніей, Соед. Шт. Сѣв. Америки и другими странами, имѣющіе въ виду открыть произведеніямъ Франціи рынки этихъ государствъ на условіяхъ допущенія въ пользу продуктовъ, вывозимыхъ изъ этихъ странъ, такъ назыв. „минимальныхъ тарифовъ“. Во всякомъ случаѣ и теперь уже становится очевиднымъ, что вся прежняя система коммерческихъ трактатовъ подверглась кризису и что самое содержаніе ихъ значительно измѣняется.

Содержаніе дѣйствующихъ еще коммерческихъ трактатовъ обыкновенно смѣшаннаго характера. Прежде всего они касаются (а) собственно торговли. Въ новѣйшихъ трактатахъ устанавливается принципъ свободы торговыхъ оборотовъ на началахъ равенства контрагентовъ, исключая всякія монополіи и привиллеіи. Впрочемъ, свобода внутренней и внѣшней торговли иностранцевъ не исключаетъ права государства издавать таможенные законы, взимать пошлины съ ввоза и вывоза, подъ условіемъ, чтобы онѣ не были запретительными (этого права нѣтъ въ трактатахъ Англіи и Франціи); размѣръ таможенныхъ пошлинъ для иностранныхъ товаровъ, допускаемыхъ къ привозу, опредѣляется въ законодательствахъ и трактатахъ на началахъ взаимности. Признается начало „*de la nation la plus favorisée*“, т. е. льгота въ торговлѣ, которою какой-нибудь народъ пользуется у государства контрагента, обязательно распространяется и на подданныхъ другою государствомъ, заключившаго трактатъ. Такъ какъ истолкованіе этого правила вызывало недоразумѣнія, то въ нѣкоторыхъ трактатахъ принята болѣе точная формула—„взаимность такихъ льготъ по торговлѣ и судоходству, которыя будутъ предоставлены безмездно или за вознагражденіе какому-нибудь другому государству“. Понятно, что принципъ свободной торговли не исключаетъ запрещенія привоза или вывоза опредѣленныхъ товаровъ; всѣ коммерческіе флаги, подъ которыми везется товаръ, равноправны, торговля съ колоніями свободна.

(б) *Постановленія о судоходствѣ и мореплаваніи*. Они проникнуты началомъ равноправности подданныхъ контрагентовъ, съ нѣкоторыми исключеніями. Такъ, иностранныя суда не подлежатъ взиманію особыхъ пошлинъ за флагъ или грузъ, не подвергаются особымъ сборамъ при входѣ въ гавань для починки (на случай аваріи), подлежатъ охранѣ въ случаѣ кораблекрушеній (при спасеніи груза и экипажа), а вознагражденіе за спасеніе груза полагается въ размѣрѣ, одинаковомъ съ размѣромъ, взыскиваемымъ съ туземцевъ. Но иностранныя суда вполнѣ подчиняются мѣстнымъ законамъ и властямъ (наравнѣ съ туземными) во всемъ, что касается правилъ и условій входа въ гавани, размѣщенія, нарузки и вырузки кораблей. Исключеніе изъ начала равноправности: каботажная торговля (т. е. торговля между портами и по берегамъ государства, или внутренняя морская торговля и внутреннее мореплаваніе) состоитъ въ исключительномъ пользованіи туземцевъ (тоже въ Россіи). Обратное правило допускается только по особымъ соглашеніямъ; нѣкоторыя внутреннія законодательства (Германіи) допускаютъ его подъ условіемъ взаимности (Ф. Мартенсъ, Кальво).

Наконецъ, (с)—нѣкоторые коммерческіе трактаты заключаютъ въ себѣ еще постановленія, касающіяся гражданскихъ правъ и положенія подданныхъ контрагентовъ. Общія начала: взаимное право въѣзда, выѣзда, постоянного и временнаго пребыванія подданныхъ договаривающихся сторонъ на ихъ территоріяхъ, ихъ судебная и административная защита, право ихъ вступать въ обязательственныя отношенія, заниматься промыслами и торговлей; отмѣна *droit d'aubaine*, признаніе за ними правъ наслѣдованія (съ соблюденіемъ мѣстныхъ законовъ), даже

права на свободное отправленіе богослуженія (съ нѣкоторыми ограниченіями), наконецъ—освобожденіе иностранцевъ отъ такихъ повинностей и податей, которыя вытекаютъ изъ подданства, напр. отъ воинской повинности и другихъ денежныхъ и натуральныхъ, установленныхъ взаи́мъ личной службы (Ф. Мартенсъ, Кальво).

§ II. *Цѣль экономическаго общенія между народами еще болѣе достигается таможенными союзами. Изъ нихъ одни имѣютъ государственнѣйшій характеръ; таковы союзы, которыми связаны члены союзнаго государства, напр. современной Германской имперіи, въ которой таможенное управленіе вѣдается союзнымъ совѣтомъ и Рейхстагомъ. Другіе же имѣютъ характеръ международный, т. е. связующій вполне независимыя государства. Въ послѣднихъ можно отличать двѣ системы: (а) таможенный союзъ временный и скорѣе случайный, образующійся присоединеніемъ одной державы къ таможенной или торговой системѣ другой (напр. Данія и Швеція-Норвегія имѣютъ общее вексельное право), (б) постоянный, выработанный международнымъ соглашеніемъ независимыхъ государствъ, отказывающихся отъ самостоятельнаго таможеннаго законодательства, но сохраняющихъ за собою право выражать свое желаніе и свою волю относительно измѣненій установленнаго общаго таможеннаго порядка. Примѣры послѣдняго— Германскій таможенный союзъ, образовавшійся въ виду экономическаго упадка нѣмецкихъ государствъ, отдѣленныхъ различіями въ таможенныхъ заставахъ, тарифахъ и торговыхъ законодательствахъ, стѣснявшими оборотъ въ предѣлахъ Германскаго союза и причинявшими потерю времени и большія издержки купцамъ—подданнымъ различныхъ германскихъ державъ. Пруссія, преслѣдуя цѣль политическаго объединенія Германіи, сознала необходимость подготовить для него почву чрезъ посредство экономическаго объединенія. Въ 1818 г., отмѣнивъ у себя таможенныя заставы и введя начала свободной торговли, она начала привлекать къ своей системѣ сперва центральныя государства Германіи, а затѣмъ и южно-германскія (съ 1828 по 1853 г.). Съ 1853 г. вся Германія образовала единый таможенный союзъ; а когда въ 1866 г. страна подѣлилась на Сѣверо-германскій и Южно-германскій политическіе союзы, то Сѣверо-германскій союзъ оказался объединеннымъ и экономически, а второй, оставшійся независимъ въ политическомъ смыслѣ, примкнулъ, однако, къ таможенной системѣ перваго. Основанія таможеннаго союза: единство законовъ для ввоза, отпуски и транзита товаровъ (измѣненія—по взаимному соглашенію), свобода торговыхъ сношеній членовъ (допущены ничтожныя ограниченія), общность таможенныхъ пошлинъ (распредѣлялись между членами пропорціонально населенію). Организанія союза покоилась на началахъ полнаго равенства. „Генеральная конференція“ (изъ уполномоченныхъ державъ)—обязательно собиралась разъ въ годъ; она имѣла законодат. характеръ (разсмотрѣніе предложеній, рѣшеніе по жалобамъ и спорамъ, проистекавшимъ изъ союзнаго соглашенія); исполнительный органъ—„центральное бюро“—былъ постояннымъ учрежденіемъ; онъ распредѣлялъ таможенные сборы между членами и, собирая данныя о состояніи торговли и промыш-*

ленности въ Германіи, давалъ матеріаль для генеральной конференціи (см. Кальво).

§ III. *Международная охрана промышленной собственности.* Подъ промышленною собственностью надлежитъ разумѣть (Фойницкій, Ф. Мартенсъ) „право собственности на особые знаки (марки) и фабричныя клейма“, наложенныя на произведенія промышленности въ качествѣ отличія произведеній данной фирмы отъ произведеній того же вида другихъ фирмъ“. Гарантируя принадлежность извѣстнаго издѣлія данному лицу (фирмѣ), извлекающему изъ него законные доходы, эти марки (а равно и патенты на изобрѣтенія—*brévets d'invention*, дающіе изобрѣтателю исключительныя права на изготовленіе данныхъ издѣлій или на примѣненіе къ какому-нибудь производству придуманныхъ или усовершенствованныхъ имъ способовъ) охраняются уголовными и гражданскими законами различныхъ государствъ. Но такъ какъ такая охрана недостаточна, то ее перенесли на международную почву, сперва въ видѣ отдѣльныхъ договоровъ (ихъ очень много; напр. договоры, возбраняющіе поддѣлку на товарахъ иностранныхъ фабричныхъ знаковъ и клеймъ, Россіи съ Англіей 1871 г., съ Австріей—1874 г., съ Германіей 1873 г., Бельгіей 1881 г. и такъ далѣе), а затѣмъ и въ видѣ попытки къ общей международной конвенціи (по инициативѣ французскаго правительства, конференціи въ Парижѣ въ 1878 и 1880 г.), не получившей въ то время международно-законодательной санкціи (но основныя начала, выработанныя парижскою конференціею 1878 г., приняты швейцарскимъ закономъ 1879 г.; см. Кальво). На конференціяхъ предполагалось образовать общій союзъ между государствами для судебной охраны въ его предѣлахъ промышленной собственности на началахъ равенства туземцевъ и иностранцевъ, съ постояннымъ органомъ союза (бюро) въ Бернѣ. Въ 1883 г. Парижской конференціи удалось организовать „союзъ для покровительства промышленной собственности“, къ которому приступили 12 державъ (Франція, Бельгія, Бразилія, Голландія, Гватемала, Италия, Испанія, Португалія, Санъ-Сальвадоръ, Сербія и Швейцарія. Англія присоединилась къ нему въ 1884 г.). Это соглашеніе покоится на тѣхъ же началахъ, которыя были выработаны конференціями 1878 и 1880 г. Организовано „междун. бюро для покровительства промышленной собственности“ (въ Бернѣ), состоящее подъ властью и наблюденіемъ высшей администраціи Швейцарскаго союза (Кальво). Въ послѣднее время замѣчается еще стремленіе государствъ къ междун. охранѣ извѣстныхъ отраслей промышленности противъ перепроизводства, поражающаго хозяйства нѣкоторыхъ странъ и всего междун. рынка. Такъ, недавно многія государства заключили между собою „Лондонскую сахарную конвенцію“, возбраняющую контрагентамъ назначать вывозныя преміи за сахаръ, споспѣшествующія увеличенію производства этого продукта и сильному пониженію цѣнъ на него (Россія въ конвенціи не участвуетъ).

§ IV. *Международная единица для монеты, мѣръ и вѣса и способы ея охраны.*

1. *Нѣкоторые экономисты*, обративъ вниманіе на значительныя ущербы, происходящія для частныхъ лицъ и государственныхъ бюдже-

товъ отъ размѣна монеты и особенно отъ потери на курсѣ, давно уже рекомендуютъ введеніе общей монетой (международной) единицы. Последняя сама по себѣ явилась бы плодомъ общности экономическихъ интересовъ, преслѣдуемыхъ международнымъ оборотомъ (Эмиль де Лавелэ, Парьё, экономистъ Knies и друг.). Но введеніе междун. монеты встрѣчаетъ препятствія въ томъ, что разныя государства, преслѣдуя свои удобства и потребности торговли или собственную систему вѣса и мѣры, приняли различныя основанія для названій, достоинства, подраздѣленія и способа изготовленія монеты; одни государства основываютъ монетную единицу на золотѣ, другія—на серебрѣ, а третьи одновременно принимаютъ и то и другое, что значительно увеличиваетъ затрудненія коммерческихъ и финансовыхъ сдѣлокъ (Лавелэ, Кальво). Поэтому неудивительно, что первая попытка объединенія монеты принадлежитъ государствамъ (Бельгія, Швейцарія и Италія), заимствовавшимъ у Франціи десятичную систему мѣры, вѣса и монеты (метрическую систему), которою она обладаетъ съ революціи 1789 г. (Кальво). Эти государства откликнулись на призывъ Франціи въ 1865 г. (парижская конференція) и заключили конвенцію (къ ней въ 1868 г. присоединилась и Греція), образующую между ними латинскій монетный союзъ, который опредѣляетъ вѣсъ, названіе, форму и курсъ золотой и серебряной монеты, выпускъ каждымъ изъ государствъ монеты (франковъ) на опредѣленную сумму (конвенція не распространяется на биллонъ, т. е. на размѣнную мѣдную монету); въ ней точно опредѣлено отношеніе золота къ серебру. Срокъ монетной унии—1880 г.; но уже съ 1878 г. конвенція возобновлена на 6 лѣтъ (отмѣнена временно чеканка монеты въ 5 франковъ), а въ 1885 г. она вновь продолжена тѣми же государствами.

Между тѣмъ Франція энергично стремится къ международному объединенію монетной единицы. Она привлекаетъ (въ 1867 г.) на новую конференцію въ Парижъ все почти державы Европы и Соед. Штаты Сѣв. Америки; конференція выработала нѣсколько положеній—единство образцовой мѣры (l'etalon), т. е. типъ для вѣса, названія и металла монетъ, равенство вѣсовъ, раздѣленіе по десятичной системѣ и принятіе монеты въ 5 франковъ въ качествѣ монетной единицы (Salvo). Работы конференціи не получили, однако, международно-законодательной санкціи. Равнымъ образомъ потерпѣла фіаско попытка Соед. Штатовъ въ 1878 г. (конференція въ Парижѣ) и Франціи въ 1881 г. (тамъ же) привлечь къ монетному союзу остальные государства: Соединенные Штаты настаивали на единовременномъ употребленіи золотой и серебряной монетной единицы, предлагая уравненіе ихъ, путемъ международнаго соглашенія, по установленной разѣ на всегда пропорціи между золотомъ и серебромъ и одинаковымъ условіямъ чеканки; большинство же государствъ признавало необходимымъ предоставить каждой державѣ право единовременнаго употребленія той и другой монеты или же выбора одной изъ нихъ соотвѣтственно спеціальному положенію государства или группы государствъ; большинство державъ не признавало и возможности установить международнымъ спо-

собомъ относительную стоимость (цѣну) обоихъ металловъ (Кальво). Единообразная система расчета на золото могла, по мнѣнію большинства, привести государства къ разоренію (Ф. Мартенсъ). Во всякомъ случаѣ, если ко всему изложенному прибавить, что на ряду съ латинскимъ союзомъ существуетъ и скандинавскій монетный союзъ (изъ Дании и Швеции-Норвегии), въ предѣлахъ котораго тоже дѣйствуетъ однообразная монетная система, то можно согласиться съ Кальво, который полагаетъ, что въ недалекомъ будущемъ монетная унія, связующая Европу и Америку, будетъ совершившимся фактомъ.

2. Попытки же ко введенію единыхъ мѣръ и вѣса, столь необходимыхъ для международныхъ коммерческихъ и промышленныхъ оборотовъ, выразились пока въ формѣ международной метрической конвенціи (Европейскихъ и Американскихъ государствъ) 1875 г. (въ Парижѣ). Признавъ наиболѣе простою и цѣлесообразною французскую метрическую систему въ качествѣ основанія для провѣрки нормальныхъ образцовъ вѣсовъ и мѣръ не метрическихъ (напр. русскихъ), конвенція, не вводя еще этой метрической системы, только облегчаетъ распространеніе ея (Ф. Мартенсъ). Организованы учрежденія—„общая конференція мѣръ и вѣсовъ“ (делегаты отъ контрагентовъ), которой подчиненъ постоянный „международный комитетъ вѣсовъ и мѣръ“, имѣющій въ свою очередь высшій надзоръ надъ постояннымъ же „международнымъ бюро вѣсовъ и мѣръ“ (въ Парижѣ). Послѣднее имѣетъ скорѣе научную цѣль—сравнивать и повѣрять новые прототипы метра и километра, храненіе международныхъ прототиповъ и исполненіе порученій правительственныхъ и частныхъ лицъ (всѣхъ государствъ) по повѣркѣ масштабовъ и образцовъ для опредѣленія точности всякаго рода измѣреній (Ф. Мартенсъ).

§ V. Международная охрана рабочаго труда.

Берлинская международная конференція по рабочему вопросу (см. „Введеніе“, историч. очеркъ) задалась цѣлью—выработать принципы общеобязательные для законодательства державъ, клонящіяся къ улучшенію условій матеріальнаго, физическаго и духовнаго существованія рабочаго класса. На обсужденіе конференціи были предложены вопросы, сведенные къ 6 группамъ: 1) *упорядоченіе работы въ рудникахъ*, 2) *о Воскресной работѣ*, 3) *упорядоченіе дѣтскаго труда*, 4) *упорядоченіе работъ подростковъ*, 5) *регулированіе женскаго труда*, 6) *исполненіе рѣшеній, принятыхъ конференціею*. Конференція высказала слѣдующія благія „пожеланія“: по первой группѣ—установленіе 14 (12 для южныхъ странъ) лѣтъ низшимъ предѣломъ возраста для допущенія дѣтей къ рудничнымъ работамъ, запрещеніе ихъ для женщинъ и ограниченіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ продолжительности этихъ работъ; по 2-й группѣ—желательность Воскреснаго отдыха для всѣхъ отраслей промышленности (допущены и исключенія); по третьей—воспрещеніе дѣтямъ до 12 (въ южныхъ странахъ до 10 лѣтъ) всякой работы въ промышленныхъ заведеніяхъ; до поступленія въ работу дѣти должны получать начальное образованіе; ночная и воскресная работы до 14 лѣтъ безусловно запрещаются. По вопросамъ 4-й группы—въ возрастѣ

отъ 14 до 16 лѣтъ возбраняется работа ночная и воскресная (рабочій день—не свыше 10 часовъ). По 5-й группѣ—женщины не должны работать ночью (рабочій день 11 часовъ). Допущены нѣкоторыя исключенія. Наконецъ, по 6-й группѣ, признана необходимость наблюденія надъ мѣрами каждаго государства на пользу рабочихъ, ежегодныхъ отчетовъ особыхъ чиновниковъ, призванныхъ къ этому наблюденію, которые должны быть сообщаемы правительствамъ державъ, собраніе (въ опредѣленные сроки) отдѣльными государствами статистическихъ данныхъ относительно вопросовъ, обсуждавшихся конференціею, обмѣнъ этихъ данныхъ между правительствами (см. подробно въ „Юридической лѣтописи“, Ноябрь 1890 г.).

Конференція наврядъ ли окажетъ содѣйствіе въ ближайшемъ будущемъ успѣхамъ фабричнаго законодательства, такъ какъ рѣшенія ея частью лишь воспроизводятъ далеко не совершенное фабричное законод. нѣкоторыхъ странъ (напр. французское), частью же оказываются менѣе гуманными, нежели существующія уже законодательства; напр. англійское гуманнѣе рѣшеній конференціи относительно продолжительности рабочаго дня и покровительства женскому труду (Юридическая лѣтопись, *ibidem*).

§ VI. Международная санитарная охрана.

1. Нужно ли распространяться про громадную опасность для международного союза всякихъ эпидемій злокачественнаго характера, поражающихъ людей и животныхъ! Распространяясь (напр. холера) часто изъ Азіи и государствъ, въ которыхъ санитарная часть дурно организована, эпидеміи не могутъ быть ни прекращаемы, ни преграждаемы въ своемъ распространеніи безъ энергичныхъ мѣръ международной борьбы съ ними. Наука и внутреннія законодательства давно постигли эту истину. Поэтому, *можно лишь удивляться тому, что государства, нашедшія возможность примирить свои интересы въ области почтовыхъ и телеграфныхъ сношеній, идущія быстрыми шагами по пути къ объединенію въ монетѣ, вѣсѣ и мѣрѣ, и по настоящее время почти ничего еще не сдѣлали* (въ смыслѣ общаго международного соглашенія) для рациональной системы совместной борьбы съ эпидеміями, *оставаясь и по сей день почти исключительно на почвѣ разрозненной борьбы съ ними при помощи карантинныхъ и санитарныхъ заставъ* (еще въ XV вѣкѣ Венеція устроила первый морской карантинъ), польза которыхъ довольно сомнительна, *въ виду разрозненности этихъ парламентивныхъ мѣръ. Въ 1850 г. (по инициативѣ Франціи) собралась въ Парижѣ (изъ представителей Франціи, Австріи, Россіи, Турціи, Испаніи и еще 6 маленькихъ европейскихъ государствъ) конференція; труды и постановленія ея пересмотрѣны и развиты на санитарныхъ конференціяхъ 1859 и 1866 годовъ въ Константинополѣ и 1874 г. въ Вѣнѣ. Конференціи имѣли цѣлью выработать средства для постоянного наблюденія за появленіемъ эпидемій на Востокъ и борьбы съ ними. И тѣмъ не менѣе лишь нѣсколько государствъ приступили къ конвенціи 1853 г. (международная санитарная конвенція), создавшей органы надзора (conseil*

superieur de santé— „Высшій совѣтъ здравія“—въ Константинополѣ и „санитарное управленіе“— „Intendance sanitaire въ Александріи) за исполненіемъ установленныхъ конференціею 1850 г. общихъ правилъ карантиннаго надзора. Въ настоящее время еще очень ограничено даже число договоровъ между пограничными державами о подачѣ медицинской помощи и о взаимномъ признаніи за врачами права пользования больныхъ въ пограничныхъ мѣстностяхъ (за врачами, хирургами, акушерками и ветеринарами) и притомъ подѣ условіемъ—соблюдать административныя и законодательныя распоряженія мѣстной власти, касающіяся отправления ихъ обязанностей. Ихъ извѣстно всего 2: конвенція Франціи и Луксенбурга (1879 года) и ея же съ Бельгіей (1881 г.; см. Кальво, Ф. Мартенсъ).

2. *Филоксеры*, поражая виноградники и грозя уничтожить существенный источникъ народнаго и финансоваго благосостоянія государствъ, занимающихся винодѣліемъ въ обширныхъ размѣрахъ, *вынудила Францію, Германію, Австро-Венгію, Испанію, Италію, Португалію и Швейцарію собраться въ 1878 г. на конференцію въ Бернѣ для организаціи общихъ мѣръ къ задержанію развитія филоксеры въ странахъ, уже пораженныхъ ею, и противъ распространенія ея въ странахъ, пока еще ею пощаженныхъ.* Установлены правила (постановлено согласовать съ ними и внутреннія законодательства отдѣльныхъ государствъ) о надзорѣ за виноградниками, садами и разсадниками виноградной лозы въ видахъ розысканія филоксеры и уничтоженія ея; о разграниченіи территорій, на которыхъ распространена филоксеры, о регламентаціи транспорта виноградныхъ лозъ, винограда и проч. (сухія виноградныя лозы исключены изъ всемірнаго оборота); о правилахъ удостовѣренія мѣстною властью о томъ, что виноградныя лозы и посадки отправляются изъ мѣстностей, не пораженныхъ филоксерою, и т. п. (Кальво). И тѣмъ не менѣе изъ 7 государствъ, подписавшихъ акты Бернской конференціи, три (Австро-Венгія, Италія и Испанія) отказали въ ратификаціи бернскаго соглашения. Но Сербія, не участвовавшая въ послѣднемъ, формально къ нему присоединилась.

Книга II-я.

Часть I-я.

О столкновенияхъ между государствами (международное процессуальное право).

ГЛАВА I.

О способахъ, предупреждающихъ возникновение международного процесса.

Литература.—О дипломатическихъ сношенияхъ, добрыхъ услугахъ, посредничествѣ и случайныхъ рѣшеніяхъ:

Изъ русскихъ сочиненій: *Стояновъ*, и *Ф. Мартенсъ*—Томъ II, глава VI; графъ *Камаровскій*—О международномъ судѣ, книга I, глава II; *Эйхельманъ*—Замѣтки § 21.

Изъ иностранныхъ—во всѣхъ учебникахъ и системахъ, особенно же у *Phillimore*—Томъ III, *Travers-Twiss*—Law of Nations, томъ II; *Calvo*—Томъ III, книга XIX; *Bulmerincq*—Völkerrecht, II часть.

Изъ специальныхъ монографій и статей—см. *Bulmerincq*—Vermittelung (у *Holtzendorff'a*, въ его Rechtslexicon, 2 Auflage, II); *Rouard-de-Card*—L'Arbitrage international, 1877 г.; *Berner* (о медиации)—у *Bluntschli und Brater*—Staatswörterbuch, т. IX; *Bulmerincq*—въ *Handbuch* (*Holtzendorff'a*) томъ IV, и т. д.

I. Какъ внутри государства неизбежны столкновения и споры гражданъ между собою и органами власти, такъ равно неизбежны они и въ сферѣ отношеній между народами. Съ развитіемъ потребностей народовъ, поводы къ нимъ даже умножаются, хотя высшая культура и указываетъ такія границы для разрѣшенія споровъ, которыхъ нельзя перешагнуть даже во время войны (*Ф. Мартенсъ*). Но тогда какъ въ государствахъ давно выработались судъ и строгое юридическіе способы рѣшенія споровъ, въ международной области эти способы еще крайне несовершенны и проникнуты характеромъ случайности. Государства отвергаютъ правовыя формы рѣшенія столкновений, какъ только рѣчь заходитъ о сферѣ ихъ внѣшнихъ отношеній, т. е. замѣняютъ здѣсь право произволомъ политики (*Бульмеринкъ*). Прогрессъ международныхъ отношеній ведетъ постепенно къ замѣнѣ этихъ, во всякомъ случаѣ несовершенныхъ способовъ процесса между народами, способами болѣе совершенными и юридическими (см. „общую часть“, ученіе о международномъ судѣ). Но пока необходимо считаться съ существующимъ, крайне несовершеннымъ порядкомъ разрѣшенія международныхъ столкновений.

Проф. Ф. Мартенсъ дѣлитъ способы рѣшенія международныхъ столкновеній на мирныя (полюбовныя), фактическія (менѣ миролюбивыя) и на войну. Съ этимъ дѣленіемъ нельзя согласиться (графъ Камаровскій): оно покоится на чисто внѣшнихъ признакахъ, смѣшиваетъ и раздѣляетъ явленія совершенно произвольно. Такъ, третейское разбирательство (arbitrage), форму юридическую, оно приурочиваетъ къ той же группѣ, въ которой состоятъ дипломатическія сношенія и дружескія услуги (bons offices), т. е. способы чисто политическіе и неопредѣленнаго характера; а война должна бы по смыслу этой классификаціи относиться къ фактическимъ способамъ, на самомъ же дѣлѣ она разсматривается проф. Мартенсомъ, какъ нѣчто особенное.

Надлежитъ выдѣлить тѣ способы (формы) разрѣшенія столкновений между народами, которые являются средствами, предупреждающими или во всякомъ случаѣ предшествующими процессу, т. е. всѣмъ процессуальнымъ способамъ и формамъ, какъ бы ни были они несовершенны. Эти предупредительныя способы не суть процессуальныя, ничѣмъ не напоминаютъ собою процесса. Послѣдній предполагаетъ непременно опредѣленныя, хотя бы и не совершенныя правила для тяжущихся. Способы же предупредительныя, всегда предшествуя процессу, могутъ даже устранить необходимость обращенія къ послѣднему; они отличаются неопредѣленностью и случайностью своего характера, зависящими отъ обстоятельствъ и усмотрѣнія особенностей каждаго даннаго случая. Въ области международныхъ отношеній, по самой природѣ послѣднихъ, эти предупредительныя способы имѣютъ политическую окраску. По аналогіи съ гражданскими отношеніями они напоминаютъ собою тѣ случаи, когда кто-либо, прежде обращенія къ процессуальной защитѣ своего права на судѣ, вступаетъ съ другою стороною въ обмѣнъ мыслей по собственной инициативѣ или же по вмѣшательству третьяго лица, которое, оказывая этимъ лицамъ добрыя услуги, или же выступая въ роли посредника, устраняетъ такимъ образомъ необходимость процесса. Если же это третье лицо дѣйствовало безуспѣшно, то судебный процессъ можетъ возникнуть.

Въ международной сферѣ можно отнести къ этой области дипломатическія сношенія (переговоры) со всеми случайными рѣшеніями, происходящими изъ нихъ (наприм. жребій), добрыя услуги и посредничество. Затѣмъ слѣдуетъ уже собственно процессъ, въ которомъ должно разграничить 2 вида его: 1) процессуальныя способы болѣе совершенныя, проникнутыя юридическимъ характеромъ; они наиболее близки къ современному судопроизводству въ цивилизованныхъ государствахъ, и, развиваясь въ этомъ направленіи, должны современемъ привести къ организаціи международного суда, какъ наиболѣе совершеннаго способа рѣшенія столкновений между народами, псключающаго другія несовершенныя формы международного процесса. Мы относимъ сюда—международный третейскій судъ (l'arbitrage international); 2) процессуальныя способы несовершенныя, грубыя. Они пережиты уже государствами во внутренней ихъ жизни, но задержались еще въ сферѣ ихъ внѣшнихъ отношеній. Эти способы, являясь по преимуществу фактическими, суть

въ тоже время процессуальные потому, что содержать въ себѣ опредѣленные правила юридическаго характера, хотя и не совершенныя, устанавливающія порядокъ, способы и предѣлы примѣненія фактическихъ дѣйствій къ разрѣшенію спора. Эти способы—всегда насильственнаго характера, но смягченныя требованіями болѣе совершеннаго процесса, который разлагаетъ первый (менѣе совершенный) и приближаетъ его постепенно къ строго юридическому процессу. Всѣ они могутъ быть подраздѣлены опять же на 2 вида: а) *суммарный* (сокращенный) *международный процессъ, состоящій изъ отдѣльныхъ насильственныхъ способовъ для разрѣшенія международнаго столкновенія, избираемыхъ сторонами, состоящими въ процессъ, по усмотрѣнію и обстоятельствамъ даннаго случая, изъ цѣлаго ряда насильственныхъ мѣръ, изъ которыхъ нѣкоторыя входятъ и въ войну* (высшую и сложную форму процесса этого втораго рода). Къ войнѣ прибѣгать опасно и не всегда удобно, всегда дорого и рисковано. Поэтому, государства прибѣгаютъ къ пользованію отдѣльными средствами, входящими (вмѣстѣ съ разными другими способами) въ родовое понятіе болѣе сложнаго и общаго процесса (войны). Сюда мы относимъ *репрессалии, эмбарю*, какъ ихъ разновидность, и *мирную блокаду*. Наконецъ, б) *война, какъ обыкновенный, но сложный видъ этого несовершеннаго (фактическаго) процесса*, въ которомъ могутъ заключаться и всѣ предыдущія, отдѣльныя формы (напр. репрессалии); къ войнѣ, какъ къ „ultima ratio regum“, можно прибѣгать лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

II. Давно уже признано, что спорящія государства должны до обращенія къ суммарному или полному процессу (войнѣ) исчерпать всѣ другія миролюбивыя средства. Прежде всего, конечно а) *дипломатическія сношенія и переговоры*. Одна изъ задачъ дипломатіи всегда заключалась въ поддержаніи добрыхъ отношеній между народами, а слѣдовательно, въ устраненіи столкновеній между ними. *Если же споръ возникалъ, то проще всего было уладить его непосредственнымъ соглашеніемъ, на почвѣ взаимныхъ уступокъ (компромиссъ) между спорящими державами, безъ всякаго вмѣшательства третьихъ*. Но историческій опытъ доказалъ, что этотъ чисто политическій способъ предупрежденія обращенія къ процессуальной защитѣ—приносилъ мало пользы; дипломатія настолько же сѣяла сѣмена раздора, приводила къ столкновеніямъ и къ процессу, насколько и устраняла ихъ. Всѣ ея дѣйствія въ этомъ послѣднемъ направленіи всегда отличались случайнымъ характеромъ; не выработалось ни опредѣленныхъ правилъ, ни системы для поведенія относительно спорящихъ. Этимъ объясняется, почему непосредственныя сношенія самихъ спорящихъ приводили, въ былыя времена, при желаніи ихъ избѣгнуть въ данномъ случаѣ насилія, къ предоставленію спорящими рѣшенія ихъ столкновенія на произволъ случая. Такъ, въ средніе вѣка и въ началѣ новаго времени обращались къ жребію; при его посредствѣ часто разрѣшались многочисленныя споры феодаловъ о раздѣлѣ территорій, а позднѣе и споры посланниковъ о рангѣ и предсѣдательствѣ (графъ Камаровскій). Въ настоящее время о жребіѣ не можетъ быть и рѣчи: онъ стоитъ въ полной зависимости отъ случая и

между нимъ и спорнымъ правомъ нѣтъ никакой юридической связи (графъ Камаровскій). Одинъ лишь Геффтеръ защищаетъ его для нѣкоторыхъ случаевъ (напр. въ спорахъ о предсѣданіи). Въ настоящее время дипломатическіе переговоры оканчиваются обыкновенно или примиреніемъ (*arrangement amiable*), когда одинъ изъ спорящихъ отказывается отъ своего притязанія въ пользу другаго или соглашается исполнить требованія послѣдняго, или же международною сдѣлкой (компромиссомъ, *transaction*), когда обѣ стороны отказываются сполна или частью отъ своихъ требованій (Бернеръ, графъ Камаровскій).

б) Но такъ какъ непосредственные переговоры (дипломатическія сношенія) между спорящими рѣдко приводятъ къ мирному соглашенію и улаженію спора, а права и интересы всѣхъ народовъ слишкомъ связаны между собою для того, чтобы третьимъ державамъ былъ безразличенъ исходъ спора, то требованія международного общенія, алчущаго мира между народами, приводятъ къ такимъ способамъ предупрежденія процесса (особенно войны), въ которыхъ участвуютъ третьи державы. Можно даже сказать, что начало международного общенія обязываетъ третьихъ принять участіе въ возникшемъ недоразумѣніи, чтобы предупредить возникновеніе процесса.

Такихъ формъ участія двѣ: 1) *добрыя услуги* и 2) *посредничество* (*médiation*).

1. *Добрыя услуги* (*bons offices*)—форма нравственнаго вмѣшательства третьихъ державъ въ споръ, возникшій между государствами, по собственной инициативѣ или по приглашенію одной или обѣихъ изъ спорящихъ (графъ Камаровскій, Ф. Мартенсъ). Цѣль добрыхъ услугъ—облегчить и подготовить сближеніе между спорящими, сдѣлать возможнымъ дальнѣйшіе переговоры между ними. Но характеръ добрыхъ услугъ и содержаніе ихъ—крайне неопредѣленны (Ф. Мартенсъ, Бульмеринкъ) и растяжимы. Ни держава, предлагающая добрыя услуги, ни тѣ, которымъ онѣ предложены ею, ни къ чему не обязываются и ничѣмъ не связаны. Роль первой—роль передаточной инстанціи, почему неудивительно, что предложеніе „добрыхъ услугъ“—всегда бывало очень обильно въ международныхъ отношеніяхъ (напр. „добрыя услуги“ Россіи въ XVIII и въ XIX вѣкахъ относительно двухъ антагонистовъ въ Германіи—Пруссіи и Австріи), но весьма рѣдко приводило къ хорошимъ результатамъ (напр. отвергнутыя французскимъ правительствомъ въ 1870 „добрыя услуги“ Англій въ спорѣ Франціи съ Германіей). Эта форма предупрежденія международного процесса—всецѣло плодъ уваженія къ щепетильнымъ воззрѣніямъ государствъ на ихъ суверенную независимость, не допускающую ничьего энергичнаго вмѣшательства въ опредѣленныхъ формахъ и съ опредѣленными правами въ споръ, возникшій между государствами. Эта форма—робкая и слабая попытка членовъ международного общенія устранить грозу (войны), наступленіе которой вредно отражается на нихъ. Тѣмъ не менѣе, идея обращенія спорящихъ къ „добрымъ услугамъ“ третьихъ ясно выражена въ протоколъ Парижскаго конгресса 1856 г., на который нѣкоторые государственные люди (Гладстонъ) и писатели (Эмиль де Лавелэ) смотрятъ, какъ на дѣло, покрывшее его

составителей „славою безсмертною“ и содѣйствующее „успѣхамъ чело-
вѣчества и культуры (Лавелэ).“ Въ протоколъ выражено „желаніе,
чтобы государства, между которыми возникаетъ серьезное разногласіе,
до обращенія къ оружію, прибѣгли, на сколько позволяютъ обстоятель-
ства, къ добрымъ услугамъ дружественной державы. До 40 государствъ
присоединились къ мысли протокола. Но послѣдній не имѣетъ юриди-
чески обязательной силы („желаніе“, а не „обязательство“), обстав-
лень соображеніями усмотрѣнія („на сколько позволяютъ обстоятельства“),
не вошелъ въ текстъ трактата; однако, нравственное значеніе его гро-
мадно (графъ Камаровскій) и мысль его нерѣдко примѣнялась на практикѣ
(„добрыя услуги“ Лондонской конференціи 1867 г. по Лувсембургскому
вопросу и Парижской—1869 г., предотвратившей войну между Турціею
и Греціею).

2. Послѣ сказаннаго неудивительно, что „добрыя услуги“ все бо-
лье замѣняются посредничествомъ (médiation); первыя часто сливаются
съ посредничествомъ, переходятъ въ него, чѣмъ и объясняется, между
прочимъ, частое ихъ смѣшеніе дипломатіею и писателями (напр. Тре-
версъ-Твиссъ и Кальво). Подъ посредничествомъ надлежитъ разумѣть
вмѣшательство третьихъ державъ въ международный споръ по собствен-
ной инициативѣ (всегда съ согласія обоихъ спорящихъ) или по прила-
шенію обѣихъ сторонъ, съ принятіемъ на себя обязанности содѣйствовать
успѣху соглашенія между спорящими и выработать основанія его, ко-
торыя должны быть оформлены въ трактатъ. Слѣдовательно, посред-
ничество вполне отличается отъ добрыхъ услугъ по своему происхож-
денію, по правамъ и обязанностямъ посредника и по конечной цѣли
посредничества (Ф. Мартенсъ, Бульмеринкъ). Многіе писатели (напр.
Блунчли, Геффтеръ) не только возстаютъ противъ навязыванія посред-
ничества, но и отрицаютъ эту обязанность, рассматривая ее какъ
опасную, приводящую ко вмѣшательству (Готфель). Но другое мнѣніе
(Треверсъ-Твиссъ, Филлиморъ, Ф. Мартенсъ, графъ Камаровскій) больше
вѣрно: народы слишкомъ заинтересованы въ томъ, чтобы устранить
разрѣшеніе международныхъ распрій войною и вообще насиліями; поэ-
тому, международное право не только разрѣшаетъ, но скорѣе должно
требовать отъ нейтральныхъ, чтобы они, не дожидаясь приглашенія
спорящихъ, сами выступали въ роли посредницъ. Отличіе посредниче-
ства отъ третейскаго суда, т. е. отъ способа процессуальнаго, лежитъ въ
томъ, что посредникъ-примиритель склоняетъ къ миру, но не есть судья;
онъ не судитъ, не даетъ рѣшенія, а употребляетъ все старанія къ
тому, чтобы устроить соглашеніе и оформить его. Т. е. сами споря-
щіе даютъ рѣшеніе спора (они—стороны и судьи), а медиаторъ только
равномѣрно помогаетъ имъ въ достиженіи этого результата. Гарантія для
спорящихъ состоитъ въ томъ, что они могутъ отклонить посредниче-
ство, которое никоимъ образомъ не можетъ быть рассматриваемо,
какъ незаконное вмѣшательство (послѣднее всегда должно быть воору-
женное). Посредникъ ведетъ переговоры между сторонами, къ нему
обращающимися, даетъ проекты соглашеній, склоняетъ къ уступкамъ,
но онъ вовсе не отыскиваетъ строгое правило, а имѣетъ цѣлью—воз-

становить по возможности справедливый миръ (согласіе) между спорящими. Первая его обязанность—беспристрастіе и равное отношеніе къ спорящимъ. Посредничество не даетъ результатовъ, если одна изъ сторонъ не имѣетъ довѣрія къ посреднику. Роль послѣдняго прекращается съ примиреніемъ спорящихъ или съ неудачею переговоровъ и онъ не обязанъ давать гарантіи состоявшемуся примиренію (трактату) между спорящими, не имѣетъ и права принужденія противъ *сторонъ, отвергнувшей его предложенія или нарушившей соглашеніе* (Треверсъ-Твиссъ, Бульмеринкъ, графъ Камаровскій).

Примѣровъ посредничества очень много (см. Кальво): Наполеонъ III былъ медиаторомъ между Австріей и Пруссіей, которыя и подписали въ 1866 г. миръ; Соед. Штаты Сѣв. Америки были (1882 г.) посредникомъ для прекращенія войны между Чили и Перу съ Боливіей.

Какъ болѣе совершенная форма, посредничество все болѣе вытѣсняетъ „добрыя услуги“: *парижскій конгрессъ 1856 г.* (ст. 8) *обязываетъ державы, подписавшія трактатъ, обращаться до употребленія силы (avant de recourir à l'emploi de la force) къ посредничеству (à l'action médiatrice) остальныхъ контрагентовъ въ случаѣ разногласій между Портою и одной или нѣсколькими изъ подписавшихся державъ.* Но предложеніе Англіи о распространеніи этого правила на столкновенія между народами вообще—не было принято, хотя статья протокола того же конгресса—о „добрыхъ услугахъ“ (см. выше), какъ служившая дополненіемъ къ ст. 8 трактата, прилагалась позднѣе и истолковывалась на практикѣ въ смыслѣ посредничества. Наконецъ, *берлинская африканская конференція выставляетъ уже не „bons offices“, а обращеніе къ „посредничеству“ (médiation) обязанностью всѣхъ подписавшихъ ея акты на случай столкновеній между ними въ Африкѣ; она рекомендуетъ уже обращеніе къ третейскому международному суду (arbitrage).* Такимъ образомъ, въ настоящее время медиация начинаетъ играть ту роль, которую недавно еще играли „добрыя услуги“.

ГЛАВА II.

О юридическихъ (болѣе совершенныхъ) способахъ разрѣшенія международныхъ столкновений.

Международный Третейскій судъ.

Литература. Она указана нами въ „общей части“ (въ ученіи „о международномъ судѣ“); напомнимъ лишь, что собственно о третейскомъ международномъ судѣ (arbitrage international) можно найти въ русской литературѣ: у Стоянова—„Очерки“, Ф. Мартенса—томъ II, особенно—*графъ Камаровскій*—О международномъ судѣ, книга II (глава IV и V) и книга III (глава I и особенно II).

Изъ иностранныхъ—во всѣхъ системахъ (особенно у Филлимора, томъ III, у Кальво—томъ III, Бульмеринка, Треверсъ-Твисса—томъ II и т. д.).

Изъ спеціальныхъ монографій: Seebohm—De la réforme du droit des gens, 1873; Sheldon Amos—Political and legal Remedies for War, 1880 г. Laveleye—Des causes actuelles de guerre en Europe et de l'arbitrage, 1873 г.; Pierantoni—Gli arbitrati inter-

nationali, 1872 г.; *Rouard de Card*—L'arbitrage international dans le passé, le présent et l'avenir 1877 г.;—кое-какія указанія у *Geiser*—Die Ueberwindung des Kriegs durch Entwicklung des Völkerrechts, 1886 г.; о третейскомъ судѣ въ средніе вѣка— у *Nys*—Le droit de la guerre et les précurseurs de Grotius 1882 г.; объ Алабамскомъ вопросѣ и Вашингтонскомъ трактатѣ—см. *Caleb—Cushing*—Le traité de Washington, 1874 г.; *Geffcken*—Die Alabama-Frage, 1872 г.; *Bluntschli*—Opinion impartiale sur la question de l'Alabama (въ Revue de droit international, 1870 г.).

Изъ работъ гентскаго института—Projet de réglemant pour la procédure arbitrale (въ Annuaire de l'Institut, за 1877 г.).

I. Въ „общей части“ было говорено о томъ, что идеѣ общаго международнаго суда предшествуетъ идея международнаго третейскаго разбирательства, какъ способа, хотя и менѣе совершеннаго, но все же юридическаго, перенесеннаго, въ качествѣ простаго и яснаго понятія, въ международную сферу изъ области внутренне-государственной. *Случаи третейскаго разбирательства встрѣчались изрѣдка въ древности на Востокѣ, гораздо чаще въ Греціи, гдѣ третейскими судьями избирались религиозныя власти (амфиктіоніи и дельфійскій оракулъ) для рѣшенія споровъ между греческими республиками (Лоранъ, томъ II), изрѣдка города, даже пользовавшіеся уваженіемъ граждане. Выработались и кое-какія процессуальныя формы для третейскаго разбирательства (графъ Камаровскій). Но третейскій судъ всегда рѣшалъ дѣла мало-важныя. Въ Римѣ это разбирательство встрѣчалось еще рѣже и имѣло больше неопредѣленный характеръ. Въ такъ называемыхъ „recuperatio“ и рекуператорскихъ судахъ Рима можно видѣть скорѣе намекъ на международное третейское разбирательство. Эти суды давали кое-какую защиту правамъ иностранцевъ (черезъ патроновъ) и имѣли нѣкоторый международный характеръ. Функции ихъ мало изслѣдованы и они вскорѣ исчезли въ качествѣ международныхъ судовъ, обратившись въ обыкновенныя суды (графъ Камаровскій). Въ средніе вѣка идея международнаго третейскаго суда становится опредѣленною и чаще приложимою на практикѣ. Она опиралась на мысль о религиозномъ единствѣ и на папѣ, въ качествѣ верховныхъ судей, творившихъ судъ и расправу въ спорахъ между государями и народами единолично или чрезъ посредство соборовъ (Лоранъ, томъ VI; Каченовскій, выпускъ II); позднѣе германскій императоръ получаетъ право суда надъ германскими князьями; въ XIV вѣкѣ распространяется обычай дѣлать третейскими международными судьями государей, которые поручаютъ самое разбирательство парламентамъ, высшимъ судьямъ и нерѣдко юридическимъ факультетамъ (особенно Болоньи; Пьерантони). Но въ общемъ и цѣломъ третейскія рѣшенія—неопредѣленны по предмету, имѣютъ случайный и отрывочный характеръ; охраняемые ими интересы въ большинствѣ случаевъ мало-важны, а разбирательства не выработали никакихъ опредѣленныхъ правилъ процесса. Въ новое время, въ эпоху абсолютизма и династической политики, когда идея абсолютнаго суверенитета государей и государствъ проводилась въ международныя отношенія съ большою послѣдовательностью, международное третейское разбирательство становится рѣдкимъ и дается по мало-важнымъ вопросамъ (5 случаевъ, по указаніямъ Дюмона и Флассана, приводятся*

графомъ Камаровскимъ для XVII вѣка). Другое объясненіе этому явленію лежитъ въ отсутствіи права (существовавшаго больше на бумагѣ) во внутренней и внѣшней жизни народовъ, безъ котораго война становится единственнымъ способомъ охраненія общежитія (графъ Камаровскій, Руаръ-де-Каръ). Съ замиреніемъ Европы послѣ войнъ Наполеона, съ усиленіемъ движенія въ пользу мира, международное третейское разбирательство вновь воскресаетъ. Оно появляется все чаще, обращаетъ на себя вниманіе въ наукѣ, создается цѣлая теорія его. Всѣхъ случаевъ третейскаго разбирательства въ нашемъ столѣтіи насчитывается уже болѣе 50. Они касались: 1) нарушенія личныхъ правъ иностранцевъ, 2) споровъ объ убыткахъ, 3) споровъ о территоріяхъ (и границахъ) въ колоніяхъ и 4) нарушеній нейтралитета (графъ Камаровскій; Эмиль-де-Лавелэ). Но всѣ третейскія рѣшенія давались по дѣламъ маловажнымъ съ точки зрѣнія политической, касались главнымъ образомъ имущественныхъ интересовъ или незначительныхъ пограничныхъ споровъ, правила судопроизводства—не опредѣлены (зависятъ отъ усмотрѣнія судьи), въ судьи избирались болѣе государи (рѣже частныя лица). Тѣмъ не менѣе, идея этого суда, какъ ступень къ достиженію въ будущемъ общаго международного суда, пустила уже нѣкоторые корни въ современномъ правосознаніи государствъ. Появилась даже идея третейскаго суда предупредительнаго, т. е. учреждаемаго по договору на будущее время въ виду возможныхъ столкновений. Хорошая его сторона лежитъ въ юридической обязательности этого суда для контрагентовъ и въ облегченіи возможности предупредить вооруженное столкновение учрежденіемъ суда въ то время, когда нѣтъ еще спора и страсти не разгорѣлись. Палаты отдѣльныхъ государствъ (напр. въ 1890 г.—Итальянская Палата Депутатовъ, она же еще ранѣе—въ 1873 г.; Англійская Палата общинъ, по предложенію Ричарда, въ 1873 г., палаты Бельгійская, Голландская и Шведская), многочисленные конгрессы „друзей мира“ (даже цѣлыя общества въ Лондонѣ и въ Соедин. Штат. Сѣв. Америки)—всѣ усиленно агитируютъ въ томъ смыслѣ, чтобы установить или постоянный международный третейскій судъ или, по крайней мѣрѣ, внести въ трактаты условія о рѣшеніи третейскимъ судомъ всякихъ споровъ и несогласій объ истолкованіи и исполненіи трактатовъ (Ф. Мартенсъ, графъ Камаровскій). Это послѣднее желаніе осуществлено въ трактатѣ 1848 г. Соедин. Штатовъ съ Мексикою (третейское разбирательство смѣшанныхъ комиссій или дружественнаго народа) и въ извѣстномъ договорѣ о всеобщемъ почтовомъ союзѣ (ст. 16 трактата 1874 г.); въ послѣднемъ установленъ третейскій судъ другаго члена почтоваго союза, не заинтересованнаго въ спорѣ относительно истолкованія этого договора; рѣшеніе—по абсолютному большинству голосовъ, а при равенствѣ ихъ—избирается суперъ-арбитръ, въ лицѣ другаго незаинтересованнаго члена. На сколько серьезно движеніе въ пользу международ. третейскаго суда явствуетъ изъ того, что въ парламентахъ почти всѣхъ европейскихъ государствъ образовались многочисленные группы депутатовъ, поставившія себѣ задачею систематически воздѣйствовать на правительства для склоненія ихъ къ принятію этой формы разрѣ-

шенія междун. несогласій. Въ англійскомъ парламентѣ эта группа насчитывала (въ 1891 г.) нѣсколько сотъ человѣкъ, во французской палатѣ—около 100; въ римской палатѣ депутатовъ образовался (въ томъ же году) комитетъ изъ болѣе 200 депутатовъ, съ мин. президентомъ Рудини во-главѣ, примкнувшій къ принципамъ межд. третейскаго суда. Группы разныхъ парламентовъ, связанныя стремленіемъ къ достиженію общей цѣли, образуютъ нѣчто въ родѣ „интерпарламентарной конфедераціи“, которая собирается отъ времени до времени на конференціи. Первая происходила въ 1889 г. (въ Парижѣ), вторая—въ 1890 г. (въ Лондонѣ), третья же, участвовать въ которой заявили желаніе депутаты парламентовъ почти всѣхъ государствъ, засѣдала въ 1891 г. въ Римѣ, примкнувъ къ конгрессу, на который собрались делегаты многочисленныхъ европейскихъ и американскихъ обществъ друзей мира. Еще поразительнѣе успѣхи идеи межд. третейскаго суда въ Америкѣ. При Вашингтонскомъ конгрессѣ организована такъ наз. „коммиссія мира и общаго благосостоянія“, составленная изъ делегатовъ всѣхъ 15 республикъ Америки. Эта коммиссія выработала проектъ договора между этими республиками, основаннаго на принципѣ разрѣшенія третейскимъ судомъ всѣхъ ихъ будущихъ распрей. Обращеніе къ третейскому суду объявлено обязательнымъ во всѣхъ спорахъ о привилегіяхъ дипломатическихъ агентовъ и консуловъ, о территорияхъ и границахъ ихъ, относительно судоходства и всякихъ споровъ объ обязательной силѣ, истолкованіи и исполненіи трактатовъ. Договоръ, вводящій третейскій судъ, имѣетъ силу на 20 лѣтъ. И лишь делегаты Чили высказались противъ проекта: они ставили „посредничество“ дружественной державы выше третейскаго суда (см. подробности въ докладѣ графа Камаровскаго Московск. Юридич. Обществу). Представители же Аргентины и Бразиліи оказались особенно ревностными поклонниками международ. третейскаго суда, въ которомъ они желали признать „принципъ публичнаго права Америки“.

Изъ всѣхъ рѣшеній заслуживаетъ особаго вниманія рѣшеніе *женевскаго третейскаго суда, постановленное въ 1872 г. въ споръ между Англійей и Соедин. Штатами Сѣв. Америки по дѣлу, носящему названіе „Алабамскаго спора“*. Оно есть единственное изъ всѣхъ третейскихъ рѣшеній, постановленное по спору большой важности, притомъ чисто политическому, затрогивавшему честь и достоинство двухъ перво-классныхъ державъ. По общераспространенному мнѣнію, это рѣшеніе предотвратило неизбежное вооруженное столкновение между Англійей и Соед. Штатами; способъ же составленія суда, основанія, которыми онъ руководствовался и самое дѣлопроизводство оказались настолько выработанными и опредѣленными, что послужили важнымъ antecedентомъ и матеріаломъ для теоретической разработки ученія о международномъ третейскомъ судѣ. Повліявъ на проектъ Гольдшмидта, представленный имъ гентскому институту и на резолюціи послѣдняго, женевское разбирательство укрѣпило во многихъ умахъ мнѣніе о пригодности международнаго третейскаго суда, какъ нормальнаго способа рѣшенія столкновений между народами.

Споръ возникъ изъ-за обвиненія Соед. Штатами англійскаго правительства въ систематическомъ нарушеніи послѣднимъ обязанностей нейтралитета въ войнѣ Сѣверныхъ Штатовъ съ Южными конфедеративными, которое выразилось въ томъ, что Англія, въ ущербъ правамъ Сѣверянъ, допустила, вопреки протестамъ и указаніямъ правительства Соед. Штатовъ, снаряженіе, экипировку, выходъ въ море и входъ въ англійскіе порты крейсеровъ (каперовъ) южанъ (Флорида; Шенандоа, Алабама и друг.; по главному каперу „Алабама“ все дѣло носитъ названіе Алабамскаго), *которые наносили существенный вредъ торговлѣ Сѣверянъ*. По окончаніи междуусобной войны, Соед. Штаты потребовали отъ Англіи „удовлетворенія за оскорбленія, причиненныя такимъ образомъ дѣйствию народу и частнымъ лицамъ Соедин. Штатовъ“. Въ 1863 г. Соед. Штаты предложили покончить споръ „третейскимъ разбирательствомъ“. Лишь съ большими усилиями удалось спорящимъ прийти (Вашингтонскій трактатъ 1871 г.) къ соглашенію о разрѣшеніи столкновенія помощью междунар. третейскаго суда, составленнаго изъ 5 членовъ (по одному отъ спорящихъ и по одному отъ Швейцаріи, Италіи и Бразиліи, избранныхъ правительствами этихъ странъ), имѣющаго засѣдать въ Женевѣ и руководствоваться при рѣшеніи вопроса объ отвѣтственности Англіи тремя правилами, признаваемыми контрагентами за обязательныя для поведенія нейтральнаго правительства относительно обоихъ воюющихъ (предсѣдателемъ суда былъ итальянскій делегатъ графъ Склописъ). Большинствомъ 4 голосовъ противъ 1 (англійскаго делегата, лорда Кокборна) женевскій судъ (14 сентября 1872 г.) постановилъ рѣшеніе, которое, признавъ Англію виновною относительно Соед. Штатовъ въ нарушеніи „по опущенію или небрежности“ обязанностей нейтральной державы (признанныхъ спорящими въ 3 пунктахъ Вашингтонскаго трактата), приговорило ее къ уплатѣ Соед. Штатамъ прямыхъ убытковъ, причиненныхъ крейсерами южанъ торговлѣ сѣверянъ, въ суммѣ 15½ милл. долларовъ, но отказало въ требованіи Соедин. Штатовъ о вознагражденіи за преслѣдованіе каперовъ южанъ (найденно невозможнымъ отдѣлить эти издержки отъ общихъ расходовъ на войну), а равно за случайные или возможные барыши (единогласно). Обѣ стороны примирились съ этимъ рѣшеніемъ и война была предотвращена. Надлежитъ, впрочемъ, замѣтить, что обѣ державы наврядъ ли были въ состояніи воевать: Англія преобразовывала въ то время войско и флотъ, а Соед. Штаты были очень истощены междуусобною войною; было бы весьма неблагоприятно рисковать громадными издержками и случайностями войны по Алабамскому дѣлу (Гейфкенъ; противное мнѣніе графа Камаровскаго не совсѣмъ убѣдительно).

II. Изъ громадной литературы по международному третейскому суду, особенно же изъ проекта Гольдшмидта и постановленій гентскаго института, имѣющихъ въ виду, какъ практическіе случаи его примѣненія, такъ и общія юридическія начала третейскаго суда въ граждан. законодательствахъ, нѣсколько измѣненныя спеціальными условіями этого суда, въ качествѣ международнаго, *можно вывести слѣдующія положенія о международномъ третейскомъ судѣ*.

Онъ образуется по добровольному соглашенію сторонъ (компромиссъ), имѣетъ строю юридическій характеръ, такъ какъ основанъ на договорѣ, являющемся для сторонъ закономъ (Ролень-Жакменъ; Кальво признаетъ лишь „нравственную“ его обязательность для сторонъ) и обязанъ прилагать къ спору начала права. Третейское разбирательство раздѣляется обыкновенно на *arbitrium* и *arbitratio* (система римскаго права): первое—рѣшаетъ споръ о самомъ правѣ, которое свободно примѣняется и истолковывается судьями, второе—лишь о фактахъ, къ которымъ примѣняется право уже безспорное, о нормахъ котораго состоялось соглашеніе между сторонами (Блунчли, Ф. Мартенсъ, Гольдшмидтъ). Нѣкоторые писатели (Бульмеринкъ, графъ Камаровскій) не придаютъ этому дѣленію практическаго значенія (примѣръ *arbitratio*—судъ по алабамскому дѣлу). Мнѣніе писателей о частныхъ случаяхъ, къ которымъ приложимо третейское разбирательство, очень спорно. Наиболѣе категорично высказывается проф. Ф. Мартенсъ, по мнѣнію котораго оно примѣнимо только къ „несущественнымъ“ разногласіямъ государствъ, въ которыхъ замѣшаны главнымъ образомъ интересы юридическаго свойства, когда надо выяснить права, принадлежащія сторонамъ; но оно не приложимо къ спорамъ, въ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ политическій элементъ. Мнѣніе одностороннее: женевскій третейскій судъ доказываетъ, что и въ современныхъ международныхъ отношеніяхъ возможны третейскія разбирательства по серьезнымъ вопросамъ политическаго свойства; во вторыхъ—трактаты уже начинаютъ вносить условія третейскаго разбирательства и желательно, чтобы этотъ порядокъ распространялся; въ третьихъ, нельзя преклоняться предъ фактами, когда несомнѣнно, что международныя отношенія требуютъ юридической организаци (и, слѣдовательно, международнаго суда), которая дѣлаетъ быстрые успѣхи, но осуществится лишь тогда, когда къ ней будутъ подготовлены умы народовъ, а это подготовленіе возможно лишь при условіи содѣйствія такому настроенію народныхъ массъ и правительствъ со стороны литературы.

Составъ суда — всегда зависитъ отъ воли спорящихъ сторонъ. Наилучшая форма—коллегіальный судъ съ участіемъ представителей отъ спорящихъ, что полезно для разъясненія дѣла и успокоенія общественнаго мнѣнія самихъ спорящихъ и правительствъ. Способъ избранія судей устанавливается въ компромиссъ. Чаще всего избирались государи, по исключенію и частныя лица (женевскій судъ) или корпорации (юридическіе факультеты). Выборъ государей оспаривается (Блунчли, графъ Камаровскій); находятъ, что избраніе правителей придаетъ суду политическій характеръ, налагаетъ на него тѣнь пристрастія и некомпетентности судей (государи—рѣдко юристы); частныя же лица тоже не признаются способными со стороны дипломатовъ. Истина лежитъ въ серединѣ: незачѣмъ стѣснять волю сторонъ, которыя въ своихъ интересахъ всегда сумѣютъ остановиться на достойныхъ личностяхъ; вообще же говоря, государи и частныя лица (или учрежденія) могутъ быть способными или неспособными къ роли третейскихъ судей, смотря по ихъ личнымъ качествамъ и обстоятельствамъ даннаго спорнаго случая.

Если голоса судей раздѣлятся такъ, что нельзя дать рѣшенія, то компромиссъ разрѣшаетъ этотъ случай въ смыслъ избранія ими высшаго судьи (суперъ-арбитръ), который и рѣшаетъ споръ окончательно. Порядокъ судопроизводства опредѣляется или въ самомъ компромиссѣ, а если въ немъ нѣтъ указаній, то онъ самостоятелно опредѣляется судомъ, причемъ послѣдній обязанъ лишь сообразоваться съ тѣми принципами, держаться которыхъ онъ обѣщаль сторонамъ (предсѣдатель суда всегда руководитъ преніями). Въ случай же возбужденія спора о компетентности суда, послѣдній самъ, истолковывая компромиссъ, разрѣшаетъ возникшій споръ. Рѣшеніе постановляется большинствомъ голосовъ на основаніи положеній права, а не политики или такъ назыв. „equity“ (справедливости); правовыя положенія почерпаются въ международныхъ трактатахъ, въ обычаѣ и во мнѣніяхъ правовѣдовъ. Никакое уклоненіе отъ окончательнаго рѣшенія всѣхъ спорныхъ пунктовъ не должно быть допускаемо. Рѣшеніе сообщается сторонамъ и ими же приводится въ исполненіе. Вопросъ объ обжалованіи рѣшеній и о случаяхъ кассации—въ литературу очень споренъ. Въ международной практикѣ по „явной несправедливости“ рѣшенія не было признано сторонами только одно въ 1831 г., постановленное Нидерландскимъ королемъ. Всѣ писатели произвольно и казуистично опредѣляютъ случаи оспариваемости третейскихъ рѣшеній (Бульмеринкъ допускаетъ 10 случаевъ, Гольдшмидтъ—11). Лучше всего вопросъ разрѣшается графомъ Камаровскимъ, принимающимъ три обобщенные повода кассации: 1) нарушение судомъ компромисса; 2) нарушение имъ основныхъ началъ процесса вообще и 3) противорѣчіе рѣшенія принципамъ международнаго права. Но послѣдній пунктъ опасенъ, такъ какъ всегда даетъ сторонамъ возможность ссылаться на „противорѣчіе“ даннаго рѣшенія „основнымъ началамъ“ этого права. Очевидно, что рѣшеніе вопроса само собою приводитъ къ необходимости исполнѣ юридической организаціи международнаго суда постояннаго, либо созываемаго въ виду конкретнаго случая (Гольдшмидтъ). Но пока осуществится первый, желательно, по крайней мѣрѣ, опредѣлить порядокъ (въ компромиссахъ) кассационнаго международнаго производства (третейскаго характера).

Г Л А В А III.

Суммарное (сокращенное) фактическое производство.

Литература. Изъ русскихъ сочиненій: см. *Стояновъ*—„Очерки“, *Ф. Мартенсъ*—томъ II, глава VI; *графъ Камаровскій*—О межд. судѣ, книга I, глава I, *Ф. Мартенсъ*—О правѣ собственности во время войны, 1869 г., глава I; кое-какія указанія у *Иванова*—„Характеристика“; *В. Даневскій*—„Историческій очеркъ нейтралитета“, отдѣлы II и III; *Эйхельманъ*—„Замѣтки“, §§ 23 и 24.

Изъ иностранныхъ—во всѣхъ общихъ системахъ и учебникахъ, особенно—у *Bulmerincq'a*—Völkerrecht, 2 часть, II отдѣлъ; *его же*—въ „Handbuch“ (Holtzendorff), томъ IV; *Wheaton*—Elements, часть IV; *Phillimore*—томъ III; *Calvo*—томъ III; *Pasquale-Fioré*—Nouveau droit intern., томъ II; *Travers-Twiss*—The law of Nations, томъ II; также въ извѣстныхъ уже намъ сочиненіяхъ—*Перельса*, *Ортолана*, *Fau-chille*—Du blocus maritime, 1882 г. (о мирн. блокадѣ).

Изъ спеціальныхъ монографій и статей—см. *Wurm—Völkerrechtliche Selbsthilfe* (подробно о реторсіяхъ и репрессаліяхъ) въ *Staats-Lexicon* (Ротекка и Велькера) за 1843 г. (XIV т.); *Bulmerincq* (Repressalien und Retorsion) въ „*Rechtslexicon*“—Holzendorff'a; *Berner—Repressalie, Retorsion* (*Bluntschli und Brater—Staatswörterbuch*, томъ VIII); и т. д.

Сюда относятся—*репрессалии, эмбарго и мирная блокада*. Всѣ они—*способы фактическіе, болѣе или меньше насильственные*, являются часто видами родового понятія о войнѣ, но могутъ быть употребляемы и помимо обращенія къ послѣдней, въ качествѣ меньшаго зла, для отвращенія войны, какъ зла бѣльшаго; всѣ они подчиняются особымъ правиламъ. Въ сущности ко всѣмъ имъ можно примѣнить общее названіе репрессалій, т. е. отдѣльныхъ насильственныхъ дѣйствій, предпринимаемыхъ государствомъ для самозащиты (Вурмъ, графъ Камаровскій) и для избѣжанія войны. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей примѣненіе ихъ представляется переходнымъ состояніемъ отъ мира къ войнѣ (Вурмъ, Бернеръ, графъ Камаровскій), обращеніемъ къ фактическому самоуправству или самопомощи.

1. *Реторсія*. Изъ понятія о репрессаліяхъ надлежитъ исключить такъ называемую реторсію. Подъ нею обыкновенно разумѣютъ приложеніе однимъ государствомъ къ другому закона возмездія (принципа таліона), т. е. воздаянія равнымъ за равное, несправедливостью за несправедливость (Ф. Мартенсъ, графъ Камаровскій, Бернеръ); она вызывается не нарушеніемъ права, узаконяющимъ репрессалии, а нарушеніемъ справедливости (*aequitas*), по мнѣнію однихъ писателей (Бернеръ, Вурмъ), международной въжливости (*comity*), по мнѣнію другихъ, а въ представленіи третьихъ (Ф. Мартенсъ) нарушеніемъ интересовъ другаго государства (въ особенности экономическихъ). Цель ея—напомнивъ государству о ея несправедливости и недружелюбіи, вызвать отъ мнѣ мѣръ стѣснительныхъ или непріятныхъ государству, прибѣгающему къ реторсіи.

Напримѣръ, одно государство повышаетъ тарифы или обкладываетъ пошлинами предметы ввоза изъ сосѣдней страны (Италія ввела недавно высокіе тарифы на предметы производства Франціи); или же издаетъ стѣснительныя постановленія о паспортахъ иностранцевъ (Германія ввела стѣснительныя правила для французовъ, въѣзжающихъ въ Эльзасъ и Лотарингію). Понятно, что государство въ правѣ, въ интересахъ безопасности или промышленнаго своего благосостоянія, издавать такія законодательныя постановленія или административныя распоряженія, если они не нарушаютъ трактатовъ или общихъ началъ международнаго права. Мудрая политика можетъ не оправдывать такихъ распоряженій; но право на сторонѣ, пользующейся ими; права же другой державы, терпящей отъ нихъ, не затронуты и не поражены ни сколько. Но интересы (торговые, личнаго удобства путешественниковъ и пр.) послѣдней страдаютъ, поэтому она, пользуясь такимъ же своимъ правомъ, можетъ прибѣгнуть къ тождественнымъ или аналогичнымъ мѣрамъ, направленнымъ противъ соотвѣтственныхъ интересовъ перваго государства.

Такимъ образомъ, реторсія есть законодательная или административная отмстка (по принципу воздаянія равнымъ за равное), чинимая однимъ государствомъ за законодательныя или административныя распоряженія другаго, которыя, не выходя изъ предѣловъ его правъ и не нарушая правъ перваго государства, нарушаютъ интересы (личные или государственные) державы, обращающейся къ реторсіи. Послѣдняя не должна быть формальнымъ правонарушеніемъ относительно противника; слѣдовательно, она есть законодательная и административная борьба между государствами, охраняющими свои интересы и интересы подданныхъ. Не являясь фактическимъ насиліемъ или принужденіемъ со стороны государствъ, направленнымъ противъ другихъ державъ, дѣйствующихъ по праву, реторсія не можетъ быть осуждена съ точки зрѣнія строихъ требованій права. Реторсіи находятъ частое и широкое примѣненіе; являясь мягкой мѣрой, притомъ съ характеромъ нравственнаго принужденія, реторсія есть результатъ сложности и противорѣчія многихъ интересовъ въ сферѣ соприкосновенія между государствами. Принципіальное отрицаніе ея (Фіоре, Ф. Мартенсъ) ничѣмъ не оправдывается; осужденіе ея съ точки зрѣнія политической (Блунчли, Ивановъ) скорѣе объяснимо, но лишь подъ условіемъ неумѣлаго и безтактнаго пользованія ею. Во всякомъ случаѣ, пока допускаются репрессаліи и война, т. е. громадное зло, нельзя отрицать правомѣрность реторсіи (Ивановъ).

II. Репрессаліи. Подъ репрессаліями въ собственномъ смыслѣ надлежитъ разумѣть отдѣльныя виды насильственныхъ дѣйствій, къ которымъ прибѣгаетъ государство въ отмстку за нарушеніе своего права (а не „важныхъ интересовъ“, какъ полагаетъ проф. Мартенсъ), которое учинено другимъ государствомъ. Если репрессаліи примѣняются въ широкихъ размѣрахъ и въ цѣломъ рядѣ насильственныхъ мѣръ, то онѣ близко подходятъ къ войнѣ. Оправданіе ихъ лежитъ въ невозможности возстановить нарушенное право способами болѣе мягкими и въ возможности устранить ими необходимость обращенія къ войнѣ. Характеръ и степень насильственности репрессалій должны быть если не тождественны, то пропорціональны характеру и степени нарушенія права. Нѣкоторые писатели (Кальво, Филлиморъ) продолжаютъ еще раздѣлять репрессаліи на общія и спеціальныя (первыя предписываются войскамъ и гражданамъ потерпѣвшей державы, вторыя—разрѣшаются отдѣльнымъ лицамъ), а также на положительныя и отрицательныя (первыя состоятъ въ принятіи принудительныхъ мѣръ положительнаго характера, вторыя—въ отказѣ отъ выполненія какого-либо обязательства или пользованія какимъ либо правомъ). Но общія репрессаліи—война, притомъ самая опасная, а спеціальныя—суть собственно репрессаліи. Второе же дѣленіе, почти общепризнанное, не имѣетъ практическаго значенія (Ф. Мартенсъ, гр. Камаровскій, Филлиморъ).

Происхожденіе репрессалій относится къ среднимъ вѣкамъ (изрѣдка встрѣчались въ Греціи и Римѣ); широкое распространеніе ихъ объяснялось анархіею и кулачнымъ самосудомъ, столь свойственнымъ среднимъ вѣкамъ (Faustrecht). Репрессаліи имѣли вполнѣ частный характеръ:

всякъ, мнившій себя потерпѣвшимъ, чинилъ себѣ удовлетвореніе лично, сообразуясь со своими силами и средствами, на свой рискъ и страхъ, отправляясь противъ лицъ и имущества иностраннаго государства, подданный котораго оскорбилъ потерпѣвшаго или нанесъ ему ущербъ (репрессаліи возникли вмѣстѣ съ корсарствомъ). Со введеніемъ порядка внутри государствъ, правительства (съ XIII—XIV в.) начинаютъ контролировать употребленіе репрессалій; въ XVI и XVII вѣкахъ законодательства, знакомыя съ сильною королевскою властью (франц. ордонансъ 1681 г.), стали ограничивать частныя репрессаліи обязанностью полученія патента (разрѣшенія) на пользованіе ими (*lettres de marque ou de represailles*), который выдавался только при отказѣ въ правосудіи и въ уплатѣ долга иностраннымъ правительствомъ (тоже и въ договорахъ съ XV—XVI вѣковъ). Съ XVIII вѣка репрессаліи принимаютъ государственнѣйшій характеръ, что зависѣло отъ появленія взгляда на войну, какъ на вооруженное столкновеніе государствъ, а не частныхъ лицъ. Поэтому, въ настоящее время репрессаліи исключительно разрѣшаются и примѣняются самими государствами. Устанавливается все болѣе воззрѣніе, что предметомъ ихъ могутъ быть права и блага, принадлежащія государству, а не частнымъ лицамъ (подданнымъ). Лишь относительно примѣненія ихъ къ частнымъ лицамъ можно согласиться съ писателями (напр. проф. Мартенсъ), полагающими, что издавна замѣчается стремленіе къ отмѣнѣ репрессалій. Репрессаліи противъ государствъ (напримѣръ противъ его собственности) законны и должны быть въ наше время терпимы на сколько вообще терпима война: послѣдняя во всякомъ случаѣ зло болѣе, чѣмъ репрессаліи (Бульмеринкъ, Ивановъ, особенно Вурмъ; противъ репрессалій Р. фонъ Моль, Фіоре, Стояновъ). Большинство думаетъ, что ни о какихъ репрессаліяхъ со стороны третьихъ, незаинтересованныхъ государствъ не можетъ быть и рѣчи (ихъ допускаетъ въ очень широкихъ размѣрахъ одинъ Геффтеръ). Мнѣніе ошибочное: юридическая связь между народами требуетъ, чтобы нарушеніе права однимъ государствомъ встрѣчало протестъ со стороны другихъ, а если недостаточно протеста, то можно прибѣгнуть и къ репрессаліямъ противъ нарушителя права (графъ Камаровскій).

Примѣровъ репрессалій очень много: въ XVII вѣкѣ Кромвель велѣлъ захватить французскіе корабли, продать ихъ и цѣною ихъ вознаградить англичанина, потерпѣвшаго отъ конфискаціи его корабля французами; весьма непропорціональныя репрессаліи пустила въ ходъ Англія въ спорѣ ея съ Сициліею изъ за сѣрной монополіи (1840 г.) и съ Бразиліею (въ 1861 г.); и т. д. (см. Кальво).

III. Эмбарю — одинъ изъ видовъ репрессалій (отъ испанскаго слова „embargar“ — задерживать), именно — арестъ, налагаемый государствомъ на иностранныя корабли и ихъ грузы (особенно купеческіе). Англійскіе писатели (Треверсъ - Твиссъ, Филлиморъ), опираясь на практику призываго судьи Уильяма Скотта, раздѣляютъ эмбарю на гражданское и военное. Первое — репрессивная мѣра, второе — военнопредупредительная, предпринимаемая въ виду предстоящей войны. Цѣль первой — получить

удовлетвореніе; съ полученіемъ его—арестъ съ судовъ и товаровъ снимается; при возникновеніи же войны (во второмъ случаѣ)—суда и грузы конфискуются (этого взгляда держались Англія и Соед. Штаты). Эмбарго, какъ направленное противъ частной собственности мирныхъ гражданъ, противорѣчитъ началу неприкосновенности частной собственности на войны; оно наноситъ сильный ущербъ торговлѣ и кредиту задерживающаго государства и другихъ членовъ междунаго общенія (Гольцендорфъ, Фіоре). Какъ и всѣ частныя репрессаліи, эмбарго не должно быть терпимо и отмѣна его была бы шагомъ къ скорѣйшему осуществленію столь желаемого начала неприкосновенности частной собственности въ морскихъ войнахъ. Но пока начало конфискаціи послѣдней еще признается, нельзя отрицать законности эмбарго, какъ вида репрессаліи, т. е. суммарнаго (фактическаго) процесса, являющагося меньшимъ зломъ, чѣмъ обыкновенное фактическое производство (морская война), допускающее въ числѣ другихъ мѣръ и конфискацію собственности. Понятно, что если война не разгорѣлась, арестъ долженъ быть снятъ. Чаще всего эту мѣру примѣняла Англія; въ недавнее время Данія (въ 1864 г. противъ Германіи). Извѣстнѣйшіе примѣры—эмбарго, наложенное Россіею въ 1788 г. на шведскія суда, застигнутыя въ русскихъ портахъ объявленіемъ войны (Ф. Мартенсъ); также эмбарго, наложенное при самыхъ возмутительныхъ условіяхъ англійскимъ флотомъ въ 1850 г. на всѣ греческіе корабли (даже военные), въ видѣ репрессаліи за неудовлетвореніе Греціею (въ 24 часа) мнимой обиды и за отказъ въ возмѣщеніи крайне преувеличеннаго денежнаго требованія еврея Пачифико (состоявшаго подъ англійскимъ покровительствомъ), имущество котораго было разграблено аѳинскою чернью.

IV. Мирная блокада. Подъ блокадою надлежитъ разумѣть военное средство, употребляемое въ морской войнѣ, состоящее въ пресѣченіи, при помощи военной силы (флота, крейсеровъ), всякихъ сообщеній съ берегами государства, состоящаго въ блокадѣ. Слѣдовательно, *понятія о блокадѣ и мирѣ* (о мирной блокадѣ)—не совмѣстимы, являются *поп sens* въ логическомъ и юридическомъ смыслѣ (Ф. Мартенсъ, Вурмъ, Стояновъ, Фошиль). Но отрицаніе многими писателями законности мирной блокады стоитъ до нѣкоторой степени въ зависимости отъ неправильнаго названія („мирная блокада“), придаваемого этому несомнѣнно законному средству (виду суммарнаго междунаго процесса).

Она появилась въ новое время. Въ первый разъ ею воспользовались въ 1827 г. Англія, Франція и Россія противъ Турціи для прекращенія кровопролитія въ Греціи; затѣмъ еще 5 разъ (Англіею и Франціею)—противъ разныхъ слабыхъ государствъ; изъ нихъ заслуживаетъ вниманія блокада 1884 г., наложенная Франціею на островъ Формозу, по случаю столкновенія Франціи съ Китаемъ; послѣдній случай примѣненія мирной блокады былъ въ 1885 г. Великія державы наложили ее на Грецію для отнятія у послѣдней возможности войны съ Турціею. Слѣдовательно, *мирная блокада—продуктъ новой исторіи*, она не есть наслѣдіе грубости и жестокости древней или средневѣковой войны, а плодъ смягченнаго военного права, ограниченнаго въ своемъ произволѣ. Без-

спорно, что она прилагалась сильными къ слабымъ державамъ, раздавить которыхъ было очень легко, но которыхъ щадли. Противники мирной блокады (Готфѣль, Гесснеръ, Ф. Мартенсъ, Фошиль) даютъ этимъ историческимъ фактамъ неправильное объясненіе. Другія возраженія противъ нея лучше всего резюмированы у Фошиля. Мирная блокада „неизвѣстна внутреннимъ законодательствамъ и трактатамъ“; гентскій институтъ въ 1875 году осудилъ ее (за нее высказались Альберикъ Роленъ и Бульмеринкъ); она — „среднее состояніе“ между миромъ и войною („частичная“ война—Коши), т. е. логическая нелѣпица; противна цѣлямъ человѣколюбія (послѣднимъ оправдываютъ ее Коши, Кальтенборнъ и друг.), которыя скорѣе и вѣрнѣе достигаются войною; мотивъ ея—эгоистическіе расчеты сильныхъ державъ, не подвергающихъ опасности захвата собственныя торговыя суда. Поэтому „мирная блокада“, если она не сопровождается объявленіемъ войны, есть „актъ пиратства“. Она не обязательна для нейтральныхъ, такъ какъ нейтралитетъ порождается войною, а во время „мирной блокады“ держава, прибѣгающая къ ней, претендуетъ пребывать въ состояніи мира съ государствомъ, къ которому она прилагаетъ блокаду (въ этомъ послѣднемъ пунктѣ сходятся Ф. Мартенсъ, Ивановъ и Блунчли, хотя послѣдніе два и оправдываютъ ее). *Противъ всѣхъ этихъ аргументовъ можно представить серьезныя возраженія* (Кальво, Коши, Гефтеръ, Кальтенборнъ, Бульмеринкъ, Эйхельманъ). Если законна война, т. е. сложная система насильственныхъ мѣръ, сопряженныхъ съ кровопролитіемъ, то на какомъ основаніи отрицать законность средства, являющагося производствомъ сокращеннымъ, менѣе насильственнымъ и опаснымъ, не сопряженнымъ съ кровопролитіемъ? *Эта блокада—отдѣльная насильственная мѣра, одинъ изъ видовъ репрессалій* (Кальтенборнъ). *Если терпимо зло большее* (война)—*подавно терпимо и зло меньшее, состоящее, въ примѣненіи частичной, притомъ локализованной войны* (Даневскій, Коши), хотя способъ ея примѣненія такой же, какъ и блокады военной (Бульмеринкъ). Мотивы, ее оправдывающіе и вызывающіе, совпадаютъ съ тѣми же, которые оправдываютъ и репрессалии (Бульмеринкъ). Актъ парижской морской деклараціи (1856 г.) не отмѣнилъ (ни по буквѣ, ни по духу его 4 пункта) этой блокады (противное мнѣніе Гесснера и Ф. Мартенса—ничѣмъ не подкрѣвлено). Гораздо *человѣколюбивѣе и справедливѣе примѣнять ее къ слабымъ державамъ, нежели прибѣгать противъ нихъ къ войнѣ*; „мирная блокада“ не грозитъ имъ уничтоженіемъ, какъ война; а если слабыя обязаны подчиняться законамъ войны, то почему бы имъ не быть обязанными подчиняться и законамъ одной изъ ея мѣръ, примѣняемыхъ отдѣльно? Разъ же примѣненіе суммарнаго (фактическаго) процесса выразилось въ формѣ блокады, которая является способомъ, практикуемымъ и въ обыкновенномъ (болѣе сложномъ) процессѣ, т. е. на войнѣ, то такая блокада безусловно обязательна и для нейтральныхъ. *Необходимо лишь, чтобы о ея примѣненіи была сдѣлана нотификація нейтральнымъ* (объявленіе), какъ это и практиковалось всегда въ случаяхъ примѣненія такъ называемой „мирной блокады“. Говорятъ, что война не всегда

предупреждалась „мирною блокадой“, что сильныя имѣли въ ней свои выгоды. Но можно замѣтить, что блокада 1886 г. предупредила войну и осложненія на Востокѣ, что и другія репрессаліи далеко не всегда предотвращали войны (въ этомъ заключается общій недостатокъ всѣхъ суммарныхъ фактическихъ способовъ) и что, наконецъ, соединеніе выгодъ нападающаго съ выгодами обороняющагося никогда не должно бы служить основаніемъ для отрицанія законности и цѣлесообразности какой либо мѣры, а скорѣе наоборотъ. *Одно лишь вѣрно—слово „мирная“ никоимъ образомъ не вяжется съ понятіемъ о блокадѣ, какъ принужденіи и насиліи.* Поэтому, эпитетъ „мирная“ надлежитъ отринуть и замѣнить болѣе подходящимъ, наприм. „*blocus comminatoire*“ (предложеніе Коши). Такимъ образомъ должно признать (вмѣстѣ съ Геффтеромъ), что человѣчество скорѣе можетъ только радоваться этому новому международному учрежденію. Нѣкоторые писатели требуютъ еще и ограниченія послѣдствій этой блокады: *чтобы корабли блокируемой страны подлежали лишь временному секвестру, до полученія удовлетворенія; корабли же нейтральныхъ не должны быть допускаемы въ блокируемые пункты, но не могутъ подлежать ни задержкѣ, ни конфискаціи* (Бульмеринкъ).

V. *Поединокъ.* Въ средніе вѣка очень часто, а изрѣдка и въ новое время, употреблялся способъ разрѣшенія международныхъ распрій чрезъ посредство вооруженнаго столкновенія сувереновъ. Распространеніе этого обычая вполне объясняется: 1) господствомъ въ средніе вѣка въ уголовномъ и гражданскомъ процессѣ судебного поединка между сторонами въ качествѣ нормальнаго способа разрѣшенія судебной распри; исходъ его рѣшалъ вопросы факта и права; эта форма доказательства перенесена и въ международную область, гдѣ, во 2-хъ, она нашла вполне благоприятную почву въ воззрѣніи на суверена (феодала), а позднѣе на монарха, какъ на полнаго собственника государства (народа, территоріи и всѣхъ имуществъ), въ которомъ лицо властителя совпадало съ самимъ государствомъ. Интересы и права послѣдняго не отдѣлялись отъ правъ и интересовъ государя, почему казалось естественнымъ рѣшать споры между государствами (въ сущности—между государями) тѣми же способами, которые господствовали въ тогдашнемъ уголовномъ и гражданскомъ процессѣ. Поэтому, поединки между феодалами—ординарное явленіе; въ новое время еще Францискъ I-й (французскій) вызывалъ на поединокъ для рѣшенія споровъ и недоразумѣній его съ Испанією императора Карла V; въ XVII вѣкѣ шведскій король Карлъ вызывалъ датскаго (Христіана IV); послѣдній случай—вызовъ Густавомъ IV (шведскимъ) Наполеона I (графъ Камаровскій, Ф. Мартенсъ). *Изъ русской исторіи можно привести примѣръ единоборства Мстислава Тмутараканскаго съ Редедю (княземъ Касоговъ) въ 1022 г., въ исходѣ котораго побѣдитель (Мстиславъ) получилъ все добро, жену и дѣтей Редеди и право взиманія дани съ Касоговъ (Ивановъ).* Съ исчезновеніемъ судебного поединка въ судопроизводствахъ и съ радикальнымъ измѣненіемъ воззрѣній на государство и личность носителей верховной власти (съ раздѣленіемъ этихъ двухъ понятій) не можетъ быть болѣе рѣчи о единоборствѣ, какъ способѣ суммарнаго процесса, разрѣшающаго распри между народами.

ГЛАВА IV.

Сложное (обыкновенное) фактическое производство.

Война.

Литература. Обширна и богата содержаніемъ. Новѣйшая приведена у *графа Камаровскаго*—„Обзоръ современной литературы“, глава V (изложенія и критическія замѣчанія на главнѣйшія сочиненія о правѣ морской и сухопутной войны) и въ „приложенія“, 7.

Мы укажемъ самыя главныя пособія изъ новѣйшихъ.

Изъ русскихъ: *Стояновъ*—„Очерки“, *Ф. Мартенсъ*—томъ II, глава VII; *Эйхельманъ*—„Замѣтки“, § 25—27; *Ивановъ*—„Характеристика междунар. отношеній“.

Изъ специальныхъ монографій и статей—*Ф. Мартенсъ*—О правѣ частной собственности во время морской войны, глава I; *его-же*—Восточная война и Брюссельская конференція 1874—1878 г. (1879 г.); *графъ Камаровскій*—О международномъ судѣ, книга I, глава I; *его-же*—Взглядъ на различныя попытки смягчить ужасы войны (Юридическій Вѣстникъ, 1878 г.); *его-же*—О возраженіяхъ противъ права войны (тамъ же); *Пицунскій*—Законы и правила войны по международному праву, 1877 г.; *В. Даневскій*—Законы войны на сушѣ (переводъ съ критическою оцѣнкою „законовъ войны на сушѣ“, изданныхъ гентскимъ институтомъ, въ журналѣ „Міръ“ (за 1882 г.); *графъ Камаровскій*—о томъ же предметѣ (съ примѣчаніями)—Юридическій Вѣстникъ, 1885 г.; *Эйхельманъ*—Военное занятіе непріятельской страны, 1880 г.; проф. *И. Ивановскій*—Женевская конвенція 1864 г. (1884 г.); *его-же*—Женевская конвенція 1864 г. и право войны, 1891 г. Дѣльное изслѣдованіе; *А. Ладыженскій*—О плебисцитѣ въ международномъ правѣ, 1883 г.

По морскому международному праву—во многихъ изъ вышеназванныхъ, и, кромѣ того—спеціально у *Ф. Мартенса*—О правѣ частной собственности; *В. Ульмицкій*—изложеніе и разборъ сочиненія Блунчли „О правѣ добычи“—Юридическій Вѣстникъ, 1878 г.; *Даневскій*—о томъ же и тамъ же.

Изъ иностранныхъ—О войнѣ сухопутной и морской—см. во всѣхъ учебникахъ и системахъ: у *Гейфтера*, часть II; *Блунчли*, *Филлмора*—томъ III; *Кальво*—томы IV и V; *Бульмерикъ*—*Völkerrecht*, II часть, отдѣлъ II; у *Holzendorff'a Handbuch* (томъ IV)—о войнѣ сухопутной (статья *Lueder'a*, *Кирхенгейма*), о морской—*Гесснера*; у *Паскаля-Фюре*—*Le nouveau droit*, томъ II, *Casanova*—*Del Diritto internazionale*, томъ II; и т. д. О морской войнѣ въ частности, см. у *Ортолана*, *Перельса*, *Гесснера*, о которыхъ мы уже упоминали, у *Cauchy*—*Le droit maritime international*, 1862 г., томъ II; *Hautefeuille*—*Histoire des origines, des progrès et des variations du droit maritime international*, 1857 г. и особенно—*его-же*—*Questions de droit maritime international*, 1868 г.

Изъ специальныхъ монографій и статей. О причинахъ войны—см. у *Leroy-Beaulieu*—*Recherches économiques, historiques et statistiques sur les guerres contemporaines*, 1869 г. (статистическія данныя устарѣли); *Laveley*—*Des causes actuelles de guerres*; по отдѣльнымъ вопросамъ—*Villiaumé*—*Esprit de la guerre*, 1864 г.; *Прудонъ*—*La guerre et la paix*, 1869 г.; по исторіи военнаго права—у *Laurent*—(въ разныхъ томахъ, особенно въ I—IV, VI, X, XV и XVIII); *Nys*—*Le droit de la guerre et les précurseurs de Grotius*, 1882 г.; *Brocher de la Fléchère*—*Les révolutions du droit*, томъ II (зарожденіе права войною), 1882 г.; *Guelle*—*Précis des lois de la guerre sur terre*, 1884 г.; *Corsi*—*L'occupazione militare in tempo di guerra*, 1882 г. (отличная книга); о томъ же вопросѣ (о военномъ занятіи)—*Bernier*—*De l'occupation militaire en temps de guerre*, 1884 г.; *Gulle*—*La guerre continentale et les personnes*, 1881 г.; о военноплѣнныхъ—*Kasperek*—*Ueber die Kriegsgefangenschaft* (лучшая работа о военномъ плѣнѣ, помѣщена въ *Zeitschrift für das Privat und Oeffentliches Recht der Gegenwart*, томъ IX, 1882 г.); о женевской конвенціи—*Moynier*—*La croix Rouge. Son passé et son avenir*, 1882 (образцовая работа по этому вопросу).

По отдѣльнымъ вопросамъ морскаго права—см.—*Nys*—*La guerre maritime*, 1881 г. (элементарно и кратко); о частной собственности въ морской войнѣ—*Vöeck*—*De la propriété privé ennemie sous pavillon ennemi*, 1882 г.; о томъ же предметѣ—*Vidari*—*Del sospetto della proprietà private dei popoli belligeranti*, 1865 г.; о блокадѣ—*Fauchille*—*Du blocus maritime*, 1882 г.; (лучшее по этому вопросу); много статей (напр. о франко-прусской войнѣ съ точки зрѣнія международнаго права, статьи Ролень-Жакмена) по отдѣльнымъ вопросамъ сухопутнаго и морскаго права см. въ „*Revue de droit international*“ (въ 1870 г.), а работы по нимъ института въ „*Annuaire de l'Institut*“, томы II, III, IV, V, VIII; кромѣ того, можно рекомендовать еще: *Mabille*—*La guerre, ses lois, son influence civilisatrice, sa perpétuité*, 1885 г. (апология войны); *Lefebure*—*Le droit des gens moderne dans la guerre continentale*, 1886 г.; *Lueder*—*Recht und Grenze der Humanität im Kriege*, 1880 г.; *Rouard de Card*—*La guerre continentale et la propriété*, 1877 г.; *его-же*—*Les annexions et les plebiscites dans l'histoire contemporaine*, 1880 г.; *Cabouat*—*Des annexions de territoire et de leurs principales conséquences*, 1881 г.; *Stoerk*—*Option und Plebiscit bei Eroberungen und Gebietscessionen*, 1879 года.

§ 1. Историческій очеркъ развитія права войны, ея опредѣленіе, границы, цѣли и критическая оцѣнка аргументовъ защитниковъ войны.

I. Война такъ же стара, какъ и древнѣйшіе человѣческіе союзы, съ нею встрѣчаемся у дикарей и у народовъ высшей культуры. Но причины войнъ изслѣдованы обстоятельно сравнительно недавно. Несомнѣнно, что исторія войны, начиная съ глубокой древности и до нашихъ дней, представляетъ картину постепеннаго перехода отъ полного произвола и господства дикаго насилія, какъ чисто фактическаго способа разрѣшенія распрей, къ ихъ ограниченію, къ водворенію въ самомъ фактѣ насилія извѣстныхъ правилъ и законовъ, т. е. къ появленію системы, опредѣляющей способы и границы насильственныхъ мѣръ, при посредствѣ которыхъ государства рѣшаютъ свои наиболее серьезныя споры. Эта система постепенно суживаетъ содержаніе войны, т. е. ея средствъ и мѣръ, ограничиваетъ ея цѣли, питается нормами права, соотвѣтствующими реальнымъ интересамъ культурныхъ народовъ; она опредѣляетъ и приводитъ въ порядокъ фактическое производство въ распряхъ между народами. Эти юридическія нормы постепенно крѣпнута и распространяются, сдерживаютъ грубую силу и, разлагая институтъ войны, какъ наслѣдія древняго міра и среднихъ вѣковъ, оказываютъ значительное вліяніе на смягченіе войны, помогаютъ критическому къ ней отношенію и разрушаютъ иллюзіи о ея безусловной необходимости. Такимъ образомъ, юридическія нормы, составляющія право войны, содѣйствуютъ и укрѣпленію идеи міра, который можетъ быть достигнутъ при посредствѣ правильной юридической организаціи международныхъ отношеній, съ международнымъ судомъ въ качествѣ органа—рѣшителя споровъ между народами. Во всякомъ случаѣ исторія развитія войны привела къ установленію сложнаго фактическаго процесса, въ которомъ способы, примѣненіе и границы проявленія насилія опредѣляются юридическими нормами; послѣднія выставляются требованіями развитой государственности и всей человѣческой культуры. Очевидно, что война должна постепенно ограничиваться подъ давленіемъ увеличивающихся количественно и качественно улучшающихся юридическихъ нормъ, которыя мало по малу приведутъ къ вырожденію войны; дви-

женіе же въ пользу международнаго суда, содѣйствуя вышеуказанному процессу, должно привести современемъ къ совершенному исчезновенію войны.

II. Въ древности война была нормальнымъ, естественнымъ состояніемъ народовъ, миръ же—состояніемъ случайнымъ, скорѣе перемиріемъ (Лоранъ, Уардъ). Цѣль войны была безгранична и субъективна (сокрушить другой народъ, захватить его гражданъ, его сокровища, удовлетворить потребность борьбы и дикаго инстинкта разрушенія, получить славу). Средства—тоже безграничны и крайне разнообразны; на войнѣ все было дозволено. Отсюда, при дикости культуры,—страшная безпощадность, смягчаемая лишь соображеніями политики и страхомъ предъ будущимъ (Римъ, Александръ Македонскій иногда щадятъ побѣжденныхъ, даже Киръ, царь персидскій). *Война являлась, поголовною борьбою и общимъ насиліемъ всѣхъ противъ всего и всѣхъ; воевали государства и ихъ враждебные граждане противъ государства и гражданъ противника.* Вотъ почему побѣжденный разорялся, плѣнные убивались или обращались въ рабовъ; территория завоевывалась; собственность государственная и частная дѣлалась собственностью побѣдителя. *Тоже въ средніе вѣка (Нисъ). Совершенное истребленіе врага—цѣль средневѣковой войны.* Церковь впервые даетъ попытку внести въ разгулъ насилій ограничивающія правила (религіозно-нравственнаго свойства). Великіе учителя христіанства были противъ войны (Тертуллианъ, Василій Великій, Оригенъ); но когда христіанство стало государственной религіей и завязалась борьба его съ варварами—язычниками и магометанами, церковь примиряется съ войною (Августинъ, за нимъ почти всѣ средневѣковые писатели) и заботится лишь о внесеніи въ войну ограничительныхъ правилъ (Нисъ). Такъ, Августинъ (и другіе) стараются отдѣлить войны справедливыя отъ несправедливыхъ (очень немногіе разсматриваютъ войну вообще какъ несправедливость). Противъ невѣрныхъ и язычниковъ война вообще разсматривалась какъ дозволенная (противъ—Джентили и Суарець). Однако, *всѣ вышеуказанныя послѣдствія средневѣковой войны начинаютъ постепенно смягчаться:* входитъ въ обычай формальное объявленіе войны (даже указаніе срока начатія военныхъ дѣйствій), рыцари смягчаютъ по отношенію другъ къ другу военныя дѣйствія и ихъ послѣдствія (появляются соблюденіе слова, даннаго врагу, перемирія, капитуляціи, пощада раненаго на полѣ брани и т. д.); *смягченія войны распространяются на мирныхъ враждебныхъ* (статутъ Эдуарда III даетъ 40 дней срока и даже 80—иностранцамъ, застигнутымъ войною въ Англіи, на выѣздъ съ ихъ имуществами) *и купцовъ* (договоры Ганзы даютъ отъ 40 дней до 1 года срока для купцовъ, иногда даже право свободнаго пребыванія на все время войны). А церковь еще ранѣе установила „*Treuga Dei*“ (см. „Введеніе“, глава II), требовала пощады женщинамъ, дѣтямъ, больнымъ, монахамъ, духовенству и пр. Нѣкто Бонноръ (см. Нисъ) требуетъ даже полной неприкосновенности мирныхъ жителей и ихъ имуществъ. Право репрессалій, принадлежащее частнымъ лицамъ, ограничивается (см. главу III, книги II); *но въ морской войнѣ царитъ еще полный произволъ и всѣ положенія древне-*

вѣковой войны. Такимъ образомъ, война средневѣковая продолжаетъ быть въ принципѣ тою же, что и въ древности, но нѣсколько ограничивается правилами (болѣе нравственнаго, нежели юридическаго свойства), смягчающими ея веденіе и кругъ примѣненія.

Въ новое время начинается принципиальная борьба между принципами войны, унаследованными отъ древности и среднихъ вѣковъ и вновь нарождающимся взглядомъ на войну, какъ на вооруженное столкновение между государствами, а не подданными. Установленію послѣдняго взгляда, содѣйствовали: 1) повсемѣстное прекращеніе анархіи и самоуправства внутри государствъ, что произошло благодаря усиленію королевской власти, захватившей въ свои руки судъ, управленіе и законодательство; 2) это повліяло на международныя отношенія, въ которыя королевская власть должна была внести авторитетъ высшей власти на мѣсто самоуправления отдѣльныхъ лицъ, препятствовавшаго достиженію государствами ихъ цѣлей въ международныхъ сношеніяхъ; 3) сильная центральная власть нуждалась для защиты порядка внутри и внѣ въ постоянныхъ вооруженныхъ силахъ, строго дисциплинированныхъ, т. е. въ постоянныхъ арміяхъ; оказались необходимыми военные уставы и дисциплинарные регламенты; 4) усовершенствованія техники военнаго дѣла требовали приученія войскъ къ военнымъ операціямъ и опять же къ дисциплинѣ; поэтому—граждане и неорганизованныя массы становятся неспособными къ веденію военныхъ операцій, а государства все болѣе увеличиваютъ свои арміи и разъединяютъ ихъ отъ гражданъ. Отсюда—война становится все болѣе государственнымъ учрежденіемъ, т. е. лишь государства и ихъ организованныя (военныя) силы считаются управомоченными и способными вести войну. Начинаетъ слагаться понятіе о военной корпораціи, съ особеннымъ духомъ и дисциплиною; мирные жители считаются некомбатантами, а потому на нихъ не распространяются военныя операціи. Еще въ концѣ XIV вѣка въ законахъ швейцарскихъ кантоновъ, но особенно въ законахъ Нидерландовъ (въ 1439 году), появляются строгія требованія для дисциплины войскъ, запрещеніе грабежа, убійства, поджоговъ, порубокъ деревъ, уничтоженія виноградниковъ, отнятія у мирнаго населенія скота, земледѣльческихъ орудій, произвольный грабежъ, маскируемый контрибуціями (Ф. Мартенсъ, Нисъ, Уардъ, Лоранъ). Средневѣковое воззрѣніе на войну, какъ на смертный приговоръ, произносимый однимъ государемъ надъ подданными другаго, какъ на судъ (въ формѣ поединка), послѣдствіемъ котораго было для побѣжденнаго признаніе его виновности (съ *jus vitae ac necis* побѣдителя надъ побѣжденнымъ), вытѣсняется взглядомъ на нее какъ на отношенія между государствами и ихъ организованными силами. Средства войны еще очень жестоки, послѣдствія войнъ для государствъ ужасны; но мирные жители щадятся уже по принципу. Впрочемъ юристы XVI и XVII вѣковъ (напр. Бюнкерсгукъ) скорѣе отстаютъ отъ вѣка въ своихъ воззрѣніяхъ на войну; такъ Бюнкерсгукъ считаетъ на войнѣ почти все дозволеннымъ (исключеніе—Гроцій); рѣдкіе писатели (напр. Альціатъ въ XVI вѣкѣ) высказываются противъ права добычи. Съ XVIII, но особенно съ XIX вѣка всѣ внутреннія законодательства,

военные законы и большинство писателей признаютъ, что война есть вооруженная борьба государствъ, а не частныхъ лицъ; а начала гуманности, вліяніе философскихъ воззрѣній на права личности рѣшительно содѣйствуютъ тому, что *вышеуказанное воззрѣніе является не только господствующимъ, но изъ него логически выводятъ въ сухопутной войнѣ начало личной и имущественной неприкосновенности мирныхъ жителей.*

Современная война—есть тотъ же судебный поединокъ, который встрѣчается въ гражданскомъ и уголовномъ процессѣ на извѣстной, нынѣ уже пережитой ими ступени развитія. Судебный поединокъ разрѣшалъ вопросы факта и права, создавалъ послѣднее для побѣдителя; точно такъ и война—*фактически разрѣшаетъ споръ о правѣ и создаетъ послѣднее (при побѣдѣ) даже для неправой стороны.* Судебный поединокъ имѣлъ свои правила, формы, свою процессуальную систему; и поединокъ между народами имѣетъ свои правила, выражающіяся въ обычаяхъ и трактатахъ, почерпаемыя въ высшемъ источникѣ международнаго права—въ юридическомъ сознаніи народовъ о тѣхъ нормахъ, которыя наиболѣе пригодны и терпимы (въ соотвѣтствіи съ культурою даннаго времени) *для ограниченій въ примѣненіи насильственныхъ мѣръ при борьбѣ государствъ.* Нѣкоторые институты военнаго права подвергались даже кодификаціи; поставленъ даже вопросъ о международно-законодательной кодификаціи всего военнаго международнаго права (см. „Введение“, главу о кодификаціи).

III. Такимъ образомъ, *война есть вооруженное столкновение (вооруженная борьба) государствъ или политически организованныхъ партій* (Филлиморъ называетъ ее „ужасною тяжбой“ между государствами). Подъ это опредѣленіе подойдутъ и племена, которыя, не составляя государства въ культурномъ смыслѣ, обладаютъ, однако, опредѣленною территоріей и зачатками государственной власти, управляющей племенемъ. Проф. Ф. Мартенсъ исключаетъ изъ приведенной формулы политически организованныя партіи. Но такая точка зрѣнія суживаетъ понятіе о воюющихъ, не соотвѣтствуетъ ни исторіи, ни современному положенію вещей: борящіяся партіи признаются воюющими, если онѣ фактически обладаютъ условіями, требуемыми въ международномъ правѣ для образованія политическаго тѣла. Такой взглядъ наиболѣе согласуется и съ началами гуманности. Понятно, что *борящаяся партія должна признавать законы и правила войны*, и что ее не слѣдуетъ смѣшивать съ мятежомъ и заговорами малыхъ объемовъ и незначительнаго распространенія, которые подлежатъ уголовнымъ законамъ въ качествѣ политическихъ преступленій, а не законамъ войны. Примѣры: Соедин. Штаты разсматривали южные конфед. штаты за воюющую сторону; въ этомъ же смыслѣ Европа относилась и къ венгерцамъ въ войнѣ 1848—1849 гг.

IV. За послѣднее время громадное большинство писателей и культурное общество относятся къ войнѣ съ большимъ скептицизмомъ. Ненависть къ войнѣ, страхъ предъ нею распространяются все больше и глубже, между прочимъ и благодаря общей воинской повинности (Фиоре, Мартенсъ, графъ Камаровскій), выставяющей всѣ классы населенія (и высшія) въ жертву войнѣ. Франко-прусская война (1870—71 г.)

привела, правда, къ реакціи; она проявилась въ особенности въ Германіи и даже за ея предѣлами. Не только военные авторитеты нѣмцевъ (Фонъ-Клаузевицъ, Рюстовъ, Мольтке; извѣстно письмо послѣдняго къ Блунчли по поводу изданнаго гентскимъ институтомъ кодекса законовъ для сухопутной войны, въ которомъ Мольтке относится скептически не только къ кодификаціи законовъ войны, но и къ подчиненію ея опредѣленіямъ права вообще), но и историкъ (Трейтчке, отчасти Зибель), публицисты и экономисты (Прудонъ), наконецъ, юристы (Функъ-Брентано и Сорель, Лассонъ и др.), защищая войну, разсматриваютъ ее, какъ благодать для народовъ, способъ уврачеванія ихъ политическихъ и нравственныхъ золъ, какъ средство для моральнаго оздоровленія народовъ и мѣру поднятія духа и залогъ будущаго преуспѣянія. Нѣкоторые считаютъ ее абсолютно законною и полагаютъ даже, что громадное большинство войнъ содѣйствовали прогрессу цивилизаціи (Кальво); Прудонъ иногда договаривается даже до того, что навязываетъ народамъ „обоготвореніе войны“; нѣтъ и нельзя установить никакого различія между войнами справедливыми и несправедливыми, а государственная необходимость—единственный законъ для войны (Функъ-Брентано и Сорель). А такъ какъ отношенія между государствами, по мнѣнію скептиковъ школы Макіавелли, строятся не на правѣ, а на политикѣ, почему умный эгоизмъ—единственно цѣлесообразенъ въ сферѣ международныхъ отношеній, а выгода и случай—суть факторы, повелѣвающіе и рѣшающіе въ этой области, то война, вытекающая изъ природы государства, покоющагося на правѣ сильнѣйшаго, должна всегда существовать; она есть въ сущности борьба à outrance между различными принципами культуры, коренное учрежденіе государства и выраженіе ненависти народовъ другъ къ другу. Война—предопредѣленіе свыше, ибо исходъ ея—всегда справедливъ (судъ Божій); она вліяетъ освобождающимъ и обновляющимъ образомъ на народъ высшей культуры и безъ нея не было бы поэзіи въ жизни и въ литературѣ (Лассонъ). Наконецъ, многіе писатели (напр. Ф. Мартенсъ), не преклоняясь предъ войною, распространяютъ сферу ея примѣненія, допуская ее въ защиту не только права, но и важныхъ политическихъ интересовъ: основаніе политики тоже, что и для положительнаго права, которое есть предѣлъ политики и опредѣляетъ ея цѣли, почему война сводится у этихъ писателей (Ф. Мартенсъ и Клаузевицъ) къ политическому средству для достиженія государствомъ своихъ цѣлей.

Писатели же, отвергающіе войну, нерѣдко отрицаютъ возможность примѣнять къ ней правовыя нормы; другими словами, они устраняютъ право войны, такъ какъ не находятъ ни связи, ни соотвѣтствія между фактомъ и системою насилій (войною) и правомъ, почему необходимо (Сарторій, Альвиелла и друг.) совершенно отвергнуть войну. Это направленіе вѣрно, поскольку въ немъ выражается стремленіе современнаго международнаго права къ построенію послѣдняго на твердой почвѣ юридической организаціи международнаго союза съ международнымъ судомъ для рѣшенія всѣхъ столкновеній между народами; но само по себѣ оно есть такая же крайность, какъ и у писателей перваго напра-

вления. Эти (Лассонъ и другіе) жертвуютъ военнымъ правомъ потому, что оно не соотвѣтствуетъ фактической природѣ войны, а второе направление закрываетъ глаза на дѣйствительность ради идеала, къ которому исторія ведетъ лишь очень медленно. Оба направления грѣшатъ противъ вышеприведенныхъ историческихъ данныхъ, которыя доказываютъ, что понятіе о войнѣ не есть абсолютное и безграничное. Первое ограниченіе войны состоитъ въ томъ, что она стѣснена въ пространствѣ и времени; во вторыхъ—она должна быть правомѣрна; иль ея, какъ процесса,—возстановитъ нормальное, правильное состояніе, т. е. миръ (Броше де ла Флешеръ) посредствомъ достиженія задачи самой войны, а этою задачею не можетъ быть истребленіе противника, такъ какъ племена и государства—члены международного общенія, призванны къ жизни, безконечному усовершенствованію и къ достиженію великихъ идеаловъ, къ осуществленію которыхъ призваны человѣкъ и всѣ человѣческіе союзы.

Но какая же ближайшая задача войны, т. е. какія причины оправдываютъ ее? Возстановитъ право дѣйствительно нарушенное или которому грозитъ неизбѣжное нарушеніе. Правомѣрною причиною войны можетъ быть лишь нарушеніе права. Но, очевидно, не всякаго! Странно было бы объявлять войну изъ за ничтожнаго нарушенія (наприм. изъ за пустаго пограничнаго столкновенія, въ родѣ инцидента съ Шнебеле на франко-германской границѣ!). Рисковать войною можно лишь по серьезному нарушенію важнаго (основнаго) права. Самое слово война (англійское war), происходя изъ древнегерманскаго wehr (оборона), указываетъ на то, что она законна при самооборонѣ, когда угрожаютъ ближайшимъ нападеніемъ или уже напали на государство, на его независимость и свободу. Слѣдовательно, законны войны оборонительныя, а въ некоторыхъ случаяхъ и наступательныя (для предотвращенія неминуемо грозящей опасности) въ защиту основныхъ правъ государствъ на независимость и территориальное верховенство (Бульмеринкъ, Блунчли, гр. Камаровскій). Но разъ война возникла, то будь она правомѣрна или не правомѣрна, будутъ ли достаточны вызвавшіе ее поводы или нѣтъ, средства и способы ея веденія всегда должны быть правомѣрны, т. е. обуславливаться и ограничиваться юридическими нормами, выражающимися въ законахъ и правилахъ войны. Такимъ образомъ, война въ защиту „интересовъ“—не правомѣрна; понятіе объ интересахъ—растяжимо, подъ нимъ всегда почти скрывались хищничество, произволъ, эгоизмъ воюющихъ (о причинахъ войнъ—см. Эмиль де Лавелэ). Разсматриваемыя съ исторической точки зрѣнія войны дѣйствительно вызывались часто „интересами“ (Ф. Мартенсъ); но это доказываетъ, что таково было ихъ происхожденіе, съ которымъ и приходится считаться, но не доказываетъ нисколько правомѣрности войнъ изъ за „интересовъ политическихъ“, судьями и цѣнителями которыхъ являются сами заинтересованныя государства.

Вслѣдствіе сказаннаго къ опредѣленію войны, что она есть „вооруженная борьба между государствами или политически организованными партіями“ (опредѣленіе проекта Россіи, обсуждавшагося на Брюсс-

сельской конференціи), надлежит прибавить „изъ за основныхъ вопросовъ публичнаго права“, т. е. за основныя права государства и всего международнаго союза. А такъ какъ война большое зло, то къ ней надлежитъ прибѣгать въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда исчерпаны всѣ мирныя и, если возможно, суммарныя способы процесса. Въ виду несомнѣнно миролюбиваго настроенія массъ и современнаго народнаго представительства, *желательно*, для предупрежденія войнъ, *чтобы объявленіе ихъ зависѣло не отъ одной исполнительной власти*; необходимо, чтобы на объявленіе войны имѣло вліяніе и народное представительство, какъ это и требуется французскою и сѣверо-американскою конституціями, также нѣкоторыми писателями (Лавелэ; Блунчли находятъ это мало полезнымъ). *Цѣлью всякой войны должно быть не только возстановленіе права, но и созданіе мирнаго порядка на болѣе прочныхъ основахъ*. Но соображенія политическія, съ которыми приходится считаться въ области международныхъ отношеній, могутъ вліять на требованія и условія мира (Блунчли), хотя эта теорія нѣсколько опасна, такъ какъ она можетъ узаконить злоупотребленія со стороны побѣдителя. Впрочемъ, сдерживающимъ началомъ можетъ явиться международный союзъ, который долженъ накладывать свое veto на всякія злоупотребленія силою со стороны побѣдителя.

Во всякомъ случаѣ война есть громадное бѣдствіе. Приведенныя выше соображенія защитниковъ войны не выдерживаютъ критики. Говорятъ, что всемірная исторія, столь знакомая съ войнами, есть высшій судъ надъ народами, часто низвергавшій во имя высшихъ интересовъ и благъ малыя или дурныя творенія рукъ человѣческихъ. Можно замѣтить, что такъ было въ тѣ времена, когда война даже сближала народы, знакомила низшія культуры съ высшими, ассимилировала народы и культуры. Теперь же нѣтъ и не можетъ быть ничего подобнаго: цивилизованные народы твердо осѣлись, образовали политическій и соціальный строй, весьма сближаются между собою науками и искусствами и состоятъ другъ съ другомъ въ постоянныхъ сношеніяхъ. Сближеніе продолжаетъ идти впередъ быстрыми шагами; для него нужны миръ и дружба, а не вражда, раздражающая и взаимно отталкивающая народы. Если говорятъ о карѣ Божіей и предопредѣленіи Божества, рѣшающемъ о войнѣ и побѣдѣ, то такія мысли—просто кощунство, такъ какъ религія мира, любви и братства, чистота и безконечное величіе ученія Христа, заповѣдавашаго „любить враговъ“, не даютъ ни основанія, ни управомочія для убійствъ, ссоръ, злобы и всяческаго взаимостребленія. Когда церковь сдѣлалась воинствующею (на Западѣ)—она уже удалилась отъ чистоты евангельскаго ученія, принизилась до земнаго, или извиняла лишь и оправдывала войну, неизбежное зло. Для государствъ, вѣдущихъ войну, она неисчислимое зло, грозящее уничтоженіемъ; и побѣдитель и побѣжденный страдаютъ экономически. Содержаніе армій и флота въ мирное время обходится очень дорого, поглощая $\frac{1}{4}$ часть всѣхъ государственныхъ доходовъ (см. графъ Камаровскій—Обзоръ современной литературы, „заключеніе“; онъ приводитъ выписку изъ Neumarck'a—Les dettes publiques européennes, 1887). Такъ,

на доходъ въ $15\frac{1}{2}$ милліардовъ франковъ, государствами тратилось на армію и флотъ около 4 милліардовъ; до 3 мил. человѣкъ (въ 1886 г.) содержались подъ ружьемъ (а съ 1886 г.—увеличенъ мирный составъ войскъ въ Германіи, Франціи, Италіи, Даніи и Россіи). Въ 1866 г. долги (значительная часть которыхъ, по свидѣтельству Леруа-Болье, сдѣлана на войны) государствъ выражались въ цифрѣ 66 милліардовъ франковъ капитала и почти въ $2\frac{1}{2}$ милліарда процентовъ (ежегодно). Послѣ войнъ франко-прусской и русско-турецкой долги возрасли до 112 милліардовъ франковъ капиталомъ и до 5 слишкомъ милліардовъ процентовъ (т. е. умножились на 80 и 100% за 20 лѣтъ). *Эти расходы и долги возрастаютъ въ геометрической пропорціи:* Италія, благодаря воинственной „лигѣ мира“, близка къ банкротству; въ Германіи — все рошчетъ отъ налоговъ, страна обнищала, эмиграція увеличивается. А въ тоже время Соедин. Штаты, не ведущіе войнъ и не имѣющіе постоянной арміи, не знали—куда дѣвать золото и систематически уменьшаютъ налоги! Исчислить же дальнѣйшіе (косвенные) убытки отъ войны—совершенно невозможно! Милліардами должны быть исчислены потери рабочихъ рукъ, отъ уменьшенія и сокращенія производства на фабрикахъ и заводахъ, сокращенія вывоза и привоза, потери въ стоимостн рабочей силы, изъятой отъ труда въ видѣ убитыхъ и раненыхъ, отъ ослабленія кредита, паденія курса и т. д. Во время самой войны множество денегъ поглощается контрибуціями и реквизиціями. Одинъ писатель (Guelle) приводитъ таблицу, изъ которой видно, что съ 1795 г. по 1871 г. забрано воюющими однихъ контрибуцій болѣе чѣмъ на 7 милліардовъ франковъ (не считая реквизицій). Одни Пруссаки въ 1870—71 набрали контрибуціями—39 милліоновъ франковъ, налогами—49 мил. и реквизиціями 327 мил., да по заключеніи мира взяли съ французовъ 5 милліардовъ франковъ золотомъ. Не очевидно ли, что даже очень серьезныя нарушенія права не стоятъ этихъ страшныхъ жертвъ, которыя не поддаются уже никакому, даже приблизительному исчисленію, если взять во вниманіе потери нейтральныхъ на торговлѣ, а иногда и прямые убытки ихъ отъ необходимости увеличить армію, привести часть ея на военное положеніе для охраны нейтралитета. Нужно ли говорить, что и *побѣда—понятіе относительное, непрочное!* *Сильное пораженіе для могучаго народа, униженіе его, разореніе контрибуціями—питаютъ месть, жажду мщенія* (напр. современная Франція относительно Германіи); миръ—не прочень, является скорѣе вооруженнымъ перемиріемъ. *Въ общемъ и цѣломъ нельзя допустить и никакого „возрожденія народовъ“ и нравственнаго усовершенствованія ихъ послѣ войны. Подъемъ духа, конечно, бываетъ, но только въ немногихъ, дѣйствительно популярныхъ (освободительныхъ) войнахъ, напр. испанцевъ и русскихъ въ 1811—1812 годахъ, въ войнахъ 1876 и 1877—1878.* Большія и продолжительныя войны ведутъ часто къ отчаянію, угнетенію духа, къ огрубѣнію нравовъ, къ очерствѣлости сердца и самодовольству ума (напр. у нѣмцевъ долго послѣ 1870—71 г.), къ самоувѣренности побѣдителя (Франція—Наполеона I; Германія—Бисмарка), къ непримиримой ненависти среди побѣжденныхъ. Всегда водворяется

авторитетъ и господство военного сословія (современная Германія), которые, если бываютъ продолжительны и распространены, дѣлаются тягостными для населенія, придаютъ государству милитарный характеръ, отнюдь не содѣйствуя поднятію умственнаго и нравственнаго уровня населенія, а всегда понижая его. Такое состояніе совсѣмъ не благоприятно ни наукѣ и литературѣ, ни законодательствамъ и социальнымъ реформамъ. Для побѣжденныхъ (Россія послѣ 1856 г.) нерѣдко такіе удары—толчекъ къ реформамъ. Но самые удары—слишкомъ сильны, расшатываютъ организмъ и миръ, конечно, во сто кратъ благоприятнѣе для разумной и постепенной работы на пользу общества и государства. Замѣчено также, что самые „идеалы“ послѣ войны всегда понижаются, особенно у побѣдителей.

§ II. Основныя начала права войны.

Подъ правомъ войны надлежитъ разумѣть систему юридическихъ нормъ, определяющихъ и ограничивающихъ способы примѣненія государства или организованными политическими партіями насильственныхъ дѣйствій во время вооруженной борьбы между ними. Лишь государство (или организованная политическая партія) можетъ быть воюющимъ, а частныя лица становятся воюющими только въ качествѣ входящихъ въ составъ организованныхъ военныхъ силъ государства. Воюющими могутъ быть нѣсколько государствъ; но разъ государство участвуетъ въ вооруженной борьбѣ, хотя бы ничтожною частью своихъ силъ, оно есть уже воюющее и противникъ можетъ пустить противъ него въ ходъ всѣ свои силы, не ограничиваясь обязанностью противодѣйствія ему лишь силами пропорціональными выдвинутыми противникомъ. Послѣднее признавалось въ средніе вѣка и даже вплоть до XVIII вѣка. Такъ, Швейцарскіе кантоны, поставляя по капитуляціямъ свои войска воюющимъ (Франціи, нѣмецкимъ государямъ), разсматривались, какъ продолжающіе сохранять свой нейтралитетъ: воюющіе ограничивались только враждебными дѣйствіями противъ ихъ вспомогательныхъ отрядовъ (понятіе о второстепенномъ союзникѣ). Въ этомъ же смыслѣ Турція понимала въ войнѣ 1877 и 78 г. и участіе Египта, пославшаго ей въ качествѣ вассала вспомогательный корпусъ на театръ военныхъ дѣйствій. Но если русское правительство не открывало никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Египетской территоріи, то лишь по физической къ тому невозможности. Изъ вышесказаннаго опредѣленія современной войны слѣдуетъ, что частныя лица—не враги, а становятся врагами лишь въ качествѣ гражданъ, призываемыхъ къ участію въ выполненіи долга предъ своимъ отечествомъ въ качествѣ комбатантовъ (Бернье, Ф. Мартенсъ). По общему правилу, частныя лица должны стоять, какъ мирные граждане, внѣ военныхъ операцій и послѣдствія войны не должны на нихъ распространяться. Поэтому, подданные воюющихъ имѣютъ право во все время войны оставаться на территоріи противника и должны пользоваться тамъ защитой и покровительствомъ законовъ. Объ изнаніи ихъ массами, какъ это было сдѣлано французскимъ правительствомъ относительно германскихъ подданныхъ въ войнѣ 1870 г.

по мотиву безопасности (что оправдывалось многими французскими писателями, напр. Ахиллесомъ Мореномъ и Геллемъ), *не можетъ быть и рѣчи*: удалить можно только тѣхъ, которые проявили себя опасными, провинились въ чемъ-либо, напр. въ шпионствѣ, недозволенной перепискѣ и проч. Признать право изгнанія массами—значить установить принципъ коллективной отвѣтственности невинныхъ за виновныхъ, нарушить начало, что война ведется государствомъ противъ государства, а не частныхъ лицъ и усилить и безъ того ужасныя бѣдствія войны. Указомъ Сената отъ 12 мая 1877 г. турецкимъ подданнымъ разрѣшалось пребываніе и продолженіе „мирныхъ ихъ занятій“ въ Россіи.

Война начинается фактически или же указаніемъ известнаго юридически опредѣленнаго момента ея возникновенія (такъ называемое объявленіе войны). *Послѣдній способъ безусловно необходимъ; фактическое начатіе войны*—противно началу гуманности, есть предательство и вноситъ анархію въ международныя отношенія, противорѣча началомъ процесса и интересамъ мирныхъ подданныхъ воюющихъ и нейтральныхъ. Объявленія требуютъ многіе публицисты и юристы (Моренъ, Броше, Гелль). Вѣрно говоритъ Броше, что необходимо устранить всякое опасеніе внезапнаго нападенія, которое подрываетъ довѣріе, а уничтоженіе послѣдняго ослабляетъ кредитъ и причиняетъ неизмѣримыя бѣдствія. Но если мы говоримъ объ „объявленіи“ войны, то *подъ нимъ вовсе не слѣдуетъ разумѣть требованіе разныхъ церемоній* (напримѣръ, въ родѣ средневѣковыхъ объявленій чрезъ герольдовъ и проч.), которыя вполнѣ излишни. Требуется не торжественное извѣщеніе, а просто *объявленіе противнику о войнѣ дипломатическимъ путемъ* (такъ было въ войнахъ 1870 и 1877 годовъ). *Объявленіе можетъ быть замѣнено и ультиматумомъ, т. е. формальнымъ* (дипломатическимъ) *заявленіемъ о томъ, что неисполненіе противникомъ въ извѣстный срокъ опредѣленныхъ требованій равносильно объявленію ему другою стороною войны*. Противное высказанному мнѣнію (проф. Ф. Мартенса) слишкомъ опирается на телеграфы и гласность, дающіе возможность „заранѣе предвидѣть окончательный разрывъ“. Оно упускаетъ изъ виду, что далеко не всѣмъ и не всегда доступно своевременное полученіе свѣдѣній о неизбѣжности разрыва. Формальное объявленіе войны желательно и для исчисленія срока, который дается обыкновенно воюющими купеческимъ кораблямъ противника для удаленія изъ портовъ.

Съ наступленіемъ войны (съ момента объявленія) *порываются политическія сношенія между враждующими, почему дипломатическіе агенты воюющихъ, вытѣжаются изъ страны*. То же практикуется и относительно консуловъ, что не можетъ быть оправдано *stricto jure*, такъ какъ консулы—органы соціальныхъ интересовъ, защитники мирныхъ гражданъ, имѣющихъ право пребыванія на территоріи воюющихъ и лишены всякаго политическаго характера. Впрочемъ, интересы подданныхъ воюющихъ поручаются обыкновенно защитѣ дипломатическихъ и консульскихъ агентовъ одной изъ дружественныхъ державъ (напр. въ войнѣ 1877—78 годовъ русскіе подданные въ Турціи охранялись германскимъ посольствомъ и консулами въ Турціи).

Древность и средніе вѣка признавали, что война прекращаетъ фактически и юридически всякія отношенія между государствами; по-этому, никакіе трактаты между ними не могутъ имѣть силы и примѣненія. Этого воззрѣнія придерживаются и въ настоящее время многіе англо-американскіе писатели и юристы (Кентъ, Стори, Филлиморъ). Съ измѣненіемъ взгляда на войну и съ проникновеніемъ въ нее культурныхъ идеаловъ просвѣщеннаго человѣчества это ученіе поколеблено. Признается *de facto* и въ литературѣ (Блунчли, Ф. Мартенсъ, Перельсъ), что *война прекращаетъ обязательства (трактаты) политическаго характера, лишь приостанавливая дѣйствіе остальныхъ договоровъ (напр. коммерческихъ трактатовъ) въ виду фактической невозможности ихъ исполненія во время войны*. Современемъ, надо полагать, будутъ исполнять обязательства общепользныя, непосредственно затрагивающія начала международного юридического порядка; напр., нѣтъ ни юридическихъ основаній, ни фактической невозможности, которыя оправдывали бы отказъ въ выдачѣ преступника: война не препятствуетъ выдачѣ, а оба правительства одинаково заинтересованы въ судѣ и наказаніи преступника. Общепризнано также, что *договоры, заключенные именно на время войны и въ виду охраненія законовъ и правилъ войны, продолжаютъ имѣть силу*. Противное мнѣніе (высказано нѣкоторыми писателями Англій и русскимъ публицистомъ Катковымъ относительно не-обязательности для Англій и Россіи парижской деклараціи 16 апрѣля 1856 г.)—не можетъ быть принято, такъ какъ оно узаконяетъ анархію и возвращеніе къ временамъ варварства на войнѣ. Женевская конвенція 1864 г., акты 1856 г., конвенція 1868 г. и проч. сознательно заключены для примѣненія именно на время войны, въ интересахъ ея смягченія и гуманизациі; если всѣ они теряютъ свою силу съ возникновеніемъ войны, то къ чему же заключать ихъ и можно ли разсуждать объ упорядоченіи войны и ея смягченіи, т. е. о прогрессѣ въ военномъ международномъ правѣ?!

В. Право войны по отношенію къ непріятельскимъ лицамъ.

І. Для уразумѣнія понятія о „законныхъ непріятеляхъ“ надлежитъ принять во вниманіе два противоположныя теченія: первое, вытекающее изъ современнаго воззрѣнія на войну, какъ на вооруженное столкновеніе политическихъ организмовъ, а не частныхъ лицъ, приводитъ къ тому, что участвующими въ военныхъ операціяхъ признаются только арміи, флоты и прочія организованныя силы, подготовленныя къ веденію военныхъ операцій, т. е. собственно комбатанты. Второе теченіе стремится ослабить практическое значеніе предыдущаго; въ эпоху абсолютныхъ монархій, когда войны велись изъ за династическихъ интересовъ, населенія относились къ нимъ иначе, нежели въ настоящее время, когда народъ участвуетъ въ управленіи, политика дѣлается національною, а династическіе интересы ступшевались. Войны сдѣлались рѣже, но пріобрѣтаютъ національную окраску, затрагиваютъ еще болѣе интересы населеній, почему и дѣлаются ожесточеннѣе (Броше, Гелль, Этвешъ). Поэтому, населенія становятся наклонными къ тому,

чтобы принимать въ ней непосредственное участіе. Отсюда—необходимо опредѣлить условія, при которыхъ отдѣльныя лица изъ мирнаго населенія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и все населеніе, имѣютъ право вступить въ борьбу съ непріателемъ, т. е. пользоваться правомъ комбатантовъ и нести на себѣ непосредственныя послѣдствія военныхъ операцій противника. Говорятъ, что частное лицо, какъ подданный, имѣетъ обязанность защищать свое отечество, которая есть „проявленіе права индивидуума на самооборону“ (Моренъ, Бернье). Противъ этого возражаютъ, что отдѣльные граждане очень рѣдко находятся въ состояніи необходимой обороны, такъ какъ непріатель почти никогда не направляетъ своего нападенія противъ нихъ лично. Частное лицо не можетъ стать солдатомъ государства по своему усмотрѣнію (Гренандеръ), а должно получить на это разрѣшеніе отъ своего государства. Что же касается до поголовной (народной) войны съ непріателемъ (въ томъ случаѣ, когда врагъ наступаетъ, но не успѣлъ еще занять данную территорію на правахъ оккупанта), то этотъ вопросъ еще болѣе споренъ. Узко понятый патріотизмъ (Моренъ, Бернье), безусловно оправдывающій участіе въ войнѣ неорганизованныхъ народныхъ массъ, не замѣчаетъ, что эти массы—„пушечное мясо“ для организованныхъ силъ противника, что поднять ихъ не трудно, но не легко руководить ихъ движеніями и дѣйствіями, держать ихъ въ дисциплинѣ, что участіе ихъ въ войнѣ—вноситъ много злобы и разнузданности и что, наконецъ, борьба совершенно неорганизованными массами не давала большихъ результатовъ, приносила чаще больше вреда (Ф. Мартенсъ); она извращаетъ характеръ современной войны, такъ какъ подвергаетъ мирное населеніе всѣмъ ея ужасамъ (Корси, Фіоре, Ф. Мартенсъ). Народныя войны (въ Россіи въ 1812 г., въ Испаніи въ 1811—1812 гг.) приносили тогда значительную пользу, когда были хорошо организованы. Такимъ образомъ, самосохраненіе допускаетъ участіе народа въ борьбѣ съ наступающимъ врагомъ въ исключительныхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о защитѣ свободы государства и когда организованныя силы оказываются недостаточными противъ врага, обладающаго громадною арміею. Въ виду сказаннаго *необходимо опредѣлить условія, при наличности которыхъ въ войнѣ (на правахъ комбатантовъ) могутъ принять участіе: а) отдѣльныя лица и б) все населеніе.*

(а) *Условія для участія частныхъ лицъ очень спорны.* Такъ, германское правительство въ войнѣ 1870—71 г. не признавало воюющими такъ наз. „francs tireur'овъ“ (французскихъ вольныхъ стрѣлковъ) и разстрѣливало ихъ массами, какъ разбойниковъ, требуя для признанія ихъ „законными врагами“—письменнаго разрѣшенія для каждаго изъ нихъ отъ французскаго правительства на принятіе участія въ войнѣ, состоянія ихъ подъ начальствомъ офицеровъ, ношенія форменной одежды и чтобы они составляли часть организованной французской арміи. Французское правительство разсматривало эти требованія какъ чрезмѣрныя и стѣснительныя; писатели (даже Ролень-Жакменъ, не говоря уже о Моренѣ, Функъ-Брентано и Сорелѣ и другихъ французскихъ писателяхъ) тоже порицаютъ эти требованія въ цѣлой ихъ совокупности,

хотя нельзя не замѣтить, что въ великихъ войнахъ конца XVIII и начала XIX вѣка англичане, Наполеонъ I и русскія власти строго преслѣдовали каждое частное лицо, принявшее участіе въ войнѣ не въ качествѣ составной части арміи; возставшее населеніе и отдѣльные граждане подвергались смертной казни, а не дѣйствию законовъ военного плѣна, если ихъ ловили съ оружіемъ въ рукахъ. Понятно, что проектъ брюссельской деклараціи былъ шагомъ впередъ на пути къ установленію точныхъ правилъ для этихъ лицъ, въ огражденіе ихъ отъ произвола воюющихъ, а послѣднихъ отъ анархіи и злоупотребленій безграничнаго участія всякаго сброда въ военныхъ операціяхъ. Проектъ признаетъ „законнымъ непріателемъ“, кромѣ арміи, флота и милиціи, еще національную гвардію, ландштурмъ, ополченіе, отряды волонтеровъ (добровольцевъ, ополченцевъ), но подъ слѣдующими условіями: волонтеры должны имѣть во главѣ отвѣтственное лицо (хотя бы и не офицера), носить форменную и легко распознаваемую одежду, открыто носить оружіе и соблюдать законы и правила войны. Въ цѣломъ эти условія были воспроизведеніемъ требованій, которымъ удовлетворяли русскіе отряды поселянъ-ополченцевъ въ войну 1812 г.

Новѣйшіе писатели склонны къ обобщенію и распространенію этихъ условій. Такъ, Броше, опираясь на то, что лица, принимающія участіе въ войнѣ, суть орудія государства, дѣйствующія по его приказу, *полагаетъ, что приказъ правительства, данный добровольцамъ, совершенно достаточенъ и уравниваетъ ихъ съ регулярными войсками. Мундиръ—только внѣшнее проявленіе (подтвержденіе) такого приказа. Другіе писатели (напр. Гелль) требуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ для этихъ комбатантовъ строгой организаціи и дисциплины, необходимыхъ для утраты войною ея варварскаго характера и для подчиненія ея смягчающему вліянію цивилизаціи. Эти требованія формулируются ими очень строго.* Такъ, предлагаютъ (Гелль), чтобы ополченіе было признано и разрѣшено правительствомъ, организовано въ военномъ отношеніи и подчинено начальствующему всѣми войсками. Эти требованія совершенно уравниваютъ армію регулярную съ ополченіемъ, добровольцами и проч., поэтому идутъ слишкомъ далеко. *Самое вѣрное есть третье (посредствующее) мнѣніе (Гренандеръ): государство, ведущее борьбу, должно дать признаніе и разрѣшеніе частному лицу, безразлично—въ какой формѣ; но непріятель долженъ знать объ этомъ разрѣшеніи, что достигается внѣшнею формою (мундиромъ), которая есть всякій внѣшній знакъ, способный удостовѣрить качество солдата на извѣстномъ разстояніи (для нормальнаго глаза). Всѣ остальные условія, требуемыя брюссельскою деклараціею, или излишни (напр. требованіе открытаго ношенія оружія) или подають поводъ къ недоразумѣніямъ (Гренандеръ). Но слѣдовало бы добавить къ разрѣшенію и формѣ еще третье условіе—соблюденіе законовъ и правилъ войны.* При такихъ условіяхъ уже нечего требовать отъ добровольцевъ состоянія подъ командою офицера. Ими можетъ свободно командовать, напр., исправникъ, губернаторъ и всякое лицо, заслуживающее довѣрія, наконецъ, даже кто-либо, избранный ими изъ своей среды.

(b) Въ случаѣ же вооруженнаго возстанія всего населенія (народной войны) для отраженія нашествія непріятели *брюссельскій проектъ* (ст. 10) признаетъ за населеніемъ права воюющей стороны лишь подъ условіемъ соблюденія законовъ и обычаевъ войны, хотя бы населеніе не успѣло организовать въ отряды (нѣмцы безусловно отрицали это право за французскимъ населеніемъ въ войнѣ 1870—71 г.). Такое возстаніе оправдывается многими писателями (Мореномъ, Геллемъ, Гренандеромъ). Поголовно возставшее населеніе не можетъ быть поставлено на одну ногу съ добровольцами: сопротивленіе массою нѣсколько гарантируетъ противъ дурныхъ его мотивовъ, указывая на патріотизмъ и цѣль его — оборону. Гренандеръ, усматривая въ этомъ возстаніи крайнюю мѣру, требуетъ, чтобы о ней дано было знаніе противной сторонѣ, что не выполнимо въ большинствѣ случаевъ по фактическимъ условіямъ, сопровождающимъ подобныя возстанія: они происходятъ почти всегда внезапно и быстро, при приближеніи врага; возстаніе даетъ себя знаніе слишкомъ явно и наступающій непріятель всегда долженъ быть готовъ къ нему.

II. *Обычаи и правила войны, подтверждаемые и брюссельскою декларациею* (ст. 11), рассматриваютъ въ качествѣ служащихъ цѣлямъ войны и лишь не сражающихся, но сопровождающихъ армію съ разными законными цѣлями, какъ-то — представителей интендантства, маркитантовъ даже корреспондентовъ газетъ. Ихъ берутъ въ плѣнъ, т. е. рассматриваютъ ихъ не какъ мирныхъ гражданъ, а какъ особаго рода некомбатантовъ. Это можно одобрить относительно чиновъ интендантства и даже маркитантовъ, такъ какъ они, продовольствуя армію, оказываютъ поддержку боевой ея способности. Но весьма трудно оправдать плѣненіе корреспондентовъ газетъ.

III. *Шпіоны* (лазутчики). Не признаются комбатантами, т. е. законными непріятелями, *мародеры* (грабящіе мертвыхъ и раненыхъ на поляхъ брани), *дезертиры* (бѣглецы военные), попавшіе въ руки непріятели, а также *шпіоны*. *Давній обычай войны*, никогда не порицавшійся и въ литературѣ, всегда подвергалъ мародеровъ и шпіоновъ смертной казни (обыкновенно повѣшеніемъ). Само по себѣ шпіонство не всегда преступленіе; оно можетъ сдѣлаться однимъ изъ видовъ верховной измѣны, если практикуется подданнымъ въ ущербъ своему отечеству и въ интересахъ противника. Но нерѣдко оно не только не заключаетъ въ себѣ признака государственной измѣны, а имѣетъ въ себѣ мотивъ высокаго патріотизма или безусловнаго подчиненія предписаніямъ своего начальства. Слѣдовательно, *понятіе о преступности и наказуемости шпіонства имѣетъ корни не въ уголовномъ правѣ, а въ потребностяхъ военнаго времени, т. е. въ спеціальныхъ постановленіяхъ военнаго международнаго права, оправдываемыхъ великою опасностью шпіонства для арміи*. Поэтому, весьма необходимо опредѣлить составъ этого преступленія противъ права войны. Литература обращала мало вниманія на этотъ вопросъ; лишь „руководство гентскаго института“ (проектъ кодекса для сухопутной войны) и проектъ брюссельской деклараціи (ст. 19) даютъ опредѣленіе шпіонства. Составъ послѣдняго: *лицо должно дѣй-*

ствовать тайно, обманно (т. е. подъ ложными предлогами); необходимо, чтобы оно пыталось собрать или собрало (*delictum consumatum*) свѣдѣнія, непременно въ мѣстности, уже занятой непріятелемъ, и имѣло при томъ намѣреніе донести объ извѣданномъ противной сторонѣ. Надлежало бы добавить, что собираемыя свѣдѣнія должны касаться военныхъ операций противника, такъ какъ бывали въ дѣйствительности случаи, когда собирались свѣдѣнія, не имѣвшія никакого отношенія къ военнымъ операціямъ, но переносившіяся къ противнику. Весьма желательна также внести въ опредѣленіе шпионства мотивъ его и подвергать наказанію, всегда по суду, лишь тѣхъ изъ шпионовъ, которые дѣйствуютъ изъ личныя (особенно изъ корыстныхъ) видовъ, но подчинять законамъ военного плѣна тѣхъ изъ нихъ, которые докажутъ, что дѣйствовали изъ патріотизма и по приказанію своего военного или гражданскаго начальства и притомъ безмездно. Совѣсть просвѣщеннаго человѣчества не можетъ примириться съ уравненіемъ двухъ лазутчиковъ, изъ которыхъ одинъ проникъ въ лагерь противника по приказанію начальства, совершая актъ высокаго патріотизма, а другой совершилъ ту же операцію, прельстившись презрѣннымъ металломъ. Однако, современная практика относится съ равною строгостью къ тѣмъ и другимъ. Такъ, во время войны Сѣверо-Америк. Штатовъ съ Англіею за независимость одинъ англійскій майоръ, проникшій переодѣтымъ въ лагерь Вашингтона для собранія тамъ свѣдѣній, былъ казненъ, не смотря на заступничество французской королевы. Но практика и теорія признаютъ, что судъ и наказаніе за шпионство имѣютъ мѣсто только при взятіи шпиона *delicto flagrante*, а не послѣ возвращенія его въ армію съ выполненнымъ порученіемъ; не можетъ быть рѣчи о наказаніи шпиона и въ томъ случаѣ, если заключены миръ или общее перемиріе, такъ какъ шпионство—преступленіе *suī generis*, рождающееся войною и исчезающее съ ея прекращеніемъ. Понятно также, что лица обмундированныя, занимающіяся рекогносцировкой, всякіе гонцы, открыто исполняющіе порученіе (или не скрывающіе его—Ф. Мартенсъ), воздухоплаватели, развѣдывающіе о непріятелѣ, не могутъ разсматриваться какъ шпионы. Нѣмецкое начальство склонно было во время франко-прусской войны разсматривать воздухоплавателей какъ шпионовъ; Блунчли признавалъ за воюющими право обладанія воздушнымъ пространствомъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ земли, т. е. право возбранять въ этихъ предѣлахъ противнику всякія сообщенія по воздуху. Несостоятельность приравненія воздухоплавателей къ шпионамъ очевидна: 1) въ дѣяніяхъ воздухоплавателей нѣтъ ни тайны, ни ложныхъ предлоговъ (Каспарекъ), во 2-хъ, они болѣе подходятъ къ понятію о посланныхъ, открыто проникающихъ за непріятельскія линіи, или къ экипажу корабля, нарушающаго блокаду (Гелль).

IV. Военно-плѣнные. Всякій комбатантъ, обезоруженный противникомъ и, вообще, попавшій въ его власть, подвергается законамъ военного плѣна. Институтъ военного плѣна зиждется почти исключительно на обычномъ правѣ, такъ какъ система отношеній государствъ къ военноплѣннымъ стала достояніемъ внутреннихъ законодательствъ и распоря-

женій только въ XIX вѣкѣ. Зарожденіе и развитіе этого учрежденія представляютъ блестящее доказательство громаднхъ успѣховъ военнаго права. Вѣрно замѣчаетъ Каспарекъ, что *исторія института военнаго плѣна есть медленное, но прогрессивное укрѣпленіе идеи свободы человека, торжествующей надъ враждебными ей институтами истребленія и порабощенія человеческой личности*. Въ древности взятыхъ въ плѣнъ истребляли, если же нуждались въ рабочей силѣ или подчинялись требованіямъ политическаго благоразумія, то обращали ихъ въ рабовъ; *личность побѣжденнаго врага была не человеческою личностью, а вещью, которую захватывалъ побѣдитель; плѣнный былъ собственностью не государства, а война, захватившаго его*. Военный плѣнъ—создалъ рабство и питалъ его. Въ средніе вѣка участь военноплѣнныхъ вообще очень горька (Лоранъ, Нисъ). Ихъ избивали очень часто, и лишь христіане обращаются въ рабство въ пользу взятеля. Позднѣе сталъ появляться выкупъ, ставшій доходною статью. Обыкновенно цѣна выкупа опредѣлялась ежегоднымъ доходомъ плѣннаго (Нисъ, Каспарекъ), при опредѣленіи котораго встрѣчались громадныя злоупотребленія. Очень рѣдко (чаще съ XVI—XVII вѣка) отпускали ихъ на честное слово, которое рѣдко соблюдалось; несоблюденіе слова оправдывалось и писателями (Джентили). Исключеніе представляли рыцарскіе ордены, требовавшіе безусловной вѣрности данному слову. Только въ XVII вѣкѣ Нидерланды, разсматривая плѣнныхъ, какъ собственность государства, создаютъ обычай ихъ размѣна (Нисъ). Но выкупъ въ принципѣ существовалъ до конца XVII и даже до начала XIX в.; Франція первая (декретъ 1793 г.) отменила выкупъ и ввела размѣнъ по числу и рану военноплѣнныхъ (Каспарекъ). Иногда за недостающее число ихъ доплачивали деньгами. Такимъ образомъ, военноплѣнный изъ безправной вещи, составляющей собственность взятеля, становится собственностью государства, а затѣмъ уже лицомъ, временно задерживаемымъ государствомъ. Въ настоящее время военноплѣнный есть обезоруженный законный непріятель (комбатантъ), стѣсняемый въ своей личной свободѣ не изъ мщенія и не въ видѣ наказанія, а лишь въ цѣляхъ безопасности (Каспарекъ). Уваженіемъ къ человеческой свободѣ и къ личности плѣннаго объясняется и часто практиковавшаяся система освобожденія плѣннаго на честное слово не принимать участія на все время войны въ военныхъ операціяхъ противъ освободившаго его государства. Во время франко-германской войны 1870—71 гг. нѣмцы упрекали французовъ (и обратно) въ нарушеніи даннаго слова, которое должно (постановленія гентскаго института и брюссельской деклараціи) влечь за собою потерю правъ военноплѣннаго при вторичномъ захватѣ, но не иначе, какъ по суду (Каспарекъ). Система освобожденія на слово очень гуманна, но она заключаетъ въ себѣ много практическихъ неудобствъ, чѣмъ и объясняется запрещеніе ея нѣкоторыми законодательствами и осужденіе всѣми военными писателями (Ф. Клаузевицъ, Рюстовъ и друг.). Освобожденные на слово ставятся въ почти безвыходное положеніе борьбы между вѣрностью слову и долгомъ патриотизма и подданства; контроль за соблюденіемъ слова почти невоз-

моженъ, если дѣло идетъ объ освобожденіи многихъ, особенно же относительно отдѣльныхъ дѣйствій и служебныхъ занятій, запрещенныхъ или незапрещенныхъ военноплѣнному, отпущенному на слово. Поэтому *писатели* (Каспарекъ, Ф. Мартенсъ, Филлиморъ, Блунчли) и проекты „кодекса сухопутной войны“ и брюссельской деклараціи признаютъ освобожденіе на слово лишь правомъ воюющихъ, которымъ они должны пользоваться факультативно; лучше всего гарантировать себя письменными, точно составляемыми условіями (Reversen), которыя одинаково выгодны для государства, отпускающаго на слово и для отпускаемаго плѣннаго (Каспарекъ). Впрочемъ, послѣднія великія войны (франко-прусская и русско-турецкая), въ которыхъ Германія и Россія держали въ плѣну сотни тысячъ военноплѣнныхъ, вообще неблагоприятны отпущенію на честное слово. Въ плѣнъ можно брать и некомбатантовъ (напр. корреспондентовъ газетъ, поставщиковъ и проч.). Существующая практика оправдывается писателями (даже Каспарекомъ), которые находятъ, что журналисты (напр. Катковъ, Аксаковъ) иногда „очень опасны“. Противъ этого можно возразить (графъ Камаровскій), что воюющій вправѣ стѣснять выходъ враждебныхъ ему газетъ, но не посягать на личную свободу ихъ редакторовъ и корреспондентовъ; всѣ некомбатанты должны бы подлежать лишь временному аресту или стѣсненію свободы ихъ передвиженія, такъ какъ они не совершаютъ прямо никакихъ враждебныхъ дѣйствій. *Побѣжденные инсургенты тоже должны подлежать военному плѣну* (практика войны Сѣверянъ и Южанъ въ 1861 — 65 г.) въ интересахъ гуманности и разсчетливой политики: взаимная суровость сторонъ дѣлаетъ междуусобныя войны весьма безпощадными (Каспарекъ). Примиряя же требованія женеvской конвенціи съ интересами военныхъ операцій, нельзя отпускать на волю раненыхъ и больныхъ враговъ, признанныхъ неспособными къ военной службѣ, такъ какъ неспособность въ медицинскомъ смыслѣ не тождественна съ неспособностью въ смыслѣ военномъ (Ф. Мартенсъ, Каспарекъ): отпускъ нѣкоторыхъ изъ такихъ лицъ, увеличивая силы противника, затягиваетъ войну, т. е. вреденъ для интересовъ челоvколюбія (Каспарекъ).

Современная практика разрѣшаетъ содержаніе военноплѣнныхъ въ мѣстностяхъ наиболѣе удобныхъ для безопасности и устраненія возможности побѣговъ, но отнюдь не въ тюремныхъ и другихъ мѣстахъ ссылки и наказанія преступниковъ; нижнихъ чиновъ можно употреблять на общественныя работы, не противныя воинской чести и званію, съ исключеніемъ работъ, имѣющихъ цѣлю военныя операціи противъ ихъ отечества, такъ какъ это было бы принужденіемъ къ измѣнѣ. Плата за работы есть собственность военноплѣнныхъ, выдается имъ, за вычетомъ издержекъ на улучшеніе ихъ содержанія, по освобожденіи изъ плѣна; *содержаніе ихъ въ плѣну*, обыкновенно въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ жалованью туземныхъ воинскихъ чиновъ, идетъ отъ казны государства, содержащаго ихъ въ плѣну; но стоимость содержанія и всего выданнаго жалованья, по заключеніи мира, возвращается обыкновенно противникомъ по разсчету общей суммы за вычетомъ стоимости содержанія плѣнныхъ противной стороны. На все время содержанія въ плѣну

военнопленные подлежат действию местных законов, а за преступления и проступки (особенно против дисциплины) они судятся обыкновенно военными судами (см. „Временное положение о военнопленных“, 2-го июля 1879 г., изданное русским правительством); при побѣгѣ—въ пленнаго можно стрѣлять, при поимкѣ слѣдуетъ наказаніе по суду (по местнымъ законамъ); при удачномъ побѣгѣ—нѣтъ ни суда, ни наказанія (Кальво, Филлиморъ, Галлекъ, Ф. Мартенсъ). Во всякомъ случаѣ, несправедливо при наказаніи подвергать ихъ круговой другъ за друга отвѣтственности (Каспарекъ). Заключение мира немедленно прекращаетъ состояніе военного плѣна, почему всякія не отбытыя еще дисциплинарныя наказанія, преданіе суду (напр. за побѣгъ) и проч.—немедленно отмѣняются; нѣмцы (въ 1870 г.), держась противнаго правила, поступали незаконно и несправедливо (Каспарекъ).

Институтъ военнаго плѣна болѣе всѣхъ другихъ институтовъ военнаго права подготовленъ къ кодификаціи (Каспарекъ), почему весьма желательно изданіе государствами не только отдѣльныхъ законовъ о военнопленныхъ, но и общаго междунагоднаго соглашенія о нихъ, которое, отнюдь не стѣсняя законную свободу дѣйствій воюющихъ, свело бы существующія уже правила къ точнымъ единымъ положеніямъ.

V. *Участь раненыхъ и больныхъ воиновъ. Требования гуманности, указуемая культурными идеалами человечества и смягчающія бѣдствія войны, повельваютъ принятіе особыхъ мѣръ попеченія и ухода за врагами ранеными и больными, на началахъ полнаго равенства въ обращеніи съ ними и собственными воинами. Полученные въ этомъ отношеніи результаты тоже доказываютъ громадныя успѣхи, достигнутыя историческимъ развитіемъ права войны. Еще съ XVI вѣка и до начала настоящаго столѣтія можно насчитать до 300 междунагодныхъ соглашеній, заключавшихся между воюющими о неприкосновенности раненыхъ на войнѣ и объ одинаковомъ за ними уходѣ (Людеръ, Moynier). Но всѣ эти соглашенія имѣли скорѣе характеръ случайный и временный; отдѣльныя попытки вспомошествованія раненымъ въ нѣкоторыхъ государствахъ тоже носили временный и местный характеръ, не имѣли внутренней связи и выработанной организаци (Муанье, Людеръ). Значеніе ихъ въ томъ, что ими подготовлялись преобразованія въ правѣ войны, что эти попытки—преддверіе къ перенесенію этого дѣла на междунагодную почву, къ междунагодной его организаци и, слѣдовательно, къ участію нейтральныхъ въ уходѣ за жертвами войны (Муанье). Эти то широкія задачи выполняются знаменитою женевою конвенціею 1864 г. Своимъ происхожденіемъ она обязана „женевскому обществу общественной пользы“ и особенно предсѣдателю его, Густаву Муанье; толчекъ же въ дѣятельности послѣдняго данъ былъ извѣстнымъ сочиненіемъ женеваго врача Dunant „Souvenir de Solferino“ (1862 г.), въ которомъ Дюнанъ, очевидецъ сольферинской битвы, описалъ въ мрачныхъ краскахъ ужасное положеніе раненыхъ и больныхъ на войнѣ, которые погибали массама не столько отъ ранъ, сколько отъ отсутствія правильной и своевременной медицинскои помощи. Дюнанъ предлагалъ организовать въ государствахъ (по частной инициативѣ и на частных*

средства) общества подаянія медицинской помощи больнымъ и раненымъ на войны. 9 Февраля 1863 г. „женевское общество общественной пользы“ обсуждало этотъ докладъ (Людеръ, Муанье) и организовало въ томъ же году международный союзъ въ Женевѣ, который и воззвалъ къ чувствамъ—любви и справедливости. Во имя перваго необходимо было организовать частную и общественную благотворительность на пользу жертвъ войны; во имя втораго—оказалась необходимою организація юридической охраны перваго, т. е. дѣла любви, требующая международнаго соглашенія. *Первая цель достигнута учрежденіемъ въ разныхъ государствахъ „Обществъ Краснаго Креста“, имѣющихъ задачею готовить во время мира матеріальныя и личныя средства для помощи раненымъ во время войны; объединяющимъ для нихъ учрежденіемъ служитъ „международный женевскій комитетъ Краснаго Креста“ (всѣ эти учрежденія—частныя). Вторая цель осуществлена международнымъ соглашеніемъ законодательнаго характера—женевская конференція уполномоченныхъ державъ, въ 1864 г.; инициатива собранія принадлежитъ Швейцаріи, но при поддержкѣ Наполеона III. Соглашеніе осуществило мысль, указанную на частномъ създѣ 1863 г., о нейтрализаціи походныхъ лазаретовъ и медицинскаго персонала, оказывающихъ помощь раненымъ на поляхъ сраженій (Муанье, Людеръ, Ф. Мартенсъ).* Но хотя общества вспомошествованія и женевская конвенція 1864 года имѣютъ общую цѣль, служатъ одному дѣлу, они не тождественны: конвенція 1864 г. даже не упоминаетъ объ обществахъ, которыя стали возникать въ годъ ея подписанія. Тѣмъ не менѣе, сами правительства не раздѣляютъ ихъ: нерѣдко въ официальныхъ документахъ они принимали одинъ изъ этихъ органовъ за другой (Муанье). Первоначально подписанная 9-ти государствами, конвенція 1864 года теперь принята 32 государствами (всѣми европейскими, 6-ти американскими и Персією) и каждая новая война увеличиваетъ ея сторонниковъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, приступившихъ къ ней, нѣтъ обществъ Краснаго Креста (напр. въ Персіи, Чили, до войны 1877—78 гг. и въ Турціи; см. Муанье). *Постановленія женевской конвенціи провозглашаютъ неприкосновенность правительственныхъ и частныхъ лазаретовъ и военныхъ госпиталей, пока въ нихъ находятся раненыя и больныя, а также всего медицинскаго и инаго персонала служащихъ въ нихъ, ухаживающихъ за ранеными и больными воинами на все время отправления персоналомъ обязанностей, хотя бы эти лазареты и госпитали и перешли въ руки врага, обязаннаго возвратить имущество походныхъ (но не постоянныхъ) лазаретовъ. Медицинская помощь оказывается на началахъ полнаго равенства своимъ и вражескимъ больнымъ и раненымъ; съ согласія сторонъ, можно передать другъ другу непріятельскихъ раненыхъ и больныхъ; выздоровѣвшіе должны быть препровождены въ отечество, если они не способны къ продолженію службы, способные же задерживаются въ качествѣ военнопленныхъ, хотя могутъ быть отпущаемы на честное слово. Уходъ за ранеными и больными воинами со стороны частныхъ лицъ (мѣстныхъ жителей) всячески поощряется: должны быть охраняемы отъ насилія всѣ жители непріятельской мѣст-*

ности, оказывающіе помощь раненымъ; хозяева домовъ, принявшихъ раненаго или больнаго, свободны отъ постоя и контрибуціи. Въ 1868 г. новая дипломатическая конференція (въ Женевѣ) выработала рядъ постановленій объ уходѣ за ранеными и больными на морѣ, дополняющихъ конвенцію 1864 г. Предположено было нейтрализовать медицинскій персоналъ и мелкія суда, которыя будутъ во время сраженія спасать раненыхъ и тонущихъ. Эти суда должны были имѣть бѣлую окраску съ зеленою каймою и флагъ съ краснымъ крестомъ, т. е. тотъ же флагъ, который принять отличительнымъ знакомъ зданій и повозокъ съ ранеными и больными въ сухопутной войнѣ (женевская конвенція 1864 г. приняла для врачебнаго и санитарнаго персонала бѣлую повязку съ краснымъ крестомъ на рукѣ). Но эта дополнительная конвенція не была принята державами и осталась лишь проектомъ весьма необходимаго въ будущемъ международнаго соглашенія, дополняющаго для морской войны постановленія 1864 года.

Можно сказать, что каждая новая война приводитъ не только къ распространенію въ государствахъ учрежденій „Краснаго Креста“, но и къ принятію конвенціи 1864 года новыми государствами (Муанье). Въ то же время, съ самаго возникновенія конвенціи 1864 г., противъ нея раздаются голоса: военные люди находятъ, что она стѣсняетъ ихъ свободу, а нѣкоторые юристы и всѣ филантропы жалуется на то, что она слишкомъ много уюждаетъ воюющимъ, не достаточно ограничивая примѣненіе силы. Нападки эти естественны (Муанье), такъ какъ женевская конвенція—компромиссъ между требованіями войны и идеаломъ благодѣянія, которые сталкиваются постоянно и въ идеѣ другъ друга исключаютъ (Муанье). Опытъ рѣшилъ споръ въ пользу конвенціи, доказавъ, что военныя операціи нисколько ею не подрываются и не ослабляются (война 1877—78 гг.; русское правительство съ громадною добросовѣстностью соблюдало ее; нѣмцы въ 1870—71 гг. тоже ее исполняли). Но въ редакціи ея статей и въ положеніи учрежденій Краснаго Креста необходимы исправленія и добавленія, съ которыми она вполне способна къ дальнѣйшему развитію. Необходимы, однако: 1) достаточное ознакомленіе войскъ съ ея постановленіями и началами (Гелль, Муанье). Даже французскіе писатели (Гелль) соглашаются, что нѣмцы имѣли основаніе упрекать французовъ во время франко-германской войны въ недостаточномъ ознакомленіи съ нею ихъ войскъ. Поведеніе же турецкаго правительства въ войнахъ 1876 и 1877—78 гг. прямо недобросовѣстно. Оно подписало конвенцію еще въ 1865 году, но только въ 1876 г. заявило, что знакъ ея „Красный Крестъ“ не можетъ быть принятъ для ея фанатически настроенныхъ войскъ и потребовало замѣны краснаго креста для Турціи „краснымъ полумѣсяцемъ“, на что державы вынуждены были „временно“ согласиться. И все же турецкое правительство даже не озаботилось о переводѣ конвенціи на турецкій языкъ (онъ появился только въ концѣ 1877 г.), почему турецкія войска позволяли себѣ невѣроятныя звѣрства надъ ранеными противниками (напр. на Шипкѣ и подъ Плевною; см. Ф. Мартенсъ); 2) санкція въ случаяхъ ея нарушенія, т. е. угроза уголовного закона въ

отдѣльныхъ военноуголовныхъ кодексахъ (Гелль, Людеръ). Но эта мѣра недостаточна, такъ какъ иногда сами правительства нецивилизованныхъ державъ (напр. Турція) прямо или косвенно поощряютъ ея нарушеніе. Для подобныхъ случаевъ необходима международно-законодательная гарантія конвенціи отъ такихъ нарушеній (Ф. Мартенсъ); 3) *измѣненія въ редакціи конвенціи, т. е. въ текстъ ея* (Гелль, Ф. Мартенсъ, Муанье). Нѣкоторыя ея статьи возбуждаютъ сомнѣнія и колеблютъ исполнимость конвенціи; для примѣра можно указать на ст. 6, по которой выздоровѣвшіе раненые, „неспособные къ военной службѣ“, должны возвращаться на родину. Понятіе „неспособный“—весьма растяжимо и надлежало бы точнѣе выяснить условія и признаки этой неспособности; 4) *необходимо объединеніе всѣхъ національныхъ обществъ, юридическое подчиненіе и юридическая связь ихъ между собою чрезъ посредство центрального органа — „международнаго женевскаго комитета Краснаго Креста“, авторитетъ котораго и теперь громаденъ, но чисто нравственнаго свойства.* Центральный органъ долженъ быть облеченъ опредѣленною компетенціею, обсуждать вопросы о допущеніи новыхъ обществъ въ союзъ старыхъ, о способахъ взаимнаго ихъ содѣйствія другъ другу и т. д. (Муанье). Въ такомъ случаѣ „женевскій комитетъ Краснаго Креста“ долженъ будетъ получить вполне международную организацию и опредѣленныя полномочія для однообразнаго завѣдыванія всѣми учрежденіями Краснаго Креста, гдѣ бы они ни находились (графъ Камаровскій); 5) *необходимо подчиненіе частныхъ обществъ вспомоществованія военной власти государства, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ недостаточно организованы, а контроль надъ ними настолько слабъ, что дѣятельность ихъ иногда даже вредна* (Гелль, Муанье). Нѣкоторыя правительства пытались уже привести въ должную гармонію названныя общества и военныя власти; таковы — французскій законъ 1878 г. и германскій „санитарный ордонансъ“ того же года (Муанье, Гелль). Военноначальники охотнѣе согласятся на содѣйствіе этихъ обществъ, если они будутъ въ извѣстной степени подчинены военному порядку, подъ условіемъ нестѣсненія законной сферы ихъ дѣятельности (Муанье). Можно полагать, что принятіе указанныхъ пяти пунктовъ много поможетъ дальнѣйшей популяризаціи женевской конвенціи и ея ненарушимости. По мнѣнію Муанье, споры о ея нарушеніи между воюющими могли бы рѣшаться особымъ судомъ чести (jury d'honneur), который, произнося рѣшеніе только о фактахъ, давалъ бы нравственную санкцію конвенціи и предупреждалъ бы репрессаліи, удовлетворяя обиженную сторону. Несомнѣнно, что Красный Крестъ—плодъ христіанства и что матеріальныя улучшенія, которыя онъ произвелъ въ санитарномъ дѣлѣ, значатъ очень мало сравнительно съ его нравственнымъ вліяніемъ: въ немъ выражается духъ братства между людьми и народами, покоящійся на началахъ правды и любви (Муанье).

VI. *О законныхъ средствахъ веденія войны.* По своему содержанию война есть примѣненіе, подъ опредѣленными правилами и въ извѣстныхъ предѣлахъ, цѣлаго ряда насильственныхъ дѣйствій противъ употребляемыхъ законнымъ непріателемъ такихъ же мѣръ нападенія и за-

щиты. При пользованіи ими допустимы лишеніе жизни, искалѣченіе, поврежденіе имущества и проч. зло и бѣдствія, насколько они вызываются абсолютною необходимостью войны для достиженія ея разумной цѣли—возможно скорѣйшаго возстановленія мира на выгодныхъ условіяхъ. Слѣдовательно, *средства войны стоятъ въ зависимости отъ безусловной и неизбѣжной необходимости*; все, выходящее изъ этихъ предѣловъ, излишне и жестоко. Далѣе, *съ точки зрѣнія исторической средства войны стоятъ въ громадной зависимости отъ усовершенствованія техники военнаго дѣла, т. е. мѣръ нападенія и защиты*. Въ этомъ отношеніи замѣчается почти фатальное явленіе: новѣйшія усовершенствованія столь грандіозны, что способы нападенія и истребленія возрастаютъ количественно и улучшаются качественно въ пропорціи геометрической, тогда какъ средства обороны противъ нихъ растутъ только въ пропорціи арифметической. Можно предвидѣть, что *въ недалекомъ будущемъ разрушительныя средства войны будутъ такъ истребительны, что война должна будетъ оканчиваться полнымъ истребленіемъ войскъ*. Но въ этомъ явленіи лежитъ и залогъ будущаго умиротворенія: опасность полного истребленія побудитъ не прибѣгать къ войнѣ, а обращаться къ другимъ способамъ рѣшенія споровъ между народами. Впрочемъ, слабое противодѣйствіе разрушительнымъ дѣйствіямъ современныхъ усовершенствованій техники военнаго дѣла сказывается въ осужденіи нѣкоторыхъ средствъ и способовъ, которые въ древности и въ средніе вѣка считались законными. *Можно сказать, что современная война, дѣлая средства ея болѣе опасными и распространенными, ищетъ въ то же время возможности уменьшить бесполезныя жестокости и страданія комбатантовъ, не содѣйствующія прямо конечной цѣли войны; она устраняетъ также средства въроломныя и предательскія*. Современные законы и обычаи войны, выраженные въ проектахъ Брюссельской деклараціи и „кодекса сухопутной войны гентскаго института“, а также въ обычаяхъ и практикѣ новѣйшихъ войнъ, одобряемые писателями (Блунчли, Филлиморъ, Галлекъ, Ф. Мартенсъ, Кальво, Моренъ, Гелль, Броше и многіе другіе), запрещаютъ средства, которыя были въ большемъ ходу въ былыя времена: 1) *употребленіе отравленнаго оружія и яда*. Не только въ древности и понынѣ у дикарей (напр. у карликовъ Африки, по показаніямъ Стенли), но и въ средніе вѣка прибѣгали къ употребленію яда (имъ пользовались Испанцы; см. Нисъ) и отравленію колодцевъ (это защищалось нѣкоторыми средневѣковыми юристами, напр. Бальдомъ; изъ современныхъ писателей Броше допускаетъ порчу воды для питья); 2) *въроломное убійство непріятелей* (напр. чрезъ подосланныхъ убійць). Оно было обычнымъ способомъ въ средніе вѣка, въ которомъ видѣли дозволенное средство избавиться отъ опаснаго военнаго начальника, котораго не могли побѣдить оружіемъ; 3) *С.-Петербургская конвенція 1868 г., принятая многими европейскими державами, возбранила употребленіе разрывныхъ снарядовъ (пуль) въсомъ ниже 400 граммъ, такъ какъ такіе снаряды „причиняютъ бесполезныя мученія комбатантамъ, уже выбывшимъ изъ строя, насколько не способствуютъ достиженію цѣлей войны“*. Нѣкоторые писатели (Ахил-

лесъ Моренъ и Гелль) желаютъ дальнѣйшаго развитія мысли конвенціи 1868 г., именно—международнаго соглашенія, возбраняющаго употребленіе другихъ разрывныхъ снарядовъ, хотя бы и вѣсомъ болѣе 400 граммъ, напр. митральёзъ, зажигательныхъ ракетъ, особенно же истребленіе непріятельскихъ жилищъ петролеемъ (Гелль). Во время франко-прусской войны раздавались жалобы (Моренъ, Роленъ-Жакменъ) на употребленіе воюющими разрывныхъ пуль; но по имѣющимся даннымъ нельзя прійти къ достаточно опредѣленному заключенію о степени вѣрности этихъ обвиненій; 4) *нѣкоторые писатели* (еще Мольтъ, Блунчли, Ф. Мартенсъ и друг.) *осуждаютъ употребленіе въ войнахъ между цивилизованными народами дикихъ и полудикихъ племенъ*. Такъ, нѣмцы упрекали французовъ въ употребленіи во время войны 1870—71 г. дикихъ тюркосовъ и другихъ алжирскихъ иррегулярныхъ войскъ, не соблюдавшихъ правилъ и законовъ цивилизованной войны. Но употребленіе ихъ противно добрымъ правиламъ войны тогда лишь, когда они не соблюдаютъ правилъ и законовъ послѣдней; если же они дисциплинированы, то о запрещеніи ихъ не можетъ быть и рѣчи. Что же касается до тюркосовъ, то дѣйствительно констатировано нѣсколько фактовъ неуваженія ихъ къ этимъ законамъ и обычаямъ, но въ общемъ и цѣломъ—жалобы нѣмецкихъ властей и писателей сильно преувеличены; 5) *нельзя объявлять о непадѣ пощады врагу, хотя бы послѣдній и самъ отказывался отъ нея*. Такая практика была обычна въ древности и въ средніе вѣка. Относительно осажденнаго города, взятаго приступомъ или голодомъ, отвергавшаго пощаду, предлагаемую ему осаждающимъ, жестокая практика даже новаго времени (напр. 30-лѣтней войны—взятіе Магдебурга войсками Тилли, войны за испанское наслѣдство и семилѣтней) разрѣшала его грабежъ и разореніе. Но уже съ XVI вѣка вошло въ обычай откупаться отъ разоренія (даже въ средніе вѣка допускался иногда выкупъ; см. Лоранъ и Нисъ); изъ чего собственно и произошли такъ наз. контрибуціи. Къ сожалѣнію, нѣкоторые писатели (Геффтеръ и нѣкоторые англо-американскіе юристы) и теперь еще защищаютъ этотъ грабежъ, хотя и въ смягченномъ видѣ; 6) *возбраняются измѣненія разрушенія, порча или захватъ непріятельской собственности, если они не вызваны абсолютною необходимостью войны*. Въ этомъ современная война вполне отличается отъ древности, среднихъ вѣковъ и начала новаго времени, когда считали чуть не священнѣйшею обязанностью портить, жечь, хватать все непріятельское, хотя бы въ порчѣ или захватѣ его не ощущалось ни малѣйшей надобности. Въ тѣ времена на войнѣ творили зло для зла, теперь же его учиняютъ лишь по необходимости и въ предѣлахъ послѣдней; 7) *злоупотребленіе парламентарскимъ и національнымъ флагомъ, женевскимъ крестомъ и форменною одеждою непріятеля* (морское право и теперь дозволяетъ выкидывать дружескій флагъ и только предъ вступленіемъ въ бой надлежитъ поднимать національный флагъ). Но „военныя хитрости“ (стратагемы) и развѣдки о непріятелѣ—допускаются. Нѣкоторые писатели (напр. Броше) допускаютъ распространеніе завѣдомо ложныхъ слуховъ, поддѣльныхъ газетъ и журналовъ, лишь бы пользованіе ими не было тождественно

съ вѣроломствомъ; 8) *возбуждается подымать населеніе противъ его законнаго правительства*, чѣмъ такъ злоупотребляли въ средніе вѣка и въ новое время до XVIII в. Современное воспрещеніе объясняется главнымъ образомъ хорошо понятыми интересами оккупанта, которому, ради собственной безопасности, прямой расчетъ желать, чтобы населеніе вражеской земли было спокойно и сидѣло безоружное на своихъ мѣстахъ. Наконецъ, 9) *осада и бомбардированіе открытыхъ и военною силою не защищаемыхъ городовъ и поселеній*. Такъ высказываются почти все писатели (Блунчли, Кальво, Гелль, Ф. Мартенсъ, кромѣ нѣкоторыхъ англо-американцевъ), постановленія „кодекса сухопутной войны гентскаго института“ и проектъ брюссельской деклараціи. Но не были правы французское правительство и нѣкоторые французскіе писатели, осуждавшіе нѣмецкое военное начальство за осаду и особенно за бомбардированіе Парижа, который, ставъ базисомъ операцій громадной французской арміи и сильною крѣпостью, вполне подлежалъ въ качествѣ крѣпости и военного лагеря осадѣ и бомбардированію (Роленъ-Жакменъ, Блунчли). Трудно оправдать лишь бомбардированіе города (а не крѣпости) Страсбурга въ ту-же войну 1870—71 г., запалившее и пожравшее роскошнѣйшую страсбургскую библіотеку, такъ какъ обстрѣливаніе города, а тѣмъ менѣе библіотеки, ничуть не вызывалось цѣлями осады крѣпости Страсбурга, и есть основаніе полагать, что нѣмцы пускали бомбы въ городъ и библіотеку съ крайнею неосторожностью (по мнѣнію французовъ—даже намѣренно). По вопросу о томъ, обязанъ ли осаждающій выпустить изъ осажденнаго города (напр. изъ Парижа) женщинъ, дѣтей, стариковъ и больныхъ—практика (франко-прусская война 1870—71 годовъ), *нѣкоторыя инструкции арміямъ* (напр. „полевая инструкция Либера“; проектъ брюссельской деклараціи умалчиваетъ объ этомъ) *и большинство писателей* (Блунчли, Роленъ-Жакменъ, почти все англо-американцы) *отвѣчаютъ на него отрицательно*. Этотъ выпускъ сопряженъ съ неудобствами для осаждающаго и опасенъ для его военныхъ операцій, способенъ усилить сопротивленіе осаждаемыхъ и отсрочиваетъ ихъ капитуляцію, такъ какъ удаленіе лишнихъ ртовъ оставляетъ осажденнымъ возможность прокормленія въ теченіе болѣе продолжительнаго времени. Лишь немногіе писатели (большинство французскихъ, напр. Моренъ) требуютъ разрѣшенія на выпускъ со стороны осаждающаго или же (Гелль) рекомендуютъ ему это. Во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ очень споренъ. Проще рѣшеніе вопроса о правѣ дипломатическихъ агентовъ нейтральныхъ державъ, пребывающихъ въ осажденномъ городѣ, *продолжать свои дипломатическія сношенія съ ихъ правительствами*. Германское правительство не уважило во время осады Парижа требованія въ этомъ смыслѣ, предъявленнаго ему дипломатическими агентами, согласившись лишь, скорѣе изъ „международной вѣжливости“, на продолженіе этихъ сношеній, но подъ контролемъ Германскаго правительства, на что дипломатическіе агенты не согласились; исключеніе, по „политическимъ соображеніямъ“, допущено Бисмаркомъ только для посланника Соедин. Штатовъ Сѣв. Америки. Ясно, что *о безконтрольной перепискѣ дипломатическихъ агентовъ съ ихъ правительствами не мо-*

жетъ быть и рѣчи, такъ какъ сообщенныя ими свѣдѣнія могли бы быть неблагоприятны осаждающему; но открытая переписка (посылка депешъ), слѣдовательно подъ контролемъ осаждающаго, должна быть допускаема.

VII. *Репрессалии*. Подъ репрессалиями, употребляемыми на войнѣ (въ отличіе отъ репрессалій, о которыхъ говорилось въ главѣ III, книги II), надо разумѣть насильственныя дѣйствія, къ которымъ прибѣгаютъ воюющіе, направленные противъ комбатантовъ или мирныхъ гражданъ противной стороны, въ наказаніе за допущенныя противникомъ нарушенія существенныхъ и общепризнанныхъ правилъ или законовъ войны. Нѣкоторые писатели (напр. Додлей Фильдъ) даже допускаютъ исключительно военныя репрессалии; другіе, рассматривая репрессалии какъ фактъ, не поддающійся опредѣленію и ограниченію права, признаютъ ихъ безпредѣльными, опирающимися лишь на безграничность людскихъ страстей и на возможности злоупотребленія грубою силою (Функъ-Брентано и Сорель). Къ сожалѣнію, военная практика даже войнъ XIX столѣтія внесла въ пользованіе репрессалиями мало порядка и опредѣленности. Мало того: *способы репрессалій и ихъ примѣненіе отличаются и въ настоящее время жестокостью и распространенностью, причѣмъ невинные—по несправедливому началу коллективной отвѣтственности—отвѣчаютъ за виновныхъ*. Можно сказать, что право войны сдѣлало здѣсь незначительныя успѣхи и пока не можетъ быть еще и рѣчи объ общемъ международномъ соглашеніи на счетъ пользованія репрессалиями, предѣловъ его и условій примѣненія. Дѣйствительно, между репрессалиями войнъ XVIII, начала XIX и второй половины этого вѣка—почти нѣтъ различія. Такъ, напр., въ войнѣ Сѣверо-Амер. Штатовъ съ Англіею военное начальство первыхъ грозило разстрѣляніемъ одному плѣнному англійскому полковнику въ видѣ репрессалии за казнь американскаго полковника же, попавшаго въ плѣнъ къ англичанамъ, котораго послѣдніе вздумали рассматривать, какъ мятежника (Филлиморъ); во время войны 1812 года французы взяли въ плѣнъ русскаго генерала (Винценгероде); императоръ Александръ I, признавая, что французы нарушили этимъ актомъ признанныя военными обычаями начала неприкосновенности парламентаровъ, предписалъ, на случай отказа французскихъ властей въ обмѣнѣ Винценгероде на французскаго генерала (Ферье), подвергнуть послѣдняго немедленному разстрѣлу на тотъ случай, если бы французы казнили Винценгероде (Ф. Мартенсъ). Другими словами—ни въ чемъ лично неповинные отдѣльные комбатанты являлись отвѣтственными за дѣйствительныя или предполагаемыя нарушенія высшимъ начальствомъ воюющихъ законовъ и обычаевъ войны, не всегда еще общепризнанныхъ и одинаково истолковываемыхъ. Что же касается до войны 1870—71 годовъ, то репрессалии примѣнялись нѣмецкими военными властями въ самыхъ жестокихъ и распространенныхъ формахъ. Нѣмцы не только жгли и стирали съ лица земли села и города, въ которыхъ подвергались вѣроломному нападенію даже отдѣльные нѣмецкіе воины (особенно уланы), но казнили смертью мѣровъ общинъ за одно лишь недонесеніе нѣмецкимъ властямъ о появленіи въ

ихъ предѣлахъ французскихъ francs tireur'овъ. Мало того, община или городъ, въ которыхъ было совершено какое-либо нарушеніе правъ воюющихъ, или къ которымъ принадлежало виновное, но скрывшееся лицо, подвергались громаднымъ денежнымъ пенямъ. Самое право на наложеніе репрессалій (въ видѣ контрибуцій) оправдывалось въ принципѣ серьезными писателями (Ролень-Жакменъ, Ленингъ), а коллективная отвѣтственность вообще (напр. общинъ за своихъ членовъ, домохозяевъ за жильцовъ) защищалась даже такими гуманными и строго послѣдовательными юристами какъ Корси (Corsi). Злополучная для международнаго права война 1870—71 годовъ зашла такъ далеко, что *нѣмцы узаконили репрессаліи надъ неповинными мирными гражданами въ виду одной возможной (т. е. будущей) опасности правонарушенія*. Такъ, въ виду того, что вольные стрѣлки и мирные граждане нерѣдко портили и разрушали дорожныя сообщенія, нѣмецкія власти брали на поѣзда въ качествѣ заложниковъ лучшихъ французскихъ гражданъ данной мѣстности и пускали ихъ впередъ, т. е. подвергали ихъ жизнь опасности въ виду возможнаго лишь разрушенія ихъ соотечественниками путей сообщенія. Т. е. репрессаліи пускались въ ходъ противъ дѣйствій, въ которыхъ, если они совершались по приказанію начальства и въ мѣстности, гдѣ непріятель не приобрѣлъ еще правъ оккупанта, нельзя даже усматривать нарушенія со стороны французовъ общепризнанныхъ законовъ и правилъ войны. А между чѣмъ такія дѣйствія нѣмецкихъ властей, порицаясь многими писателями (не говоря уже о французскихъ, даже Ролень-Жакменомъ), оправдывались другими (напр. Блунчли).

Ужасная практика репрессалій встрѣтила протестъ въ проектѣ бруссельской деклараціи, который пожелалъ установить условія и предѣлы примѣненія репрессалій, предложивъ, *чтобы право на назначеніе ихъ принадлежало только главному отвѣтственному лицу* (главнокомандующему; въ время франко-прусской войны едва ли не каждый начальникъ маленькаго отряда прибѣгалъ къ нимъ по своему усмотрѣнію), *чтобы онъ примѣнялись лишь въ крайнихъ случаяхъ, при явныхъ нарушеніяхъ обычаевъ войны, были всегда соразмѣрны съ правонарушеніемъ, вызвавшимъ ихъ, и соблюдали по возможности требованія челоѣколюбія*. Но конференція, положивъ эти предложенія „на алтарь челоѣколюбія“ (Ф. Мартенсъ), не приняла ихъ. Нужно воздать должную честь русскому правительству; въ войнѣ съ турками (1877—78 г.) репрессаліи примѣнялись рѣдко, всѣ требованія „бруссельскаго проекта“ строго соблюдались и къ нимъ *добавлено еще нововведеніе—предупрежденіе начальника непріятельскихъ войскъ о томъ, что воюющій намъренъ воспользоваться репрессаліями*. Эта война явила блестящее доказательство того, что *мягкость и исключительность репрессалій нисколько не противорѣчатъ ни правамъ, ни интересамъ воюющаго, даже въ войнѣ его съ варварскими и полудикими народами*. Во всякомъ случаѣ вопросъ о репрессаліяхъ крайне мало разработанъ и еще далеко не выясненъ. Рѣшеніе его—дѣло будущаго. Пока можно лишь утверждать, что *юридическое сознаніе просвѣщеннаго челоѣчества склоняется: 1) къ возможному ихъ смяченію и суженію, 2) къ непримѣненію репрессалій къ мир-*

ному населенію (Ф. Мартенсъ). Но наврядъ ли можно согласиться съ проф. Ф. Мартенсомъ, когда онъ предлагаетъ дополнить брюссельскій проектъ 2 положеніями: 1) лицо, захваченное непріателемъ, виновное въ нарушеніи военныхъ обычаевъ, должно подлежать полевому суду, какъ преступникъ, 2) при неизвѣстности же виновнаго и невозможности примѣненія къ нему наказанія должно употреблять репрессалии противъ командировъ и офицеровъ непріателя, захваченныхъ въ плѣнъ. Первое изъ этихъ положеній отдастъ захваченнаго на произволъ суда противника, что неизбѣжно приведетъ во время войны, при раздраженіи взятеля по поводу предполагаемаго имъ нарушенія противниками законовъ и правилъ войны, къ пристрастному суду, т. е. всегда почти къ казни врага, а слѣдовательно, къ ожесточенію сторонъ и къ новымъ репрессалиямъ со стороны противника. Второе положеніе узаконяетъ начало коллективной отвѣтственности, тоже опасно и несправедливо: офицеры далеко не всегда могутъ быть отвѣтственны за поведеніе нижнихъ чиновъ, за каждымъ изъ которыхъ на войнѣ физически невозможно услѣдить; наказывать офицеровъ значитъ нерѣдко карать болѣе просвѣщенные и гуманные элементы арміи (даже турецкой) за поведеніе элементовъ дикихъ.

VIII. *О переговорахъ между воюющими и о договорахъ, заключаемыхъ между ними.* Фактическая неизбѣжность сношеній между воюющими для упорядоченія общихъ имъ интересовъ приводила издавна къ образованію особыхъ органовъ этихъ сношеній, а равно и особыхъ формъ соглашеній между воюющими на время войны. *Органы сношенія между воюющими—парламентеры.* Неприкосновенность ихъ признавалась еще древностью и дикарями; всѣ споры объ этомъ институтѣ вращались всегда около условій, соблюденіе которыхъ необходимо для того, чтобы посылаемое лицо было признано парламентеромъ и получило санкцію личной неприкосновенности. *Практика и писатели требуютъ согласія противной стороны,* такъ какъ безусловная обязанность принятія парламентера могла бы вредить военнымъ операціямъ (лишить, напр., воюющаго возможности преслѣдовать разбитаго непріателя); *далее—подчиненіе парламентера извѣстнымъ формальностямъ, о которыхъ собственно и шелъ всегда споръ.* Брюссельская декларация (ст. 43) *требуетъ отъ парламентера бѣлаго знамени (символь мира), сопровожденія его трубачемъ и знаменоносцемъ (они тоже неприкосновенны); наконецъ—соблюденія имъ правилъ предосторожности, принимаемыхъ со стороны противника* (напр. парламентера вводятъ въ лагерь съ завязанными глазами) *и невыхожденія изъ предѣловъ парламентерской роли.* Чаще всего посылаютъ парламентерами офицеровъ, но изрѣдка практиковалась и посылка частныхъ лицъ, которымъ выдавались въ такомъ случаѣ „охранныя грамоты“ (срочнаго и личнаго характера). *Нарушеніе неприкосновенности парламентеровъ—есть грубое нарушеніе права войны* (напр. поведеніе турокъ на Шипкѣ). *Черезъ парламентеровъ обыкновенно заключаются между воюющими разныя соглашенія.* Всѣ такіе договоры должны подчиняться главнѣйшимъ условіямъ для дѣйствительности договоровъ вообще, т. е. на-лицо должны быть—право-

способность сторонъ (напр. начальники отрядовъ не могутъ заключать общаго перемирія, а главнокомандующій—окончательнаго мира), *соглашеніе ихъ* (т. е. взаимность), *возможность объекта обязательства* и т. п. (Гелль); причины, уничтожающія юридическую силу договора, уничтожаютъ и силу военныхъ конвенцій, напр. насиліе надъ парламентомъ. Эти договоры суть: (а) *картельные конвенціи*. Они заключались очень часто, особенно въ войнахъ первой половины XIX вѣка, и касаются разнѣна военноплѣнныхъ; (б) *пріостановка враждебныхъ дѣйствій или перемиріе*. *Послѣднее дѣлится на мѣстное (armistice) и общее (trève)*. Оба они пріостанавливаютъ военныя дѣйствія: первое—въ данной мѣстности и между отдѣльными отрядами, второе—на всемъ театрѣ военныхъ дѣйствій (нерѣдко оно предшествуетъ заключенію мира, напр., общія перемирія 1876 года и 1878 г. предшествовали окончательному миру между Турціей и Сербіей съ Черногоріей, и Турціей и Россією). Цѣли обоихъ перемирій различны (мѣстныя—чаще всего для подобранія убитыхъ и раненыхъ послѣ большихъ сраженій). *Условія ихъ—всегда опредѣляются въ соглашеніяхъ; обыкновенно они заключаются на срокъ главнокомандующими (общее перемиріе) или начальниками отрядовъ (мѣстное), объявляются всѣмъ войскамъ и немедленно пріостанавливаютъ всѣ военныя операціи*. Всякая операція, совершенная по заблужденію во время перемирія, незаконна, и противная сторона имѣетъ право на *restitutio in integrum*. Истолковывать соглашенія о перемирії надлежитъ рестриктивно (Кальво, Фиоре). Право осаждаемаго снабдить себя продовольствіемъ во время перемирія само собою никогда не предполагается, а должно быть особо выговорено въ соглашеніи. Осаждающій рѣдко предоставляетъ это право осажденному (Парижу нѣмцы отказали въ немъ) и осаждающій вовсе не обязанъ соглашаться на него (Брентано и Сорель). Впрочемъ, нѣкоторые писатели (Кальво и Гелль), пытаются примирить челоуколюбіе съ правами и интересами воюющаго, рекомендуютъ осаждающему позволять осажденному снабжать себя продовольствіемъ въ извѣстномъ размѣрѣ, т. е. лишь на время перемирія. Преращеніе перемирія наступаетъ съ истеченіемъ срока или же съ наступленіемъ условія, предустановленнаго въ соглашеніи (*conditio resolutive*). *Почти всѣ писатели (Филлиморъ, Блунчли, Фиоре, Ф. Мартенсъ) и международная практика при нарушеніи перемирія одною стороною (но не отдѣльными лицами, по инициативѣ послѣднихъ: въ этомъ случаѣ правомѣрно лишь требовать ихъ наказанія) признаютъ право другой стороны считать его оконченнымъ и приступать къ военнымъ операціямъ и безъ особаго о томъ предувѣдомленія противника*. Но надлежало бы отличать безспорное право отраженія такого незаконнаго нападенія противника, нарушающаго перемиріе, отъ права потерпѣвшей стороны считать перемиріе безусловно оконченнымъ (Гелль): первое принадлежитъ потерпѣвшей сторонѣ, такъ какъ оно вытекаетъ изъ права самообороны, второе же, какъ нарушающее интересы и мирныхъ жителей, надлежало бы ограничить по крайней мѣрѣ обязанностью извѣщенія противника о прекращеніи перемирія и опредѣленіемъ хотя бы краткаго срока возобновленія военныхъ операцій. Никомъ образомъ не

должно считать нарушением перемірия производство противниками за демаркаціонною чертою, которая устанавливается обыкновенно въ соглашенияхъ между воюющими, въ предѣлахъ расположенія каждаго изъ нихъ, какихъ бы то ни было военныхъ передвиженій, фортификаціонныхъ работъ и прочихъ военныхъ приготовленій: это право есть обоюдное, запрещеніе его бесполезно, такъ какъ контроль надъ выполненіемъ его—фактически немислимъ.

с) *Капитуляціи*. Такъ называются *соглашенія между начальствами воюющихъ о сдачу или плъненіи крѣпостей, армій или отдѣльныхъ отрядовъ*. Они вызываются военною необходимостью, т. е. невозможностью сопротивленія врагу, отправляются отъ факта, почему они законны, хотя бы законодательство страны, военначальникъ которой подписалъ капитуляцію о сдачѣ, возбраняло ее или требовало особенныхъ условій для капитуляцій, нарушенныхъ сдавшимся (напр. Базень сдалъ Мець измѣнически, но капитуляція была законна съ точки зрѣнія права войны и обязывала его и германское военное начальство). *Условія капитуляціи вполнѣ зависятъ отъ соглашенія сторонъ*; можно лишь замѣтить, что однѣ капитуляціи являются почетными, т. е. особенно щадящими честь и достоинство сдающагося; напр. допускается выходъ гарнизона съ оружіемъ, иногда со знаменами и музыкой. Другія капитуляціи—обыкновенныя (менѣе почетныя), когда условія, не унижая прямо сдающагося (напр. офицеры всегда сохраняютъ свое оружіе), болѣе тяжелы: солдаты сдаютъ оружіе и дѣлаются военноплѣнными вмѣстѣ съ офицерами и генералами. Таковы всѣ капитуляціи французскихъ войскъ и крѣпостей въ войнѣ 1870—76 года („почетными“ были только капитуляціи Бельфора и Фальсбурга, см. Гелль) и турецкихъ (въ войнѣ 1877—78 года). Ни о какомъ убіеніи, хотя бы и безусловно сдавшихся, ни о какой конфискаціи частной ихъ собственности въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи. Условный знакъ готовности капитулировать—поднятіе бѣлаго флага.

С. Права оккупанта.

I. Непрiятельская армія, занимая часть территоріи противника, получаетъ тамъ, въ силу права войны, извѣстныя права надъ учрежденіями, населеніемъ и имуществами. Опредѣленіе и юридическое обоснованіе правъ оккупанта, предѣлы и условія пользованія этими правами стали выясняться въ литературѣ лишь съ франко-германской войны 1870—71 гг. Но и въ настоящее время въ ученіи о правахъ оккупанта еще много спорнаго и противорѣчиваго (сравнить напр. мнѣнія Геффтера, Кальво, Фіоре, Ролень-Жакмена, гентскаго института и проекта брюссельской деклараціи). Прежде всего необходимо отдѣлить понятіе о военномъ занятіи отъ понятій о нашествіи и завоеваніи (Корси). *Нашествіе всегда предшествуетъ военному занятію, начинается послѣднее, но можетъ и не переходить въ него*: оно есть кратковременное наступленіе на страну, вызываемое интересами веденія военныхъ операцій, не соединено съ установленіемъ какой бы то ни было военной или правительственной власти непріятеля въ данной мѣстности. *Завоеваніе же*

есть дальнѣйшее развитіе военнаго занятія; оно предполагаетъ намѣреніе навсегда присоединить данную область и дѣлается законнымъ не иначе, какъ по трактату. Военное занятіе есть нѣчто среднее между нашествіемъ и завоеваніемъ. Юридическое обоснованіе его одни видятъ въ фактъ (напр. проф. Мартенсъ). Съ наибольшею послѣдовательностью взглядъ этотъ развитъ писателемъ Бернье. По его мнѣнію, военное занятіе не отличается отъ простаго вторженія (нашествія), почему всѣ отношенія между оккупантомъ и населеніемъ страны основываются не на правѣ, а на фактѣ. Занятіе—фактъ матеріальнаго присутствія въ странѣ непріятели, вслѣдствіе чего у оккупанта не существуетъ даже частичнаго суверенитета въ занятой имъ территоріи. Но такъ какъ голый фактъ не можетъ рождать права, то всѣ выводы писателей, принимающихъ эту теорію, объ юридическихъ отношеніяхъ между оккупантомъ и населеніемъ—случайны и произвольны. Не исправляетъ дѣла и поправка, вносимая нѣкоторыми писателями (напр. Гелль), которые утверждаютъ, что „оккупация, хотя и есть только фактъ, но настолько важный, что онъ ведетъ къ опредѣленнымъ юридическимъ послѣдствіямъ“. Въ виду столь очевидной недостаточности теоріи оккупации, исходящей изъ факта, нѣкоторые писатели пытаются построить ея основанія на началахъ государственнаго права. Такъ (Геффтеръ, Галлекъ), оккупацию вполне отождествляютъ съ фактически возникшимъ въ государствѣ правительствомъ, пользующимся въ странѣ всѣми функціями законной верховной власти, на сколько оно въ состояніи отправлять ихъ и поскольку ему повинуются населеніе. Нѣкоторые изъ писателей (Роленъ-Жакменъ, особенно Корси) пытаются примирить эту точку зрѣнія съ международно-правовымъ воззрѣніемъ на институтъ военнаго занятія. Такъ, Корси разсматриваетъ военное занятіе, какъ временное завладѣніе непріятеlemъ извѣстною областью, соединенное съ установленіемъ въ ней военной и правительственной власти оккупанта взамѣну національной и мѣстной; занятая территорія подпадаетъ власти оккупанта въ юридическомъ и въ политическомъ отношеніяхъ, хотя и безъ радикальнаго измѣненія существовавшихъ въ области законовъ. Цѣль военнаго занятія—обусловливаетъ и юридическій характеръ его. Территорія занимается ради лучшаго и скорѣйшаго удовлетворенія потребностей воюющаго, ради военной выгоды; охраненіе въ ней порядка, свободы и мира—долгъ и высшая польза воюющаго (Корси). Но власть оккупанта не есть продолженіе или замѣна національной власти; оккупантъ применяетъ правительственную власть отъ собственнаго имени; но эта власть не есть и власть верховная, а власть „*sui generis*“, ограниченная по времени, цѣлямъ и способамъ дѣйствія. Въ занятой странѣ верховенство не принадлежитъ ни національной власти, ни оккупанту, такъ какъ послѣдній не въ правѣ присвоить его себѣ, а первая—не можетъ проявить ее, ибо она фактически парализована (Корси). Эта теорія приближается къ наиболее вѣрному взгляду на военное занятіе, какъ на новый самостоятельный институтъ (*sui generis*) международнаго права (графъ Камаровскій, отчасти Блунчли). Во имя интересовъ и права войны, оккупантъ долженъ получить власть въ области, фактически имъ

занятой; эта власть должна приостанавливать верховенство національного правительства, несовместное съ правами воюющаго и преслѣдуемыми имъ законными цѣлями войны. Такимъ образомъ власть оккупанта—военная и правительственная на все время занятія. А какъ война ведется государствомъ, а не частными лицами, то оккупантъ обязанъ охранять миръ, порядокъ и права мирнаго населенія въ занятой имъ области; населеніе же пользуется этою охраною временной власти оккупанта, подъ условіемъ не чинить противъ оккупанта никакихъ враждебныхъ ему актовъ. Но населеніе не порываетъ связей со своимъ законнымъ правительствомъ, функции котораго лишь приостанавливаются на время занятія. Эти начала опредѣляютъ, какъ предѣлы, способы примѣненія и юридическія послѣдствія военнаго занятія вообще, такъ въ частности и юридическое положеніе жителей занятой области. „Военная необходимость“, хотя бы и ограниченная требованіями гуманности (Ролень-Жакмень), не можетъ, по измѣнчивости и крайней растяжимости этихъ понятій упорядочить и опредѣлить положеніе жителей. Не болѣе основательно и другое мнѣніе (Галлекъ, Корси, Броше), видящее въ положеніи жителей занятой области условное положеніе военноплѣнныхъ, взятыхъ на честное слово, или нейтральныхъ, отрекшихся отъ права противодѣйствія непріятелю: жители не были побѣждены въ бояхъ, часто даже не брались за оружіе, поэтому они не военноплѣнные. Не являются они и нейтральными: у нихъ нѣтъ и не можетъ быть ни чувства, ни сознанія нейтральности, такъ какъ страна ихъ занята врагомъ отечества (графъ Камаровскій, Бернье).

II. *Права оккупанта относительно мирныхъ жителей занятой страны* (т. е. относительно лицъ). Какъ долженъ относиться оккупантъ къ населенію занятой области, поднявшемуся противъ него съ оружіемъ въ рукахъ? Вопросъ очень спорный. На брюссельской конференціи Франція и второстепенныя государства требовали признанія „безграничнаго“ права для населенія на защиту своего отечества; почти всѣ французскіе писатели (Морень, Гелль, Бернье) стоятъ на той же точкѣ зрѣнія, которой сочувствуютъ и другіе (напр. проф. Эйхельманъ). Но практика войнъ XIX вѣка (не говоря уже о франко-прусской) „либеровская полевая инструкция“, проектъ „кодекса сухопутной войны“ и большинство писателей (Блунчли, Ролень-Жакмень, Корси и другіе) признаютъ, что населеніе занятой области, подчинившись врагу, не стоитъ въ положеніи необходимой обороны; оно получаетъ отъ оккупанта выгоды мира и порядка, слѣдовательно, возставъ противъ него, оно нарушило свои обязанности несопротивленія по отношенію къ оккупанту, почему и должно подлежать не только законамъ войны, но и военноплевымъ законамъ оккупанта. Послѣдніе же рассматриваютъ возстаніе, какъ преступленіе противъ правительственной власти въ странѣ. Осудить возстаніе въ занятой области необходимо и въ интересахъ смягченія и цивилизованія войны (Корси, Гелль въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи), которыя немыслимы при поголовныхъ возстаніяхъ. Оба мнѣнія и господствующая практика—крайности. Вообще, возстаніе незаконно и влечетъ за собою обращеніе съ возставшими, какъ

съ военноплѣнными, нарушившими слово (Корси) или вѣрнѣе, какъ съ мятежниками. Но оно оправдывается въ исключительныхъ случаяхъ, именно: 1) когда оккупантъ нарушаетъ принятыя на себя обязанности предъ населеніемъ, требуя отъ послѣдняго дѣйствій, несовмѣстныхъ съ обязанностями населенія относительно его законнаго правительства, напр. въ случаѣ требованія присяги на подданство оккупанту, т. е. акта измѣны законному правительству (Корси, графъ Камаровскій); 2) въ случаѣ нарушенія существенныхъ правъ населенія, напр. если воюющей угнетаетъ жителей чрезмѣрными реквизиціями, контрибуціями, пересталъ охранять безопасность края (графъ Камаровскій, Корси); 3) когда занятіе не столько фактическое, сколько бумажное (по аналогіи съ фиктивной блокадою; графъ Камаровскій, Галлекъ). Въ прежнихъ войнахъ (напр. въ семилѣтней, со стороны русскихъ властей, въ войнахъ революціи и имперіи) оккупанты требовали отъ населенія присяги и карали лично и имущественно отказывавшихъ въ ней. Полевая инструкція Либера тоже требовала присяги, но война сѣверянъ съ южанами (въ 1861—65 гг.) была междоусобная, почему присяга оправдывалась здѣсь взглядомъ на южанъ, какъ на подданныхъ, возставшихъ и „заблудшихъ“. Требованіе присяги не должно распространяться и на непріятельскихъ должностныхъ лицъ сохраняющихъ мѣста въ занятой мѣстности (Додлей Фильдъ, Корси; право приведенія ихъ къ присягѣ признается за оккупантомъ Либеромъ и Блунчли). Вообще, мирное населеніе должно быть охраняемо въ его личныхъ, семейныхъ и имущественныхъ правахъ, въ свободѣ совѣсти; оно не должно быть принуждаемо ни прямо, ни косвенно къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ своего отечества (признано въ приказѣ главнокомандующаго русскими войсками въ Европейской Турціи отъ 12 апрѣля 1877 г.). Поэтому, принужденіе мирныхъ жителей быть проводниками непріятельской арміи (что позволяли себѣ нерѣдко нѣмцы въ войнѣ 1870—71 гг.) крайне незаконно (Гелль); это—„варварскій пріемъ“, въ которомъ проявляется неуваженіе къ личности человѣка и гражданина; хорошо организованное веденіе военныхъ операцій и не нуждается въ немъ, такъ какъ наступающая армія должна быть знакома съ географіею страны.

III. Государственная дѣятельность оккупанта (права оккупанта относительно законодательства, суда и управленія). Такъ какъ власть оккупанта временна и условна, то онъ, по общему правилу, не долженъ касаться ни политическаго строя, ни гражданскихъ правъ населенія (Корси, Гелль, Бернье, Ф. Мартенсъ). Но задачи войны, а равно интересы безопасности и порядка въ занятой мѣстности оправдываютъ временную пріостановку этихъ правъ и нѣкоторое ихъ видоизмѣненіе. Такъ, у населенія отнимается на время занятія право выбора депутатовъ въ парламентъ, право сходокъ и политическихъ ассоціацій, ограничивается свобода печати, разъ она способна волновать умы населенія. Свобода личная и религіозная жителей (см. выше) неприкосновенна, но свобода передвиженія стѣсняется для пресѣченія возможности вступать въ армію противника (Корси; по мнѣнію Бернье всякія сношенія жителей занятой области съ отечественною ихъ властью должны

быть прекращены). Но наказаніе лицъ, успѣвшихъ вступить въ ряды отечественнаго войска (напр. конфискаціею имущества, какъ это дѣлалось германскимъ начальствомъ въ войнѣ 1870—71 гг.), незаконно (Корси, Бернье). *Право законодательства оккупанта въ области финансовой и экономической тоже должно быть ограничено*; допущеніе неограниченной свободы дѣйствій въ этомъ отношеніи, хотя бы „въ интересахъ оккупанта и самаго населенія“ (Корси) не можетъ быть терпимо (напр. введеніе новыхъ таможенныхъ тарифовъ, принудительнаго курса бумажныхъ денегъ оккупанта), такъ какъ всѣ такія распоряженія необходимо предполагаютъ верховенство надъ территоріей, а не временное ея занятіе. *Въ охраненіе собственной безопасности оккупантъ можетъ прилагать къ населенію свои уголовные законы и свои суды, но лишь поскольку это вызывается необходимостью особой охраны его войскъ и порядка* (Корси, Ф. Мартенсъ, Гелль). Эти суды и порядокъ производства въ нихъ должны быть, равно какъ и гарантіи обвиняемаго, основаны на законѣ, а не на произволѣ суммарнаго процесса (Гелль). Этой практикѣ отчасти держались германскія власти въ войнѣ съ Франціею (но онѣ слишкомъ расширяли подсудность этихъ судовъ), въ особенности же русское военное начальство (прокламація 1 іюня 1877 г.): полевые военные суды и русскіе полевые уголовные законы примѣнялись къ бунту, шпіонству, истребленію и поврежденію колодцевъ, путей сообщенія и т. д. (Ф. Мартенсъ). *Общее правило то, что мѣстные суды уголовные и гражданскіе продолжаютъ свою дѣятельность*. Это вытекаетъ изъ международнаго характера института военнаго занятія, который предоставляетъ оккупанту нѣкоторыя правительственныя функціи, требуя сохраненія національнаго, т. е. привычнаго населенію суда во имя упорядоченія отношеній между оккупантомъ и населеніемъ и для защиты интересовъ и правъ послѣдняго. Рѣшенія свои суды должны постановлять во „имя закона“ (Корси; противъ Гелль и Бернье, требующіе, безъ достаточныхъ основаній, формулы судебныхъ рѣшеній отъ имени національныхъ правительствъ). Известно, что въ войнѣ 1870—71 гг. французскій апелляціонный судъ въ Нанси отказался постановлять рѣшенія „во имя закона“, какъ предлагали нѣмцы, и пріостановилъ свои „функціи“, когда нѣмецкое начальство отказало ему въ пользованіи формулою „во имя республики“, не признававшей германскимъ правительствомъ (Роленъ-Жакменъ). Такое поведеніе французскихъ судовъ—крайне невыгодно для мирнаго населенія; вовсе не желательно, чтобы смѣна правительства отражалась на независимомъ отъ администраціи судѣ, на его внутренней автономіи (Корси). *Надлежитъ признать за общее правило, что примѣненіе мѣстныхъ уголовныхъ законовъ и подсудности національнымъ уголовнымъ судамъ можетъ быть ограничено* (см. выше), *примѣненіе же гражданскихъ законовъ и подсудность гражданскимъ судамъ—остаются неограниченными*. *Въ области администраціи оккупантъ обладаетъ наибольшою свободою и наибольшими правами, такъ какъ, будучи обязанъ уваженіемъ къ законамъ страны, оккупантъ можетъ видоизмѣнять приемы ихъ примѣненія, отыскивать для нихъ лучшія гарантіи* (Корси), заботясь объ

охраненіи порядка въ странѣ и объ удержаніи себя въ своемъ необыкновенномъ, но все же законномъ положеніи въ занятой имъ территоріи. Всѣ учрежденія, въ которыхъ проявляется умственная, религіозная и нравственная жизнь народа, должны быть сохраняемы (наприм. школы, университеты), такъ какъ миръ и порядокъ наиболѣе поддерживаются въ странѣ при правильномъ дѣйствіи этихъ учреждений. Оккупантъ можетъ лишь удалять виновныхъ во враждебномъ ему преподаваніи и закрыть (въ исключительныхъ случаяхъ) *такія заведенія, прямо ему враждебныя*. *Завладевая средствами сообщенія (почты, телеграфы), оккупантъ можетъ сохранить въ нихъ національныхъ должностныхъ лицъ; онъ въ правѣ (Блунчли, Корси) требовать, чтобы эти лица, если должности ихъ не обладаютъ политическимъ характеромъ, оставались на службѣ.* Очевидно, что должностныя лица съ политическимъ характеромъ могутъ быть удаляемы оккупантомъ отъ службы.

IV. *Права оккупанта относительно имущества въ занятой мѣстности.* Такъ какъ война есть вооруженная борьба между государствами, а не частными лицами, то *права оккупанта по отношенію къ имуществамъ государственнымъ, общественнымъ и частнымъ существенно различаются.*

*Относительно государственныхъ имущества надлежитъ замѣтить, что все движимыя государственныя имущества (капиталы, подати, оружіе, запасы продовольствія для арміи и проч.), служащія цѣлямъ войны, переходятъ въ собственность оккупанта (и вообще побѣдителя). Относительно недвижимыхъ имущества національное правительство сохраняетъ за собою „*ius proprietatis*“ и „*jus ad rem*“, а право пользованія и владѣнія (узуфруктъ) переходятъ на оккупанта, который можетъ пользоваться государственными домами, рудниками, заводами, лѣсами, извлекая изъ нихъ доходы въ свою пользу, но безъ ихъ уничтоженія (Корси, Ленингъ; противное мнѣніе Бернье, Ф. Мартенсъ и Блунчли). Относительно правъ по обязательствамъ оккупантъ *взимаетъ съ жителей въ свою пользу налоги и пошлины, установленныя мѣстными законами и мѣстною раскладкою. Оккупантъ въ правѣ препятствовать всякой уплатѣ жителями предметовъ и денегъ національному правительству, такъ какъ она явилась бы подкрѣпленіемъ средствъ сопротивленія врага (Корси, Ф. Мартенсъ, Ленингъ). Личныя обязательства и доли національнаго правительства не переходятъ на оккупанта. Послѣдній не получаетъ и usufruct'a надъ общественною собственностью (благотворительныхъ и иныхъ учреждений, банковъ, кассъ и проч.), какъ служащею интересамъ занимаемой имъ мѣстности и ея населенія, но онъ въ правѣ управлять ею и контролировать ея расходваніе (Корси). Железныя дороги (и весь подвижной составъ ихъ), какъ государственныя и общественныя, такъ и частныя, будучи орудіями мира и цивилизаціи (Бернье), имѣютъ съ тѣмъ громадную важность для стратегическихъ и тактическихъ операций оккупанта (Блунчли, Руаръ-де-Каръ, Ленингъ), почему послѣдній въ правѣ завладѣть ими на все время занятія, эксплуатировать ихъ и доходы брать себѣ. При заключеніи мира онъ долженъ возвратить ихъ собственникамъ (съ подвижнымъ составомъ) и обязанъ**

вознаградить за убытки, если дорога и подвижной составъ принадлежали обществамъ или частнымъ лицамъ.

Что же касается до частной собственности мирнаго населенія занятой области, то относительно ея современная война выставляетъ общее положеніе, діаметрально противоположное древности и среднимъ вѣкамъ, именно—*частная собственность неприкосновенна* (противное защищаютъ лишь нѣкоторые англо-американскіе юристы). Этотъ принципъ признанъ полевой инструкціей Либера, брюссельской деклараціей и „кодексомъ сухопутной войны“ гентскаго института. Но начало неприкосновенности собственности допускаетъ *исключенія, которыя строятся на 3-хъ началахъ: 1) опасный характеръ данной собственности для оккупанта* (Бернье), напр. оружіе, военные снаряды и, вообще, всѣ предметы, прямо служащіе войнѣ. По заключеніи мира, воюющей, захватившей предметы, обязанъ или вернуть ихъ частнымъ собственникамъ или же вознаградить за нихъ; 2) *абсолютная необходимость извѣстныхъ предметовъ для оккупанта*, безъ которыхъ онъ не въ состояніи въ данное время обойтись для веденія военныхъ операцій, необходимыхъ для достиженія законныхъ цѣлей войны (Бернье). *Эти то предметы можно приобрѣтать реквизиціей, т. е. принудительною доставкою мирными жителями извѣстныхъ предметовъ, въ которыхъ нуждается оккупантъ* (хлѣбъ, фуражъ, подводы и проч.). Всѣ войны даже XIX вѣка пользовались этимъ средствомъ (франко-германская 1870—71 г. въ громаднхъ размѣрахъ, по правилу „la guerre doit pourrir la guerre“). Утверждаютъ также, что безъ реквизиціи непріятельскій отрядъ часто не могъ бы оставаться въ занятыхъ мѣстностяхъ (Ф. Мартенсъ, Ролень-Жакмень, Блунчли). Во всякомъ случаѣ вѣрно (Броше), что реквизиціи смѣнили собою грабежъ прежнихъ эпохъ; онѣ являются принципиальнымъ осужденіемъ грабежа и фактическимъ смягченіемъ права поживляться непріятельскою частною собственностью. Тѣмъ не менѣе, *реквизиціи противоречатъ началу неприкосновенности частной собственности* (Видари, Коши, Гелль, Броше). Онѣ не такое зло, какъ грабежъ, хотя „ненавистнѣе“ его въ томъ смыслѣ, что первый находитъ себѣ извиненіе въ страсти (Броше). Хорошо устроенныя арміи и не должны нуждаться въ реквизиціяхъ: правильно организованная интендантская часть—одно изъ условий успѣха на войнѣ, почему все нужное можетъ идти за войскомъ (Броше, Бернье). Поэтому, *ихъ можно допустить лишь въ видѣ предметныхъ, а не денежныхъ реквизицій* (Броше), въ случаяхъ самой крайней необходимости для воюющаго, когда ихъ нельзя ничѣмъ замѣнить (напр. постои, перевозочныя средства; Броше). Отнюдь не могутъ быть предметами реквизицій вещи и жилища, покинутыя на войнѣ ихъ хозяевами, хотя они и рассматриваются нѣкоторыми писателями (и нѣмцами въ войнѣ 1870—71 г.) какъ „res nullius“, такъ какъ собственники не имѣли желанія отъ нихъ отказаться (Броше, Гелль). Во всякомъ случаѣ, такъ какъ война не есть борьба между частными лицами, которыя и такъ уже несутъ прямо и косвенно издержки войны, то *реквизиція можетъ быть лишь правомъ оккупанта на пользованіе извѣстными предметами, а не правомъ собственности надъ ними*. Частныя лица, потерпѣвшія отъ

нихъ, должны быть вознаграждаемы за ущербъ, для чего оккупантъ обязанъ платить за нихъ деньги или же выдавать росписки въ полученіи реквизицій (съ указаніемъ стоимости взятаго по его рыночной цѣнѣ) и взимать реквизиціи въ извѣстномъ порядкѣ. Споренъ вопросъ—на кого выпадаетъ обязанность уплаты по этимъ роспискамъ? Нѣкоторые писатели (Феро-Жиро, Гелль) признаютъ эту обязанность за оккупантомъ, что вполне справедливо и должно бы подлежать особому расчету въ мирномъ договорѣ; другіе (Бернье) возлагаютъ ее на побѣжденное государство, такъ какъ тягости войны должны выпадать на всѣхъ равномѣрно, а не на нѣкоторыхъ лишь лицъ. Но большинство писателей (Феро-Жиро, Гелль, Ролень-Жакмень) не признаютъ за побѣжденнымъ государствомъ „юридической обязанности“ вознагражденія частныхъ лицъ, а лишь рекомендуютъ послѣднее изъ человеколюбія, какъ это было сдѣлано Франціею (законъ 1871 г. назначилъ на вознагражденіе „à titre gracieux“ 100 мил. франковъ). *Наибольше вѣрное мнѣніе то, которое возлагаетъ эту обязанность на оккупанта и лишь въ случаѣ неисполненія ея—на національное правительство оккупированной мѣстности: частныя лица, неся налоги и повинности войны, не могутъ быть отвѣтственны за случайные результаты вооруженной борьбы между государствами, выпавшіе на ихъ долю, благодаря факту оккупации врагомъ обитаемой ими территоріи.*

Во всякомъ случаѣ, *право взиманія реквизицій вполне признано практикою войнъ и громаднымъ большинствомъ юристовъ (и рѣшеніями французскаго кассационнаго суда), но оно идетъ къ суженію и строгой регламентации (французскій законъ 1877 г.) въ современныхъ войнахъ (въ русско-турецкую войну наше правительство допускало ихъ только за деньги). Эта мысль высказана въ проектѣ брюссельской деклараціи, требующей, чтобы реквизиціи назначались лишь съ согласія командующаго войсками въ занятой мѣстности и чтобы за нихъ платились деньги, или выдавались форменныя квитанціи (обязанность вознагражденія за реквизиціи установлена еще въ договорѣ Соедин. Штатовъ Сѣвер. Америки и Пруссіи отъ 1785 г.).* Оправдывать ихъ можно лишь *въ извѣстныхъ случаяхъ* (см. выше), *при крайней къ тому необходимости*, но отнюдь не тѣмъ аргументомъ (Корси и Видари), въ силу котораго реквизиціи (и контрибуціи) истекаютъ изъ обязанности оккупанта поддерживать въ занятой области порядокъ и управленіе, взамѣнъ которой оккупантъ получаетъ право взимать въ ней обыкновенные налоги и чрезвычайные (реквизиціи): расходы на администрацію и войну вытекаютъ изъ различныхъ основаній, а съ точки зрѣнія права тоже нѣтъ ничего общаго между обязанностью населенія предъ своимъ правительствомъ платить налоги и обязанностью его предъ непріятелемъ-оккупантомъ.

3) *Контрибуціи.* Подъ ними слѣдуетъ разумѣть *денежныя суммы, налагаемыя непріятелемъ на населеніе занятой мѣстности* (Ф. Мартенсъ, Блунчли). Практика контрибуцій — богата прецедентами, ими очень злоупотребляли, а франко-германская война 1870 — 71 годовъ явила міру примѣры контрибуцій громадныхъ размѣровъ, налагавшихся по ничтожнымъ поводамъ и въ количествахъ непропорціональных, контрибуцій, совершенно упразднившихъ начало неприкосновенности част-

ной непріятельской собственности. Противоположность этой войнѣ—*русско-турецкая 1877—78 г., которая совсѣмъ не знала контрибуцій* (со стороны русскихъ), что (вопреки Ф. Мартенсу, Корси, Ролень-Жакмену и друг.) *доказываетъ, какъ нельзя лучше, возможность совершенно обойтись безъ нихъ.* Скорѣе правы писатели (Блунчли, Феро-Жиро, Бернье), которые совершенно отрицаютъ ихъ, какъ принципіально (ими отмѣняется начало неприкосновенности частной непріятельской собственности), такъ и по невозможности обойтись при ихъ наложеніи безъ злоупотребленій въ виду выгоды ихъ для оккупанта, который является при этомъ судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Если оспариваются реквизиціи, при которыхъ признается обязанность уплаты потерпѣвшимъ, то съ тѣмъ большимъ основаніемъ заслуживаютъ порицанія взиманія (контрибуціи), принципіально не подлежащія возврату и никоимъ образомъ не вытекающія для оккупанта изъ абсолютной военной необходимости. Въ настоящее же время, къ сожалѣнію, можетъ идти рѣчь только объ урегулированіи и смягченіи этой системы контрибуцій, признанной на практикѣ и защищаемой большинствомъ писателей. *Ихъ оправдываютъ въ качествѣ замѣны реквизицій, какъ залогъ въ доставкѣ реквизицій натурою, въ качествѣ пени или штрафа за правонарушенія во вредъ оккупанту, наконецъ— въ качествѣ принудительной мѣры къ скорѣйшему окончанію войны (Ленингъ, Ролень-Жакмень).* Брюссельская декларація разрѣшаетъ ихъ въ видѣ замѣны податей, законно установленныхъ національнымъ правительствомъ, вмѣсто натуральныхъ повинностей и, наконецъ, въ видѣ пени или штрафа. Какъ мѣра принудительная къ скорѣйшему достиженію мира, она не можетъ быть одобрена, такъ какъ воюетъ не населеніе занятой мѣстности, а правительство, и первое чаще всего бессильно побудить свое правительство къ миру; *какъ залогъ въ доставкѣ реквизицій и какъ замѣна натуральныхъ повинностей—контрибуціи допустимы, по сколько оправдываются сами реквизиціи; слѣдовательно, такія контрибуціи подлежатъ возврату (или выдачѣ квитанцій по нимъ), но тогда онѣ перестаютъ уже быть контрибуціями; взаменъ налоговъ и податей—онѣ вполне законны (Бернье).* Что же касается до контрибуцій—пеней, то онѣ могутъ быть оправданы, какъ право наказанія со стороны оккупанта за нарушеніе обязанностей, возлагаемыхъ на населеніе войною. Но опасность ихъ и злоупотребленіе такими контрибуціями требуютъ строгой ихъ регламентаціи. Выставляютъ требованія (см. ст. 41 брюссельской деклараціи): 1) распоряженія высшаго военнаго или гражданскаго начальства въ занятой области; 2) соблюденія порядка взиманія и раскладки податей, существующаго въ данной области; 3) выдачи квитанцій плательщикамъ; къ этимъ требованіямъ нѣкоторые писатели прибавляютъ (Ролень-Жакмень, Ф. Мартенсъ)—опредѣленіе размѣра контрибуцій (сумма податей, платимыхъ облагаемою мѣстностью въ опредѣленный податной срокъ). Но всѣ перечисленныя требованія относятся къ контрибуціямъ реквизиціоннаго характера, а не къ пеннымъ (штрафнымъ). Последнія при ихъ наложеніи, распределеніи и взысканіи подлежатъ известнымъ уже намъ правиламъ примѣненія репрессалій; т. е. такія контрибуціи должны

прежде всего *примѣняться челоуколюбиво, пропорціонально правонарушенію* (что упускалось изъ виду нѣмцами въ войнѣ 1870—71 гг.), по распоряженію высшаго начальства и съ извѣщеніемъ о томъ противника. Но разъ допускаются такія контрибуціи, какъ особый видъ репрессалій, онѣ налагаются уже по принципу коллективной отвѣтственности, въ чемъ и состоитъ ихъ тяжкое зло и принципиальная погрѣшность.

V. *Постлиминій (jus postliminii) и узурпація.* Postliminium возникло еще въ Римѣ, гдѣ оно было правомъ римскаго гражданина, основанымъ на юридической фикціи, на возстановленіе всѣхъ своихъ правъ по возвращеніи изъ плѣна, во время пребыванія въ которомъ гражданинъ считался безправнымъ (Филлиморъ, Геффтеръ, Ф. Мартенсъ). Перенесенный въ международныя отношенія, *постлиминій означаетъ здѣсь возстановленіе, съ момента прекращенія оккупации, помимо трактата, всѣхъ юридическихъ отношеній и порядковъ и всякихъ правъ, принадлежащихъ государству, населенію и частнымъ лицамъ въ области, занятой непріятелемъ.* *Jus postliminii*, мыслимое только во время войны, основывается на временности занятія области оккупантомъ, власть котораго не есть власть законнаго правительства и, какъ вытекающая изъ факта завладѣнія территоріею и фактическаго держанія въ ней правительственной власти, прекращается сама собою, помимо всякаго трактата, съ прекращеніемъ этого занятія. Власть національнаго правительства возстановляется сама собою, если непріятель самъ уходитъ изъ области или изгоняется изъ нея законнымъ правительствомъ, или, наконецъ, извергается изъ нея возстаніемъ населенія. Въ послѣднемъ случаѣ Блунчли требуетъ для возстановленія законнаго правительства и прежнихъ порядковъ согласія населенія, что правильнѣе. Если же непріятель изгоняется третьей державой, то для *restitutio in integrum* нужно согласіе этой державы (см. Ф. Мартенсъ и Уитонъ). Послѣднее требованіе не было, впрочемъ, уважено Вѣнскимъ конгрессомъ относительно Генуи, которая, бывъ завоевана Наполеономъ I, освобождена Англіею и возстановлена ею въ качествѣ самостоятельной республики, но присоединена союзниками къ Сардиніи-Пьемонту, безъ согласія Англіи. *Что же касается до узурпаціи, которая есть продолжительное, хотя и насильственное занятіе чужой области, создающее уже для захватителя, санкціею времени и продолжительной покорности населенія, нѣкоторое право считать себя законнымъ правителемъ, то она тождественна по международнымъ ея послѣдствіямъ* (Блунчли, Ф. Мартенсъ) *съ правами законнаго правительства въ области международныхъ отношеній.* Вотъ почему послѣднее, по возвращеніи къ власти, не въ правѣ ни уничтожить, ни поколебать юридическую силу правительственныхъ распоряженій узурпатора (напр. продажи имъ государственной собственности). *Это положеніе признано великими державами противъ претензій курфюрста Гессенскаго, который, возвратясь ко власти, не желалъ признать государственныхъ долговъ, сдѣланныхъ узурпаторомъ, королемъ Иеронимомъ Вестфальскимъ (въ составъ королевства Вестфальскаго, признаннаго договоромъ въ Тильзитѣ, вошли и владѣнія Гессенскаго курфюрста; Ф. Мартенсъ, Филлиморъ).*

D. О правъ частной собственности въ морской войнѣ.

I. *Такъ какъ война на морѣ такая же вооруженная борьба государствъ, какъ и на сушѣ, но лишь въ другой сферѣ, то, казалось бы, частная непріятельская собственность также должна быть неприкосновенна на морѣ, какъ и на сушѣ. И однако, до настоящаго времени въ морскихъ войнахъ признается въ принципъ право захвата собственности мирныхъ непріятельскихъ гражданъ. Это коренное противорѣчіе между войною на сушѣ и на морѣ не можетъ быть объяснено внѣшнимъ различіемъ стихій (суши и воды). Причины его лежатъ гораздо глубже. Историческое объясненіе самое вѣрное. Меркантильная и колониальная системы направляли морскую войну къ цѣли—разоренія торговли противника, слѣдовательно—къ захвату его частной собственности; а такъ какъ эта система держалась до конца XVIII вѣка, то основное начало сухопутной войны, что она есть борьба государствъ, а не частныхъ лицъ, не успѣло получить приложенія къ морской войнѣ. Разореніе морской торговли являлось именно цѣлью морской войны потому, что оно ослабляло или уничтожало морское могущество противника (Кентъ, Уитонъ, Готфѣль). Наконецъ, чисто военныя операціи на морѣ не даютъ тѣхъ результатовъ, какіе достигаются въ сухопутной войнѣ. Здѣсь разбитіе арміи, завладѣніе страной даютъ побѣду и миръ, тамъ (на морѣ)—самыя операціи не такъ разнообразны, средства вредить—ограниченнѣе и даже уничтоженіе военнаго флота противника не даетъ рѣшительной побѣды, а опустошенія чисто военныя—безполезны (Брентано и Сорель, Ортоланъ). Такимъ образомъ, остается направить войну на собственность, прекратить торговлю, подкосить богатство націи въ самомъ корнѣ (Брентано и Сорель, Пистой и Дювердей). И тѣмъ не менѣе, еще въ срединѣ XVII вѣка начинается протестъ противъ права добычи на морѣ. Мабли (Mably) въ 1748 г. нападалъ на нее съ экономической точки зрѣнія; знаменитый Франклинъ настоялъ на проведеніи начала ея неприкосновенности на морѣ въ договорѣ Соедин. Штатовъ (1785 г.) съ Пруссією; въ законодательномъ собраніи Франціи (въ 1792 г.) и особенно въ предложеніи Соед. Штатовъ (въ 1823 г.), обращенномъ къ Англіи, Франціи и Россіи, вновь пытались отмѣнить право добычи на морѣ; но переговоры не привели къ положительному результату. Когда Парижская декларация 1856 г. отмѣнила каперство и твердо опредѣлила права нейтральныхъ на морскую торговлю съ воюющими, то этимъ былъ сдѣланъ громаднѣйшій шагъ на пути къ отмѣнѣ права добычи на морѣ, которая была бы достойнымъ и вполне логическимъ завершеніемъ началъ декларации 16 апрѣля 1856 г. (Бекъ, Ф. Мартенсъ, Видари). Движеніе въ этомъ смыслѣ продолжается съ неудержимою силою: отмѣны конфискаціи непріятельской частной собственности на морѣ требуютъ купцы, напр. Бременскіе (въ 1859 г.), нѣкоторыя торговыя палаты и корпораціи Германіи, Англіи и Франціи. Это движеніе проникаетъ и въ парламенты; напр. въ 1868 г. сѣверо-германскій парламентъ просилъ канцлера содѣйствовать проведенію этого начала путемъ дипломатическихъ сношеній (Кальво, Бекъ). Наконецъ, въ нѣкоторыхъ войнахъ новѣйшаго времени, напр.*

въ войнѣ 1866 г. воюющіе отказались отъ права нападенія на купеческіе корабли. За послѣднее время въ литературѣ растеть число противниковъ захвата (Коши, Видари, Эмиль де Лавелэ, Фредерикъ Пасси, Бёкъ, Перельсъ, Нисъ, Блунчли; изъ русскихъ — еще Каченовскій, Мартенсъ, графъ Камаровскій, Даневскій), которые появляются даже въ англо-американской литературѣ (Гооль—Hall). Доводы противниковъ захвата—весьма разносторонни и убѣдительны (см. особенно у Видари, Блунчли и Бёка) и предъ ними совершенно теряются устарѣлыя доводы защитниковъ добычи на морѣ; среди послѣднихъ наиболѣе вѣски доводы Ортолана и Готфёля, а особенно оригинально соображеніе Лоримера.

II. Юридическій доводъ въ пользу неприкосновенности частной неприятельской собственности на морѣ покоится на основномъ принципѣ современнаго права войны, изъ котораго явствуетъ, что война не должна непосредственно направляться противъ частныхъ лицъ и противъ ихъ имущественныхъ правъ, пока они не принимаютъ въ войнѣ активнаго участія. Возражаютъ, что такимъ путемъ граждане остаются „безучастными“ къ опасности отечества; но упускаютъ изъ виду, что граждане, выступая солдатами и плательщиками податей, участвуютъ лично и имущественно въ успѣхахъ или бѣдствіяхъ своей родины. Реквизиціи и контрибуціи сухопутной войны лишь суровыя исключенія изъ начала неприкосновенности неприятельской частной собственности, вызываемыя военною необходимостью оккупанта, тогда какъ призы на морѣ—вполнѣ зависятъ отъ усмотрѣнія и власти воюющаго: реквизиціи соразмѣряются съ нуждами, а призы—только съ силами воюющаго (Ролень-Жакменъ, Бёкъ). Утверждаютъ, что на войнѣ справедливо все, что необходимо, а захватъ на морѣ необходимъ потому, что безъ него придется отказаться отъ морскихъ войнъ. Забываютъ, что никогда и ни одна великая страна не была еще побѣждена отъ убытковъ, причиненныхъ частнымъ лицамъ, а теперь, съ отмѣною каперства и съ признаніемъ начала свободы нейтральнаго флага и нейтральнаго груза, право захвата значительно уменьшилось и даетъ еще меньшія практическія послѣдствія (Ф. Мартенсъ, Видари, Бёкъ): покровительство нейтральнаго флага и желѣзныя дороги укрываютъ торговлю противника отъ ударовъ врага. Техническія же усовершенствованія въ морскомъ дѣлѣ даютъ полную возможность вести морскую войну и безъ призовъ. Военная необходимость узаконяетъ сама по себѣ не конфискацію, а лишь секвестръ (до окончанія войны) купеческихъ кораблей противника, но и одинъ секвестръ вноситъ анархію въ торговыя сношенія. Безспорно, что торговый флотъ—весьма полезенъ въ военное время, такъ какъ его стремятся приспособить къ возможности обращенія на случай войны въ военный или транспортный флотъ. Но ради этой возможной пользы нельзя узаконять захватъ всѣхъ торговыхъ судовъ (Бёкъ, Бульмеринкъ) неприятеля, такъ какъ въ подобномъ случаѣ все пришлось бы отнимать у него, ибо все можетъ быть полезно на войнѣ. Доводъ экономическій—подкрѣпляетъ юридическій. Торговые интересы всѣхъ народовъ солидарны, убытки и разореніе одного воюющаго отражаются на другомъ,

такъ какъ весьма нерѣдко захватывающій добычу болѣе всего поражаетъ торговлю собственныхъ гражданъ (добыча на морѣ—„мечъ обоюдоострый“—говоритъ Валовскій). Во время крымской войны торговля и промышленность Франціи и Англіи сильно пострадали отъ уменьшенія ихъ вывоза въ Россію и ввоза къ нимъ изъ Россіи, а такъ какъ обороты внѣшней торговли въ русскихъ гаваняхъ были почти исключительно въ рукахъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ фирмъ, то призы обрушились громадными убытками на нихъ же и многія фирмы обанкротились (Бёкъ). *Все сказанное противъ призовъ можно подкрѣпить и соображеніями политическими.* Въ сущности, одна Великобританія стоитъ за право захвата; но она то, при всемъ ея морскомъ могуществѣ, болѣе всего заинтересована въ свободѣ торговли на моряхъ, такъ какъ при правѣ добычи ей приходится отвлекать свои военныя силы отъ военныхъ морскихъ операций; неуязвимая при самооборонѣ, Англія можетъ страшно потерпѣть при сохраненіи призовъ на морѣ въ борьбѣ съ континентальными державами, такъ какъ вся промышленность и все доходы Великобританіи держатся только морскою торговлею (Лавелэ, Гооль). *Если же приводятъ въ пользу захвата нравственныя соображенія* (доводы относительно человѣколюбія—Ортоланъ, Пистой и Дювердей), говоря, что право добычи на морѣ—наименѣе безчеловѣчно, то опускаютъ изъ виду, что призовое право нисколько не ослабляло кровопролитія морскихъ войнъ, а шло съ нимъ рука объ руку (Бульмеринкъ, Бёкъ). *Наконецъ, изученіе исторіи вполнѣ подкрѣпляетъ все доводы противъ призовъ.* Начавшись съ пиратства, морская война постепенно выработала его смягченіе (въ формѣ каперства), которое было понемногу регламентировано и обусловлено требованіемъ присужденія каждаго приза (судомъ). Но при процвѣтаніи каперства отъ него страдали даже нейтральные корабли съ непріятельскимъ грузомъ, хотя бы самымъ невиннымъ, подвергавшіеся конфискаціи; позднѣе это жестокое правило смѣнилось лишь конфискаціею одного непріятельскаго груза; а послѣ упорной борьбы, въ 1856 г. отмѣнены каперство и право конфискаціи непріятельской собственности подъ нейтральнымъ флагомъ. Слѣдовательно, война на морѣ идетъ быстрыми шагами къ признанію уваженія къ частной собственности (Ф. Мартенсъ, Блунчли, Коши, Видари, Бёкъ, Даневскій). Въ концѣ концовъ, начало неприкосновенности частной собственности на морѣ приводитъ къ одинаковому огражденію мирной торговли нейтральныхъ и воюющихъ, т. е. къ отождествленію правъ нейтральныхъ и воюющихъ относительно морской торговли. А такъ какъ неприкосновенность частной непріятельской собственности ограничивается и въ сухопутной войнѣ, то логика требуетъ ограниченія ея и во время морской войны, при условіяхъ, указующихъ на потерю ею мирнаго ея характера. Вотъ почему, начало неприкосновенности частной непріятельской собственности отмѣняется, наравнѣ съ принципомъ неприкосновенности нейтральной торговли, при подвозѣ военной контрабанды и при нарушеніи блокады, когда эта собственность, направляясь на помощь врагу, теряетъ свой мирный характеръ (Коши, Видари, Ф. Мартенсъ, Перельсъ, Бёкъ, Даневскій). Кромѣ того непріа-

тельская собственность на морѣ, въ отличіе отъ нейтральной, должна, по вѣрному мнѣнію Бѣка, подлежать еще нѣкоторымъ ограниченіямъ, соотвѣтствующимъ правиламъ сухопутной войны и тоже вызываемымъ военною необходимостью: *корабли и грузы непріятели могутъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, подлежать реквизиціи и принудительной продажѣ*, впрочемъ, подъ гарантіею реформированнаго призоваго суда и процесса. Воюющей на морѣ можетъ: 1) временно захватить и принудить купеческія суда противника къ совершенію какой либо потребной ему, воюющему, и неотложной операціи. Это такъ наз. *jus angariae*, соотвѣтствующее въ войнѣ сухопутной, напр. захвату воюющимъ желѣзнодорожныхъ линій и подвижнаго состава, хотя бы принадлежащаго частнымъ обществамъ. „*Jus angariae*“ примѣнялось воюющими и къ нейтральнымъ, но Бѣкъ оспариваетъ его законность въ примѣненіи къ послѣднимъ; 2) воюющей можетъ потопить торговыя суда непріятели для загражденія входа въ рѣку или гавань (нѣмцы при осадѣ Парижа потопили въ Сенѣ даже нейтральныя англійскія суда); 3) наконецъ, онъ можетъ принудительно купить ихъ или нанять для превращенія въ военныя или транспортныя суда, для пополненія своей морской милиціи, и т. п. Лишь въ этомъ смыслѣ можно допустить мнѣніе Лоримера, видящаго въ захватѣ частной собственности на морѣ нѣчто въ родѣ принудительной экспроприаціи частной собственности ради военныхъ цѣлей. *Всѣ эти реквизиціи морской войны налагаютъ на воюющую, воспользовавшуюся ими, обязанность вознагражденія потерпѣвшихъ частныхъ лицъ* (Бѣкъ).

Е. Окончаніе войны и мирныя трактаты.

І. Война производится всѣми законными способами для сокрушенія сопротивленія противника и результаты примѣненія насильственныхъ мѣръ рѣшаютъ споръ и создаютъ право. Наивысшая степень уничтоженія сопротивленія противника достигается полнымъ завоеваніемъ его территоріи и сокрушеніемъ его, какъ самостоятельной юридической личности (напр. въ войну 1866 г. Ганноверъ, Гессенъ и Франкфуртъ подверглись такой *debellatio*); *рѣже встрѣчается въ новое время* (но часто бывало въ средніе вѣка) *фактическое замиреніе сторонъ* (напр., такъ прекратилась въ 1801 г. война Россіи съ Персіей; см. Ф. Мартенсъ), которое бывало чаще всего послѣдствіемъ крайняго истощенія силъ воюющихъ и неспособности ихъ добиться рѣшительныхъ результатовъ. *Наиболье обычнымъ способомъ является мирный договоръ (трактатъ), который есть вполне юридическій способъ окончанія войны, опредѣляющій взаимныя отношенія между враждующими на будущее время, условія этихъ отношеній и порядокъ ихъ дальнѣйшаго существованія.* Поэтому, роль мирныхъ трактатовъ—громадна. *Въ последнее время имъ предшествуютъ обыкновенно прелиминарные мирныя договоры или проекты окончательныхъ мирныхъ трактатовъ* („пробные шары“, по выраженію проф. Ф. Мартенса), которые могутъ быть измѣнены въ интересахъ международнаго союза. *Послѣдній, будучи заинтересованъ въ юридическихъ послѣдствіяхъ вой-*

ны, вліяючихъ на международный порядокъ отношеній, долженъ имѣть право голоса и рѣшающаго вліянія при оцѣнкѣ условий мирнаго трактата. Въ прелиминарныхъ мирныхъ трактатахъ сказывается большой успѣхъ для международныхъ отношеній, косвенное вліяніе международного союза даже на ограниченіе количества войнъ и тяжелыхъ ихъ послѣдствій для побѣжденнаго: есть прямой расчетъ до объявленія войны взвѣсить не только шансы ея военного успѣха, но и виды на достиженіе предполагаемыхъ, на случай побѣды, комбинацій, которыя могутъ встрѣтить отпоръ со стороны международного союза; для побѣжденнаго имѣется тоже нѣкоторая гарантія при вмѣшательствѣ международного союза въ его пользу противъ излишнихъ притязаній побѣдителя. Примѣры прелиминарныхъ мирныхъ трактатовъ—С. Стефанскій (пересмотрѣнъ на конгрессѣ 1878 г.), Никольбургскій 1866 г. (привелъ къ Пражскому мирному договору того же года). *Всякій мирный трактатъ всегда содержитъ въ себѣ нѣкоторыя общія постановленія. Таковы—прекращеніе всѣхъ военныхъ дѣйствій и послѣдствій войны (взиманія реквизицій и проч.), возстановленіе силы трактатовъ, приостановленныхъ войною (по скольку они прямо не отмѣнены или не измѣнены мирнымъ договоромъ), провозглашеніе общей амнистіи по всякимъ дѣйствіямъ обѣихъ сторонъ и ихъ подданныхъ, вытекавшимъ изъ войны, хотя бы эти дѣйствія и были сопряжены съ нарушеніемъ законовъ и обычаевъ войны. Цѣль амнистіи—устранить раздоры, обоюдное раздраженіе и внести миръ. Наконецъ—условія обмена военнопленныхъ.*

Въ каждомъ трактатѣ имѣются еще особыя или спеціальныя постановленія, зависящія отъ цѣлей данной войны и отъ достигнутыхъ сторонами успѣховъ. Здѣсь встрѣчались нерѣдко и продолжаютъ еще (хотя рѣже) встрѣчаться и уступки въ пользу побѣдителя части территоріи побѣжденнаго, переходящей къ первому на правахъ территоріальнаго верховенства. Эти уступки, которыя недавно еще оправдывались (англо-американскими писателями и по сей день) „правомъ завоеванія“, стали въ послѣднее время вызывать протесты въ литературѣ въ томъ случаѣ, если онѣ не освящены плебисцитомъ (народнымъ голосованіемъ), выражающимъ согласіе населенія области на переходъ его территоріи подъ верховную власть побѣдителя.

II. *Право завоеванія и плебисцитъ.* Вопросъ о законныхъ условіяхъ уступки побѣдителя территоріи подвергся серьезному обсужденію въ литературѣ лишь со времени французско-германской войны, именно по поводу присоединенія Германіею Альзаса и части Лотарингіи. До этого времени, право завоеванія, подъ условіемъ санкціи его въ мирныхъ трактатахъ, серьезно не оспаривалось.

Чѣмъ же оправдывается „право завоеванія“? *Правомъ войны, изъ котораго должны вытекать и извѣстныя послѣдствія (Тьеръ, Роленъ-Жакменъ): территоріальная жертва налагается на виновника „несправедливаго нападенія“, она есть „roena temere litigantis“, которую судья можетъ наложить на виновную сторону; въ ней выражается „примѣненіе начала коллективной отвѣтственности націй, безъ котораго невоз-*

можно международная юстиція“. *Требованіе уступки территоріи отъ государства, несправедливо напавшаго, есть гарантія безопасности въ будущемъ для государства, подвергшагося нападенію; отнять у послѣд- няго это право—равносильно уменьшенію фактора, сдерживающаго объ- явленіе войны, т. е. опасности уменьшенія въ могуществѣ. Но уступка не должна доходить до совершеннаго уничтоженія государства (такъ какъ это было бы „смертною казнью“ для націй), она должна оправдываться очевидными соображеніями нравственности и „общей пользы“. Т. е. и между націями существуетъ „идея наказанія“, вполне совмѣстимая съ идеєю гарантіи на будущее время (Ролень-Жакменъ, Либеръ; противъ—Монтлюкъ). Уступку территоріи послѣ войны необходимо допустить и въ интересахъ мира и безопасности государства (его самосохраненія): „нераздѣльность и неотчуждаемость“ государственной территоріи въ современныхъ конституціяхъ—фикція, такъ какъ при нихъ невозможенъ миръ и война окончилась бы только при совершенномъ уничтоженіи побѣжденнаго (Ролень-Жакменъ, Блунчли, Гвидо-Паделлетти).*

Противъ вышеизложеннаго можно возразить, что завоеваніе логи- чески вовсе не вытекаетъ изъ права войны, какъ не вытекаетъ изъ него право безграничнаго насилія и жестокости; *если стать на точку зрѣ- нія Ролень-Жакмена, Либера, Ф. Мартенса и друг., то необходимо до- пустить, что логика войны требуетъ и совершеннаго уничтоженія не- зависимости врага, что, однако, отвергается Ролень-Жакменомъ и друг.; да и гдѣ предѣлъ допустимаго отторженія территоріи и недопустимаго, переходящаго въ „совершенное уничтоженіе“? Понятіе о „справедли- вомъ и несправедливомъ нападеніи“—условно на практикѣ и въ литера- турѣ; сами государства, за отсутствіемъ строгаго юридическаго процесса для рѣшенія споровъ между ними, являются судьями справедливости и несправедливости; а исторія даетъ безчисленныя указанія на то, что побѣжденный нерѣдко бывалъ стороною справедливою и обиженною, но тѣмъ не менѣе расплачивался за свою слабость и поражение частями своей территоріи. И на какомъ же основаніи населеніе отчуждаемой страны должно отвѣчать за ошибки и даже за несправедливое напа- деніе его отечества (т. е. правительства) на иноземное государство? Погрѣшило цѣлое, а отвѣчаетъ часть, которая была равнодушна, а быть можетъ и противъ войны! Уступка—плохая гарантія безопасно- сти, плохой сдерживающій факторъ для будущаго: у побѣжденнаго на долго сохраняются злоба противъ побѣдителя, желаніе возвратить по- терянныя провинціи, исканіе къ тому поводовъ и союзовъ; побѣди- тель—долженъ опасаться новой войны и нападенія, положеніе его (осо- бенно въ томъ случаѣ, если провинціи не примирились съ присоеди- неніемъ)—всегдашняя готовность къ бою; отсюда—исканіе реванша, вооруженія обѣихъ сторонъ, неустойчивость мира, шатаніе междуна- родныхъ отношеній. Положеніе Германіи и Франціи послѣ присоеди- ненія къ первой Альзаса и Лотарингіи—блестящее подтвержденіе сказан- ному! Цѣль же наказанія и гарантіи въ будущемъ—достигаются иными способами—взиманіемъ контрибуціи, срытіемъ нѣкоторыхъ крѣпостей, и проч., но въ особенности—вмѣшательствомъ международного союза*

въ окончательныя условія мирнаго трактата. Такое вмѣшательство есть лучшая гарантія и противъ уничтоженія государства въ случаѣ отказа его отъ уступки территоріи. Можно также сказать, что нѣкоторыхъ войнъ совсѣмъ не было бы, а другія велись бы съ меньшимъ ожесточеніемъ, если бы въ перспективѣ войны не лежала возможность присоединенія отъ сосѣда части его территоріи, причемъ воля одной стороны (случайнаго побѣдителя) можетъ нарушать интересы всего международнаго союза (Sumner, Даневскій).

Сказанное объясняетъ, почему въ литературу стало проявляться рѣзкое осужденіе завоеванія и выставлено требованіе плебисцита для законности уступки, т. е. формально выраженнаго (голосованіемъ) согласія присоединяемой области (при томъ, какъ при уступкѣ добровольной, такъ и при уступкѣ послѣ войны). Во всякомъ случаѣ можно выставить не мало аргументовъ въ пользу плебисцита и противъ его противниковъ (виднѣйшіе противники—Францискъ Либеръ, Гольцендорфъ, Гвидо-Паделлетти; Блунчли—держится средняго мнѣнія: онъ находитъ голосованіе полезнымъ, но не необходимымъ; изъ защитниковъ плебисцита можно указать на Ахиллеса Морена, Монтлюка, Кальво (въ 5-мъ изданіи), особенно Лаги, Лодыженскаго, В. Даневскаго). Прежде всего, необходимо отдѣлить понятіе о плебисцитѣ международномъ (Лаги), применяемомъ при территоріальныхъ уступкахъ (во время мира и войны) между государствами, отъ плебисцита при отторженіи области отъ своего государства. Оба случая часто смѣшиваются, что приводитъ къ опасной теоріи государственнаго разрушенія. Что касается до международнаго плебисцита, то требованіе народнаго голосованія при уступкѣ слегка намѣчено еще Гуго-Гроціемъ и Ваттелемъ, какъ протестъ противъ династической политики, отождествлявшей населеніе и территорію и разсматривавшей ихъ, какъ отчуждаемую частную собственность государей. Нынѣ такое воззрѣніе радикально измѣнилось. Дѣйствительно, древность смѣшивала территорію съ населеніемъ и оба фактора подлежали всеильному закону побѣдителя; тоже встрѣчаемъ и въ средніе вѣка, но, съ постепеннымъ смягченіемъ войны, начинаютъ выдѣлять населеніе изъ понятія о территоріи. Послѣдняя разсматривается еще какъ вещь, безусловно принадлежащая побѣдителю, но населеніе постепенно переходитъ изъ рабства къ полусвободному состоянію, а въ новое время, подъ вліяніемъ идеи личной свободы, къ состоянію совершенно свободному, что выразилось въ уравненіи побѣжденныхъ въ правахъ и обязанностяхъ съ другими подданными. Такимъ образомъ, территорія отдѣляется отъ судьбы населенія: первая—еще вещь, вторая составляетъ уже равноправныхъ гражданъ. Съ вѣнскаго конгресса право завоеванія ослабляется и примѣняется все рѣже. Въ государственномъ правѣ постепенно водворяется взглядъ на территорію, какъ на собственность государства, а не государя; а населеніе, подъ вліяніемъ идеи личной и политической свободы, выразившейся и въ правѣ перемѣны подданства, начинаетъ разсматриваться, какъ свободное и притомъ обладающее правомъ на свою землю; т. е. личность (и населеніе) снова соединяются съ территоріею, но подъ условіемъ свободы (можно покинуть

территорію и перейти въ другое подданство). Такимъ образомъ, исторія приводитъ къ воззрѣнію на населеніе и территорію, какъ на неразрывно связанные элементы, что вполне соотвѣтствуетъ современному государству и международному праву, причемъ свобода индивидуума и населенія требуетъ, чтобы само населеніе рѣшало о переходѣ территоріи къ другому государству. Это—основное право населенія, которое государство не можетъ ни создать, ни разрушить, а должно лишь охранять; слѣдовательно, охранять его долженъ и международный союзъ. Замѣчательно, что даже такіе писатели, какъ Де-Местръ, Бональдъ, Шталь, не признающіе за подданными почти никакихъ политическихъ правъ предъ верховною властью, осуждающіе всякія революціи, допускаютъ за населеніемъ въ случаѣ пресѣченія династіи право распоряженія своею судьбою, т. е. примѣняютъ, въ сущности, положеніе, что въ нѣкоторые критическіе моменты жизни народа верховная власть покоится въ немъ или возвращается къ нему. Въ примѣненіи къ территоріальной уступкѣ можно съ полнымъ основаніемъ утверждать, что на лицо имѣется такой критическій моментъ, когда власть рѣшитъ о будущей судьбѣ, т. е. о соединеніи, переходитъ къ населенію: законное правительство обезсилено, оно не въ состояніи защитить область, фактически вынуждено отступить отъ нея, т. е. государственное верховенство ея надъ землею прекратилось. Но побѣдитель, не имѣя надъ нею государственнаго верховенства, не создаваемого военнымъ занятіемъ, тоже не можетъ создать себѣ надъ нею права. Слѣдовательно, населеніе оказывается въ положеніи земли свободной отъ верховной власти; поэтому, оно и должно рѣшить—кому оно будетъ принадлежать. Во всякомъ случаѣ, традиціонное завоеваніе и логическое его слѣдствіе—присоединеніе области къ побѣдителю безъ согласія (и часто вопреки ему) населенія—начинаютъ постепенно подаваться и уступать мѣсто требованію согласія. Не говоря уже о плебисцитахъ болѣе государственнаго характера, приведшихъ подъ давленіемъ національнаго принципа къ объединенію Италіи (см. „Введеніе“, глава II), имѣется нѣсколько чисто народныхъ плебисцитовъ при мирныхъ уступкахъ и послѣ войнъ. Такъ, островъ Св. Варооломея уступленъ Швеціею Франціи въ 1877 г. съ оговоркою „согласія населенія“; Ионическіе острова—Греціи (Англіею) въ 1863 г., подъ условіемъ „согласія парламента ихъ“, а послѣ войнъ 1859 и 1866 г. (трактаты Туринскій и Пражскій) Миланъ и Венеція уступлены Австріею Франціи (для передачи Италіи)—тоже подъ условіемъ „согласія населенія“ (плебисцитъ); ст. V „Пражскаго договора“ (Австріи и Пруссіи) требуетъ „плебисцита“ жителей Сѣвернаго Шлезвига для присоединенія его къ Пруссіи. Правда, эта статья отмѣнена (договоръ 1878 г.), что очень радуется Гольцендорфа, но прецедентъ—все же созданъ. Конечно, всѣ вышеприведенные факты—еще отрывочны, скорѣе случайны. Но нельзя требовать чрезвычайнаго и невозможнаго отъ плебисцита, призваннаго замѣнить традиціи завоеванія, за которыя высказывались цѣлыя тысячелѣтія. Новыя и радикальныя идеи не скоро встрѣчаютъ сочувствіе большинства и еще труднѣе завоевываютъ себѣ признаніе въ жизни. Но фактъ примѣненія плебисцита

(хотя бы и рѣдкій) и нѣкотораго сочувствія ему въ наукѣ—многознаменателенъ.

Во всякомъ случаѣ можно уже считаться съ возраженіями противъ плебисцита. *Говорятъ, что уступка противъ согласія населенія бываетъ необходима въ виду „блага цѣлаго“, когда самосохраненію послѣднѣю грозитъ опасность. Государство, конечно, организмъ, но не человѣческій, а юридическій, и членовъ его никакъ нельзя сравнить съ членами человѣческаго тѣла, отсѣкаемыми для спасенія организма (Лаги). Члены юридического организма не могутъ быть отсѣкаемы, такъ какъ область—сама по себѣ имѣетъ жизнь, свои требованія и цѣли, а „общее благо“ и „сила обстоятельствъ“—не оправданія для несправедливости, такъ какъ въ противномъ случаѣ приходится преклониться предъ іезуитскимъ правиломъ: „цѣль оправдываетъ средства“. Если же побѣдитель настаиваетъ на уступкѣ, то международный союзъ долженъ дать охрану области (и къ этому несомнѣнно прійдутъ международныя отношенія) и устроить судьбу населенія, какъ независимаго тѣла. Недавно еще одна нѣмецкая брошюра „Post tenebras lux“ совѣтовала провозгласить независимость и вѣчный нейтралитетъ Альзаса и Лотарингіи, подъ главенствомъ принца Гогенцоллернскаго дома, для умиротворенія Европы и прекращенія вражды Франціи и Германіи, послѣдней отнятіемъ у первой этихъ провинцій. Утвержденіе нѣкоторыхъ противниковъ плебисцита (напр. Либеры), что большинство при голосованіи не можетъ рѣшать участь меньшинства и что настоящее поколѣніе не можетъ распоряжаться поколѣніями будущими—противорѣчитъ основнымъ началамъ всякаго благоустроеннаго общества и государства, въ которыхъ теперь господствуетъ начало большинства при рѣшеніи вопросовъ громадной важности. Меньшинство же до нѣкоторой степени можетъ быть удовлетворено такъ называемымъ *droit d'option*, т. е. правомъ личнаго выбора того или другаго подданства (Кабуа, Ладыженскій, Даневскій). Это право выбора подданства при уступкѣ территоріи, какъ проявленіе и огражденіе личной политической свободы гражданъ и какъ косвенное порицаніе завоеванія, признается всеми трактатами новаго времени (напр. договоръ 1877 г. Швеціи и Франціи даетъ сроку одинъ годъ, Франкфуртскій трактатъ 1871 г.—одинъ годъ, Туринскій—тоже; см. Когорданъ). Но „*droit d'option*“, являясь правомъ перемѣны подданства (всегда срочнымъ), можетъ быть лишь добавленіемъ и поправкою къ плебисциту и его результатамъ, а не актомъ замѣняющимъ плебисцитъ, какъ то думаютъ многіе противники его (Штёркъ, Гольцендорфъ, Ф. Мартенсъ). Это право перемѣны подданства все же разъединяетъ судьбы населенія и территоріи, есть только компромиссъ между древнимъ правомъ отчужденія безъ согласія населенія и вновь нарождающимся правомъ плебисцита; оно стѣснительно по своей срочности и, главное, доступно только богатымъ или исключительно энергичнымъ патриотамъ, или же космополитамъ, но недоступно для бѣднаго большинства, привязаннаго къ землѣ. „*Droit d'option*“—учрежденіе аристократическое, фикція для того большинства, которое роковымъ образомъ связано съ территоріей.*

Выражаютъ еще заботы „о будущихъ поколѣнїяхъ“, но игнорируютъ то, что вся государственная дѣятельность построена на правѣ связывать настоящїя и часто будущїя поколѣнїя и что въ этомъ правѣ проявляется роковой законъ всякой законодательной дѣятельности. При томъ же этотъ аргументъ одинаково поражаетъ и право уступки безъ согласїя населенїя. Во всякомъ случаѣ справедливѣе связать судьбы будущаго поколѣнїя при участїи въ рѣшенїи этихъ судебъ согласїя настоящаго поколѣнїя, нежели вершить эти судьбы лишь на основанїи произвола побѣдителя, т. е. фактора, одинаково чуждаго и будущимъ и настоящимъ поколѣнїямъ. Наконецъ, *плебисцитами злоупотребляли* (Ф. Мартенсъ, Ролень-Жакменъ) *и могутъ еще злоупотреблять*; вѣрно, что иногда они были „комедїями, не дѣлающими чести ихъ устроителямъ“; чаще всего они „подтверждали то, что уже было извѣстно и рѣшено раньше“. Но, во-первыхъ, *не все плебисциты были злоупотребленїями*: не были ими ни плебисциты при мирной уступкѣ и плебисциты итальянскїе, ни плебисциты государственнаго характера. Во-вторыхъ, *злоупотребленїе правомъ еще никогда не доказывало ни отсутствїя его, ни недоброкачественности*; въ третьихъ, *новизна и разрозненность случаевъ плебисцита объясняютъ ихъ слабую организацію*. А главное, *вполнѣ возможно правильно организовать плебисциты*, поставивъ организацію голосованїя и контроль надъ нимъ подъ наблюденїе уполномоченныхъ обоимъ заинтересованныхъ государствъ, или, еще лучше, уполномоченныхъ отъ нейтральныхъ. Наконецъ, что касается до того, что плебисцитъ узаконяетъ анархію, т. е. право провинцій отдѣляться отъ цѣлаго (и помимо международ. войны), то такимъ плебисцитамъ поставленъ предѣлъ принципомъ національности, который никогда не попирается народами (Лаги); государства, твердо покоющїяся на народномъ одобренїи, не имѣютъ поводовъ бояться чего-либо и всего менѣе плебисцита. Непрочность же государствъ съ разнохарактерными національностями, продуктовъ силы и эгоистическихъ расчетовъ лежитъ въ нихъ самихъ, а не есть слѣдствїе плебисцита (Лаги, Челли).

Книга II-я.

Часть II-я.

НЕЙТРАЛИТЕТЪ.

Литература. Изъ русскихъ—во всѣхъ учебникахъ: у Ф. Мартенса—томъ II (глава VIII), Эйхельмана—„Замѣтки“, §§ 28—29; а равно въ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненіяхъ (напр. у Перельса и Ортолана) по морскому международному праву (см. глава IV, части I, книги II).

Изъ монографій и специальныхъ статей можно указать: В. Спасовичъ—О правахъ нейтральнаго флага и груза, 1851 г.; о военной контрабандѣ—см.: М. Заремба—Историческое развитіе понятія о военной контрабандѣ, 1849 г.; А. Базилъ—О военной контрабандѣ, 1866 г. (на французскомъ языкѣ въ 1868 г.); князь Кантакузинъ—графъ Сперанскій—Опытъ опредѣленія военной контрабанды, 1875 г. (дѣльная книга); объ осмотрѣ и обыскѣ во время войны: М. Ренненкампфъ—„Исторія ученія публицистовъ о правѣ осмотра кораблей во время войны“, 1858 г.; О каперахъ—Д. Каченовскій—О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ въ отношеніи къ нейтральной торговлѣ, 1855 года (отличная книга); В. Даневскій—О каперствѣ и морской войнѣ, Юридическій Вѣстникъ, 1878 г.; Коркуновъ—О каперахъ (Журналъ гражданского и уголовного права, 1877 г.); О нейтралитетѣ вообще—В. Даневскій—Историческій очеркъ нейтралитета и критика парижской морской деклараціи 16 апрѣля 1856 г., 1879 г.; Коркуновъ—Юридическое положеніе нейтральныхъ (Журналъ гражданского и уголовного права, 1877 г.); Ю. Новосильцевъ—О правахъ нейтральныхъ (Русскій Вѣстникъ, 1875 г.); графъ Камаровскій—Нѣсколько словъ о крейсерахъ (Юридическій Вѣстникъ, 1878 г.); О призовомъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ—см. В. Даневскій—„Современное состояніе призоваго судоустройства по отношенію къ нейтральнымъ и необходимымъ въ немъ реформы“ (Журналъ гражданского и уголовного права, 1879 г.); Коркуновъ—въ статьѣ его о каперахъ (очеркъ призоваго судопроизводства въ Россіи отъ Петра I-го); графъ Камаровскій—О международномъ судѣ, книга II, глава I.

Изъ иностранныхъ—во всѣхъ учебникахъ и системахъ; особенно подробно у Филлимора (томъ III), Треверсъ-Твиса; еще болѣе у Кальво—томы IV и V; кромѣ того и во всѣхъ сочиненіяхъ по морскому международному праву (см. глава IV, книга II, отдѣлъ I).

Изъ специальныхъ монографій и работъ: см.—Hautefeyille—Des droits et des devoirs des nations neutres en temps des guerres maritimes (много изданій съ 1849 г.; классическое сочиненіе, но очень растянуто, частыя повторенія; русскій переводъ отдѣла о военной контрабандѣ—Морской сборникъ, 1872 г.); о призовомъ правѣ—Bulmerincq—Le droit des prises maritimes (Revue de droit international, 1878—79 гг.); особенно серьезны—труды гентскаго института о реформѣ призоваго права и судовъ (изложены Bulmerincq'омъ въ Annuaire de l'institut, 1878 г.), оказавшія громадное вліяніе на проектъ реформы Бульмеринка и на окончательный проектъ международнаго устава о призахъ гентскаго института (сессія 1882—1883 гг.); имѣется переводъ на русскій языкъ—графъ Камаровскаго, Юридическій Вѣстникъ, 1883 и 1884 гг.; Gessner—Des tribunaux des prises et de leurs reforme (Revue de droit internat., 1881 г.); Gessner—Kriegführende und neutrale Mächte, 1877 г.; Desjardins—Le congrès de Paris et la jurisprudence internationale, 1884 года; Wharton—Du droit de visite des belligérants à bord des navires des puissances neutres (journal du droit international privé, 1884 г.); Bergbohm—Die bewaffnete Neutralität, 1884 года; о блокадѣ—см. Fauchille—Du blocus maritime, 1882 г. (отличная книга).

ГЛАВА I.

Опредѣленіе, основныя понятія, права и обязанности нейтральныхъ государствъ.

§ I. Понятіе и основныя начала.

I. Война, будучи фактическимъ процессомъ между спорящими народами, создаетъ особое положеніе для остальныхъ государствъ, не принимающихъ непосредственнаго участія въ разрѣшеніи спора въ качествѣ сторонъ. Въ процессѣ гражданскомъ постороннія лица, прямо или косвенно не заинтересованныя въ его веденіи и исходѣ, суть равнодушные зрители процесса; если же они вступаютъ въ процессѣ (право участія третьихъ), то становятся уже стороною въ немъ. Иначе обстоитъ дѣло въ международномъ правѣ. *Своеобразная конструкція международныхъ отношеній создаетъ особое, при томъ обязательное положеніе въ процессѣ для всѣхъ государствъ, не принимающихъ въ немъ участія въ качествѣ сторонъ, состоящихъ въ спорѣ. Государства, не принимающія прямого участія въ процессѣ (войнѣ), не могутъ избѣгнуть этого обязательнаго для нихъ положенія (нейтралитета), которое создаетъ для нихъ извѣстныя обязанности относительно сторонъ, состоящихъ въ процессѣ, а слѣдовательно и права, признаваемые за ними воюющими. Международный процессъ значительно затрагиваетъ интересы международнаго союза, которые должны быть охраняемы отъ произвола воюющихъ; война должна быть по возможности локализована, а вредныя послѣдствія ея для остальныхъ державъ должны быть ограничены. Достигнуть этого можно лишь подъ условіемъ „фактическаго невмѣшательства“ третьихъ въ возникшій уже между государствами процессъ, такъ какъ фактическое вмѣшательство для оказанія матеріальной помощи одной изъ сторонъ есть присоединеніе вмѣшавающагося государства къ одной изъ спорящихъ, т. е. вступленіе его въ процессъ, хотя бы такое вступленіе и было равномѣрное, т. е. выражающееся въ оказаніи одинаковой матеріальной помощи той и другой сторонѣ. Эта равномѣрная помощь и незаконна и вредна. Такимъ образомъ нейтральныя державы состоятъ въ мирѣ съ обѣими сторонами, почему враждующія обязаны обращаться съ ними, какъ съ друзьями; т. е. нейтральныя имѣютъ относительно воюющихъ извѣстныя права, охраняемыя международнымъ порядкомъ. Обладая правами, нейтральныя несутъ и обязанности предъ сторонами, состоящими въ процессѣ, которыя сводятся къ фактическому (активному) невмѣшательству въ процессъ, т. е. къ неоказанію одной или обѣимъ сторонамъ никакой матеріальной помощи, мощью усилить средства и силы противниковъ. Съ нарушеніемъ этой обязанности нейтральный вторгается въ войну; дѣйствія его, лишенныя характера мирныхъ, парализуютъ его нейтральное положеніе, управомочиваютъ воюющаго, которому принадлежатъ извѣстныя права, устранить такое активное вмѣшательство нейтральной державы и разсматривать послѣд-*

ною какъ врага, а равно отвратить *вмѣшательство частнаго лица* (подданнаго нейтральнаго), вторгшагося въ войну самопроизвольно, на свой рискъ и страхъ.

Такимъ образомъ очевидно, что *состояніе нейтралитета рождается лишь съ возникновеніемъ войны*, т. е. изъ фактическаго процесса между народами, вытекаетъ изъ нея и прекращается вмѣстѣ съ нею. Опредѣлить его можно такъ: *„совокупность юридическихъ нормъ, которыя опредѣляютъ особое положеніе и вытекающія изъ него права и обязанности державъ (и ихъ подданныхъ), не принимающихъ активнаго участія въ войнѣ, т. е. въ процессъ между народами“*. Опредѣленія нейтралитета весьма разнообразны, но указанныя основныя черты этого понятія подмѣчены многими писателями (еще аббатомъ Голіани въ XVIII вѣкѣ, затѣмъ Готфелемъ, Гесснеромъ), а Броше, опредѣляя положеніе нейтральнаго, видитъ въ немъ государство, которое, будучи дружественнымъ по отношенію къ обоимъ воюющимъ, не вступаетъ ни къ кому изъ нихъ во враждебныя отношенія. Нѣкоторые писатели (напр. Гюбнеръ, Филлиморъ и Фіоре) отдѣляютъ еще въ положеніи нейтральнаго его „безпристрастіе“ къ обѣимъ сторонамъ; надлежитъ замѣтить, что нарушеніе безпристрастія выраженіемъ сочувствій одной изъ сторонъ (въ прессѣ, въ парламентѣ и т. п.), *представляясь поддержкою нравственною* (выраженіемъ симпатій), *оказываемою нейтральнымъ одной изъ воюющихъ, не можетъ быть признано нарушеніемъ нейтралитета*, такъ какъ оно не поражаетъ начала активнаго невмѣшательства (противное высказывалось нѣмцами въ 1870—71 г. относительно сочувствія, высказаннаго Франціи прессою Бельгій и Россіи). Ясно, что не можетъ быть и рѣчи о такъ называемомъ „частичномъ нейтралитетѣ“, столь распространенномъ въ средніе вѣка и даже въ новое время, когда нейтральный (напр. Швейцарскіе кантоны по такъ называемымъ капитуляціямъ) доставлялъ одной изъ воюющихъ, или обѣимъ вспомогательныя войска, но продолжалъ разсматриваться въ качествѣ нейтральнаго. Такое воззрѣніе на нейтралитетъ дополнялось соотвѣтственнымъ взглядомъ на права воюющаго: послѣдній тоже не признавался нарушившимъ свои обязанности относительно нейтральнаго, если вынуждалъ у него помощь для себя, а противникъ щадилъ такого нейтральнаго. Такое воззрѣніе высказывалось еще на рубежѣ XIX вѣка (напр. Павломъ I).

II. Понятіе нейтралитета, неизвѣстное древности, зародилось лишь во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, становится на твердую почву въ XVII вѣкѣ. На немъ отражаются всѣ метаморфозы, которыя претерпѣли право войны и идея общенія между народами. Прогрессъ перваго на сушѣ привелъ къ упроченію началъ нейтралитета въ сухопутной войнѣ; проникновеніе же идеи междунагоднаго правоваго общенія въ сферу междунагодныхъ отношеній отразилось на нейтралитетѣ въ томъ смыслѣ, что вліяніе нейтральныхъ и права ихъ все болѣе стѣсняютъ сферу примѣненія права войны и ограничиваютъ произволъ воюющихъ. Особенно же вліяніе идеи правоваго общенія породило то замѣчательное явленіе, *что междунагодный союзъ создаетъ въ интересахъ мира и порядка ищлюю систему барьеровъ между пограничными*

государствами, представляющими наибольшую опасность для столеновеній, въ видъ провозглашенія вѣчнаго нейтралитета нѣкоторыхъ земель, состоящаго подъ покровительствомъ и гарантіею нѣкоторыхъ государствъ. Такъ, еще Вѣнскій конгрессъ создалъ вѣчно нейтральную Швейцарію, Лондонская конференція 1831 г.—такой же нейтралитетъ Бельгіи, а въ 1869 образованъ вѣчный нейтралитетъ Луксенбурга. Эта мысль очень улыбається XIX вѣку, такъ какъ въ ней видятъ одно изъ средствъ къ устраненію столкновеній между ближайшими сосѣдями. Такъ, одна брошюра (*Post tenebras lux*) предложила (1890 г.) нейтрализацію Эльзасъ-Лотарингіи. Наконецъ, та же идея нейтралитета нашла примѣненіе относительно учреждений, имѣющихъ въ виду смячить ужасы войны и ограничить ея проявленія; напр. постановленія женевской конвенціи 1864 г.

§ II. Права и обязанности нейтральныхъ державъ.

I. Нейтралитетъ долженъ быть полный и абсолютный, предполагается всегда самъ собою, не требуя особаго о немъ объявленія; это вытекаетъ изъ обязанности объявленія войны (см. глава IV, часть I, книга II-я), которая, какъ чрезвычайное состояніе, нарушающее нормальное состояніе мира, должно быть официально констатировано, между тѣмъ какъ нейтралитетъ есть лишь особое положеніе державъ, созданное процессомъ, но положеніе мирное, которое и предполагается само собою. Впрочемъ, въ последнее время вошло въ обычай изданіе нейтральными манифестовъ и деклараций о нейтралитетѣ (напр. декларация о нейтралитетѣ Россіи въ войнѣ франко-германской). Они имѣютъ тотъ смыслъ, что въ нихъ обыкновенно воспрещается подданнымъ участіе въ военныхъ операціяхъ противниковъ и указывается на лишеніе ихъ покровительства со стороны нейтральныхъ правительствъ, если они будутъ подвозить воюющимъ военную контрабанду.

II. Всякое нейтральное правительство прежде всего обязано принять мѣры къ огражденію своей территоріи отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій и военныхъ операцій со стороны одного или обоихъ враждующихъ.

Всѣ дѣйствія подобнаго рода, намѣренно или случайно перенесенныя воюющими на нейтральную территорію, должны быть парализованы даже насильственнымъ путемъ; для предупрежденія ихъ нейтральныя правительства обыкновенно принимаютъ разныя мѣры для огражденія своего нейтралитета при самомъ возникновеніи войны. Всякое нарушеніе воюющими территоріальнаго верховенства нейтральнаго уполномочиваетъ послѣдняго на насильственное его отраженіе, обязываетъ воюющаго къ „*restitutio ad integrum*“, къ удовлетворенію обиженнаго (и къ платежу убытковъ). Отказъ въ удовлетвореніи управомочиваетъ нейтральное правительство въ важныхъ случаяхъ на репрессалии и даже на войну съ нарушителями нейтралитета.

Если воюющія перешли на нейтральную территорію, правительство послѣдней обязано разоружить непріятельскіе отряды, держать ихъ въ плѣну (примѣняются всѣ законы военнаго плѣна). Такіе случаи часто

бывали въ войнѣ 1870—71 г. (напр. французы сдали на швейцарской территоріи свою армію, спасавшуюся отъ пруссаковъ, швейцарскому генералу Герцогу по специальной конвенціи). Равнымъ образомъ, нейтральное правительство должно освобождать призы, которые воюющей позволилъ бы себѣ сдѣлать въ его нейтральныхъ водахъ, не допускать на своей территоріи организациі призовыхъ судовъ воюющими и продажу призовъ (до присужденія ихъ судомъ); военныя суда воюющихъ не должны ни снаряжаться, ни экипироваться въ портахъ и водахъ нейтральныхъ; обычай (и трактаты) возбраняетъ даже (кромѣ случаевъ „force majeure“) входъ и пребываніе военныхъ кораблей въ портахъ нейтральныхъ, а послѣдніе обязаны слѣдить за тѣмъ, чтобы случайно понавшія въ порты военныя суда противниковъ не нападали другъ на друга и выходили изъ порта не иначе, какъ въ различное время (обыкновенно чрезъ сутки). Никакая организациія складовъ военной контрабанды тоже не должна быть допускаема. Тѣмъ менѣе дозволена вербовка солдатъ въ арміи воюющихъ (изъ мѣстныхъ подданныхъ или изъ иностранцевъ), почему швейцарское правительство въ 1870 г. воспретило организацию и вооруженія на своей территоріи отрядовъ francs-tireur'овъ и публикацію воззваній, призывавшихъ къ составленію отрядовъ ополченцевъ (Кальво и Ф. Мартенсъ). *Эти требованія, обязательныя для нейтральныхъ правительствъ, оформлены въ трехъ пунктахъ извѣстнаго Вашингтонскаго трактата 1871 г., въ которыхъ возлагаются на нейтральное правительство обязанности: 1) употреблять должное стараніе въ предѣлахъ своей юрисдикціи для предупрежденія снаряженія и вооруженія всякихъ кораблей, предназначенныхъ къ участію въ войнѣ противъ одного изъ воюющихъ, 2) ни дозволить, ни терпѣть обращенія его водъ въ базисъ военныхъ операций одного изъ воюющихъ и, 3) зорко слѣдить въ своихъ водахъ и портахъ за всѣми лицами для предупрежденія нарушенія этихъ правилъ. Не допускаются равнымъ образомъ провозъ аммуниціи, военныхъ снарядовъ и отрядовъ войскъ чрезъ нейтральныя территоріи (за исключеніемъ провоза больныхъ и раненыхъ воиновъ, но при условіи равенства правъ обѣихъ сторонъ; въ этомъ смыслѣ высказалась и брюссельская декларациія); а еще менѣе насильственный проходъ арміи чрезъ нейтральную территорію, что можетъ быть разсматриваемо какъ casus belli (союзники въ 1813 г. прошли чрезъ швейцарскую территорію, вопреки энергичнымъ протестамъ швейцарскаго правительства; Кальво и Филлиморъ). Болѣе споренъ вопросъ о томъ: обязано ли нейтральное правительство отказать воюющимъ въ государственныхъ займахъ. Многіе писатели (Кальво, Броше и Ф. Мартенсъ) рѣшаютъ вопросъ утвердительно. Это мнѣніе, подтверждаемое и практикою (Англія не разрѣшила Франціи займа во время послѣдней войны ея съ Германіей), можетъ быть принято съ оговоркою: необходимо установить различіе между государственными займами и частными: первые—не могутъ быть терпимы, вторые (хотя бы и со стороны крупныхъ банкировъ)—терпимы, такъ какъ война и нейтралитетъ не должны стѣснять сдѣлокъ частнаго характера между подданными нейтральнаго государства и воюющими державами.*

III. На сколько обязываетъ нейтралитетъ правительствъ ихъ подданныхъ и должны ли первыя принимать мѣры къ тому, чтобы послѣдніе соблюдали обязанности нейтралитета,—т. е. фактическаго невмѣшательства въ войну? Здѣсь въ сущности два вопроса: 1) *нейтральное правительство обязано и нравственно и фактически установить при самомъ началѣ войны правила для поведенія своихъ подданныхъ относительно воюющихъ*. Это необходимо для установленія гармоніи между положеніемъ и поведеніемъ правительствъ и ихъ подданныхъ относительно воюющихъ и для предупрежденія между самими правительствами столкновеній и недоразумѣній изъ за поведенія подданныхъ. Въ этихъ видахъ государства издають деклараціи о нейтралитетѣ (см. выше), а иногда и особыя законодательства, опредѣляющія права государственнаго нейтралитета и общія обязанности ихъ нейтральныхъ подданныхъ. Таковы, напр., извѣстные законодательные акты Соедин. Штатовъ Сѣв. Америки (Foreign-Enlistment etc. 1818 г.) и Англіи (1819 и 1870 г.); въ нихъ воспрещается, напр., вербовка солдатъ въ Англіи; 2) *международная практика и громадное большинство писателей допускаютъ, что частныя лица, нарушающія нейтралитетъ, если не доказана солидарность ихъ съ нейтральнымъ правительствомъ, отвѣтственны только лично за свои дѣйствія, противъ которыхъ воюющіе въ правѣ употреблять, по мѣрѣ военной необходимости, извѣстныя репрессивныя мѣры* (см. ниже—военная контрабанда и блокада), т. е. *разсматривать этихъ отдѣльныхъ лицъ, какъ комбатантовъ, добровольно принявшихъ участіе въ войнѣ*. Впрочемъ, въ послѣднее время нѣкоторые писатели (особенно Бульмеринкъ) выдвигаютъ требованіе, чтобы нейтральныя правительства налагали наказанія на своихъ подданныхъ за нарушеніе ими нейтралитета, это было бы полезно и потому, что сдѣлало-бы (Фошиль) болѣе рѣдкими нарушенія правъ воюющихъ. Мнѣніе—наврядъ-ли справедливое и цѣлесообразное: оно противорѣчитъ основнымъ началамъ уголовного права (Фошиль), излишне—потому, что наказаніе (напр. конфискація подвозимой контрабанды) уже примѣняется самимъ потерпѣвшимъ; оно и не цѣлесообразно, такъ какъ правительству трудно слѣдить, безъ серьезнаго стѣсненія личной свободы, за дѣйствіями и торговлею отдѣльныхъ подданныхъ, разсѣянныхъ нерѣдко по всему міру.

Въ виду сказаннаго, *отдѣльные подданные нейтральныхъ, вошедшіе въ составъ непріятельскихъ вооруженныхъ силъ* (гарибальдійцы въ войнѣ—1870—71 г., русскіе добровольцы въ войну 1876 г., англичане въ войнѣ 1877—78 г.), *разсматриваются какъ воюющіе* (комбатанты), подлежатъ лично законамъ войны и военнаго плѣна, но ихъ правительства за нихъ не отвѣчаютъ. Военные агенты нейтральныхъ державъ, командируемые къ арміямъ воюющихъ правительствами нейтральныхъ съ научными цѣлями и для наблюденій, пользуются даже неприкосновенностью. Всѣмъ случайностямъ войны и законамъ военнаго плѣна подлежатъ и корреспонденты газетъ, авантюристы—любители сильныхъ ощущеній (изъ нейтральныхъ), слѣдующіе за арміями. Исключеніе для дипломатическихъ агентовъ и консуловъ нейтральныхъ, которые неприкосновенны.

„Военная необходимость“ оправдываетъ такъ назыв. „jus angariae“ по отношенію къ непріятельской частной собственности; международная практика (напр. во время франко-германской войны, при осадѣ Парижа) допускала примѣненіе „jus angariae“ и къ нейтральнымъ, съ обязанностью вознагражденія потерпѣвшихъ частныхъ лицъ (противъ—Бекъ).

Если, безъ участія и согласія нейтральнаго правительства, поданные его сами на свой рискъ подвозятъ контрабанду, исполняютъ заказы воюющихъ (напр. о постройкѣ кораблей), транспортируютъ ихъ войска, нанимаются въ лоцмана на военные корабли враждующихъ, то ихъ правительства за всѣ эти дѣйствія не отвѣтственны. Это мнѣніе высказано официально англійскимъ кабинетомъ по поводу протестовъ германскаго правительства въ 1870—71 г. и русскаго въ 1877 году противъ подвоза англійскими подданными военной контрабанды французамъ и туркамъ. *Отвѣчаютъ конфискаціею военной контрабанды, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и лично (военнымъ плѣномъ)—одни лишь подданные, нарушившіе права воюющаго фактическимъ вмѣшательствомъ на пользу одной изъ сторонъ, но не совершившіе этими дѣйствіями никакого преступленія противъ общаго права или противъ своего (нейтральнаго) правительства.*

ГЛАВА II.

Права и обязанности нейтральной торговли.

§ 1. *Историческій очеркъ нейтралитета по отношенію къ морской торговлѣ.*

I. Понятіе о нейтралитетѣ появилось впервые въ области морскихъ торговыхъ сношеній народовъ, не принимавшихъ активнаго участія въ войнѣ. *Вся исторія нейтралитета есть исторія борьбы, длившейся нѣсколько столѣтій, между стремленіемъ нейтральныхъ къ осуществленію въ возможно широкихъ размѣрахъ права вести торговля сношенія съ воюющими на морѣ, и эгоистическими интересами воюющихъ, которые, добиваясь признанія за ними абсолютнаго права войны, граничащаго съ произволомъ, систематически игнорировали права свободной нейтральной торговли и старались совершенно ее уничтожить. Эта вѣковая борьба закончилась побѣдою нейтральныхъ и установленіемъ гармоническаго сочетанія ихъ правъ и обязанностей съ правами и обязанностями воюющихъ на морѣ.*

Древность не знала нейтралитета, такъ какъ ей не были знакомы ни правильныя международныя отношенія, ни международное право. Не существовало даже самаго слова „нейтральный“ или „нейтралитетъ“ и понятія „amici, medii, socii, pacati“, совсѣмъ не совпадаютъ съ понятіемъ о нейтральныхъ. Одинъ только Готфѣль рѣшается утверждать,

что понятие о нейтралитетѣ, какъ вытекающее изъ законовъ примитивныхъ (lois primitives), т. е. изъ естественнаго права, должно было существовать и у древнихъ; а такъ какъ въ древности не было войнъ, предпринятыхъ въ защиту морскаго международнаго права, то нельзя и предполагать, чтобы въ то время совершались несправедливости относительно мирныхъ народовъ. Но такое мнѣніе: 1) основано на одномъ предположеніи, фактически ничѣмъ не подкрѣпленномъ; 2) само предположеніе вытекаетъ изъ фикціи „естественнаго права“ (loi primitive), которая не можетъ быть допущена (см. „Введение“); 3) вся древность построена на понятіяхъ о вѣчной войнѣ и о врагахъ, которыми были всѣ иноземные народы, слѣдовательно не могло быть и рѣчи о нейтральныхъ, что подтверждается 4) и существованіемъ пиратства, какъ государственнаго учрежденія.

Періодъ первый. Отъ среднихъ вѣковъ до I вооруженнаго нейтралитета 1780 г. Потребности морской торговли и необходимость ея огражденія были признаны въ средніе вѣка и защита правъ нейтралитета въ морской торговлѣ проявилась въ извѣстномъ „Consolato del mare“ (XIV столѣтія, не ранѣе 1340 г., см. Pardessus). Въ ст. 276 этого знаменитаго сборника встрѣчается впервые начало отдѣленія непріятельской собственности отъ нейтральной; послѣдняя ни въ какомъ случаѣ не подвергалась конфискаціи (если даже она была нагружена на непріятельскомъ кораблѣ), непріятельскій же грузъ на нейтральномъ кораблѣ подвергался конфискаціи. Т. е. право воюющаго на захватъ собственности противника было абсолютно и не ограничивалось даже мѣстомъ нахождения ея (на дружественномъ кораблѣ). Эти то принципы послужили основаніемъ всей послѣдующей борьбы воюющихъ и нейтральныхъ до самаго 1856 г. Въ болѣе рѣзкихъ своихъ проявленіяхъ эта борьба проявлялась въ томъ, что воюющіе идутъ даже далѣе началъ „Consolato“ и пытаются узаконить конфискацію нейтральной собственности на корабляхъ воюющихъ, какъ потерявшихъ свой нейтральный характеръ благодаря нагруженію ея на вражескіе корабли. Нейтральные же пытаются обязать воюющихъ къ признанію неприкосновенности непріятельской собственности, нагруженной на нейтральныхъ корабляхъ (обратное „Consolato del mare“ правило): это требованіе было имъ выгодно, такъ какъ давало нейтральнымъ возможность захватить въ свои руки торговлю воюющихъ на все время войны; правило же о свободѣ ихъ нейтральной собственности на непріятельскихъ судахъ было лишь фиктивною выгодою для нейтральныхъ, такъ какъ нейтральные купцы рѣдко рѣшались подвергать свою собственность риску войны нагруженіемъ ея на суда воюющихъ. Начала „Consolato del mare“ охраняются въ трактатахъ XIII и XIV вѣковъ, а Англіею во всѣхъ договорахъ XV вѣка; съ этого момента до 1856 года она ревностно защищала начала „Consolato del mare“ и отступала отъ нихъ въ рѣдкихъ случаяхъ (при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ). Начала „Consolato“ соответствовали теоріи меркантилизма и колониальной системъ XVII и XVIII вѣковъ: враждующіе могли бы избѣгать, на время войны, разоренія ихъ торговли передачею ея въ руки нейтральныхъ, а послѣдніе такимъ образомъ наживались бы за

счетъ воюющихъ, которымъ было бы трудно ослабить торговлю и морское могущество нейтральныхъ. Эти то причины создали даже попытки уничтоженія всякой торговли нейтральныхъ: французскіе эдикты 1543 и 1584 годовъ ограничили нейтральную торговлю только сношеніями нейтральныхъ между собой. Правда, французскіе эдикты первой половины XVII вѣка нѣсколько смягчили строгость приведенныхъ законовъ, но „ordonance de la marine“ 1681 г. вновь подтвердилъ конфискацію нейтральнаго груза на непріятельскомъ кораблѣ и непріятельскаго груза на нейтральномъ (тоже и ордонансъ 1704 г., съ небольшими смягченіями и ордонансъ 1744 г.). Тѣ же правила встрѣчаются и въ законодательствѣ Испаніи (конца XVII и XVIII вѣковъ), это объясняется тѣмъ, что съ Пиренейскаго мира 1659 г. судьбы Франціи и Испаніи были тѣсно связаны. *Третья система* (обратная „Consolato del mare“) *въ XV и XVII вѣкахъ встрѣчалась въ видѣ рѣдкаго исключенія* (заключала договоры въ этомъ смыслѣ одна Ганза; ихъ насчитывается 5; см. Гесснеръ, Спасовичъ, Коши). *Но въ XVII вѣкѣ она начинаетъ примѣняться во всѣхъ почти трактатахъ*, кромѣ англійскихъ (такихъ договоровъ было 15, въ томъ числѣ и трактатъ Франціи и Испаніи 1659 г.; въ видѣ исключенія ихъ заключала и Англія); *а въ XVIII в. она дѣлается распространенною въ трактатахъ и во всѣхъ почти* (кромѣ французскихъ законовъ и „приказовъ англійскаго тайнаго совѣта“) *внутреннихъ законодательствахъ* (система—le pavillon couvre la cargaison, frei Schiff—frei Gut). Стѣсняя всячески нейтральную торговлю, Англія издала даже во время семилѣтней войны (въ 1756 г.) постановленіе, извѣстное подъ именемъ „правила войны 1756 г.“: оно *возбраняло нейтральнымъ пользованіе во время войны тѣми отраслями торговли воюющаго, которыя во время мира воспрещались иностранцамъ, но разрѣшались имъ* (нейтральнымъ) *по случаю войны, въ видахъ отвращенія разоренія отъ полнаго прекращенія торговли съ колоніями.*

Второй періодъ. Съ вооруженною нейтралитета 1780 г. до вѣнскаго конгресса нейтральные начали получать право перевозить непріятельскіе товары; абсолютное право войны все болѣе вытѣсняется правомъ нейтральныхъ на свободу торговли съ воюющими; этому содѣйствуютъ паденіе меркантильной и колониальной системъ, а равно и проникновеніе въ право войны взгляда, что она есть вооруженная борьба государствъ, а не частныхъ лицъ. Этотъ періодъ начинается актомъ перваго вооруженнаго нейтралитета (1780 г.; см. „Введеніе“ глава II, періодъ II), направленнымъ противъ Англій, который, умалчивая о неприкосновенности нейтральныхъ товаровъ на непріятельскомъ кораблѣ, въ виду того, что это начало было издавна признано Англіею (неправильно мнѣніе Спасовича, что вооруженный нейтралитетъ разрѣшалъ конфискацію нейтральнаго груза на непріятельскомъ кораблѣ), признавалъ неприкосновенность непріятельскихъ товаровъ на нейтральныхъ корабляхъ, ограничилъ военную контрабанду одними военными снарядами и оружіемъ и требовалъ отъ блокады ея дѣйствительности. Начала этого замѣчательнаго акта воспроизведены трактатомъ 1785 г. (Пруссія и Соед. Штат. Сѣв. Америки) и, встрѣтивъ общее сочувствіе (кромѣ

Англіи), установили правильное сочетание между законными правами воюющих и нейтральных. Войны французской революции и империи (см. главу II Введения, периоды III и IV), поставивъ на карту самое существованіе международного права, были самымъ безцеремоннымъ забвеніемъ не только акта I вооруженнаго нейтралитета, но и всякихъ намековъ на права нейтральныхъ (даже на „Consolato del mare“). Лишь попытка II вооруженнаго нейтралитета (1800 года), прибавившая къ постановленіямъ перваго требованія о спеціальной нотификаціи блокады и объ освобожденіи конвоируемыхъ нейтральныхъ кораблей отъ осмотра и обыска, имѣла въ виду остановить дикій произволь Англіи относительно нейтральныхъ. Но уже въ 1801 г. конвенція Англіи съ Россією, хотя и отмѣняетъ правило войны 1756 года, вновь воскрешенное Англією въ ея войнахъ съ революціонною Францією, но возстановляетъ нѣчто въ родѣ фиктивной блокады, посредствомъ замѣны въ текстѣ постановленія о блокадѣ частицы „et“ частицею „ou“ (или). А съ установленіемъ континентальной системы стерли съ лица земли всякую тѣнь правъ нейтральныхъ (см. Введение, глава II, періодъ III). Что континентальная система была воиющимъ злоупотребленіемъ—не подлежитъ сомнѣнію; но она вызвана тиранією Великобританіи на морѣ. Въ оправданіе этой второй тираніи (континентальной системы), между которою и первою „бились нейтральные мореплаватели (Тьеръ)“, можно сказать, что она: а) указала на возможность организовать совмѣстными усиліями народовъ общее сопротивление державамъ, ставящимъ свои эгоистическіе интересы выше правъ и интересовъ другихъ народовъ и законныхъ смяченій права войны; и б) смирила Англію и—главное—научила ее правильному пониманію ея собственныхъ торговыхъ интересовъ, такъ какъ разореніе ею нейтральной торговли вызвало уничтоженіе ея собственной, а это указало ей на солидарность экономическихъ интересовъ между народами, побуждающую къ отказу отъ началъ, вредящихъ нейтральной торговлѣ. За все это время только два трактата признають: одинъ (1810 г.—Англіи и Португаліи) начало „Consolato del mare“, а другой (1813 г. Португаліи и Алжира)—неприкосновенность непріятельской собственности на нейтральныхъ и нейтральной собственности на непріятельскихъ корабляхъ. Этотъ послѣдній трактатъ былъ лишь воспроизведеніемъ условій, встрѣчавшихся постоянно и въ другихъ договорахъ европейскихъ державъ съ Турцією и варварійскими владѣніями.

Третій періодъ. Съ вѣнскаго конгресса быстро возстановляется правильное воззрѣніе актовъ вооруженнаго нейтралитета на права нейтральнаго флага и груза. Ни одинъ договоръ не слѣдуетъ болѣе началамъ „Consolato del mare“, а все принимаютъ начала діаметрально противоположныя „Consolato“, какъ болѣе выгодныя для нейтральныхъ (15 трактатовъ, изъ нихъ 9 заключены Соедин. Штатами Сѣв. Америки; одинъ изъ нихъ принимаетъ начала „frei Schiff—frei Gut, unfrei Schiff—frei Gut). Только Англія и Россія не заключали никакихъ договоровъ о нейтральной торговлѣ. Послѣдняя получаетъ во всѣхъ трактатахъ съ 1815 г. по 1856 г. дальнѣйшее признаніе и по вопросу о военной кон-

трабандѣ, которая истолковывается въ договорахъ въ ограниченномъ смыслѣ, согласно постановленіямъ о ней утрехтской морской конвенціи 1713 г. и особенно трактата Россіи съ Англіею отъ 1766 г. (перечисленіе послѣднихъ предметовъ военной контрабанды перенесено и въ акты обоихъ вооруженныхъ нейтралитетовъ).

Съ 1856 года начинается четвертый нынѣ продолжающійся періодъ. Еще предъ восточною войною союзники, по инициативѣ Франціи, отказались отъ каперства противъ Россіи, а Англія и отъ начала конфискаціи непріятельской собственности на нейтральныхъ корабляхъ. Этою уступчивостью значительно облегчены успѣшные результаты переговоровъ, приведшихъ къ подписанію знаменитой парижской морской деклараціи 16 апрѣля 1856 г., составляющей дѣйствующій для настоящаго времени кодексъ основныхъ началъ морскаго международнаго права, который далъ правильное сочетаніе правъ воюющихъ и нейтральныхъ и поставилъ тѣ и другія въ должныя границы (см. Введение, глава II, періодъ V). Съ этого момента начинается борьба за дальнѣйшее преуслѣваніе и выясненіе началъ нейтралитета. Въ актѣ 16-го апрѣля 1856 г. имѣются *недостатки и неполнота*—относительно военной контрабанды, оставшейся неопредѣленной, и неудовлетворительная редакція статьи о блокадѣ, дающая поводъ къ недоразумѣніямъ и злоупотребленіямъ. Серьезно поставленъ вопросъ о дальнѣйшемъ логическомъ выводѣ изъ началъ деклараціи, именно о признаніи принципа неприкосновенности частной непріятельской собственности на морѣ, т. е. *объ отождествленіи правъ нейтральной торговли съ правами торговли воюющихъ на морѣ, о томъ, чтобы они подлежали одинаковымъ условіямъ и ограниченіямъ* (см. глава IV, часть I, книга II).

А что начала деклараціи 16-го апрѣля 1856 г.—живучи и разумны, проникли въ общее сознаніе цивилизованныхъ народовъ, видно изъ того, что неоднократныя попытки, имѣвшія мѣсто въ Англіи (и со стороны нѣкоторыхъ писателей, Филлимора), побудить парламентъ къ формальному отказу отъ деклараціи (см. подробности у Гесснера), а равно усилія того же рода въ Россіи (покойнаго Каткова и проф. Коркунова; послѣдній высказался, впрочемъ, только за возстановленіе каперства) потерпѣли неудачу. *Международныя же отношенія съ 1856 г. доказываютъ, что начала деклараціи признавались во всѣхъ послѣдующихъ войнахъ и даже развивались и совершенствовались* (исключеніе—и только по отношенію къ каперству составляетъ война 1861—65 гг. въ Сѣверн. Америкѣ). Такъ, начала деклараціи 16-го апрѣля 1856 г. провозглашены и соблюдались Франціею, Сардиніею и Австріею въ войнѣ 1859 г.; а равно и въ войнѣ 1864 г. понятіе военной контрабанды строго опредѣлено и весьма ограничено (особенно въ ордонансѣ Австріи 1864 г.). Правила блокады весьма точно и обстоятельно опредѣлены въ регламентѣ Датскомъ того же года; *въ войнѣ же 1866 года* (по инициативѣ Австріи) *воюющіе провозгласили неприкосновенность частной непріятельской собственности на морѣ*, а декретъ Италіи (20 іюня 1866 года) весьма подробно и либерально опредѣляетъ условія и предѣлы дѣйствительной блокады, освобожденіе отъ осмотра купеческихъ кораблей

нейтральныхъ, путешествующихъ подъ конвоемъ военнаго корабля. Къ сожалѣнію, *франко-прусская война 1870—71 г.*, не нарушивъ ни въ чемъ *декларациі 16-го апрѣля 1856 г.*, не пошла далѣе и значительно уступаетъ *войнѣ 1866 года*. Германія (*прокламація 18-го іюля 1870 г.*) объявила было, подъ условіемъ „взаимности“, неприкосновенность частной непріятельской собственности на морѣ, но Франція не издала соотвѣтствующаго распоряженія, надо полагать потому, что „сознавала свое превосходство на морѣ“ (Блунчли); Германія отвѣтила на это несогласіе (*24-го іюля 1870 г.*) *воззваніемъ о „добровольной морской оборонѣ“ (freiwillige Seewehr)*, т. е. попыткой организовать особый флотъ со спеціальною цѣлью—нападенія на непріятельскіе корабли. Наконецъ, *война 1877—78 гг.* тоже не пошла далѣе *декларациі 1856 г.*, обязательность которой формально признана въ началѣ войны русскимъ правительствомъ (Кальво, Ф. Мартенсъ); понятіе о военной контрабандѣ истолковывалось въ ограничительномъ смыслѣ (оружіе, аммуниція, военные запасы, перевозка непріятельскихъ войскъ, денешы, непріятельскихъ корреспонденцій и доставленіе военныхъ кораблей противнику). Тѣмъ не менѣе, Турція нарушила начала *парижской деклараціи*; она объявила въ *блокадѣ* все черноморское побережье Россіи, не поддерживая ее достаточными силами, т. е. возвратилась къ системѣ *фиктивной блокады* (Ф. Мартенсъ, Кальво).

II. *Историческое развитіе правъ нейтральной торговли привело къ признанію начала, отвергавагося „Consolato del mare“*, т. е. неприкосновенности непріятельской собственности подъ нейтральнымъ флагомъ, а равно и *принципа неприкосновенности нейтральнаго груза подъ непріятельскимъ флагомъ*, двухъ началъ, выражаемыхъ въ формулахъ—*le pavillon couvre la cargaison et ne la confisque pas; frei Schiff—frei Gut, unfrei Schiff—frei Gut*. Относительно юридическаго обоснованія втораго положенія не можетъ быть и спора; оно всегда признавалось писателями (даже англо-американскими—Филлиморомъ, Кентомъ, англійскими призовыми судьями, напр. извѣстнымъ Вилльямомъ Скоттомъ, и т. п.). Нейтральный грузъ—есть собственность дружеской націи, состоящей въ мирѣ съ обѣими враждующими сторонами и имѣющей право на торговлю съ ними; случайное нахожденіе этой собственности на кораблѣ воюющаго не можетъ отнять у нея ея невиннаго и дружественнаго характера. На сушѣ же давно признано, что имущество нейтральныхъ подданныхъ, найденное непріателемъ на территоріи противника, не можетъ быть конфисковано. *Болѣе спорнымъ казалось долгое время первое изъ приведенныхъ началъ*; нѣкоторые англійскіе писатели (напр. Филлиморъ) и понынѣ признають, что конфискація непріятельской собственности, гдѣ бы она ни находилась, а слѣдовательно и на корабляхъ нейтральныхъ, есть право, „естественно вытекающее изъ законовъ войны“. Другіе думали оправдать *конфискацію некріятельской собственности подъ нейтральнымъ флагомъ неизбѣжнымъ преимуществомъ, которое должно получить право войны, съ ея „необходимостью“*, предъ *правомъ нейтральныхъ на свободу торговли съ воюющими*. Эта точка зрѣнія весьма ошибочна (защищали ее нѣкоторые писатели

начала XIX вѣка—Лампредъ, Ацуни, изъ писателей 40 годовъ—Кальтенборнъ), такъ какъ она исходитъ изъ невѣрнаго предположенія о столкновеніи правъ воюющихъ и нейтральныхъ. Но такого столкновенія на самомъ дѣлѣ нѣтъ: оба права, хотя и вызваны одно другимъ (нейтралитетъ вызывается войною), совершенно самостоятельны и идутъ параллельно; „право необходимости“ само по себѣ очень условное и растяжимое понятіе, на которое можетъ опираться и нейтральный; оно можетъ въ самомъ лучшемъ случаѣ оправдать лишь секвестръ или же такъ назыв. „*jus preemptionis*“ (право предпочтительной покупки) воюющимъ захватываемыхъ имъ предметовъ, если они безусловно ему нужны въ данное время и не могутъ быть приобрѣтены иначе. Согласиться со взглядомъ этихъ писателей, значило бы предоставить нейтральную торговлю на полный произволъ воюющихъ. Но не можетъ быть вполнѣ принята и точка зрѣнія, выдвигаемая противниками конфискаціи непріятельской собственности на нейтральномъ кораблѣ (Гюбнеръ, Готфель, Блунчли, Ф. Мартенсъ и т. д.), основывающаяся на томъ, что нейтральный корабль—часть нейтральной территоріи (плавающая территорія), на которую не распространяются военныя операціи; нейтральный характеръ территоріи (корабля) можетъ быть потерянъ лишь въ томъ случаѣ, когда эта территорія дѣлается базисомъ военныхъ операцій или служитъ складомъ военной контрабанды. Это положеніе построено больше на юридической фикціи о кораблѣ, какъ о плавающей территоріи. *Начало неприкосновенности непріятельской собственности на нейтральномъ кораблѣ вполнѣ объясняется юридически изъ правъ нейтральныхъ.* Послѣдніе, какъ не участвующіе въ процессѣ, состоятъ въ нормальныхъ отношеніяхъ къ обѣимъ спорящимъ сторонамъ, почему они могутъ вести торговыя сношенія съ обѣими сторонами, а слѣдовательно и перевозить ихъ товары на своихъ корабляхъ. Противное было бы насильственнымъ привлеченіемъ къ участію въ процессѣ и возложеніемъ невыгодъ этого участія на третьихъ, держащихъ себя въ сторонѣ отъ фактическаго вмѣшательства въ войну. Сказаннаго совершенно достаточно и для доказанія незаконности такъ называемаго „правила семилѣтней войны (правила 1756 г.)“.

§ II. Ограниченія нейтральной торговли.

Право нейтральныхъ на свободу морской торговли съ воюющими ограничивается воспрещеніемъ подвоза воюющимъ (а отнюдь не нейтральнымъ) предметовъ „военной контрабанды“, а также торговли и иныхъ сношеній съ мѣстами, состоящими въ блокадѣ.

А. Военная контрабанда (*Contrebande de guerre*).

I. Необходимо отличать обыкновенную контрабанду, т. е. предметы, запрещаемые къ ввозу или вывозу таможенными законодательствами державъ, отъ военной контрабанды, т. е. отъ предметовъ торговли во время войны, подвозъ которыхъ воюющимъ возбраняется для нейтральныхъ. Еще римское право воспрещало, подѣ страхомъ смертной казни, продажу оружія варварамъ; но самое понятіе и слово „контрабанда“ появилось въ средніе вѣка, когда папы запрещали, подѣ страхомъ отлученія отъ церкви,

всему христіанскому міру подвозитъ Саррацинамъ оружіе, желѣзо, корабельный и строительный лѣсъ; дѣйствовавшіе противъ этихъ постановленій (contra bannum) становились рабами тѣхъ, которые изловили ихъ „delicto flagrante“ (Адуни, Гесснеръ, Коши, Ф. Мартенсъ). Въ „Consolato del mare“ о военной контрабандѣ ничего не упоминается; развитіе этого понятія можно найти только съ XV вѣка, когда государства, устроивъ военные флоты и каперство, получили фактическую возможность препятствовать нейтральнымъ подвозить воюющимъ разныя военныя принадлежности. *Первый трактатъ, въ которомъ упоминается слово „военная контрабанда“, есть договоръ 1406 г. (Англіи съ Бургундіей), возобновленный въ 1417 г.; но лишь въ трактатахъ XVI столѣтія начали перечислять самые предметы этой контрабанды; въ XVII вѣкѣ большинство договоровъ (нѣкоторые заключены Англіею) понимаютъ подъ нею только оружіе, военные снаряды, спру, селитру, т. е. предметы, непосредственно употребляемые на войнѣ, а равно лошадей и солдатъ. Таковы трактаты—Пиренейскій (1659 г.), утрехтская морская конвенція (1713 г.) и въ особенности договоръ Россіи и Англіи 1766 г. Перечисленіе въ послѣднемъ предметовъ военной контрабанды перешло потомъ въ акты обоихъ вооруженныхъ нейтралитетовъ. Въ XVII и XVIII вѣкахъ, въ видѣ рѣдкаго исключенія, встрѣчаются даже трактаты, совершенно отвергающіе военную контрабанду; таковъ договоръ 1785 г. (Пруссіи и Соед. Штатовъ Сѣв. Америки), имѣющей лишь значеніе гуманнѣйшей попытки установить начало полной свободы торговли во время войны (для воюющихъ и нейтральныхъ). Въ трактатѣ 1785 г. за воюющими признавалось только право секвестра и „jus preemptionis“ предметовъ военной контрабанды. Такимъ образомъ, если прибавить къ этимъ трактатамъ два вооруженные нейтралитета, то можно бы прійти къ заключенію, что понятіе военной контрабанды довольно ограничено по входящимъ въ нее предметамъ, вполне установилось въ международномъ договорномъ правѣ къ пользѣ нейтральной торговли и законныхъ правъ воюющихъ. Но дѣло происходило не такъ. Сильныя морскія державы и Англія упорнѣе и послѣдовательнѣе всѣхъ остальныхъ, преслѣдуя свои эгоистическія выгоды, долго опиравшіяся на системахъ меркантилизма и колониальной политики, убивали нейтральную торговлю тѣмъ, что расширяли во внутреннемъ законодательствѣ и въ различныхъ приказахъ (Англіи), издававшихся при возникновеніи войнъ, перечень предметовъ военной контрабанды до такой степени, что почти всякая торговля дѣлалась невозможною для нейтральныхъ. Поэтому, даже договоры, принимавшіе начала противныя „Consolato del mare“ и провозглашавшіе принципъ „frei Schiff—frei Gut“, unfrei Schiff—frei Gut, не приносили нейтральнымъ никакой пользы. Такъ, нѣкоторые трактаты (всего, впрочемъ, 9, по показаніямъ Готфеля) XVII и XVIII вѣковъ (особенно англійскіе) привносили въ военную контрабанду и такіе предметы, которые одинаково употреблялись во время мира и войны (такъ назыв. „res ancipitis usus“ Гуго-Гроція). Въ нихъ допущено, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ, наличность которыхъ опредѣляется усмотрѣніемъ воюющаго, нѣкоторые предметы становятся „случайною*

или относительно“ контрабандою. Но особенно отличались въ этомъ направленіи внутрення законодательства и распоряженія правительствъ. Такъ, Ганза доходила иногда до воспрещенія слабымъ нейтральнымъ всякой торговли съ воюющими (Пюттеръ); эдикты Голландіи (XVII вѣка) причисляли къ военной контрабандѣ—дерево, желѣзо, смолу, деготь, даже хлѣбъ въ зернѣ, муку, мясо и всякіе съѣстные припасы; декреты Франціи (1704 и 1744 г.) причислили къ ней сырье и всякія произведенія непріятельской страны, вывозимыя нейтральными (это отмѣнено регламентомъ 1778 г.; см. Готфель). Англія усердно шла въ томъ же направленіи; она доходила нерѣдко до воспрещенія торговли лѣсомъ, углемъ и даже всякой торговли. Эпоха же войнъ революціи и имперіи, закончившаяся континентальною системою, сдѣлала военною контрабандою и подвергала конфискаціи всякіе предметы (и объявляла плѣнными даже подданныхъ Англіи), имѣющіе какое нибудь отношеніе къ Англіи по ихъ происхожденію, транспорту въ колоніи или изъ колоній Англіи, по нагрузкѣ на ея корабляхъ, по клейменію на ея фабрикахъ и т. п. *Послѣ вѣнскаго конгресса международные трактаты и внутрення законодательства (кроме Англіи) быстро возвращаются къ началамъ договоровъ 1766 г. и обоимъ вооруженныхъ нейтралитетовъ* (8 договоровъ заключили Соед. Штаты Сѣв. Америки; они включаютъ въ понятіе военной контрабанды перевозку лицъ военнаго званія или состоящихъ на службѣ противника). Казалось бы, что парижской морской деклараціи надлежало лишь укрѣпить этотъ общепризнанный взглядъ, но Великобританія пожелала сохранить за собою, на случай войны, право произвольнаго истолкованія предметовъ военной контрабанды. *Декларация 16-го апрѣля 1856 г. молчитъ о ней*; и хотя нѣкоторыя войны послѣ 1856 г. (см. выше) регламентировали это понятіе въ вышеуясненномъ направленіи, т. е. въ согласіи съ юридическимъ сознаніемъ громаднаго большинства цивилизованныхъ государствъ, тѣмъ не менѣе *общаго международнаго соглашенія по этому предмету еще не достигнуто и Англія всегда можетъ, если будетъ воюющею стороною, парализовать здравыя начала деклараціи 16-го апрѣля 1856 г., придавъ перечисленію предметовъ контрабандной торговли распространительное толкованіе*. Россія регламентировала военную контрабанду еще въ деклараціи 1714 г., въ морскомъ уставѣ 1720 г. и въ положеніи о призахъ 1806 г. (князь Кантакузинъ—графъ Сперанскій, Коркуновъ) въ смыслѣ, довольно близкомъ къ актамъ обоимъ вооруженныхъ нейтралитетовъ; то же и въ указѣ Сената отъ 1877 г. (Ф. Мартенсъ).

II. Если обратиться къ теоріи, то въ ней далеко до единодушія даже относительно основныхъ понятій. Въ литературу можно подмѣтить два противоположныя воззрѣнія, между которыми вращаются почти все писатели. Одно воззрѣніе создано Гуго-Гроциемъ, который раздѣляетъ все предметы на: 1) употребляемые исключительно во время войны, напр. оружіе; 2) другіе—исключительно предметы удовольствія и прихоти. Первые—всегда военная контрабанда, вторые—никогда; но въ 3) имѣются еще такъ наз. „*res ancipitis usus*“ (обоюднаго употребленія), напр. деньги, съѣстные припасы, корабли и

все необходимое для ихъ устройства и снаряженія, одинаково употребительные и во время мира и для войны. Они дѣлаются военною контрабандою только въ случаѣ „крайней необходимости“ и за нихъ воюющей обязанъ вознаградить потерпѣвшій (нейтральный). Противъ этой то „случайной или условной контрабанды“ возсталъ Бюнкерсдукъ, создатель втораго взгляда. Онъ утверждалъ, что сдѣлать контрабанду изъ этихъ предметовъ „*ancipitis usus*“ значитъ узаконить произволъ воюющаго и дать нейтральнымъ право противиться ихъ конфискаціи именно потому, что они служатъ и мирнымъ цѣлямъ. Понятно, что англо-американскіе писатели (и рѣшенія англійскихъ призовыхъ судовъ; напр. Филлиморъ, Кентъ, Галлекъ и друг.) стоятъ на точкѣ зрѣнія Гуго-Гроція и перечисляютъ, смотря по состоянію войны, по „характеру и по значенію груза“, къ военной контрабандѣ много даже такихъ предметовъ, которые отнюдь не могутъ служить цѣлямъ войны непосредственно, безъ предварительной ихъ переработки и приспособленія (на той же точкѣ зрѣнія и проф. Ф. Мартенсъ, хотя ранѣе имъ было высказано мнѣніе, совпадающее со взглядомъ Бюнкерсдука). Эта теорія усмотрѣнія и произвола, при которой, безъ особенныхъ натяжекъ, можно подвести подъ военную контрабанду почти всѣ предметы торговли, весьма мало смягчается оговоркою (Ф. Мартенсъ, напр.), что „дѣйствительное назначеніе судна опредѣляетъ характеръ груза, который на немъ находится“. Большинство современныхъ писателей пытаются анализомъ и перечисленіемъ отдѣльныхъ предметовъ военной контрабанды избѣгнуть крайностей и злоупотребленій этимъ понятіемъ, къ которымъ пришли писатели и призовая практика Англій. Поэтому, соглашаясь въ принципъ съ Бюнкерсдукомъ, они устанавливаютъ лишь исключенія въ смыслъ значительнаго смяченія и ограниченія этихъ „*res ancipitis usus*“ въ качествѣ военной контрабанды (напр. Блунчли, Гесснеръ, изъ русскихъ—Базили). Но эти ограниченія являются у нихъ чисто субъективными и фактическими, не покоятся ни на какихъ стойкихъ принципахъ, а у нѣкоторыхъ изъ нихъ сводятся даже къ апології англійской системы. Такъ, напр., Перельсъ причисляетъ къ абсолютной контрабандѣ лошадей, паровыя машины и составныя ихъ части, если онѣ могутъ служить цѣлямъ войны, каменный уголь, жизненные припасы, деньги металлическія и бумажныя, корабли, предназначенныя для военныхъ операцій (хотя бы и непригодныя для нихъ?) и даже матеріалы, могущіе быть (?) переработаны для военныхъ цѣлей; къ контрабандѣ же „случайной (?)“—онъ относитъ перевозку агентовъ воюющаго (посылаемыхъ съ военною цѣлью), лицъ, служащихъ или ѣдущихъ на военную службу врага, доставку всякихъ депешъ воюющаго или къ воюющему. Нужно ли говорить, что такой широкій перечень абсолютной контрабанды совершенно уничтожаетъ торговлю нейтральныхъ подъ сомнительнымъ оправданіемъ предположенія о томъ, что нѣкоторые изъ этихъ предметовъ (напр. каменный уголь и проч.) могутъ еще быть переработаны для приспособленія ихъ къ цѣлямъ войны. Но если такъ, то можно сказать, что почти все можетъ быть переработано и приспособлено къ цѣлямъ войны, а въ такомъ случаѣ ней-

тральная торговля станет пустою фикціею. Въ виду сказаннаго, теорія Бюнкерсука юридически наиболее вѣрна; но съ логическою послѣдовательностью ее, къ сожалѣнію, принимаютъ очень не многіе писатели (Готфель, особенно послѣдовательно Бѣкъ, а изъ русскихъ князь Кантакузинъ—графъ Сперанскій, Даневскій съ 1878 г.). Такъ, Бѣкъ и Даневскій ограничиваютъ ее только такими предметами, которые могутъ быть прямо и непосредственно приспособлены къ цѣлямъ войны и полезными лишь для войны, т. е. всякаго рода оружіе, снаряды, а также военныя корабли; всѣ остальные предметы не могутъ разсматриваться какъ военная контрабанда ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ: никакой секвестръ ихъ, никакое „*jus preemptionis*“ (послѣднее можетъ быть допускаемо по отношенію къ этимъ предметамъ, если они принадлежатъ подданнымъ воюющихъ) не должны быть допускаемы. Но къ военной контрабандѣ надлежитъ причислить войска, перевозимыя для воюющихъ, ихъ военныхъ агентовъ и депеши воюющихъ (вообще переписка) къ ихъ служащимъ; исключеніе—переписка воюющихъ съ ихъ дипломатическими агентами при нейтральныхъ государствахъ (Перельсъ, особенно князь Кантакузинъ—графъ Сперанскій), такъ какъ всѣ эти лица и предметы (переписка) прямо и непосредственно служатъ цѣлямъ войны (такъ наз. „живая контрабанда“). Въ виду всего вышесказаннаго очевидно, что вопросъ о военной контрабандѣ сильно нуждается въ опредѣленіи и упорядоченіи путемъ международнаго соглашенія, за которое высказывается гентскій институтъ и нѣкоторые писатели (Бѣкъ). Если говорятъ, что точная регламентація и перечисленіе предметовъ военной контрабанды въ трактатахъ опасны потому, что военное искусство и пиротехника дѣлаютъ быстрые, почти чудовищныя успѣхи, то на это можно возразить, что международныя трактаты могутъ быть дополняемы и измѣняемы сообразно успѣхамъ военнаго дѣла и пиротехники, а въ началѣ войны всегда можно издать распоряженіе, причисляющее извѣстный предметъ (вновь введенный въ употребленіе для военныхъ цѣлей) къ числу запрещенныхъ.

III. Право воюющаго возбранять подвозъ нейтральными военной контрабанды основывается на требованіи отъ нейтральнаго не принимать активнаго участія въ военныхъ операціяхъ воюющихъ; подвозомъ имъ военной контрабанды нейтральный, способствуя увеличенію боевыхъ силъ воюющаго (князь Кантакузинъ—графъ Сперанскій) и усиленію средствъ его сопротивленія, нарушаетъ свою обязанность фактическаго невмѣшательства въ возникшій процессъ. Послѣдствія этого вмѣшательства—лишеніе нейтральной собственности ея мирнаго характера, приобрѣтеніе ею характера вражескаго, прямо вреднаго и опаснаго для воюющаго; послѣдній получаетъ право захвата предметовъ, направленныхъ ко вреду для него. Разсуждая строго логически, получается лишь основаніе для секвестра воюющими этихъ предметовъ до окончанія войны, какъ это и требовалось старинными писателями (Ацуни, Галиани) и нѣкоторыми изъ современныхъ (Геффтеръ). Но изъ практическихъ соображеній, для устраненія дурнаго примѣра и ускоренія хода войны, которая можетъ затянуться, если бы нейтральные рисковали однимъ секвестромъ кон-

трабанды, можно одобрить распространенную практику, за которую высказываются почти все писатели (Ортоланъ, Готфѣль, Массе, Ф. Мартенсъ, Перельсъ, Бѣкъ и др.), согласно которой эти предметы конфискуются. Но подлежатъ ли конфискаціи самый корабль и остальные предметы, не составляющіе военной контрабанды? Призовая практика (кромѣ англійской) конфискуетъ корабль лишь въ томъ случаѣ, когда хозяинъ его зналъ о грузѣ или (вѣрнѣе бы сказать—„и“) о его назначеніи; это вполне справедливо, такъ какъ хозяинъ является виновникомъ (соучастникомъ или подстрекателемъ) акта, нарушающаго обязанности нейтральныхъ; въ противномъ случаѣ корабль не подлежитъ конфискаціи. Что же касается до остальнаго груза, то практика (см. Ортоланъ, Гесснеръ, Готфѣль) конфискуетъ его въ тѣхъ случаяхъ, когда военная контрабанда составляетъ отъ $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ цѣны всего груза, если весь грузъ принадлежитъ одному лицу или корабельныя бумаги подложны. Эта практика въ обоихъ случаяхъ оправдывается многими писателями (напр. Гесснеръ, Блунчли). Другіе же (напр. Готфѣль, Видари, Бѣкъ) ни въ какомъ случаѣ не оправдываютъ конфискацію корабля и остальнаго груза. Относительно груза съ ними нельзя не согласиться, такъ какъ очевидно, что остальная, невинная часть груза не можетъ сдѣлаться военною контрабандою потому только, что вмѣстѣ съ нею перевозится и военная контрабанда; послѣдняя можетъ быть взята, а остальной грузъ, какъ невинный, законно не можетъ быть схваченъ воюющими, такъ какъ виновный уже наказанъ конфискаціей той собственности, подвозомъ которой воюющему онъ нарушилъ свои обязанности нейтралитета.

Понятно, что для захвата и конфискаціи необходимо, чтобы нейтральный былъ застигнутъ съ запрещеннымъ грузомъ въ открытомъ морѣ или въ водахъ воюющаго и чтобы грузъ этотъ предназначался въ портъ воюющаго, а не нейтральныхъ. Необходимо захватъ „*delicto flagrante*“, а не послѣ совершенія акта подвоза.

В. Блокада.

І. Подъ блокадой, въ отличіе отъ сухопутной осады, надлежитъ разумѣть прегражденіе воюющимъ доступа и всякихъ сношеній съ неприятельскими берегами, достигаемое черезъ посредство военныхъ силъ, сосредоточиваемыхъ около блокируемаго мѣста. Блокада, какъ военное средство въ морской войнѣ, практиковалась еще въ древности (Ваттель, Бюнкерсгукъ, Лоранъ), но крайне рѣдко, въ виду незначительности флотовъ древности и даже среднихъ вѣковъ, чѣмъ объясняется, между прочимъ, и отсутствіе всякихъ о ней правилъ въ „*Consolato del mare*“. Блокады стали чаще и привели къ созданію теоріи блокады лишь съ усовершенствованіемъ морскаго искусства и постройки пригодныхъ для нихъ кораблей (въ XVI вѣкѣ; см. Коши и Гесснеръ). Съ перваго же момента зарожденія она явилась въ видѣ такъ наз. блокады фиктивной или бумажной; по желанію воюющаго, она объявлялась приказомъ его и распространялась на извѣстныя иногда очень обширныя пространства, но въ дѣйствительности совсѣмъ не поддерживалась или же поддерживалась силами крайне незначительными

для фактическаго прегражденія доступа къ данному пункту. Фиктивной блокадою пользовались поочередно всѣ морскія державы и она долго не давала развиться правильной (дѣйствительной) блокадѣ. Это объясняется: 1) господствомъ абсолютнаго права войны, въ которомъ воля воюющихъ рѣшала всѣ сомнѣнія о законности средствъ войны и о способахъ ея ограниченія; 2) она питалась и поддерживалась интересами меркантильной и колониальной системъ; можно было единымъ почеркомъ пера прекратить всякую торговлю нейтральныхъ, которой боялись какъ огня, почему блокады, особенно фиктивные, были главными средствами (вмѣстѣ съ каперствомъ) для подавленія торговли противника и особенно нейтральныхъ; фиктивная блокада восполняла разныя уступки, сдѣланныя воюющими въ пользу нейтральныхъ относительно военной контрабанды или права на неприкосновенность ихъ собственности на корабляхъ воюющихъ; 3) идея фиктивной блокады шла рука объ руку съ распространеннымъ въ то время воззрѣніемъ на „*animus rem habendi*“, какъ на единственно законное и достаточное основаніе при оккупации территоріи (см. „общая часть“, ученіе о завладѣніи территоріею). Этотъ взглядъ перенесенъ и въ сферу морской войны, сочетавшись здѣсь съ интересами воюющихъ. *Первый примѣръ такой блокады относится къ 1346 г.* (Эдуардъ III англійскій наложилъ фиктивную блокаду на всю Францію), второй — къ 1560 г. (Швеція такимъ же „бумажнымъ способомъ“ блокировала русскіе берега). Эту систему особенно развили и широко примѣняли Голландскіе Штаты (рядъ декретовъ съ 1584 г., когда они объявили въ блокадѣ всѣ порты Испанской-Фландріи, до 1652 г.; особенно извѣстны декреты 1630 и 1652 гг.). *На этихъ декретахъ* (особенно на распоряженіи 1630 г.) *Англія впоследствии основывала все свое ученіе о блокадѣ*, которое высказано и въ договорѣ ея съ Голландіею отъ 1689 года, когда фиктивная блокада была примѣнена обѣими державами къ Франціи. *Но уже въ концѣ XVII вѣка стали распространяться здравыя понятія о блокадѣ*, какъ о дѣйствительномъ прегражденіи доступа къ берегу; т. е. къ „желанію блокировать“ стали присоединять требованіе „осуществленія“ этого желанія при посредствѣ достаточныхъ силъ. Еще въ 1693 г. Швеція и Россія (по договору) соединились противъ блокады 1689 г. (первый примѣръ вооруженнаго нейтралитета), съ начала XVIII вѣка — одна Англія поддерживаетъ право фиктивной блокады (напр. фиктивная блокада ею въ 1756 г. всѣхъ портовъ Франціи и захватъ подъ этимъ предлогомъ голландскихъ кораблей); *все же трактаты* (напр. Испаніи и Австріи — 1725 г., Давіи и Франціи — 1742 г.) *требуютъ „дѣйствительности“ блокады и многіе изъ нихъ даже опредѣляютъ количество потребныхъ для этого судовъ* (отъ 2 до 6). Злоупотребленія фиктивной блокадою со стороны Великобританіи вызвали соотвѣтствующія постановленія двухъ вооруженныхъ нейтралитетовъ и лишь случайно, при помощи редакціоннаго обмана, Англіи удалось въ договорѣ ея съ Россіею (1801 г.) узаконить блокаду чрезъ посредство крейсеровъ, т. е. что-то среднее между чисто фиктивной и вполне дѣйствительною блокадою. *Войны французской революціи и имперіи и особенно континен-*

тальная система воскресили съ страшною силою самое безграничное и произвольное пользование фиктивной блокадою; но съ замиреніемъ Европы на вѣнскомъ конгрессѣ ученіе о дѣйствительности блокады подтверждается во многихъ (16 трактатовъ съ 1818 по 1856 гг.) трактатахъ, заключенныхъ морскими державами (кромѣ Англіи), въ которыхъ выставляется и требованіе ея спеціальной нотификаціи (объявленія) каждому нейтральному кораблю подходящему къ блокируемому мѣсту, а не одной дипломатической (общей) нотификаціи, на которой всегда настаивала Англія, какъ на средство сохранить фиктивную блокаду (12 договоровъ Франціи, требующихъ спеціальной нотификаціи; см. Готфѣль и Кальво). А практика войны (напр. блокада Франціею Алжира въ 1827—30 гг.) и внутреннія законодательства (особенно датскій регламентъ о блокадѣ—1848 г.) весьма подробно и справедливо опредѣляютъ существенныя правила и требованія отъ блокады, которая всегда должна быть дѣйствительная. Такимъ образомъ, *парижской деклараціи 16-го апрѣля 1856 года оставалось лишь, пріобщивъ къ общепризнанному ученію и Англію, дать исторически сложившимся началамъ международно-законодательную санкцію*. Постановлено (пунктъ 4), что блокады для того, чтобы быть обязательною, должна быть дѣйствительною, т. е. поддерживаема силами, достаточными для воспрепятствованія доступа къ непріятельскому берегу. Эта редакция, къ сожалѣнію, не достаточно точна (много лучше редактированы оба вооруженные нейтралитета) и даетъ Великобританіи возможность злоупотреблять блокадою чрезъ посредство крейсеровъ. Тѣмъ не менѣе, фиктивная блокада совершенно осуждена и почти всѣ войны съ 1855—56 гг. видѣли (не исключая войны 1861—65 г. въ Америкѣ) примѣненіе законныхъ и справедливыхъ правилъ о блокадѣ. *Особенно замѣчательны регламентъ Даніи (16-го февраля 1864 г.) и декретъ Италіи (20-го іюня 1866 г.)*. Но турецкое правительство въ войнѣ 1877—78 гг. вздумало вернуться къ фиктивной блокадѣ (на 1000 верстъ черноморскаго побережья имѣлось очень мало судовъ для поддержанія блокады), что встрѣтило протестъ даже со стороны Англіи; а злосчастный императоръ Максимилианъ Мексиканскій пытался (декретъ 1861 г.) наложить фиктивную блокаду на портъ Метаморасъ и все сѣверное побережье Мексики, на что Соед. Штаты (циркуляръ 17-го августа 1861 г.) отвѣтили признаніемъ этого декрета, „нарушающаго права нейтральныхъ“, „абсолютно ничтожнымъ“. Наконецъ, въ войнѣ 1879—80 гг. между Чили и Перу—Боливіей, Чили наложила фиктивную блокаду на порты Перу и Боливіи (Фошилль).

II. Для оправданія законности блокады выставлено нѣсколько теорій. Очень распространено мнѣніе о томъ, что право блокады вытекаетъ изъ военной необходимости (Гесснеръ, Коши, отчасти Блунчли); но понятіе о послѣдней—растяжимо (Ф. Мартенсъ), она замѣняетъ право произволомъ воюющихъ, поступается правами нейтральныхъ и, не зная предѣловъ, даетъ возможность безгранично расширять блокаду (Фошилль). „Военною необходимостью“ объясняется (см. выше), почему блокада создавалась и долго существовала какъ фиктивная. Поэтому,

нѣкоторые писатели (Готфѣль, Видари), пытаясь положить предѣлъ злоупотребленіямъ блокады, ставятъ ей границы въ правѣ завоеванія: блокада законна, на сколько блокирующей успѣлъ завоевать въ данной мѣстности извѣстное господствующее положеніе, воспользовавшись правомъ войны, напр. „на пространствѣ пушечнаго выстрѣла съ корабля“. На это возражаютъ, что блокирующей вовсе не завоевалъ береговаго моря, такъ какъ оно все же обстрѣливается съ берега, и что такое завоеваніе нарушаетъ начало свободы моря (Ф. Мартенсъ, Коши). Мнѣніе не совсѣмъ вѣрное: начало свободы морей вовсе не нарушается правами прибрежнаго государства надъ извѣстною частью прилегающаго къ нему моря, а состояніе войны можетъ привести къ тому, что блокирующей, оказавшись сильнѣе блокируемаго, завоевываетъ прибрежное море въ томъ смыслѣ, что оказывается въ состояніи поддерживать своими военными силами прекращеніе сношеній (блокаду) даннаго мѣста съ окружающимъ міромъ, такъ какъ береговья укрѣпленія не настолько сильны, чтобы заставить блокирующаго удалиться. Третье воззрѣніе (Ортоланъ) скорѣе дополненіе предыдущаго, а не самостоятельное; оно сводится къ занятію блокирующими части прибрежнаго пространства, вытѣсняющему господство надъ нимъ территориально верховенства прибрежной власти. Очевидно, что это занятіе только фактъ, основывающій завоеваніе, вытекающее изъ него. Наконецъ, основываютъ блокаду на владѣніи (Броше), которое воюющей пріобрѣтаетъ въ силу права войны; онъ временно вытѣсняетъ законную власть и замѣняетъ ее временно же своею властью на правахъ владѣнія. Этотъ взглядъ, при различіи въ словахъ, въ сущности совпадаетъ съ предыдущимъ, такъ какъ понятія владѣнія и занятія различествуютъ между собою лишь какъ моменты: занятіе начинается владѣніе и устанавливаетъ послѣднее; одно безъ другаго невысказано. Если же говорятъ (Ф. Мартенсъ), что право блокады основывается на правѣ войны, но что самая блокада есть отчасти завоеваніе, а отчасти—фактическое обладаніе (владѣніе) моремъ“, или (Фошиль), что „блокада выводится изъ обязанности нейтральныхъ воздерживаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій“, то эти мнѣнія вѣрны лишь относительно (и наиболѣе близко къ истинѣ взглядъ Фошиля). Одно дѣло—основаніе права (блокады) и другое—способы примѣненія и условія его дѣйствительности. Съ этой точки зрѣнія—право блокады создается войною, которая рождаетъ положеніе нейтралитета; послѣдній создаетъ обязанность нейтральнаго къ фактическому невмѣшательству въ войну. Если нейтральный препятствуетъ осуществленію законнаго на войнѣ средства, то онъ нарушилъ свои обязанности предъ воюющимъ, пустившимъ въ ходъ это средство, вызываемое фактическими потребностями военной необходимости. Послѣдняя можетъ создать у воюющаго желаніе (animus) блокировать данную мѣстность, но желаніе должно быть осуществлено на дѣлѣ фактомъ занятія, создающаго владѣніе для воюющаго. Такимъ образомъ, блокада основывается на обязанности нейтральныхъ не нарушать владѣнія, захваченнаго воюющими въ силу права войны, по скольку это владѣніе дѣйствительно и поддерживается достаточными силами. Въ

этомъ основаніи права блокады указываются и ея границы и главнѣйшія условія ея примѣненія; оно объясняетъ также и право воюющей разсматривать какъ врага того изъ нейтральныхъ, который, нарушая блокаду, учинилъ тѣмъ самымъ вторженіе въ сферу законнаго владѣнія, временно захваченнаго воюющими (по праву войны). Безспорно, что блокадою нарушаются не только интересы государствъ, но и права и интересы частныхъ лицъ (гражданъ непріятельскихъ и нейтральныхъ); противное мнѣніе Фошилля—несостоятельно. Но она необходима потому, что является одною изъ дѣйствительнѣйшихъ мѣръ принужденія въ морской войнѣ, имѣющихъ цѣлью—пресѣченіемъ всякихъ сношеній (и особенно торговыхъ) непріятеля съ внѣшнимъ міромъ—ослабить его сопротивление и тѣмъ вынудить къ скорѣйшему миру. Въ отдаленномъ будущемъ, когда принципъ неприкосновенности частной собственности будетъ окончательно признанъ, блокады, можетъ быть, и смягчатся относительно пагубныхъ послѣдствій ихъ для собственности. Въ этомъ смыслѣ заслуживаетъ вниманія мнѣніе (высказанное еще Наполеономъ I въ берлинскомъ декретѣ 1806 г., графомъ Луккези-Палли, англійскимъ экономистомъ Ричардомъ Кобденомъ и юристомъ Вестлэкомъ) относительно такъ наз. коммерческихъ блокадъ, т. е. блокированія мѣстностей неукрѣпленныхъ, а исключительно торговыхъ. Противъ такихъ „коммерческихъ блокадъ“ раздаются голоса все чаще (Шельдонъ Амось на Антверпенскомъ съѣздѣ 1876 г., Додлей-Фильдъ въ его международномъ кодексѣ) даже въ парламентахъ (предложеніе въ французск. законодат. корпусѣ въ 1870 г.) и въ международныхъ собраніяхъ (межд. конференція въ Каирѣ въ 1869 г.). Однако, законность такихъ блокадъ нельзя оспаривать, такъ какъ цѣль блокады—прекратитъ всякія сношенія (и торговыя) блокируемаго мѣста, вынудитъ его къ заключенію мира (Бёкъ, Фошилля), а вовсе не бомбардированіе, которое сдѣлало бы блокаду излишнею (Фошилля, Перельсъ). Тѣмъ не менѣе, политическія соображенія, подкрѣпляемые экономической невыгодою коммерческихъ блокадъ для морскихъ державъ (особенно для Англии), говорятъ противъ нихъ: быстрота и развитіе сухопутныхъ сношеній по желѣзнымъ дорогамъ, громадность требуемыхъ блокадами затратъ, непропорціональныхъ ихъ выгодамъ, косвенныя потери для торговли самой блокирующей державы—даютъ основанія полагать, что торговыя блокады, если не уничтожатся вскорѣ (Видари), то значительно смягчатся (Бёкъ).

III. Блокада, будучи военною операціею, должна быть поддержана военными морскими силами, а не сухопутными, и не такими средствами, какъ торпеды, загражденія (допускаютъ эти средства Перельсъ, Фошилля). Власть, компетентная для ея объявленія, есть власть исполнительная (Фошилля), такъ какъ послѣдняя ведетъ всѣ военныя операціи и одна лишь способна слѣдить за тѣмъ—когда и гдѣ налагать ее и какъ поддерживать (по делегации эта власть можетъ быть передана отдѣльнымъ начальникамъ). Блокада должна быть для ея обязательности—дѣйствительна. Для дѣйствительности требуется: а) чтобы она была фактическая, то есть оцѣпленіемъ со стороны моря, преграждающимъ всякую попытку прорвать блокадную линію. Но что считать достаточнымъ

для прегражденія доступа? Колебанія между фиктивной и дѣйствительною блокадами выдвинули, какъ достаточную, систему крейсеровъ, т. е. судовъ, плавающихъ съ мѣста на мѣсто; дальнѣйшій шагъ къ ограниченію блокады и къ поставленію ея въ условія возможной дѣйствительности есть система „кораблей достаточно близко расположенныхъ“ (она требуется многими писателями и большинствомъ современныхъ трактатовъ, даже обоими вооруженными нейтралитетами); еще лучшая—система станціонирующихъ кораблей (въ нѣкоторыхъ трактатахъ отъ 2-хъ до 6-ти); слабая ея сторона въ томъ, что невозможно заранѣе опредѣлить въ трактатѣ размѣра будущей блокады, а слѣдовательно и числа судовъ, потребныхъ для ея поддержанія (Фошилль).

Наилучшая система предлагается Фошиллемъ: блокада должна производиться двумя эскадрами—постоянной (корабли стоятъ другъ отъ друга на разстояніи пушечнаго выстрѣла) и подвижной (изъ нѣсколькихъ—отъ 2-хъ до 4-хъ судовъ), крейсирующей въ окружающей мѣстности, для объявленія о блокадѣ подходящимъ судамъ. Только при соблюденіи этихъ двухъ условій можно выполнить требованіе (Бёкъ), чтобы „блокада поддерживалась постоянными морскими силами, чтобы отъплеченіе было полное и существовала очевидная опасность прорвать блокируемую линію“. Такимъ образомъ, дѣйствительныя блокады вполнѣ зависятъ отъ силъ державы блокирующей; если силъ много, то можно блокировать и громадныя пространства, какъ это и было со стороны сѣверянъ въ войнѣ 1861—65 годовъ; б) *для законности блокады необходимо извѣщеніе о ней (нотификація). И мнѣнія писателей и практика здѣсь очень различествуютъ (Фошилль различаетъ 5 воззрѣній). Большинство писателей (напр. Гефферъ, Филлиморъ, Кентъ) и практика (Англія и Соедин. Штаты) признаютъ, что иногда достаточно одна дипломатическая (общая, правительственная) нотификація, а иногда—спеціальная (notification speciale), даваемая подходящему кораблю, смотря по обстоятельствамъ даннаго случая. Двѣ противоположныя системы, пытающіяся установить точныя правила на мѣсто произвола и случайности предыдущей, суть—французская болѣе всего склоняющаяся къ одной спеціальной нотификаціи (за нее и Фошилль), и система Гесснера (также Бульмеринкъ и Бёкъ), не принятая практикою, по которой необходимы обѣ нотификаціи. Совершенно односторонняя и исключительная система, косвенно выводимая изъ деклараціи 16-го апрѣля 1856 г., не видящая необходимости ни въ какой нотификаціи, а довольствующаяся одною дѣйствительностью существованія блокады. Эта система совершенно невозможна: она опасна, такъ какъ не соотвѣтствуетъ широко распространеннымъ въ настоящее время морскимъ сношеніямъ и упускаетъ изъ виду, что нейтральныя могутъ не знать о состояніи блокады даннаго мѣста или могутъ полагать ее прекратившеюся. Очевидно, необходимы обѣ нотификаціи: дипломатическая—потому, что ею извѣщаются нейтральныя правительства и дается общее предувѣдомленіе, гарантирующее нейтральныхъ отъ потери времени и убытковъ; спеціальная—потому, что данный корабль можетъ не знать о блокадѣ, считать ее прекратившеюся, и что она (о нотифи-*

каціи заносится въ корабельныя бумаги) *подтверждаетъ* объ *умыслѣ* прорвать блокаду, если корабль имѣлъ его, и *предостерегаетъ* нейтральнаго на будущее время (графъ Камаровскій, Даневскій, Готфѣль); с) блокада должна быть непрерывна. Англійская практика извиняетъ нарушение блокады, прерванной воюющимъ, лишь въ томъ случаѣ, когда блокада была исключительно фактическая, не сопровождавшаяся объявленіемъ о ней; большинство писателей вносятъ въ начало непрерывности блокады разныя смяченія, сводящіяся къ временному и непродолжительному перерыву ея вслѣдствіе непогоды (Бульмеринкъ—на срокъ не болѣе 24-хъ часовъ) и другихъ „*forces majeures*“ (Броше, Блунчли, Ортоланъ; также гентскій институтъ). Но другие (Бѣкъ и особенно Фошиль) справедливо возражаютъ противъ допущенія всякихъ перерывовъ (они допускаются и французскимъ ордонансомъ 1870 г.), приравняемыхъ ими къ прекращенію блокады: *строгая* начала права требуютъ, чтобы неудача и случайности войны переносились самими воюющими, а не третьими, нейтральными; блокада, какъ исключеніе изъ начала свободы нейтральной торговли, должна быть, во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, истолковываема въ пользу нейтральныхъ.

IV. *Послѣдствія* наложенной блокады состоятъ въ томъ, что (большинство трактатовъ и писателей; Готфѣль, Бѣкъ, Фошиль) *возбраняются* не только торговля, но и всякія иныя сношенія съ *внѣшнимъ* міромъ. Послѣднее необходимо потому, что при допущеніи сношеній возможна передача въ блокируемыя мѣста разныхъ вѣстей о намѣреніяхъ и о положеніи блокирующаго, т. е. вредъ для военныхъ цѣлей послѣдняго (Фошиль); исключеніе можетъ быть допущено только для официальной переписки нейтральныхъ государствъ съ дружественными державами (Фошиль; вѣрнѣе только открытой переписки). Блокада можетъ достигать своей цѣли только при условіи воспрещенія какъ входа, такъ и выхода судовъ изъ блокируемаго мѣста. Но блокада можетъ застигнуть суда (непріятельскія и нейтральныя) въ портѣ при условіяхъ совершенной для нихъ неожиданности объявленія блокады и фактическаго ея наложенія. Наука и международная практика выработали нѣсколько системъ, изъ которыхъ двѣ наиболѣе крайнія—разрѣшается выходъ иностранныхъ судовъ изъ блокируемаго порта во все время блокады (русская система закона „о призахъ и репризахъ 1869 г.“) или абсолютно воспрещается выходъ нейтральнымъ; обѣ системы не встрѣчаютъ ни сочувствія, ни частаго приложенія. Остальныя системы—посредствующія между этими двумя (Фошиль); изъ нихъ наиболѣе распространенныя тоже двѣ: 1) нейтральнымъ кораблямъ, проникшимъ въ портъ до блокады, разрѣшается выходъ (съ грузомъ и безъ онаго, когда бы корабль не былъ нагруженъ); 2) тоже право при тѣхъ же условіяхъ ограничено срокомъ, различествующимъ въ договорахъ и внутреннихъ законодательствахъ (отъ 5—7 дней, данныхъ Турціею въ 1877 г., и до 42 дней—данныхъ Франціею въ 1838 г. при блокадѣ Буэносъ-Айреса). Писатели тоже колеблются между этими системами; Фошиль ограничиваетъ это право выхода лишь нейтральными кораблями безъ всякаго груза и то въ теченіе крайне незначи-

тельного срока, хотя бы корабли вошли въ портъ до установленія блокады; мнѣніе, приносящее права нейтральныхъ въ жертву интересамъ воюющихъ, юридически неправильное потому, что блокада не можетъ имѣть обратнаго дѣйствія, т. е. поражать право выхода кораблей, вошедшихъ въ портъ и грузившихся въ портъ во время мира или до наложенія блокады. *Единственное ограниченіе этого права—въ установленіи, по соглашенію заинтересованныхъ сторонъ* (т. е. блокирующаго и нейтральныхъ), *достаточно продолжительнаго срока для выхода.*

Для того, чтобы нейтральный могъ быть признанъ виновнымъ въ нарушеніи блокады, необходимо, чтобы онъ, получивъ о ней специальную нотификацію (заносимую въ корабельныя бумаги), прорвалъ хитростью или насиліемъ блокадную линію или покушался на прорваніе блокады (Готфѣль, Гесснеръ, Бѣкъ, Фошиль); т. е. необходимъ матеріальный актъ или начало исполненія умысла; *недостаточно одного умысла (или намѣренія) корабля идти въ блокируемое мѣсто. Соединен. Штаты и Англія считаютъ достаточнымъ одно намѣреніе.* Мало того, необходимо еще, чтобы нарушившее блокаду судно было схвачено „*delicto flagrante*“; если оно бѣжитъ отъ преслѣдованія, его можно догнать и схватить въ открытомъ морѣ (но не въ нейтральныхъ водахъ); но если оно успѣло избѣжать опасности захвата и зайти въ нейтральный портъ, то, выйдя изъ него, корабль не можетъ уже быть захваченъ. Такъ называемая теорія „*абсолютнаго преслѣдованія*“ (*droit de suite*), т. е. право конфисковать корабль, нарушившій блокаду, на всемъ его пути, столь излюбленная англійскою доктриною, *не можетъ быть принята* (Бѣкъ), такъ какъ она противорѣчитъ основнымъ началамъ права блокады: *дѣйствіе нарушенія продолжается до тѣхъ поръ, пока нарушитель остается въ виду преслѣдователей*; если же онъ исчезъ изъ виду или успѣлъ зайти въ портъ нейтральнаго государства, дѣйствіе нарушенія прекратилось и блокирующій потерялъ надъ нимъ свое право захвата (Фошиль). Равнымъ образомъ, *не можетъ быть принята и другая (американская, частью и англійская) теорія—„непрерывности или единства пути“* („*продолжающагося путешествія*“), *согласно которой корабль, имѣющій намѣреніе и конечную цѣль—нарушить блокаду, почитается виновнымъ во все время своего плаванія, хотя бы онъ и направлялся, до приведенія въ исполненіе своего намѣренія нарушить блокаду, въ другія мѣста, даже въ нейтральныя порты.* Эта теорія впервые приложена призовымъ судомъ Соедин. Штатовъ Сѣв. Америки (во время ихъ междоусобной войны 1861—65 г.) къ англійскому кораблю „Spring-boat“ и должна быть отвергнута, какъ потому, что для нарушенія блокады недостаточно одного намѣренія, а нужно покушеніе, такъ и на томъ основаніи, что самое существованіе такого намѣренія почти невозможно выяснить и констатировать на пути корабля къ порту, не состоящему въ блокадѣ (Бѣкъ, Фошиль). Принять эту теорію, значитъ—покончить съ правами нейтральныхъ и со свободою морей (Бѣкъ). Практика и почти все писатели допускаютъ обстоятельства, при которыхъ нарушеніе блокады извиняется. Они сводятся (Бѣкъ, Фошиль, Готфѣль, Ф. Мартенсъ) къ „*vis major*“, т. е. къ бурѣ, непогодѣ, корабле-

крушенію, когда корабль вынужденъ зайти въ блокируемое мѣсто или брошенъ туда силами стихій.

V. *Наказанія за нарушенія блокады сводятся теперь къ конфискаціи корабля и груза или одного изъ нихъ.* Въ древности наказанія носили личный, при томъ уголовный характеръ; такъ Ваттель, ссылаясь на Плутарха, повѣствуетъ, что Дмитрій Полиоркетъ приказалъ повѣсить хозяина и шкипера корабля, пытавшагося прорвать блокаду города Аѳинъ; а Бюнkersгукъ приводитъ нѣсколько трактатовъ XVII вѣка (Нидерландовъ съ Англією, Францією и Испанією), въ которыхъ воюющими признается право наложенія смертной казни на нарушителей блокады *delicto flagrante*. Но уже съ того же вѣка право уголовного наказанія исчезаетъ; начинаютъ „бить не дубьемъ, а рублемъ“: конфисковали грузъ и корабль, иногда брали въ плѣнъ и экипажъ. Въ послѣднее время вновь раздаются голоса въ литературѣ (Бульмеринкъ) о личномъ наказаніи нейтральными правительствами ихъ подданныхъ за нарушеніе ими обязанностей не подвозить военной контрабанды воюющимъ и не нарушать блокады; въ этомъ видятъ даже (графъ Камаровскій) „проявленіе усиливающейся юридической солидарности между народами“. *Практика и современная теорія весьма единодушно высказываются за одну конфискацію* (экипажъ нейтральнаго корабля тоже освобождается). Но *подлежитъ-ли конфискаціи одинъ корабль или и грузъ его? Практика XIX вѣка* (все трактаты) — *за конфискацію того и другого.* Въ литературѣ же имѣются два крайнія и одно посредствующее воззрѣніе. Изъ двухъ крайнихъ, первое (Фіоре) требуетъ конфискаціи одного груза (очевидно односторонній взглядъ), противоположное ему (согласное съ практикою) — и корабля и груза (Готфѣль, Бульмеринкъ, Перельсъ); *посредствующее мнѣніе* — *право наказанія должно падать лишь на виновныхъ, т. е. на того, кто велъ корабль въ блокадную линію, следовательно на корабль, а на грузъ тогда только, когда онъ принадлежитъ лицу, руководившему кораблемъ, или постороннему, если послѣдній не доказалъ своей неприкосновенности къ дѣлу* (Кальво, Блунчли, Гесснеръ, Ортоланъ, Скіатарелло, Бѣкъ). *Послѣднее мнѣніе съ юридической точки зрѣнія наиболее правильное; но необходимо еще принять поправку* (Бѣкъ): *на взятель должно лежать „onus probandi“ соучастія собственника груза въ винъ судо-хозяина.* Мнѣніе Фошилля, по которому собственникъ груза всегда отвѣчаетъ за дѣйствія капитана, а блокирующій свободенъ отъ обязанности рѣшать вопросъ о недобросовѣстности дѣйствій собственника и капитана и предлагающее плѣненіе экипажа нейтральныхъ кораблей (практика беретъ въ плѣнъ только матросовъ непріятельскаго корабля) — совершенно не согласуется съ началомъ личной ответственности, такъ какъ узаконяетъ коллективную отвѣтственность за лицъ, предполагаемыхъ виновными, и не даетъ даже послѣднимъ возможности къ оправданію.

ГЛАВА III.

О способахъ контроля воюющихъ надъ нейтральными.

I. *Воюющіе на морѣ имѣютъ право принимать мѣры, необходимыя для осуществленія ихъ правъ, т. е. для захвата непріятельскихъ частныхъ кораблей, а также для удостовѣренія въ томъ, что нейтральные, продолжая торговлю съ воюющими, не нарушаютъ своихъ обязанностей подвозомъ военной контрабанды или нарушеніемъ блокады; т. е. воюющіе должны имѣть на все время войны право контроля надъ нейтральными кораблями, ведущими торговлю. Цѣль этого права, выразившаяся въ институтъ „осмотра“ (droit de visite, right of visitation), состоитъ въ томъ, чтобы: 1) убѣдиться въ національности корабля, т. е. въ томъ, что онъ не принадлежитъ непріятелю; непріятельскіе корабли, желая избѣжать захвата и конфискаціи, нерѣдко выкидываютъ нейтральный флагъ (Simulation du pavillon); 2) удостовѣриться же въ національности корабля можно лишь проверкою корабельныхъ документовъ; количество и качество послѣднихъ опредѣляется въ законодательствахъ и въ нѣкоторыхъ трактатахъ, а въ случаѣ сомнѣнія и допросомъ экипажа; 3) при удостовѣреніи въ дружественной національности корабля необходимо еще убѣдиться въ томъ, что онъ не везетъ военной контрабанды или не направляется въ блокируемое мѣсто. Въ этихъ видахъ опять же необходимо проверитъ документы, характеризующіе грузъ и направленіе корабля, а иногда и учинить допросъ экипажа (и сдѣлать помѣтку объ объявленіи блокады въ путеводномъ журналѣ). Пользованіе правомъ осмотра принадлежитъ воюющимъ только на время войны (исключеніе—относительно негроторговли) и лишь въ предѣлахъ открытаго моря или въ территоріальныхъ моряхъ воюющихъ (Гюбнеръ, Филлиморъ, Рененкампфъ). Такимъ образомъ, право осмотра сводится къ проверкѣ корабельныхъ документовъ. Еще „Consolato del mare“ молчаливо допускало право осмотра; также—древнее морское законодательство Англій и Франціи (напр. ордонансъ Франціи 1584 г.); договоры XV вѣка (6 договоровъ, приводимыхъ Кальво) ограничиваютъ осмотръ словеснымъ допросомъ капитана корабля и экипажа, скрѣпленнымъ клятвою. Всѣ ордонансы (съ XV вѣка, напр. французск. ордонансъ 1681 года) наказываютъ всякое сопротивленіе осмотру, не говоря уже о вступленіи въ бой, конфискаціею корабля. Но самая регламентация права осмотра начинается въ трактатахъ только въ XVII вѣкѣ. Изъ послѣднихъ Пиренейскій трактатъ Франціи и Испаніи (1659 г.) заключаетъ въ себѣ (§ 17-й) постановленія, перешедшія во все позднѣйшіе трактаты (въ утрехтскую морскую конвенцію 1713 г.; особенно точенъ договоръ Франціи и Даніи 1720 г.), которыхъ въ одномъ XVIII вѣкѣ до I вооруженнаго нейтралитета было 12 (см. Кальво, Рененкампфъ). Вотъ постановленія о пользованіи правомъ осмотра, составляющія, по замѣчанію Геффера, „мор-*

ское международное право Европы“: испанскіе корабли (исключительно военные, а не каперы), повстрѣчавъ торговые корабли Франціи, должны предупредить ихъ посредствомъ пушечнаго выстрѣла (*coup de semonce*) о предстоящемъ осмотрѣ; командиръ осматривающаго корабля посылаетъ шлюпку съ двумя или тремя людьми, которые могутъ вступить на бортъ французскаго корабля, хозяинъ или капитанъ котораго обязанъ предъявить имъ корабельные паспорта, изъ которыхъ можно усмотрѣть качество груза, имя корабля, хозяина его, мѣсто, изъ котораго онъ идетъ, для удостовѣренія въ томъ—не есть ли судно неприятельское, не принадлежитъ-ли хозяинъ его къ числу неприятелей и не везетъ ли корабль военной контрабанды? Предъявленнымъ паспортамъ и морскимъ бумагамъ должна быть дана полная вѣра. Тѣмъ не менѣе XVII и XVIII вѣка, вообще неблагопріятные нейтральной торговлѣ, были наполнены злоупотребленіями правомъ осмотра со стороны воюющихъ, превращавшихъ его, подъ пустыми предлогами, въ право обыска (*droit de recherche*), особенно со стороны Испаніи, Голландіи, отчасти Франціи, а позднѣе и больше всего со стороны Великобританіи. Нейтральные пытались протестовать противъ этого права, но безуспѣшно. *Постепенно сознавая необходимость сочетать безспорное право воюющихъ на осмотръ съ правами и интересами безопасности нейтральной торговли привели къ весьма цѣлесообразному учрежденію, за которое сильно ратовали нейтральные, но которое очень не нравилось воюющимъ, такъ какъ оно ограничивало ихъ произволь. Это учрежденіе—конвой, т. е. сопровожденіе нейтральныхъ купеческихъ кораблей военнымъ судномъ того государства, къ которому принадлежатъ купеческіе корабли.* Нейтральные требовали, чтобы слово, данное офицеромъ корабля конвоирующаго начальнику воюющаго корабля, желающаго произвести осмотръ, въ томъ, что конвоируемая имъ суда дѣйствительно нейтральная, не везутъ контрабанды и не намѣреваются нарушить блокаду, чтобы это слово, какъ данное агентомъ государственной власти нейтральнаго правительства, было достаточно для освобожденія конвоируемыхъ кораблей отъ осмотра.

Обычай конвоя возникъ еще въ средніе вѣка и имѣются серьезныя основанія (Кальво, Готфѣль) полагать, что въ первое время конвой освобождалъ отъ осмотра, а трактаты XV вѣка вполне подтверждаютъ это правило. Но съ XVII вѣка воюющіе (особенно Англія) вступаютъ съ институтомъ конвоя въ упорную борьбу; нейтральные же противодействуютъ стремленіямъ Англіи, которая игнорировала конвой и разрѣшала осмотръ даже своимъ сильно безчинствовавшимъ каперамъ. Такъ, еще Швеція (декларация 1653 г.) и Данія (гражданскій кодексъ 1688 г.) настаивали на правахъ конвоя и разрѣшали конвоирующимъ судамъ оказывать даже вооруженное сопротивление требованію осмотра, предъявляемому имъ воюющими, тогда какъ Великобританія и ея призовые суды рассматривали одно сопротивление осмотру за достаточно для конфискаціи корабля и груза. Войны революціи и имперіи тоже не были благопріятны учрежденію конвоя, такъ какъ Англія ревностно оспаривала его *de jure* и *de facto*. Но право конвоя признавалось въ XVIII

вѣкъ внутренними законодательствами (голландскій эдиктъ 1781 г.) и нѣкоторыми международными договорами (напр., въ 1782 г. Голландіи и Соедин. Штатовъ Сѣв. Америки; до 1801 года такихъ договоровъ было—6; см. Гесснеръ и Готфѣль). *Настоянія Англійи вызвали нѣсколько случаевъ вооруженнаго столкновенія между конвоемъ нейтральныхъ и англійскими военными и каперскими судами*; извѣстно, напр., въ 1800 г. столкновение датскаго фрегата Фрейя, конвоировавшаго купеческія нейтральныя суда Даніи, съ англійскою эскадрою въ Ламаншѣ. Послѣднее столкновение вызвало даже актъ II вооруженнаго нейтралитета, въ которомъ объявлено, что конвой освобождаетъ отъ осмотра. Право осмотра конвоируемыхъ кораблей признано въ конвенціи Россіи и Англійи отъ 1801 г. (къ ней приступила и Швеція), но только для военныхъ караблей (а не для каперовъ). Ортоланъ вѣрно замѣчаетъ, что эта конвенція весьма исключительна по сопровождающимъ ея заключенію обстоятельствамъ и что она—единственная, не признающая правъ военнаго флага. Понятно, что въ эпоху континентальной системы не было и рѣчи о правахъ конвоя, такъ какъ осмотры и обыски практиковались въ самомъ широкомъ размѣрѣ. *Съ вѣнскаго конгресса множество трактатовъ признаютъ право визитаціи на началахъ ст. 17 Пиренейскаго трактата 1659 г., а также право конвоя*. Одна Англія молчитъ о конвоѣ; декларация 16-го апрѣля 1856 г. тоже умалчиваетъ о немъ, но вся практика войнъ второй половины XIX вѣка и все писатели высказываются въ пользу результатовъ вышеизложеннаго историческаго развитія права осмотра и конвоя.

II. *Трактаты, мнѣнія громаднаго большинства писателей и международная практика допускаютъ обыскъ (droit de recherche) только въ случаѣ неполноты или недостаточности документовъ осматриваемыхъ кораблей*. Если обыскъ убѣдилъ въ томъ, въ чемъ документы корабля не убѣждали, то корабль освобождается; *если же корабль оказался безъ документовъ или сопротивляется обыску, то онъ захватывается и приводится къ призовому суду*. Англійская практика и писатели подвергаютъ его въ первомъ случаѣ безусловной конфискаціи; континентальная практика и писатели подвергаютъ его въ первомъ случаѣ безусловной конфискаціи; континентальная практика и писатели—лишь въ случаѣ сопротивленія корабля; бѣгство же корабля, пойманнаго преслѣдовавшими, даетъ, по ихъ мнѣнію, лишь право осуществить осмотръ и обыскъ; только результаты послѣднихъ рѣшаютъ участь корабля. *Вступленіе же корабля въ бой—всегда ведетъ къ конфискаціи судна и груза; участь груза и корабля—неразрывны*, хотя это до очевидности несправедливо: собственнику груза, если онъ не совпадаетъ съ хозяиномъ корабля, вступившаго въ бой, слѣдовало бы предоставить право доказывать свое неучастіе въ сопротивленіи лица, ведшаго корабль. *Конвой же всегда освобождаетъ отъ осмотра и обыска*. Большинство писателей допускаютъ, что право конвоя распространяется и на нейтральныя корабли другихъ національностей (Готфѣль, Рененкампфъ). Осмотръ во время перемирія, по мнѣнію однихъ писателей (Готфѣль), не дозволителенъ, по мнѣнію же другихъ (Перельсъ)—дозволителенъ (если не воспрещенъ

въ соглашеніи о перемиріи). Второе мнѣніе болѣе основательно, такъ какъ *осмотръ есть проявленіе права, не заключающаго въ себѣ никакого враждебнаго акта*, пользованіе же имъ среди перемирія необходимо для того, чтобы нейтральные, не стѣсняемые осмотромъ во все время перемирія, не доставляли воюющимъ пособій (Перельсъ).

ГЛАВА IV.

Судебная защита правъ нейтральной торговли.

Собственность, захваченная воюющимъ, должна быть присуждена ему особымъ судомъ—призовымъ, и только въ такомъ случаѣ она становится „призомъ“. Относительно непріятельской собственности судъ только констатируетъ ея характеръ и, убѣдившись въ томъ, что захватъ не произведенъ въ нейтральныхъ водахъ, отчуждаетъ захваченное въ пользу взятеля сполна или въ извѣстной части. Труднѣе положеніе суда относительно собственности нейтральной; *по идеѣ своей, призовый судъ есть организація для судебной защиты правъ нейтральной торговли, дѣйствующая съ момента возникновенія до момента окончанія войны, при томъ организація характера международнаго.*

I. Схваченный корабль долженъ быть доставленъ на судъ, безъ рѣшенія котораго всѣ дѣйствія взятеля являются только фактическими, а собственность не считается отчужденною. Поэтому, *съ момента захвата корабля „взятель“ (le capteur) обязанъ юридически оформить всѣ предпринимаемыя имъ дѣйствія съ цѣлью доставить корабль къ призовому суду для рѣшенія его участи.* Эти дѣйствія могутъ быть названы „производствомъ предварительнымъ“ (до-судебнымъ; Кальво, Ф. Мартенсъ): взятель опечатываетъ корабль, товаръ и люки, дѣлаетъ допросъ экипажу, составляетъ протоколъ о всемъ случившемся и, замѣнивъ часть экипажа своимъ, назначаетъ командира на взятый корабль, который и доставляетъ его къ суду. *Лишь самыя исключительныя обстоятельства, только крайняя и неотвратимая необходимость могутъ узаконить право взятеля уничтожить корабль (и грузъ), безъ доставленія его къ призовому суду.* Таковы случаи—течь во взятомъ кораблѣ, плохой ходъ его (при опасности, что взятое отнимутъ), опасность предстоящаго сраженія съ сильнымъ противникомъ, малоцѣнность приза, когда, наконецъ, порты взятеля блокированы или очень удалены отъ мѣста захвата (Перельсъ, русскія правила о призахъ) такъ, что нужно потерять много времени для препровожденія добычи къ призовому суду. *Во всѣхъ этихъ случаяхъ международный обычай издавна разрѣшаетъ потопленіе или сожженіе корабля.* Сильныя морскія державы и ихъ каперы весьма злоупотребляли этимъ правомъ (особенно Англія); контроль надъ правильнымъ пользованіемъ имъ фактически затруднителенъ, а при неправильной организаціи призоваго судоустройства и судопроизводства и совсѣмъ невозможенъ, по-

чему нейтральные много страдали отъ воюющихъ, особенно отъ канеровъ. Послѣдніе нерѣдко, не имѣя достаточныхъ данныхъ для оправданія захвата, скрывали слѣды своихъ злоупотребленій уничтоженіемъ корабля въ морѣ; а англійскіе призовые суды вообще даже не допускали послѣдующихъ жалобъ потерпѣвшихъ, такъ какъ *praesumptio juris* было въ пользу захватителя.

II. Равнымъ образомъ, корабль можетъ подвергнуться до представленія его на судъ такъ называемому „репризу“, т. е. обратному взятію (отбитію) его кораблемъ отечественнымъ или союзника у первоначальнаго взятеля. Такъ какъ первоначальный собственникъ корабля и груза не потерялъ своихъ правъ собственности до законнаго присужденія приза компетентнымъ судомъ, т. е. до постановленія судебного рѣшенія, то реприза, освобождая приза изъ рукъ фактическаго владѣльца, создаетъ *restitutio in integrum* въ пользу законнаго собственника безъ всякаго судебного рѣшенія (Филлиморъ, Перельсъ, Бульмеринкъ, Ф. Мартенсъ). Въ XVII и XVIII вѣкахъ пребываніе захваченнаго корабля въ фактическомъ владѣніи захватителя въ теченіи срока болѣе 24-хъ часовъ, а по англійской системѣ даже одинъ фактъ привода корабля въ портъ взятеля, рождали въ пользу послѣдняго право приза, т. е. собственности, какъ бы присужденной ему судомъ. Поэтому практика, вопреки справедливости и задачамъ призоваго суда, какъ юридическаго способа защиты правъ, разсматривала отбитіе (обратное взятіе) такого корабля не какъ репризу, а какъ самостоятельный приза, т. е. какъ завладѣніе собственностью непріятеля.

III. Схваченный корабль съ грузомъ и экипажемъ представляется въ ближайшій портъ воюющаго, въ которомъ имѣется призовый судъ. И хотя послѣдній имѣетъ международный характеръ, такъ какъ рѣшаетъ споръ о правахъ, возникающихъ изъ международного процесса и касающихся интересовъ различныхъ народовъ, тѣмъ не менѣе и по настоящее время *призовый судъ есть судебное учрежденіе, организуемое на территоріи воюющихъ на время войны, состоящее изъ лицъ, назначаемыхъ самими воюющими, и дѣйствующее по судопроизводственнымъ правиламъ, устанавливаемымъ внутренними законодательствами самихъ воюющихъ*. Такимъ образомъ, учрежденіе, долженствующее по своимъ цѣлямъ быть международнымъ, есть *de facto* учрежденіе внутренне-государственное, въ которомъ представители нейтральныхъ не принимаютъ никакого участія въ качествѣ судей, между тѣмъ какъ они имѣютъ полное право на судебную защиту своихъ правъ противъ воюющихъ, захватывающихъ корабли и грузы нейтральныхъ по обвиненію въ нарушеніи послѣдними обязанности нейтралитета. *И только въ двухъ случаяхъ практика допускала исключеніе изъ этого правила: суды нейтральныхъ государствъ признавались компетентными въ рѣшеніи вопросовъ о законности призовъ: 1) если нейтральный или непріятельскій корабль захваченъ въ водахъ нейтральнаго и 2) если онъ взятъ кораблями, снаряженными на нейтральныхъ территоріяхъ*. Въ обоихъ случаяхъ компетенція нейтральныхъ истекаетъ изъ нарушенія воюющими ихъ нейтралитета и изъ права первыхъ возстановить свои права, незаконно

нарушенныя, благодаря неуваженію къ государственному нейтралитету обиженнаго (Кальво, Уптонъ, Филлиморъ).

Призовые суды возникли въ XIII—XIV столѣтіяхъ и вызваны къ жизни каперствомъ, которое замѣнило собою неорганизованное корсарство или пиратство (морской разбой; см. Каченовскій). Замѣнивъ пиратство каперствомъ, государства начинаютъ регламентировать послѣднее и подчиняютъ его не только контролю адмирала, но и обязанности представлять всякій призь, сдѣланный каперомъ, въ особо назначенные для того суды (призовые), которые рѣшали вопросъ о законности захвата. Къ концу XV вѣка эти суды, состоявшіе подъ контролемъ адмиралтейства, которымъ съ самаго начала подчинялись только нейтральные призы, дѣлаются общепризнанными учрежденіями, дѣйствующими по отечественнымъ законамъ капера и распространяющими свою компетенцію на нейтральныхъ. Но такъ какъ такая односторонняя организація призовыхъ судовъ очень невыгодна для нейтральныхъ, то послѣдніе стараются (договорами въ концѣ XV вѣка, но особенно въ XVI столѣтіи) ограничить произволъ этихъ судовъ установленіемъ срока для рѣшенія дѣла, въ особенности же права апелляціи въ высшіе суды, съ обязанностью сторонъ внести обезпеченіе уплаты издержекъ. Начиная съ XVII и особенно съ XVIII вѣка, призовые суды радикально измѣняютъ свой первоначальный характеръ: они (особенно англійскіе) сильно помогаютъ каперамъ, поощряютъ ихъ хищенія и злоупотребленія, превращаются изъ орудія контроля надъ каперами и судебной защиты для нейтральныхъ въ орудіе унетенія, при посредствѣ котораго сильныя морскія державы окончательно отнимали у нейтральныхъ ту тѣнь свободы торговли, которая еще оставалась у нихъ при господствѣ системы „Consolato del mare“, при широкомъ истолкованіи военной контрабанды и при злоупотребленіяхъ воюющими блокадою. Вотъ почему призовые суды (особенно англійскіе) сдѣлались для нейтральныхъ системою ненавистною не менѣе самаго каперства. Нейтральные очень рѣдко подчинялись ихъ рѣшеніямъ и потерпѣвшіе почти всегда обращались къ своему правительству, которое вступалось за ихъ права дипломатическимъ путемъ. Дипломатическія сношенія оказывались чаще всего высшею инстанціею въ призовомъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, международный характеръ которыхъ уничтожался, благодаря построенію призоваго судоустройства и судопроизводства на внутреннихъ законодательствахъ отдѣльныхъ державъ, на распоряженіяхъ правительствъ, издававшихся предъ войною и на время войны, вообще на факторахъ, подчинявшихся не столько требованіямъ права, справедливости, началамъ равноправности между истцомъ и отвѣтчикомъ, сколько тенденціямъ политическимъ и соображеніямъ полезности на данное время.

IV. Современная организація призовыхъ судовъ почти всегда коллегіальная (во второй инстанціи—безъ исключенія); въ Англии и Соед. Штатахъ они организуются изъ лицъ судебного вѣдомства; въ другихъ государствахъ (Франція, Германія, Россія)—изъ лицъ судебного и административнаго вѣдомствъ (Кальво, Ф. Мартенсъ, графъ Камаровскій,

Каченовскій). Въ Англии на время войны правительство назначаетъ 2-хъ судей изъ высшаго суда (засѣдаютъ обыкновенно порознь); апелляціонная инстанція—члены тайнаго совѣта (знатоки морскаго и международнаго права), составляющіе особый судебный комитетъ (judicial committee); въ Соед. Штат. Сѣв. Америки—первая инстанція призоваго суда состоитъ изъ обыкновенныхъ судовъ (окружные суды) и лишь высшая—изъ Верховнаго суда (президентъ и 8 членовъ; для законности состава—5 человекъ). Напротивъ, въ Германіи, Австріи, Даніи и Швеціи судъ состоитъ изъ трехъ инстанцій. Въ Германіи первая—для производства слѣдствія, вторая—Prisenrath, состоящая изъ членовъ судей и представителей отъ министерства иностранныхъ дѣлъ и морскаго (и прокуроровъ); высшій судъ (Oberprisenrath)—апелляціонная инстанція—изъ 7-ми членовъ (предсѣдатель—президентъ или вице-президентъ высшаго прусскаго суда и 3 члена послѣдняго; остальные отъ министерства торговли, морскаго и иностранныхъ дѣлъ). Призовое судоустройство Франціи (регламентъ 1869 г.) тоже смѣшаннаго характера по составу судей (апелляціонная инстанція—государственный совѣтъ). Наконецъ, въ Россіи еще съ Петра Великаго призы вѣдались адмиралтейскимъ судомъ; по проекту 1880 г.—2 инстанціи, изъ нихъ первая—изъ морскихъ офицеровъ, чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, членовъ торговаго сословія и помощника юрисконсульта морскаго министерства; апелляціонная инстанція—„адмиралтействъ совѣтъ“ (при участіи представителей отъ министерства иностранныхъ дѣлъ; см. Ф. Мартенсъ и Коркуновъ). Очевидно, что *чисто судебная организація, если она независима отъ администраціи, есть наилучшая, такъ какъ юристы наиболее компетентны въ рѣшеніи вопросовъ права, наименѣе поддаются вліянію политическихъ теченій и предубѣжденій, т. е. и творятъ судъ, а не политику*. Ихъ рѣшенія всегда болѣе удовлетворяютъ стороны, нежели рѣшенія, постановленныя морскими офицерами и представителями министерства иностранныхъ дѣлъ, рѣдко достаточно подготовленными, по образованію своему, къ рѣшенію вопросовъ права. Не должно забывать, что *призовый судъ прежде всего судъ, а не политическая инстанція*. Если же говорятъ, что судьи-юристы не всегда свѣдуши въ специальныхъ вопросахъ морской техники, возникающихъ при рѣшеніи дѣла, то упускаютъ изъ виду, что для разъясненія ихъ имѣются эксперты. Сроки апелліаціи весьма различны; защита всюду допускается; кассационная инстанція—отсутствуетъ (ее замѣняютъ дипломатическія сношенія). *Самый процессъ очень разнообразенъ* (по государствамъ), *мало опредѣленъ въ подробностяхъ, почти всегда—не публиченъ, а обвиняемый—не равноправенъ съ обвинителемъ*. Характерная особенность процесса въ томъ, что „*onus probandi*“ *лежитъ на отвѣтчикѣ*: послѣдній обязанъ доказать, что онъ не непріятель, а если онъ нейтральный, что онъ не нарушилъ своихъ обязанностей. По выслушаніи обвиняемаго, или его повѣреннаго въ засѣданіи (и если нужно и по спросѣ экипажа), по провѣркѣ корабельныхъ бумагъ, груза и проч., произносится рѣшеніе, которое обѣ стороны могутъ обжаловать. Въ общемъ *процессъ есть суммарный*. Рѣшеніе, вошедшее въ

законную силу, ведетъ или къ освобожденію приза, при чемъ право отыскиванія убытковъ со взятеля очень ограничено, или же при обвинительномъ приговорѣ слѣдуетъ конфискація корабля или груза (или одного изъ нихъ) въ пользу государства, а взятель получаетъ обыкновенно часть его (рѣдко—все). Обыкновенно призь продается съ публичнаго торга, экипажъ съ непріятельскаго корабля—берется въ плѣнь, съ нейтральнаго же всегда освобождается.

V. Вышеуказанные недостатки призовыхъ судовъ de facto нѣсколько смягчены съ отмѣною каперства въ 1856 году и съ измѣненіемъ самаго характера морскихъ войнъ. Тѣмъ не менѣе, *вопросъ о реформѣ призоваго судоустройства и судопроизводства давно уже поставленъ въ литературу и даже на практикѣ, именно въ трактатахъ 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія* (Туниса и Триполи съ Франціею, Туниса съ Сардиніею, равно и во время войны Греціи съ Турціею за независимость), *когда появились попытки замѣнить односторонній характеръ организаціи ихъ воюющими учрежденіемъ смѣшанныхъ призовыхъ судовъ.* Что же касается до науки, то *еще Гюбнеръ (Hübner) въ XVIII вѣкѣ оспаривалъ подсудность нейтральныхъ призовымъ судамъ воюющаго.* Хотя среди писателей до самаго послѣдняго времени большинство признаютъ компетентность судовъ воюющаго, ограничиваясь указаніемъ на разные недостатки этихъ судовъ, меньшинство требуетъ радикальнаго ихъ преобразованія. При этомъ одни писатели (напр. Уитонъ, Гесснеръ) высказываются за смѣшанныя комиссіи въ качествѣ апелляціонныхъ инстанцій надъ рѣшеніями призовыхъ судовъ воюющихъ, а другіе (Гюбнеръ, Мартенсъ, Каченовскій, Даневскій, графъ Камаровскій) желаютъ самаго преобразованія этихъ призовыхъ судовъ, т. е. новой ихъ организаціи, которая, удовлетворяя правамъ обѣихъ сторонъ, имѣла бы международный характеръ и создавала бы ихъ организацію на началахъ полнаго равенства въ судебной охранѣ правъ воюющихъ и нейтральныхъ. Послѣдніе избѣжали бы необходимости подчиняться суду чуждаго имъ государства (воюющаго), которому они въ сущности совсѣмъ не подсудны. Имѣется, впрочемъ, еще *одно мнѣніе* (Галіани, Борнеманъ), столь же одностороннее и несправедливое, какъ и господствующая практика—*подчинить дѣла о призахъ исключительно судамъ нейтральнымъ.* Очевидно, воюющіе никогда не согласятся на это. Въ виду коренной ошибки призовыхъ судовъ—противорѣчія между чисто національнымъ ихъ устройствомъ и международнымъ ихъ характеромъ, благодаря которому даже лучшіе призовые суды были въ лучшемъ случаѣ истолкователями національныхъ воззрѣній на международное право, а не органами международной юстиціи (Каченовскій),—*гентскій институтъ международного права энергично взялся за дѣло реформы* (еще въ 1875 г., по предложенію Вестлэка). Отвергнувъ неудачную защиту дѣйствующаго порядка (Бернарда), институтъ одобрилъ проектъ Вестлэка, требовавшаго учрежденія апелляціонныхъ призовыхъ инстанцій смѣшаннаго характера (по трактатамъ между государствами), какъ важнаго шага къ болѣе радикальной реформѣ призоваго суда. Не ограничившись этимъ, институтъ *высказался*

и за болѣе послѣдовательную и научную реформу матеріальнаго и формальнаго призоваго права, предложенную Бульмеринкомъ. Послѣдній предлагалъ замѣнить національные призовые суды международными судами двухъ инстанцій, состоящими изъ судей, а не административныхъ лицъ, выдающихъ все дѣла о призахъ (нейтральныхъ и непріятельскихъ) и закупающихъ (съ начала войны) въ нейтральной странѣ. Громадный трудъ Бульмеринка, посвященный реформѣ матеріальнаго и формальнаго призоваго права, встрѣтилъ многочисленныя замѣчанія, какъ принципиальныя, такъ и относительно подробностей; онъ разсматривался особою комисіею института, принявъ имъ въ 1887 г. при томъ въ смыслѣ болѣе близкомъ къ предложенію Вестляка, т. е. призовый судъ I-й степени предложено по прежнему оставить національнымъ, а для второй инстанціи организовать международный трибуналъ. Такимъ образомъ, институтъ высказался за среднее рѣшеніе (компромиссъ), правильность котораго оспаривается проф. Мартенсомъ. Послѣдній полагаетъ, что воюющія государства никогда не согласятся „признать командировъ своихъ военныхъ судовъ подсудными нейтральному суду“. Но можно возразить, что такую подсудность трудно представить себѣ настолько же, какъ и подсудность нейтральныхъ, т. е. подданныхъ независимыхъ державъ, при томъ всегда многихъ государствъ, судамъ 2—3 воюющихъ, подсудность, опирающуюся лишь на вѣковыхъ злоупотребленій правомъ сильнаго и на традиціонномъ произволѣ воюющихъ на морѣ. Во всякомъ случаѣ за серьезныя реформы призовыхъ судовъ высказываются очень многіе изъ новѣйшихъ писателей (Нисъ, Бѣкъ).

ГЛАВА V.

О незаконныхъ средствахъ нанесенія вреда нейтральной торговлѣ. (Каперы).

I. Подъ каперами слѣдуетъ разумѣть частныхъ лицъ, подданныхъ воюющаго государства, которыя, съ разрѣшенія верховной власти, снаряжаютъ на свой счетъ суда съ цѣлью захватывать купеческіе корабли непріятели и нейтральныхъ. Въ этомъ узкомъ смыслѣ каперы появились въ средніе вѣка (Галіани, Каченовскій, Георгій Мартенсъ), когда государи стали приглашать своихъ подданныхъ къ участию въ военныхъ операціяхъ и когда военный флотъ, по своему устройству и приспособленію, почти не отличался отъ купеческаго (Готфѣль, Георгій Мартенсъ). Этыхъ каперовъ не слѣдуетъ смѣшивать съ морскими разбойниками (пиратами) древности и съ корсарами среднихъ вѣковъ, которые, при господствѣ самоуправства и кулачнаго права, были частными лицами, пользовавшимися широкимъ правомъ репрессалій противъ обидчиковъ—подданныхъ иноземнаго государства; они снаряжали на свой рискъ и страхъ корабли для нападенія на суда иностранныхъ подданныхъ съ цѣлью ихъ захвата и для удовлетворенія понесенныхъ ими убытковъ

и вреда. Корсарство, превратившееся, при безначалии и слабости государственной власти въ средніе вѣка, въ организованное среди мира пиратство, не щадившее и собственныхъ гражданъ, встрѣтило отпоръ въ государственной власти. Усиленіе послѣдней привело въ XV вѣкѣ къ окончательной отмѣнѣ корсарства, тогда какъ каперство, т. е. учрежденіе, которымъ государства пользовались на войнѣ, уцѣлѣло до самаго послѣдняго времени (Каченовскій, Даневскій, Ф. Мартенсъ). *Каперство начинаютъ регламентировать во внутреннихъ законодательствахъ еще съ 1288 г.*, когда аррагонскій король Альфонсъ III впервые издалъ уставъ, въ которомъ каперамъ предписывается получать разрѣшеніе на каперство (*lettre de marque*), вносить залогъ (*caution*) въ обезпеченіе того, что они не будутъ грабить собственности у согражданъ, нападать на непріятели во время перемирія, или въ нейтральныхъ гаваняхъ; сдѣланные же ими призы должны быть приводимы въ портъ, изъ котораго вышелъ каперъ. Законы XIV (напр. законъ Генуи 1313—1316 гг.) и XV вѣковъ (напр. ордонансъ французскаго короля Карла VI, 1400 г., англійскій законъ 1414 г.) подтверждаютъ эти требованія, предъявляемыя каперамъ, и обязываютъ ихъ иногда еще принесеніемъ присяги (*serment*) въ томъ, что они не будутъ причинять вреда согражданамъ, а также друзьямъ и союзникамъ. Съ того же (XV) вѣка (сперва въ Англии) законы обязываютъ каперовъ заявлять о призахъ „судьямъ мира“ (*conservatores pacis*), изъ чего развилось къ концу того же вѣка и призовое судопроизводство (см. главу IV). Къ концу этого столѣтія (позднѣе всего въ Нидерландахъ) институтъ отвѣтственнаго каперства окончательно установился, упорядоченіе его въ государственномъ законодательствѣ обезпечивало международное спокойствіе, такъ какъ въ это время нейтральная торговля не достигла еще большихъ размѣровъ и не возбуждала корысти каперовъ, обращавшихъ свою дѣятельность почти исключительно на непріятельское имущество (Каченовскій, Готфѣль, Георгій Мартенсъ). Но съ конца XVI столѣтія открытіе новыхъ торговыхъ путей и земель создало колониальную систему, а окончательно окрѣпшая государственная власть обратила вниманіе на внѣшнія сношенія и пожелала упрочить народное благосостояніе посредствомъ монопольной торговли. Такимъ образомъ, колониальная система, идя рука объ руку съ меркантильной политикою и съ интересами династическими, порождаящими вообще войны, привела въ XVII и XVIII вѣкахъ почти къ непрерывному ряду морскихъ войнъ между государствами (Испанія, Португалія, Голландія, наконецъ Франція и Англія), стремившимися къ исключительному преобладанію на моряхъ, къ торговымъ монополіямъ и захвату колоній. Извѣстно уже, что это теченіе отразилось самымъ невыгоднымъ образомъ на нейтральной торговлѣ. *Каперы оказались орудіемъ наиболее приспособленнымъ къ уничтоженію нейтральной торговли, почему они весьма быстро обратились въ средство, направленное почти исключительно противъ нейтральныхъ, которые, пользуясь войною, пытались захватить исключительное положеніе на всемірныхъ рынкахъ (съ вытѣсненіемъ изъ нихъ воюющихъ).* А (глава IV, отдѣлъ II, книга II) *призовые суды*

воюющихъ, вмѣсто того, чтобы сдерживать каперовъ, поощряли ихъ дѣятельность, которая оказывалась стѣсненною на бумагѣ, но совершенно свободно *de facto*, какъ вслѣдствіе невозможности фактическаго контроля въ открытыхъ моряхъ надъ дѣятельностью каперовъ, снаряжавшихъ свои суда изъ корыстныхъ цѣлей, и лишь очень рѣдко изъ мотивовъ патріотизма, такъ и потому, что государства, разрѣшая каперство и нуждаясь въ немъ для преслѣдованія своихъ исключительныхъ цѣлей на войнѣ, не могли желать, чтобы ихъ призовые суды стѣсняли подвиги каперовъ. Вотъ почему жестокости и произволъ каперовъ шли возрастая и достигли наивысшей степени въ войнахъ французской революціи и имперіи.

Каперы Англій особенно прославились своими разрушительными подвигами, а призовые ея суды (и судьи въ родѣ, напр., Вильяма Скотта) весьма остроумно и систематично умѣли оправдывать безчинства каперовъ.

Такое направленіе въ дѣятельности каперовъ начинаетъ встрѣчать протестъ въ жизни и литературѣ. Акты обоихъ вооруженныхъ нейтралитетовъ не рѣшили отмѣнить каперства, а нанесли ему лишь косвенный ударъ; трактатъ 1785 г. (Пруссія и Соед. Штатовъ Сѣв. Америки, ст. 23)—есть первая попытка отмѣнить каперство, оставшаяся безъ практическихъ послѣдствій; въ 1761 г. аббатъ Мабли первый возсталъ противъ каперства, какъ обычая, умножающаго бѣдствія войны; онъ требовалъ неприкосновенности частной собственности на морѣ, для достиженія которой, по его мнѣнію, необходимо „предварительно отмѣнить каперство“; а Галиани въ концѣ того же вѣка *возстаетъ противъ каперства уже по началамъ права и справедливости*, такъ какъ „войны должны вестись правильными военными силами, а каперство направлено къ расхищенію собственности некомбатантовъ—мирныхъ жителей“. Пыталась отмѣнить каперство и императрица Екатерина II (въ войнѣ съ Турціею, окончившейся мирнымъ трактатомъ 1774 г.); но въ послѣдующихъ войнахъ ея съ Турціею она уже употребляетъ каперовъ; попытка депутата Кэрсена во французскомъ законодательномъ собраніи (1792 г.) къ отмѣнѣ каперства—тоже не дала результатовъ. Франція въ 1823 г. (война съ Испаніею), Соед. Штаты Сѣв. Америки (предложеніе Монроэ кабинетамъ петербургскому и парижскому), также постановленіе Панамскаго конгресса 1826 г.—пытались уничтожить каперство; но только въ 1848 г. мы встрѣчаемъ первую войну (Данія и Пруссія), обошедшуюся безъ каперовъ (Вурмъ). Война 1854—55 г. повторила этотъ антецедентъ; а парижская декларация 16-го апрѣля 1856 года отмѣнила каперство навсегда. Постановленіе объ отмѣнѣ каперства было принято почти всеми державами (см. „Введеніе“, глава II, періодъ V). Изъ сильныхъ морскихъ державъ одни Соедин. Штаты Сѣв. Америки отказались отъ отмѣны каперства (о мотивахъ см. тамъ же). Изъ всѣхъ послѣдующихъ войнъ лишь двѣ знали каперовъ: южане воспользовались ими противъ сѣверянъ въ войнѣ 1861—65 гг. (Соедин. Штаты хотѣли присоединиться къ деклараціи 1856 г., чтобы лишить южанъ возможности пользоваться каперами, но

проекти Франціи и Англіи помѣшали этому присоединенію); наконецъ, Чили въ войнѣ съ Перу и Боливіей (1879—80 гг.) тоже воспользовались каперами.

II. Можно сказать, что современная литература сильно настроена противъ каперства. Изъ современныхъ писателей немногіе высказываются за него (Готфѣль, Ортоланъ, де Негринъ, Pistolet et Duverdy, изъ русскихъ—проф. Коркуновъ). Самые талантливые защитники каперства безспорно Готфѣль и Ортоланъ. Приведемъ „сильнѣйшіе“ доводы защитниковъ: каперство, какъ полагаетъ Готфѣль, вытекаютъ изъ права войны, дающаго возможность вредить противнику „всѣми возможными средствами“, основывается, какъ и самое право войны, на „божественномъ законѣ“ (loi divine), изъ котораго проистекаетъ „первоначальное, естественное право“ (droit primitif). Эта аргументація невѣрна: 1) основная посылка ея—„право естественное“ и „божественное“—не можетъ быть принята, какъ весьма произвольная и метафизическая; 2) если даже согласиться съ основною посылкою, то нельзя принять вывода изъ нея—о законности всѣхъ средствъ нанесенія вреда противнику, такъ какъ далеко не всѣ средства войны законны: исторія права войны приводитъ къ осужденію средствъ, которыя въ свое время были законны. Каперство могло быть законно при господствѣ меркантильной и колониальной системъ, при взглядѣ на морскую войну, какъ на борьбу государства и гражданъ, но оно потеряло свою raison d'être, перестало быть законнымъ, какъ только побились меркантильная и колониальная системы, когда война стала разсматриваться, какъ борьба государствъ, а не частныхъ лицъ. Больше солидно то мнѣніе (Ортоланъ, Pistolet et Duverdy), которое уподобляетъ каперовъ волонтерамъ сухопутныхъ армій, участіе которыхъ въ войнѣ (при извѣстныхъ намъ условіяхъ) является законною формою участія частныхъ лицъ въ борьбѣ государствъ при посредствѣ правильно-организованныхъ силъ. Каперы ведутъ не частную войну, а суть частныя лица, уполномоченныя государствами на веденіе военныхъ операцій (волонтеры); они такіе же полезные и законные помощники регулярныхъ морскихъ силъ государства, подчинены регламентамъ и законамъ, стѣсняющимъ ихъ произволь и злоупотребленія, а призы, сдѣланные каперомъ, обращаются въ его собственность лишь по рѣшеніямъ судовъ (см. Ортоланъ, Pistolet et Duverdy). Противъ этого можно возразить, что каперы и добровольцы существенно разнятся между собою по организаціи, мотивамъ, цѣлямъ и послѣдствіямъ дѣятельности. Волонтеры сухопутной арміи входятъ непосредственно въ составъ вооруженныхъ силъ государства, подлежатъ строгой военной дисциплинѣ, состоятъ подъ командою уполномоченныхъ государствомъ лицъ; всякій шагъ ихъ—подъ строгимъ контролемъ начальства и военныхъ законовъ. Не то съ каперами: послѣдніе—частныя лица, не теряющія этого своего характера, такъ какъ они не подлежатъ ни дисциплинѣ, ни строгому надзору; командиръ каперскаго судна—частное лицо, такъ сказать промышленникъ; разъ каперъ вышелъ въ море—и всякій контроль надъ нимъ обращается въ фикцію; вся регламентація каперства, все подчиненіе

его законамъ и контроль надъ нимъ призовыхъ судовъ, какъ доказаль опытъ, ничтожны. Контроль затрудненъ фактически, такъ какъ вся дѣятельность капера—вдали отъ мѣста и органовъ контроля; къ тому же, если контролировать строго, то каперамъ нѣтъ выгоды въ ихъ ремеслѣ; контролировать фиктивно—нѣтъ пользы для нейтральныхъ. Сами государства, поддерживая каперовъ, не могли стѣснять ихъ, такъ какъ сознавали, что цѣль этого учрежденія—угнетать нейтральную торговлю. Мотивы дѣятельности волонтеровъ сухопутной арміи—высоко нравственны и патриотичны; цѣль ихъ—защитить отечество, рискъ ихъ—жизнь и здоровье, о корысти нѣтъ и помину. У капера мотивъ—самый низменный, онъ идетъ изъ жадности, нападаетъ съ малымъ рискомъ на мирные купеческіе корабли, псходъ и цѣли войны, въ большинствѣ случаевъ, для него безразличны; часто каперъ смѣль, но это—смѣлость грабителя и авантюриста: большинство лицъ, занимавшихся каперствомъ, были отверженцами общества. А если различны мотивы дѣятельности, то различенъ и характеръ самой дѣятельности. *Цѣль капера—нажива и грабежъ, о которыхъ для волонтера сухопутной арміи не можетъ быть и рѣчи.* Поэтому, результаты дѣятельности волонтеровъ въ сухопутной войнѣ могутъ быть мало полезны для отечества, каперовъ же—всегда только вредны: всѣ войны, практиковавшія каперство, доказываютъ, что безчинства ихъ противъ нейтральныхъ ссорили послѣднихъ съ воюющими, вызывали негодование всего міра, приводили нерѣдко къ возмѣщенію убытковъ въ пользу несправедливо потерпѣвшихъ частныхъ лицъ. Если же говорятъ, что и военный флотъ (пока не отмѣнено право захвата частной непріятельской собственности на морѣ) тоже занимается захватомъ частной собственности непріятеля и нейтральныхъ, то упускаютъ изъ виду, что военный флотъ занимается этимъ „между прочимъ“, случайно, что главная цѣль его—блокада и другія военныя операція, отвлекающія почти все его вниманіе, что *духъ и благородныя цѣли военноаго флота—препятствуютъ ему предаваться захвату частной собственности, какъ главной задачѣ его дѣятельности.*

Каперство защищается еще съ точки зрѣнія спеціальныхъ интересовъ морской войны. „Море и земля—элементы совершенно различны“ (Ортоланъ), почему и война на морѣ не располагаетъ тѣми средствами (завоеваніе, право призовъ чрезъ правильную систему реквизицій), которыми располагаетъ война на сушѣ: въ чисто морской войнѣ, если исключить высадки (дессантъ) на берега, не можетъ быть ни завоеваній, ни реквизицій, а надобно вредить непріятелю. Это достигается нападеніемъ на морскую торговлю противника, орудіемъ же захвата—служитъ каперство. Между торговымъ же и военнымъ флотомъ существуетъ взаимная зависимость, такъ что и первый самъ по себѣ представляетъ могущественную силу (Ортоланъ; почти тоже Готфѣль, Уитонъ, де Негринъ). *Противъ этихъ соображеній можно возразить, что различіе между сушею и моремъ вовсе не объясняетъ логически ни законности, ни полезности каперства. Отмѣна послѣдняя есть именно шагъ (смягченіе) по пути къ признанію неприкосновенности частной непріятельской собственности на морѣ: каперство было главнымъ ору-*

діемъ захвата послѣдней, отмѣна его, съ сохраненіемъ права захвата для военныхъ кораблей, есть промежуточная ступень къ распространенію на морскую войну начала, господствующаго въ войнѣ сухопутной, именно что война есть вооруженная борьба государствъ, а не частныхъ лицъ, почему и частная собственность должна быть неприкосновенна. Это начало, какъ вытекающее изъ существа современной войны, одинаково для суши и моря. Если же не удалось вполне осуществить это начало на морѣ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что должно пользоваться каперствомъ, т. е. орудіемъ, исключительно созданнымъ для захвата частной собственности. Невозможность получить большее благо (отмѣну права конфискаціи вообще) нисколько не опровергаетъ ни справедливости, ни полезности блага меньшаго (отмѣны каперства), безъ котораго труднѣе добиться признанія большаго. *Эту ошибку сдѣлала знаменитая нота Мерси.* Соедин. Штаты, отвергая свое присоединеніе къ § I деклараціи 16-го апрѣля 1856 г., усматриваютъ какъ бы противорѣчіе между отмѣною каперства и сохраненіемъ начала захвата частной собственности на морѣ. *Равнымъ образомъ, они видятъ опасность отмѣны каперства для государствъ, не обладающихъ большимъ военнымъ флотомъ, который лишь при помощи каперства можетъ уравновѣсить свои силы съ силами противника, обладающаго значительнымъ военнымъ флотомъ, нанести вредъ послѣднему и охранить свою морскую торговлю.* Но опытъ войны (1861—65 гг.) свѣдѣнъ съ южанами доказалъ: а) что сильный военный флотъ и регулярная армія, не существовавшіе у сѣверянъ въ мирное время, могутъ быстро организоваться и дать блестящіе военные результаты и помимо каперства; б) доказано (см. Лавелэ и Вурмъ), что захватъ собственности на морѣ никогда не имѣлъ вліянія на окончательные результаты войны; равнымъ образомъ онъ не вліялъ и на уменьшеніе ея продолжительности; тоже можно сказать и о каперахъ, о ихъ вліяніи на ходъ войны; в) убытки, наносимые каперами въ современныхъ войнахъ, при дороговизнѣ послѣднихъ, сами по себѣ ничтожны. Такъ, напр., каперамъ южанъ удалось нанести сѣверянамъ прямой убытокъ въ 80 милліоновъ франковъ за 5 лѣтъ войны, т. е. ничтожный убытокъ сравнительно съ милліардами, въ которые обошлась война; а южане все же были побѣждены. Если же они употребляли каперовъ, то благодаря главнымъ образомъ неисполненію Англіею ея обязанностей нейтральной державы (см. Алабамское дѣло). Торговый флотъ сильной морской державы всегда можетъ быть приспособленъ на время войны по крайней мѣрѣ къ защитѣ торговыхъ судовъ отъ захвата воюющими; а одинъ—два военныхъ крейсера (и даже одинъ военный корабль), конвоируя „морскіе караваны“ торговыхъ судовъ, вполне способны защитить ихъ отъ нападенія каперовъ и даже военныхъ судовъ противника, почему каперство и не можетъ принести особеннаго вреда противнику (вопреки мнѣнію Готфѣля и Ортолана). *Остальныя три постановленія деклараціи 16-го апрѣля 1856 года даютъ возможность нейтральнымъ перенять почти всю торговлю воюющихъ; поэтому, вредъ для воюющихъ будетъ ничтоженъ, а если злоупотреблять деклараціею, то пострадаютъ*

мирные граждане, т. е. нейтральные; отсюда—протесты, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и платежъ убытковъ воюющимъ не только противнику (по заключеніи мира), но и нейтральнымъ. Морская война обладаетъ блокадою, т. е. средствомъ весьма дѣйствительнымъ для достиженія цѣлей войны. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что практика войнъ послѣ 1856 г., не пользовавшаяся каперами, не слышала пока жалобъ воюющихъ на практическія неудобства и трудности, сопряженныя съ уничтоженіемъ каперства; а въ то же время выяснилось, что употребленіе каперства (въ 1861—65 г. и въ 1879—80 г.) не принесло пользы воюющимъ, а лишь нѣкоторый вредъ противнику, на столько незначительный, что онъ не имѣлъ вліянія ни на продолжительность, ни на исходъ войны. Для Россіи же каперство можетъ быть очень опасно: вслѣдствіе отдаленности морей, въ которыхъ каперы будутъ производить свои операціи, отъ русскихъ портовъ и гаваней, большинство призовъ прійдется жечь и топить безъ представленія ихъ въ призовые суды, т. е. наши каперы навлекутъ на себя безконечныя подозрѣнія и жалобы нейтральныхъ правительствъ (Ф. Мартенсъ, Даневскій). Наконецъ, *если даже допустить относительную пользу каперства, то не слѣдуетъ забывать, что польза—особенно малая—не искупается безнравственною стороною этого учрежденія, питающаго алчность и хищническіе инстинкты, деморализующаго самихъ каперовъ и вносящаго анархію въ мирные обороты нейтральныхъ, которые больше всего страдаютъ отъ него.* Поэтому, отмѣна каперства есть уничтоженіе почти всѣми державами несправедливаго, жестокаго и малополезнаго для воюющихъ средства.

III. *Отмѣняетъ ли § I деклараціи 16-го апрѣля 1856 года „добровольный“ флотъ русскаго образца, созданный Россіею въ 1877 и 1878 годахъ на случай войны съ Анліею?* Прежде всего надлежитъ замѣтить, что такъ называемая „добровольная морская милиція“ (freiwillige Seewehr), учрежденная Пруссіею въ 1870 г., что-бы не утверждали германскіе писатели (Блунчли, Бѣкъ) и коронныя англійскія судьи, есть, въ сущности, возстановленіе каперства (Кальво, Даневскій). Такое же мнѣніе о ней высказано и французскимъ правительствомъ, протестовавшимъ въ 1870 г. противъ этого нововведенія, какъ нарушенія § I деклараціи 1856 г.: офицеры и экипажъ этой „морской милиціи“ собирались и приглашались самими арматорами, т. е. носили частный характеръ (каперовъ); самыя суда, экипажъ и офицеры ихъ не входили въ составъ федеральнаго нѣмецкаго флота, а экипажъ подчинялся только правиламъ, установленнымъ для снаряженія купеческаго флота; тотъ же указъ (24-го іюля 1870 г.) взывалъ къ частной инициативѣ для покупки въ иностранныхъ государствахъ кораблей, пригодныхъ къ нападенію; послѣднее, впрочемъ, имѣло цѣль—нападеніе на военный флотъ французовъ. Если прибавить, что добровольный флотъ не былъ обставленъ гарантіями, которыя требуются отъ каперовъ, т. е. ни залогомъ, ни ограниченностью срока выдачи каперскихъ патентовъ (Кальво, Даневскій) и что *дѣйствительная цѣль его заключалась въ нападеніи на французскую торговлю, то мнѣніе о немъ Блунчли, срав-*

нивавшего его съ волонтерами сухопутной арміи рѣшительно не можетъ быть принято (ранѣе Блунчли это мнѣніе высказано англійскими коронными юристами, сравнивавшими эти суда съ „corps francs“). Впрочемъ, декретъ 24-го іюля 1870 г. не былъ осуществленъ (Кальво).

Что же касается до русскаго добровольнаго флота, то онъ входилъ въ составъ вооруженныхъ морскихъ силъ Россіи, или долженъ былъ имѣть офицеровъ и команду изъ моряковъ; слѣдовательно, онъ имѣлъ военную организацію, чѣмъ существенно отличался отъ каперства, которое, по словамъ Блунчли, „nicht militärisch geordnet ist“. Но если Блунчли (также Уляницкій, Коркуновъ и Ф. Мартенсъ) полагаютъ, далѣе, что въ русскомъ добровольномъ флотѣ имѣется другое существенное отличіе отъ каперства, именно въ томъ, что послѣднее направлено противъ частныхъ лицъ и создано ради грабежа частными лицами, а добровольный флотъ имѣлъ въ виду содѣйствовать (какъ и добровольцы) государству въ его борьбѣ съ государствомъ же, то въ этомъ мнѣніи далеко не все вѣрно: организація этого добровольнаго флота дѣйствительно была военная, чѣмъ онъ рѣзко и къ лучшему отличался отъ германской милиціи, но цѣль его (безспорно всѣми признанная) заключалась именно въ нападеніи на частную собственность врага (Англіи); въ этомъ отношеніи онъ долженъ былъ замѣнить военный флотъ, т. е. взять на себя исключительно цѣль дѣятельности отмѣненнаго каперства, восполнить военный флотъ, занимающійся этимъ грабежемъ лишь случайно и по самой своей конструкціи мало къ тому приспособленный. Въ виду сказаннаго, можно заключить, что учрежденіе русскаго добровольнаго флота, не противорѣча буквальному смыслу § I деклараціи 16-го апрѣля 1856 г. и не возстановляя вполнѣ каперства, есть нѣчто среднее между военнымъ флотомъ и каперствомъ, т. е. стоитъ въ нѣкоторомъ противорѣчій по цѣлямъ этого учрежденія съ духомъ и цѣлями, которыя имѣлъ въ виду § I деклараціи 1856 года. Послѣдній видѣлъ въ отмѣнѣ каперства способъ смягченія бѣдствій морской войны и шагъ къ осуществленію начала неприкосновенности частной собственности въ морскихъ войнахъ.

Конецъ.

Сочиненія того же автора.

1. Очеркъ новѣйшей литературы по междун. праву. С.-Петербургъ, 1876 г.
2. Историческій очеркъ нейтралитета и критика Парижской морской деклараціи 1856 г. Москва, 1879 г.
3. Системы политическаго равновѣсія и легитизма и начало національности въ ихъ взаимной связи. С.-Петербургъ, 1882 г.

БРОШЮРЫ:

1. О каперствѣ и морской войнѣ. Москва, 1878 г.
2. Принципы международного права. Москва, 1879 г.
3. Мысли о кодификаціи международного права. Москва, 1879 г.
4. Парижская морская декларація 16 апрѣля 1856 г. Москва, 1880 г.
5. La Russie et L'Angleterre en Asie Centrale. Londre, 1881 г.
6. Opinion impartiale d'un russe sur l'extradition des nihilistes. Paris, 1881 г.
7. Выдача преступниковъ и пренія о ней въ Оксфордской сессіи гентскаго института международного права. Москва, 1880 г.
8. О конгрессахъ и конференціяхъ. С.-Петербургъ, 1884 г.
9. Критическія замѣчанія на проектъ новаго русскаго уголовного уложенія (общая часть). С.-Петербургъ, 1883 г.
10. Наблюденіе надъ нѣкоторыми образцовыми тюрьмами и исправительными колоніями запада. С.-Петербургъ.
11. Берлинская Африканская конференція. Москва, 1890 г.

Цѣна за оба выпуска 2 руб. 50 коп. сер.

(Оба выпуска продаются только вмѣстѣ).